

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник материалов
Международной молодежной научной школы

5–6 сентября 2012 г.

Том 2

Казань
Издательство КНИТУ
2013

УДК 930
ББК 63.3
И 90

*Печатается по рекомендации Ученого Совета факультета
социотехнических систем Казанского национального
исследовательского технологического университета*

И90 Историческая память и диалог культур : сборник материалов
Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т. Т. 2;
М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань :
Изд-во КНИТУ, 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-7882-1352-1

ISBN 978-5-7882-1354-5 (т. 2)

Сборник содержит статьи участников Международной молодежной
научной школы «Историческая память и диалог культур», состоявшейся
в Казани в 2012 г.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам и
студентам, а также всем интересующимся проблемами изучения,
сохранения и интерпретации исторической и коллективной памяти в
контексте диалога культур.

Проведение конференции и издание сборника осуществлены
при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
(ГК от 22 мая 2012 г. № 12.741.11.0090)

Редакционная коллегия:

О.Н. Коршунова, доктор исторических наук

Р.А. Набиев, доктор исторических наук

С.А. Сергеев, доктор политических наук

А.Ю. Суслов, кандидат исторических наук

А.В. Карпов, кандидат исторических наук

ISBN 978-5-7882-1354-5 (т. 2)
ISBN 978-5-7882-1352-1

© Казанский национальный исследовательский
технологический университет, 2013

СЕКЦИЯ 2

СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.С. Авдонина

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И МЕТАМОРФОЗЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

За время своего существования любая нация накапливает объемный багаж исторической памяти, выражающийся в памятных датах, вехах жизни и творчества выдающихся граждан. Празднованием подобных событий укрепляется коллективная память. Нередко на определенном историческом событии спекулируют различные общественно-политические группы (говорят о так называемой политизации истории и исторической памяти). Последний примечательный всплеск активности исторического сознания пришелся на период перестройки, особенно конец 1980-х гг., когда СМИ пестрели разоблачениями о Великой Отечественной войне и советских вождях. Тогдашний интерес объяснялся политической задачей провести явную разграничительную линию между «новым политическим мышлением» и прошлыми «ошибками и заблуждениями».

Та же политика обыгрывания применялась к продолжавшейся войне в Афганистане (1979-1989). Правительство и сам М. С. Горбачев демонстративно откешивались от ошибок прошлой власти и от решения ввести войска в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Информационные ресурсы массировано использовались для закрепления в историческом сознании россиян представления о перестройке как о времени, когда была прекращена война в Афганистане, а решение о ее развязывании осуждалось с позиций морали и политики¹.

Поскольку завершалась война, большая часть которой прошла в неизвестности, именно СМИ предстояло решить задачу актуализации и сохранения исторической памяти о конфликте. В печати публиковались полосы, посвященные не столько войне, сколько ветеранам. Издание

¹ Более подробно см. Глухов Ю. Подводя черту // Правда. 1989. 15 февраля; Горохов А., Окулов В. Домой // Правда. 1988. 16 мая; Снегирев В. Когда Смолкают пушки // Родина. 1989. Март.

«Комсомольская правда» призывало читателей включиться в процесс создания книг памяти по районам, городам или областям¹. Главной целью подобных мероприятий было сохранение памяти о солдатах, сынах отечества. Однако дальше призыва СМИ не пошли.

Если для массмедиа информационный повод войны был упущен – основные боевые действия завершились, а с 1986 г. начался процесс планомерного вывода войск, и основное внимание было приковано к социальным проблемам ветеранов, то задача осмысления войны с позиций искусства, а значит, культурных символов, становилась весьма актуальной.

О войне в Афганистане снято немало кинолент: «Жаркое лето в Кабуле» (1983), «За все заплачено» (1988), «Сержант» (1988), «Опаленные Кандагаром» (1989), «Груз 300» (1989), «Афганский излом» (1991), «Нога» (1991), «Караван смерти» (1991), «Мусульманин» (1995), «9 рота» (2005). В ряде фильмов война была лишь необходимым сюжетным фоном, но в некоторых действие разворачивается непосредственно в Афганистане.

Проследим идеологический и политический конфликт исторической памяти в процессе медиатизации войны в Афганистане. Историческая память есть совокупность осмысленных обществом событий. Особенно глубоко в ней запечатлеваются трагические ситуации – катастрофы, бедствия, войны, революции и пр. Несмотря на то, что историческая память является видом коллективной, социальной, памяти, ее основа сплетена из индивидуального опыта многих граждан. Ветераны боевых действий составляют конкретную социальную группу и обладают своей исторической памятью, не ограничивающейся стандартным перечислением даты начала и завершения конфликта, а также тех боевых операций или особых событий, которые освещались в СМИ. Историческая память каждого ветерана включает в себе пережитый лично боевой опыт, выражающийся в визуальных образах и чувственных переживаниях. Именно эта социальная группа острее всего реагирует на попытки режиссеров отобразить на экране либо правду, либо передать свою интерпретацию событий: «Мужички-киношники! Может, хватит из нас делать пушечное мясо? Поймите, вы, тугодумы, мы пришли назад ЖИТЬ, а не быть пугалом (каким вы нас делаете): «Граждане, живите честно, а то явится взвод головорезов-"афганцев", и

¹ Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.

всем вам кранты". Это читается в каждом вашем «фильме». Что вы знаете о нас, об этой бойне, именуемой "интернациональным долгом"?»¹

Считается, что индивидуальная (личные воспоминания) и коллективная (ассоциирование себя с социальной группой) памяти могут взаимопроникать, но никогда не смешиваются.² Однако на примере военных фильмов и фильмов о войне просматривается иная тенденция. Военные фильмы могут быть как патриотическими, так и антивоенными, основная сюжетная линия завязана на боевых действиях и на иллюстрации поведения человека в экстремальных условиях. В фильмах о войне, по нашему представлению, имеют значение не столько боевые действия, сколько сама война как феномен и человек на войне. Подобные фильмы являются настоящим произведением искусства. В них может не быть крупных батальных сцен, как, например, в «Апокалипсисе сегодня» или «Рожденный 4-го июля», однако в этих кинолентах поднимаются вечные вопросы, конкретная война является не более чем фоном, режиссер концентрируется на противостоянии война – человек. Можно предположить: индивидуальная память военных корреспондентов, непосредственно освещавших войну и нередко участвовавших в боевых операциях, привносится в коллективную память³.

Если память в большей степени интуитивна, то историческое сознание апеллирует к конкретным идеям, представлениям, чувствам и настроениям, на которых строится восприятие и оценка прошлого. Действительные участники или очевидцы событий имеют большее преимущество перед теми, кто вынужден узнавать о прошлом из книг, учебников или СМИ. Историческое сознание поколений периода войны в Афганистане формировалось неодинаково. Если для солдат война была «настоящей», то для общества, имевшего единственную возможность узнавать о событиях на южных рубежах Советского Союза из СМИ, конфликт был для ограниченного контингента советских войск (ОКСВ бескровным), а основные боевые действия разворачивались между

¹ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 2.

² Романовская Е. В. Морис Хальбакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3.

³ Авдоница Н. С. Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации / Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 197-206.

моджахедами, поддерживаемыми западными странами и народной армией Демократической республики Афганистан.¹ С течением времени в историческом сознании общества закрепилось понятие «высаживание аллей дружбы» как символ деятельности ОКСВ в ДРА.

Период с 1986 г., когда началось частичное «открытие» войны для советских граждан, можно обозначить как «когнитивный диссонанс». С одной стороны, войны не было в массмедийном дискурсе. С другой – ветераны являли собой живое опровержение этого тезиса.

Без полноценного освещения боевых действий с участием ограниченного контингента война в Афганистане свелась к двум датам – 25 декабря 1979 и 27 февраля 1989. В школьных учебниках или книгах для учителя трактовка войны в Афганистане дается с позиции «перестроечной» политики: «Вывод советских войск из Афганистана стал важнейшим внешнеполитическим актом СССР. В декабре 1989 г. II Съезд народных депутатов СССР осудил и признал грубой политической ошибкой «необъявленную войну» в Афганистане... Таким образом, была подведена черта под этой затяжной войной».² «Серьезный удар по разрядке был нанесен вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. СССР, для которого эта революция [Апрельская – Н. А.] в апреле 1978 г. явилась неожиданностью, тем не менее поддержал ее, увидев в этом возможность расширения своего влияния в этом регионе. Советские партийные идеологи сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую в близкой перспективе страну... Участие советских войск в гражданской войне в Афганистане было непродуманным шагом и отрицательно сказалось на престиже СССР... В результате девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане усилилась разорительная сверхмилитаризация страны... Решение направить «ограниченный советский контингент» в Афганистан было принято в момент, который представлялся брежневскому руководству звездным часом советского могущества»³.

¹ Более подробно см. И пробуждается земля // Комсомольская правда. 1981. 28 июля; О выступлении президента Дж. ...Указ. соч.; Миронов Л. Удары по бандитам // Правда. 1981. 17 февраля; Юсупов Х. Выбор // Комсомольская правда. 1983. 18 февраля; Байков В. Разгромлены банды // Правда. 1984. 20 мая.

² Филиппов А. В. Новейшая история России 1945-2006 гг.: книга для учителя. М., 2007. С. 329

³ Шестаков В. А. Новейшая история России. М., С. 375-176.

Показательны результаты всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (руководитель к.и.н. В. И. Меркушин). Его итоги в контексте даты проведения – май-июнь 1990 г. – поразительны. Всего было опрошено 2 196 человек. Наиболее значимыми событиями были названы эпоха Петра I (72%), Великая Отечественная война (57%), Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война (50%), перестройка (38%), время борьбы с татаро-монгольским игом (29%), период Киевской Руси (22%), годы после отмены крепостного права (14%), период НЭПа, а также индустриализация, коллективизация и культурная революция (по 12% соответственно), царствование Ивана Грозного, правление Екатерины II и первая русская революция (по 11% каждый ответ)¹.

В целом можно заключить – названные респондентами события являются ключевыми пунктами школьной программы по истории.

Спустя десять лет, в 2001 г. исследование провели сотрудники СЦ РАГС. Респондентов просили определить значительные вехи российской истории – поводы для гордости и события прошлого, вызывающие чувства горечи и стыда:

Символы гордости	% опрошенных	Отрицательные события	% опрошенных
Развитие космонавтики	32,6	Война в Чечне	21
Победа над фашизмом	23,2	Сталинские репрессии	13,6
Научные достижения	15,7	Горбачевская перестройка	12,7
Культура и искусство	13,6	Война в Афганистане	9,2
Создание военной техники	7,3	Развал СССР	6,6

¹ Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов//Память Образование Политика.[Электронныйресурс]URL: <http://www.politmemo.ru/Filemanager/download/92> (дата обращения: 14.09.2009).

В комментарии к исследованию, данном В. Э. Бойковым, говорится о «бесславных войнах, жестоких репрессиях, социальных невзгодах...», которые вызывают «отчужденное отношение к стране и государству»¹. Хотя мы не можем с точностью утверждать, какие именно эмоции и чувства испытывали респонденты, называя в числе отрицательных событий войну в Афганистане, сам факт подобного ответа и трактовки исследователя является своеобразным «маячком» исторической памяти.

По причине диссонанса историческая память о войне в Афганистане не то чтобы начинена мифами, а лишена общей интерпретационной и оценочной основы, которую даже можно пытаться «фальсифицировать» (что происходит ныне с устойчивыми представлениями о Великой Отечественной войне). В то время, как историческая память о Великой победе и войне присутствует в неразрывной связи с настоящим, память о войне в Афганистане, происходившая в недалеком прошлом, ветераны которой по возрастному цензу составляют трудоспособное население, сфокусирована именно в прошлом и имеет в общественно-политическом и массмедийном дискурсах слабую связь с настоящим и тем более будущим. Справедливости ради необходимо отметить, что именно СМИ поднимали вопрос о войне 1979-1989 гг. в связи с вторжением коалиционных войск НАТО в Афганистан в 2001 г. Параллели, исторические и военно-политические проводились не только отечественными СМИ, но также и западными в контексте «извлечения уроков»².

Искусство восполняет информационный пробел, образующийся после завершения вооруженного конфликта и временного удаления от события. Как литература, так и кинематограф возвращают конкретное событие в сферу общественного сознания и побуждают общество к публичному обсуждению не только художественного произведения, но и

¹ Там же.

² Например, из последних материалов: Fisher M. In arming Libyan rebels, U. S. would follow an old, dark path // The Atlantic. 2011. 25 May; Braithwaite R. Ghosts of Afghanistan: Hard truths and foreign myths of Jonathan Steele // The Observer. 2011. 25 Sep.; Wendle J. Afghanistan: Rising anger over an American's rampage, but also fear of U. S. departure // Time. 2012. 13 Mar.

собственно исторического события. Наиболее показателен в этом отношении фильм «Афганский излом» (режиссер В. Бортко). Основные события происходят в период вывода советских войск из Афганистана. В киноленте отображено взятое клише из прессы: побывать на безопасном расстоянии от непосредственных боевых действий, чтобы получить награду и купить дефицитный товар западного производства. «Афганский излом» подтверждает идею о том, что содержание исторической памяти может иметь поверхностное сходство с непосредственной действительностью. Мы снова видим, что историческая память общества формируется под влиянием СМИ и искусства, то есть через посредников и поэтому проигрывает перед исторической памятью отдельных солдат.

Историческая память формируется из образов произошедших событий, что может отражаться в наименовании – например, Великая Отечественная война и Великая победа. Слово «великая» ассоциируется с чем-то монументальным, жертвенным и практически священным. Применительно к войне в Афганистане такого закреплённого определения не существует, однако в неофициальном дискурсе чаще употребляются «бесславная» и «забытая». Одновременно эти слова являются и взаимодополняющими как причина и следствие – войну, которой нет повода гордиться, стоит забыть, «стереть из памяти». Определённый образ формируется различными факторами – властью, политическими партиями, СМИ, непосредственно участниками. Когда определённое событие становится достоянием масс-медиа, оно переходит в сферу публичного обсуждения, в котором участвует и аудитория. В процессе осознания события формируется конкретный образ события, который затем закрепляется в историческом сознании и выражается в искусстве. Так складывается синхронный образ события, со временем его реконструкции и критики мы будем иметь ретроспективный образ, преломляющийся в культуре.

Итак, война в Афганистане оформлена в политический миф, создание которого было начато при руководстве Л. И. Брежнева, а завершено (но не развенчано полностью) при правительстве М. С. Горбачева. Политический миф бескровной войны для ОКСВ использовался для реализации такой политической цели, как геополитическая борьба в условиях биполярного мира. С одной стороны, руководство страны сознавало, что прямая военная помощь ДРА будет воспринята мировым общественным мнением как вторжение, экспансия.

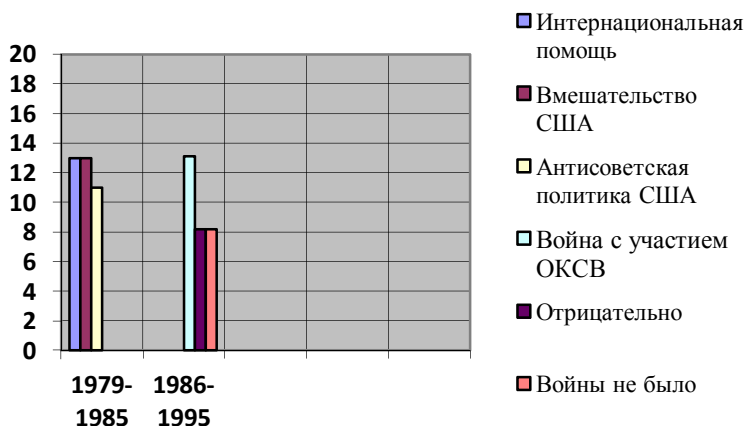
С другой – за полгода до принятия окончательного решения на заседании Политбюро ЦК КПСС участники приходили к общему мнению, что официальная власть в Афганистане не пользуется значительной общественной поддержкой, и афганский народ может перейти впоследствии на сторону мятежников. Третий аспект политического решения касался вопроса Иранской революции 1979 г. как возможного катализатора подобных событий в других восточных странах (теория домино в трактовке советской власти), что и послужило основной мотивировкой военной поддержки ДРА.

Мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что события, представленные в СМИ, были вымышленными, и частично с их помощью власти приукрашивали действительность. Например, в материале, где вскользь упоминалось реальное столкновение советских солдат с моджахедами, являлась аналитическая статья корреспондента «Огонька» Бориса Марбанова «Шакалы в волчьем логове»¹. Материал выступал как двойное опровержение гибели советского военнослужащего С. Афиндулиди и реального вооруженного столкновения с повстанцами, о чем было опубликовано в эмигрантском журнале «Посев». Парадокс заключался в том, что в советском издании появилась правдивая информация о выжившем С. Афиндулиди, но была произведена подмена понятий – бой произошел во время прохода мирной колонны советских солдат. В «Посеве» же была дана достоверная информация о том, что советские солдаты вместе с армией ДРА участвовали в перехвате отрядов лазутчиков из Пакистана и каравана с американским оружием для бандитов, во время которого якобы и погиб Афиндулиди.

В период перестройки политический миф о бескровной войне развенчивался – публиковались письма, дневники и обращения ветеранов,² однако наслаивался дополнительный миф об ошибочной войне.

¹ Марбанов Б. Шакалы в волчьем логове // Огонек. 1983. 25 июня.

² Алимов М., Овчинникова Л. Дневник одной роты // Комсомольская правда. 1989. 15 апреля; Овчинникова Л., Ткаченко П. Хочу рассказать правду об Афганистане // Комсомольская правда. 1989. 15 декабря; Яковлева Е. Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.

Чтобы разъяснить данные диаграммы, опишем проведенный контент-анализе. Всего автором было просмотрено 245 статей из центральных газет «Правда» и «Комсомольская правда», а также журналов «Огонек» и «Новое время». Медиатизация¹ войны в Афганистане была нами разделена на два этапа. Медиатизация первого периода (1979-1985) проходила в идеологическом контексте Холодной войны (другими словами – подчинялась политической логике); в немногих статьях, где упоминалось об ограниченном контингенте, журналисты акцентировали внимание на миролюбивой политике СССР, что выражалось в понятии «интернациональная помощь».

Второй период медиатизации характеризовался тенденцией «открытия войны» для общественности, что обуславливает высокий процент материалов об участии ОКСВ в боевых действиях (13,1), а это, в свою очередь, связано с тенденцией героизировать интернациональный долг как таковой. Мы выявили также тенденцию –:одинаковое процентное соотношение резко отрицательных оценок решения ввести войска и самой войны в целом (ошибка, заблуждение Брежнева, позор, бремя, афганский тупик, бесславная война, авантюра) и оценок войны как несуществующего события. Это было связано с развернувшейся в

¹ В данном исследовании под термином «медиатизация» понимается двусторонний исторический процесс, в котором задействованы средства массовой информации, общество и политические лидеры, однако значительная роль принадлежит СМИ в создании и формировании дискурса политической коммуникации и того общества, в котором эта коммуникация осуществляется.

общественно-политическом дискурсе кампанией по политическому и моральному осуждению решения о военной помощи афганским властям. Таким образом, и во второй период (1986-1995) медиатизация военно-политического курса развивалась в фарватере политической логики – политический миф об ошибочной войне использовался руководством страны в целях легитимизации власти и реализации нового внешнеполитического курса.

Тем самым мифы о бескровной и ошибочной войне преобразовались в форму сказки о несуществующем конфликте, который происходил в условиях информационной блокады. Оба мифа выполняли функцию объяснения происходивших событий. С одной стороны, «вмешательство извне [в ДРА – Н. А.] со стороны империалистических стран» и «оказание срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную», с другой – «это не наша война». Плоские интерпретационные схемы, имевшие разные основания, оставили глубокий пробел в истории и, следовательно, социальной памяти о войне и целом поколении. Остается одна возможность восполнить эту лакуну – обратиться к очевидцам, участникам событий, которые, действительно, могут рассказать правду. Возникает параллельно другой вопрос – захотят ли они вспоминать о прошлом и беречь свою память?

М.А. Адамов

**ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Сложность и неоднозначность процессов происходивших в дореволюционных духовных семинариях, делает изучение вопроса о протестном движении их учащихся особенно актуальным. В этом вопросе в советский период сложилось несколько положений, которые требуют в данный момент переосмысления и переоценки на основе обращения к материалам федеральных и региональных архивов.

Духовные семинарии (от лат. *seminarium* – рассадник, в данном случае рассадник благочестия) открывались, согласно Духовному регламенту (1721 г.)¹ и уставу 1814 г.¹ как учебные заведения для

¹ Духовный регламент. М., 1897. С. 29.

подготовки будущего духовенства, что подтверждено уставами 1867 г.² и 1884 г.³. Тем не менее, со второй половины XIX века духовные семинарии (далее – ДС) начали активно включаться в революционную деятельность и, соответственно, нередко становились рассадником неблагонадежных для государства элементов. Примерами служат достаточно известные личности. Так, первоначальное образование в ДС получили ведущие деятели революционно-демократического движения Н.Г. Чернышевский (Саратовская)⁴ и Н.А. Добролюбов (Нижегородская)⁵. В ДС начинал свое образование участник покушения на Александра II Н.И. Кибальчич (Черниговская)⁶.

Также можно упомянуть и некоторых непосредственных участников революционных событий 1917 г. и последующей Гражданской войны. Например, Н.И. Подвойский, руководитель захвата Зимнего дворца, был в свое время исключен из Черниговской ДС⁷. Из Полтавской ДС за украинофильскую пропаганду был в уволен С.В. Петлюра⁸. Из Тверской ДС был исключен будущий лидер энесов А.В. Пешехонов⁹. Из Тифлисской ДС был исключён Иосиф Джугашвили (И.В. Сталин)¹⁰, в Полтавской ДС обучался Н.А. Щорс¹¹.

¹ Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. первое. Т. XXXII. – 25674. СПб., 1830. – С. 955.

² Высочайше утвержденный устав православных духовных семинарий // ПСЗРИ. – Собр. Второе. – Т. XLII. – Отд. первое. – 44571. – СПб., 1871. – С. 498.

³ Уставы православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утверждённые 22 августа 1884 г., с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. – СПб., 1908. – С. 1.

⁴ Ланщиков А. Н.Г. Чернышевский. – М., 1987. – С. 21.

⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. V. М., 1964. С. 257-260; Русский биографический словарь. Т. VI. – СПб., 1905. С. 471-477.

⁶ Степанов Н.Т. Подвойский. Жизнь замечательных людей. Вып. 6. (696). М., 1989. С. 32.

⁷ Там же. С. 5–32; 378–380.

⁸ Евлогий (Георгиевский) Путь моей жизни. М., 1994. С. 321.

⁹ Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 104.

¹⁰ Советская историческая энциклопедия. Т. XIII. М., 1971. С. 780-785.

¹¹ Фесенко А.П. Письма читателей. «Щорса вы знаете?». // Вопросы истории. 1989. №12. С. 170.

Со второй половины XIX в. ДС возникали и революционные организации. Так первый революционный кружок был раскрыт в Пермской ДС в начале 1860-хх гг.¹. При этом была обнаружена тайная типография. В отчете обер-прокурора за 1861 г. отмечались «важные беспорядки», произошедшие в Пермской ДС, которая до этого считалась одной из лучших². Волнений в ДС продолжались на протяжении всей второй половины XIX в.³. Но пиком волнений в ДС стали революционные события 1905-07 гг. В это время в той или иной мере они имели место практически во всех ДС РПЦ (в числе прочих, например, в Ярославской⁴, Минской ДС⁵ и др⁶).

В некоторых случаях они приобретали очень острый характер. Так, 2 мая 1906 г. в Тамбовской ДС в ректора архимандрита Феодора (Поздеевского) стрелял семинарист Владимир Грибоедов. Он промахнулся, лишь прострелив ректору клобук⁷. 7 апреля 1907 г. воспитанник первого класса той же Тамбовской ДС Н. Архангельский произвёл выстрел в спину нового ректора архимандрита Симеона (Холмогорова). Затем стрелявший сделал ещё два выстрела в уже лежавшего ректора. В итоге ректор, хотя и выжил, но из-за парализации нижней части тела был до конца своей жизни прикован к инвалидной коляске⁸ (расстрелян в 1937 г.).

Волнения в ДС, хотя уже и в меньшей степени, продолжались и после 1905-07 гг.⁹. Интерпретация подобных фактов в советской историографии породила целый ряд неверных представлений, требующих серьезного пересмотра. В советской историографии было

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802 (Учебный комитет при Святейшем Синоде). Оп. 8. Д. 25057. Л. 1-126.

² Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864. С. 89.

³ См. в частности: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1897 г. Д. 45. Л. 1-8.

⁴ См. в частности: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1905 г. Д. 21. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1905 г. Д. 27. Л. 1-5.

⁶ См. данные по этому вопросу: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1907 г. Д. 109. Л. .

⁷ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 186 (Тамбовская духовная семинария). Оп. 114. Д. 1. Л. 276.

⁸ ГАТО Ф. 186. Оп. 113. Д. 1. Лл. 5-6; .ГАТО Ф. 186. Оп. 113. Д. 19. Л. 4; ГАТО Ф. 186. Оп. 114. Д. 1. Л. 274 – 275.

⁹ В частности в 1912 г. в Нижегородской ДС: РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 430. Л. 1-12.

широко распространено мнение, что данные волнения были связаны с революционными настроениями и проходили под лозунгом политических требований¹. Так, П.Н. Зырянов выступления семинаристов в 1905 г. характеризует как «тяготение к демократическому лагерю»². Разумеется, революционный характер некоторых выступлений семинаристов нельзя отрицать (характерный пример, 8 марта 1906 г. воспитанники Владимирской семинарии требовали разрешения отслужить панихиду по капитану П. Шмидту, после полученного отказа они вышли на демонстрацию³). Но, учитывая все это, следует сделать определенные уточнения в терминологии, поскольку, с нашей точки зрения, подобные выступления семинаристов более корректно рассматривать не как сугубо революционное, а как протестное движение. В этом случае революционная деятельность семинаристов становится частью их протестного движения.

Прежде всего, такое уточнение связано с тем, что некоторые акции были связаны с желанием смягчить учебно-воспитательные требования. Так, воспитанники Кишиневской ДС в ноябре 1912 г. выступили против того, что новое расписание ужина мешало им ходить в театр⁴. В их требовании не было никакого революционно-политического характера. Некоторые семинаристы, участвуя в протестных акциях в ДС, прямо уклонялись от политической деятельности. Так митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях отмечает, что, обучаясь в Тамбовской ДС, вместе с другими учащимися выступал за улучшение питания в семинарской столовой. Кроме того, он посещал революционный кружок, действовавший в этой ДС, но прекратил это делать после того, как на одном из заседаний услышал призыв к террористическим актам и цареубийству⁵.

¹ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Петроград, 1924. С. 26; Ватник Н.С. Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 139.

² Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 416.

³ РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода). Оп. 76. Отд. I. Ст. 2. Д. 27. Л. 11.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 438. Л. 3 Об.

⁵ Вениамин (Федченков) На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 118.

Основным требованием протестующих семинаристов было не выступление против существующего строя, а разрешение свободно поступать в светские учебные заведения и на светскую службу. Так воспитанники Черниговской ДС, например, 7 октября 1905 г. подали петицию и заявили, что они прекращают занятия впредь до удовлетворения высшей властью их требований. При этом они согласились приступить к учебе, если будет исполнено главное их требование о допущении воспитанников четвертого-шестого классов во все университеты¹. В 1912 г. в Киевской ДС выяснилось, что целый класс желает поступить в университет².

Данная проблема имела долгую историю. Первоначально, почти до середины XIX в., государство, учитывая свои интересы, в виду нехватки достаточного количества выпускников светских учебных заведений, довольно часто привлекало на светскую службу воспитанников ДС. И устав ДС 1814 г. предусматривал, что воспитанники этих учебных заведений будут не только становиться служителями Церкви, но и поступать в Медико-хирургическую академию³.

Последняя масштабная попытка массового привлечения семинаристов на светскую службу была предпринята в правление Александра II (в 1875 г. 53% всех поступивших в университеты составили гимназисты и 46% семинаристы⁴), что привело к нехватке кадров для пополнения рядов православного духовенства. В результате, в 1879 г. был ограничен допуск семинаристов к вступительным испытаниям в университеты, и в них стали допускать только закончивших полный курс ДС по первому разряду⁵. То есть, семинаристы могли попасть на вожденную для них светскую службу, но это было связано с преодолением целого ряда препятствий и

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Отд. I. Ст. 2. Д. 23. Л. 27.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 218. Л. 1-9.

³ Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. первое. Т. XXXII. 25674. СПб., 1830. С. 955.

⁴ Щегина Г.И. Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX в. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1987. С. 34.

⁵ Официальные известия и заметки: 2. Новый закон о порядке допущения воспитанников семинарий в университеты // Курские епархиальные ведомости. 1879. №7. официальная часть. С. 303–304.

ограничений. Настроение в среде семинаристов конца XIX – начала XX веков достаточно точно характеризует митрополит Вениамин (Федченков): «В семинарию шли совсем не для того, чтобы потом служить в Церкви, а потому, что это был более дешевый способ обучения детей духовенства. Школы стали сословными. Но ученики их по окончании семинарии в огромном большинстве уходили по разным мирским дорогам: в университеты, в разные институты, в учителя, в чиновники»¹. Определенная часть учащихся поступала непосредственно на гражданскую службу без обучения в светских учебных заведениях: в казенные палаты², управления акцизными сборами³, уездные земские управы⁴, отделения Государственного банка⁵.

Но те, кто не попал на светскую службу, были вынуждены становиться священниками не по призванию, а по жизненной необходимости. Согласно же церковному вероучению священнослужитель это не профессия, а служение. Священник – это прежде всего образ жизни. Всё это требует особых качеств от кандидата в священнослужители, а главное, – добровольного желания. В дореволюционной России сложилась ситуация, когда молодого человека только в силу его социального происхождения, насильно заставляли принимать священный сан. И выход здесь был один, о нём говорили многие церковные и государственные деятели – свободный допуск в ДС представителей любых сословий и неограниченный доступ для детей духовенства в светские учебные заведения и на светскую службу⁶.

Отметим, что ДС изначально формировались как сословные (для детей духовенства) учебные заведения. Это было обозначено и в упоминавшемся выше Духовном регламенте⁷. Впоследствии это подкреплено и законодательными ограничениями (не более 10% от общего числа учащихся) на поступление иносословных лиц (не детей

¹ Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 94.

² Государственный архив Орловской области. Ф. 988 (Орловская духовная семинария). Оп. 1. Д. 2. Л. 2 Об.

³ ГАТО. Ф. 186. Оп. 102. Д. 2. Л. 11.

⁴ ГАТО. Ф. 186. Оп. 113. Д. 12. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ РГИА. Ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства при Св. Синоде). Оп. 1. Разд. I. Д. 104. Л. 3-421.

⁷ Духовный регламент. М., 1897. С. 29.

духовенства), в ДС. На практике в некоторых ДС в отдельные периоды обучались исключительно дети духовенства. Так в Воронежской ДС в 1871/72 уч. г., судя по экзаменационным ведомостям, учились исключительно дети духовенства¹. В Тамбовской ДС из 82 выпускников 1896 г. было только 6 иносословных, то есть 7,3 %². Все ограничения на поступление иносословных в ДС были отменены только 12 июля 1913 г.³, но эта мера не успела оказать существенного влияния на систему комплектования кадров духовенства в дореволюционный период.

Характерно, что ситуация в РПЦ начала XX в. характеризовалась в советской историографии как «кризис Церкви»⁴, но, точнее, это был не кризис Церкви, а кризис системы комплектования кадров духовенства. Проблемную ситуацию создавал именно сословный характер подбора кадров служителей РПЦ. Если бы принятие священного сана становилось добровольным, это, возможно, могло повысить нравственный уровень духовенства, а дети духовенства, уходя при желании на светскую службу, могли бы принести там больше пользы, как, например, обучавшиеся в своё время в ДС, но не принявшие священный сан художник В.М. Васнецов, изобретатель радио А. С. Попов, писатель Мамин-Сибиряк Д.Н., а также сподвижник Александра I М.М. Сперанский. Отметим, что после отмены в 1917 г. ограничения для поступающих в светские учебные заведения число поступающих в них семинаристов увеличилось⁵.

Следующим моментом в вопросе о протестном движении семинаристов, является представление советской историографии о том, что революционная деятельность семинаристов концентрировалась в

¹ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-15 (Воронежская духовная семинария). Оп. 1. Д. 1. Л. 61, 65, 62, 70, 77, 79.

² ГАТО. Ф. 186. Оп. 123. Д. 5. Л. 26 Об.

³ Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственную Думою закон. О некоторых изменениях в отношении православных духовных семинарий и училищ // ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. XXXIII. Отд. первое. 39869. Пг., 1916. С. 796.

⁴ Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории / науч. Ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 381; См. также: Никольский Н.М. История Русской церкви. М., 1985. С. 426.

⁵ ГАТО Ф. 186. Оп. 116. Д. 1. Л. 10; ГАТО. Ф. 186. Оп. 123. Д. 5. Л. 1 Об. – 2.

основном вокруг социал-демократического движения¹. Анализ архивных документов приводит к заключению, что политические симпатии семинаристов были в большей степени на стороне партии социалистов-революционеров, о чем свидетельствует изъятая у семинаристов литература и дела учащихся ДС привлеченных к следствию по политическим мотивам². Это во многом было обусловлено тем, что абсолютное большинство духовенства было сельским и, соответственно, большинство семинаристов были уроженцами села, что и определяло их политические симпатии. Митр. Евлогий (Георгиевский) писал: «Общение с народом привело меня с детских лет к сознанию, что интересы его и наши связаны»³.

В завершение следует сказать о том, что в советской историографии имеются значительные достижения в исследовании как жизнедеятельности РПЦ в целом, так и ДС семинарий в частности. Но некоторые её выводы требуют переосмысления и дальнейшего исследования. Это вопрос о революционном характере волнений в ДС, о причинах самих выступлений и о политических симпатиях семинаристов.

Итак, революционная деятельность семинаристов далеко не всегда носила политический характер и поэтому являлась лишь частью их протестного движения. Основным требованием учащихся ДС было снятие для них существующих ограничений на поступление в светские учебные заведения. Что касается политических предпочтений семинаристов, то они были в большей степени на стороне партии социалистов-революционеров.

Р.В. Болдырев

**ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ЭПОХИ СМУТЫ СКВОЗЬ
ПРИЗМУ НОВГОРОДСКОГО ОККУПАЦИОННОГО АРХИВА**

¹ Ватник Н.С. Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа): дис. канд. ист. наук. М., 1985. С. 138.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 222. Л. 4; Государственный архив Курской области. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 286. Л. 6-7 Об.

³ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 19.

В российской историографии присутствие в Великом Новгороде шведского экспедиционного корпуса под командованием Я. Делагарди, которое продолжалось с 1611 по 1617 г. долгое время рассматривалось как оккупация и подавалось обычно в контексте национально-освободительной борьбы русского народа за освобождение от иноземных захватчиков¹. Однако у исследователей есть возможность расширить свои представления об этом моменте русской истории, обратившись к так называемому Новгородскому Оккупационному архиву (далее – НОА).

По условиям Столбовского мира 1617 г., положившего конец русско-шведской войне, Новгород был возвращен в состав России. Шведы покинули город, а среди трофеев, вывезенных Делагарди, оказались административные документы Новгородской Приказной избы за все время пребывания шведов в Новгороде. Возможно, шведы намеревались использовать их при определении линии русско-шведской границы и уточнении условий мирных соглашений², а, кроме того, у Делагарди могли быть соображения личного характера³. В любом случае архив, отправленный в Швецию, сохранился и не разделил печальной участи документов, доставленных в Москву и погибших при пожаре 1618 г. НОА долгое время находился в Прибалтике, а позже был доставлен в Швецию, где хранился в семье Делагарди, а потом был передан в Государственный архив в Стокгольме (Riksarkivet, далее – RA)⁴. Там он находится и в настоящее время⁴.

Долгое время он пребывал в неизвестности, пока не был обнаружен профессором русского языка и литературы Гельсингфорсского университета С.В. Соловьевым, работавшим в RA 1837-1841 гг. и даже вывезший часть документов НОА в Санкт-Петербург⁵. В 1880-х гг. К.И. Якубов составил первый каталог НОА¹,

¹ Берх В. История Михаила Федоровича. Ч. 2. СПб., 1832; Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857; Лихачев Д.С. Новгород Великий. М., 1959.

² Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611 – 1617 гг. // Новгородский исторический сборник (далее - НИС). 6(16), СПб., 1997. С.285

³ Turilov A. Introduction // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005. С. 13-26.

⁴ Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403

⁵ Подробнее см.: Коваленко Г. М. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Т. 32. 1988. С. 179-183.

работа над которым была продолжена в 1900 г. М.А. Полиевктовым и шведским историком С. Классоном. С 1951 по 1964 г. составлением каталога НОА занимался советский дипломат С.В. Дмитриевский, благодаря которому появился трехтомный каталог на шведском языке, пробудивший интерес историков к данному документальному собранию. Во второй половине XX – начале XXI в. материалы архива уже использовали многие ученые Швеции и России². Недавно группа шведских славистов, возглавляемых Э. Лёфстранд, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода, подготовили и опубликовали полную опись сохранившихся документов НОА в двух томах³, что сделало его более доступным и удобным в научной работе.

Большинство документов НОА, как уже было сказано, относится к 1611-1617 гг. и связано с пребыванием в Новгороде шведской администрации во главе с Якобом Делагарди. Они образуют два комплекса, отличающихся по происхождению и характеру. Первый комплекс включает в себя книги и отдельные печатные листы общим числом около 28945 страниц, которые составляют 141 «пункт» (единицу хранения), представляющих собой несколько приказных тетрадей в кожаных переплетах объемом от 50 до 600 листов. Они содержат материалы повседневного новгородского делопроизводства и хранят свидетельства о разных сторонах жизни города, в том числе и таких, которые не отражены в других документах того времени. Хочется

¹ Якубов К.И. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива, COIDR, 1890. Кн. I отд. 2, С. 1-38; кн. IV отд. 3. С. 39-78; Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.

² См. например: Sjoberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611 - 1617 // IJSLP. Vol. XXXI - XXXII. Stockholm, 1985. P. 399 – 404; Черепнин Л.В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1961, Т. IX. С. 220-257; Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005; Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008; Коваленко Г.М. Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998; Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and commentary. Stockholm, 1982.

³ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005; Series II. Stockholm, 2009.

остановиться подробнее на содержании именно этой серии, т.к. составляющие ее документы в наибольшей мере позволяют воссоздать картину жизни новгородцев в период шведского владычества.

Особое место среди материалов первой серии занимают Таможенные книги Великого Новгорода¹, которые являются незаменимым источником для изучения русской торговли. В них содержится наиболее полная информация о количестве и ассортименте товаров, продававшихся тогда в Новгороде, ценах, видах и размерах пошлин, метрологии, географии торговых связей новгородцев. В них также содержится богатый материал и о структуре новгородской торговли. Прежде всего, они фиксируют значительную группу сельскохозяйственных товаров, основу которой составляют продукты питания и сельских промыслов. По ним можно восстановить хозяйственный быт новгородцев, что, безусловно, поможет более конкретно представить жизнь русского человека XVII в. При сопоставлении Таможенных книг с другими источниками в определенных случаях позволяют дополнить или уточнить картину политических событий. И, конечно, нельзя обойти стороной богатый лексический материал, содержащийся в книгах, который может быть использован для работы над словарем русского языка XI-XVII вв.² Состояние книг хорошее за исключением записей за 1613/14 и 1615/16 (в первом случае книга пострадала в результате воздействия влаги, во втором большинство страниц пусты). Написаны они красивым скорописным текстом, а значит, легко читаемы.

Не менее важная информация содержится в кабацких книгах³. Известно, что питейные заведения существовали в Новгороде еще до взятия его шведами в июле 1611 г. - одно на Софийской стороне, другое

¹ Riksarchivet, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее RA, NOA). Series I: 47, 114, 121, 137.

² К настоящему времени опубликованы: Коваленко Г.М., Варенцов В.А. Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14. СПб., 1996; Коваленко Г.М. Новгородская таможенная книга 1614/15 г. // НИС. 10(20). СПб., 2005; Варенцов В.А. Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг.// Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 100, 108-111; Селин А.А. Таможенная книга Невского устья 1616-1618 гг.//НИС. 10(20). СПб., 2005; Чернякова И.А. Повенецкая таможенная книга 1612г. Петрозаводск, 2006.

³ RA, NOA. Series I:3, 19, 43, 61, 96, 103, 105, 112.

на Торговой. Позже был открыт еще один кабак, просуществовавший до 1617 г. По материалам НОА известно, что кабаки находились в ведении оккупационных властей, и все с ними связанное тщательно документировалось. Кабацкие книги имеют порядковую нумерацию и содержат сметные записи новгородских питейных заведений, учитывающие количество поставленного в них и выпитого вина, а также описание приготовления пива и сколько ведер затем было реализовано. Доходы и расходы учитывались ежемесячно, а полученная прибыль поступала шведским властям. Важным представляется и то, что по данным материалам можно получить информацию о мерах счета и веса, принятых в Новгороде начала XVII в. Сведения кабацких книг расширяют познания о строениях на кабацком дворе, названиях питейными заведениями и их местоположении¹. Изучение этих материалов способствует более полному воссозданию картины жизни в занятом шведами городе. Сведения о местоположении кабаков – ценное дополнение к тому, что уже известно о Новгородском городском плане из письменных источников, старейших карт и археологических находок².

Значительное место в первой серии архива занимают Дозорные книги (3327 листов)³ 1610-1615 гг., содержащие подробную информацию о положении дел в новгородских землях периода оккупации – о количестве жителей в том или ином уезде, их земельных владениях, крестьянской зависимости, болезнях, смертности и пр. Так, «по дозору в Кречневском погосте софийские вотчины сел и деревень в жиле и в пустее и крестьянам николского вежитского монастыря вотчины сел и деревень со крестьяны жиле и что в пустее дворов и деревень и сколько пашни распашные и на чем хто живет и переложные земли и сенных покосов и всяких угодиев рыбных ловель и тому книги»⁴. Таким образом, Дозорные книги дают богатейший материал о жизни тысяч

¹ Нордландер И. Местоположение новгородских кабаков во время шведской оккупации 1611-1617 гг. // НИС. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 182-188.

² Кроме кабаков – по сути коммерческих учреждений в Новгороде н. XVII столетия существовал еще и государственный винный погреб – хранилище казенного алкоголя, распределявшегося по кабакам, а также выдававшегося служилым людям (Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119г. // *Palaeoslavica*. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149-157).

³ RA, NOA. Series I: 1, 6, 7, 8, 16, 17, 29, 39, 40, 63, 66, 67, 68, 70, 95, 106, 113, 131.

⁴ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005. С. 183.

неизвестных людей, оставляя в памяти их имена и прозвища. Большая часть книг в прекрасном состоянии, без потертостей и повреждений, что делает сведения, хранившиеся в них, более доступными.

Документы этой серии НОА содержат информацию о том, какими налогами было обложено население Новгорода в течение шести лет оккупации. Проследить эту информацию позволяют книги Сбора солдатских денег¹, Кормовые примочные книги², книги хлебной отдачи³, писцовые книги⁴, сбора денег⁵, оброчные⁶, побережных пошлин⁷, книги сбора немецких кормов и немецких денег⁸. Известно, что, как и прежде налог взимался в размере трех рублей за обжу (основная единица налогообложения). Кроме того, взимались «ямские деньги» на содержание и ремонт дорог и на обеспечение почтовой службы. Взимался и специальный налог для поддержки почтовых курьеров. Упоминаются деньги, собиравшиеся на выкуп русских. Наряду с этими сборами появился и новый, более обременительный вид налога — содержание шведского войска. Он собирался, как правило, в виде денег, зерна, мясных продуктов. В числе повинностей было поддержание оборонительных сооружений в городах и сельской местности⁹. Население часто протестовало против такого большого количества налогов и сборов, а также против наказаний за их неуплату, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, хранящиеся во второй серии архива.

Особое внимание также следует уделить книгам Судного двора, которых в первой серии насчитывается четыре¹⁰. В них говорится о новгородской судной избе, о судьях, занимаемых должностях и о порядке судопроизводства. В целом состояние рукописей хорошее, но

¹ RA, NOA. Series I: 2.

² RA, NOA. Series I: 9, 23.

³ RA, NOA. Series I: 11.

⁴ RA, NOA. Series I: 30.

⁵ RA, NOA. Series I: 35, 42.

⁶ RA, NOA. Series I: 39.

⁷ RA, NOA. Series I: 84.

⁸ RA, NOA. Series I: 48, 82, 87, 89, 125, 128, 132, 133, 134.

⁹ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005. C.63–64.

¹⁰ RA, NOA. Series I: 4, 5, 64, 122.

некоторые страницы в книгах полностью выцвели, вследствие чего информация была утеряна.

Особую сторону жизни Новгорода показывают приходно-расходные книги общественных бань, которые велись на протяжении четырех лет¹. Бани были открыты четыре дня в неделю и управлялись четырьмя ежегодно назначаемыми целовальниками, которые собирали деньги за посещение бань, обеспечивали им все необходимое - в частности дрова и березовые веники, - и отвечали за их работу. В бане работали один дьяк, водолей и два сторожа, которые отвечали за сохранность одежды посетителей². Продавец кваса снимал помещение для торговли этим напитком, и был наготове для тех, кто хотел использовать возможность проверить свою силу, и некий рудомет. Число посетителей бань было довольно высоко, особенно если учесть, что во многих домах имелись собственные бани. За один июньский день 1612 г. отмечено 550 посетителей. Однако по окончании оккупации число посетителей упало, цены поднялись, и становилось все труднее и труднее добывать дрова и веники³.

В первом комплексе документов также встречаются дворовые и лавочные книги⁴, которые содержат купчие записи и пошлины, взимаемые при продаже дворов и магазинов. Имеются две кабальные книги⁵, в которых содержится 178 договоров за время с 1 сентября 1614 г. до 1 сентября 1616 г. Книги были опубликованы в 1982 г. исследовательницей Х.Сюндберг⁶. В мельничных⁷, ужиных⁸ и умолотных⁹ книгах содержатся отчеты о количестве полученного хлеба, хлеба, а в дачных¹⁰ – пожалования тем или иным лицам. Приходно-

¹ RA, NOA. Series I: 64, 130.

² Sjoberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138.

³ Сюндберг Х. Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611-1617 гг. // НИС. 6(16), СПб., 1997. С. 275.

⁴ RA, NOA. Series I: 34, 93, 136.

⁵ RA, NOA. Series I: 65, 107.

⁶ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and commentary. Stockholm., 1982.

⁷ RA, NOA. Series I: 22, 26, 91.

⁸ RA, NOA. Series I: 10, 13, 52, 55, 57, 88, 99, 109, 129.

⁹ RA, NOA. Series I: 13, 52, 109.

¹⁰ RA, NOA. Series I: 20, 21, 86.

расходные книги¹ содержат подробные сведения о доходах от налогов; книги конфискации, где перечисляются земли, которые были конфискованы в пользу формального правителя принца Карла Филиппа. В книгах денежного двора² содержится информация о поступлении серебра и монет, а книги торговли лошадьми³ - о хозяйственной жизни новгородцев, о приемах и местах торговли, о количестве выращиваемого скота и пр.

Если же коснуться вопроса об организации управления городом при шведах, то документы первого комплекса НОА помогают установить, что исполнительная власть тогда находилась в руках не только Я. Делагарди, но и русского воеводы князя Ивана Никитича Одоевского - Большого. Гражданско-административные дела города были поручены шведской инстанции, которая именуется по-русски приказом, во главе с секретарем – дьяком, однако вплоть до 1617 г. в городе продолжают нормально функционировать русские органы управления, которые были переподчинены шведским властям. Шведы сохранили практически неизменной русскую административную систему, которая заметно отличалась от шведской. Сделки и купчие в Новгороде 1611-1617 гг., как и прежде, оформлялись подьячими, а в приказах работали дьяки. Сохранился – и это хорошо прослеживается по документам НОА, - русский обычай подавать челобитные представителям властей, которым активно пользовались новгородцы⁴.

Подробное исследование первой серии НОА позволяет заключить, что все книги написаны разборчивым почерком писцов, имеющих специальное образование. Именно поэтому документы этой серии более доступны исследователю, чем материалы, содержащиеся во второй серии, которые написаны менее профессионально, зачастую неразборчиво, с большим количеством ошибок и сокращений, что, безусловно, затрудняет их чтение и транскрибирование.

Второй комплекс НОА состоит из свитков. Исключение составляют несколько печатных листов, которые были закатаны в

¹ RA, NOA. Series I: 27, 31, 32, 34, 36, 44, 60, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 90, 92, 98, 100, 102, 104, 108, 115, 116, 117, 123, 124, 136, 140.

² RA, NOA. Series I: 14, 15, 33, 111.

³ RA, NOA. Series I: 137, 141.

⁴ Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611 – 1617 гг. // НИС 6(16), СПб., 1997. С. 285.

свитки и содержат документы и акты, записанные на отдельных, склеенных вместе листах, что, кстати, служит доказательством их подлинности. Он включает в себя 368 «пунктов» из 7052 листа. По подсчетам В. Азбеля, около пятнадцати процентов дел второй серии состоят из одного - двух листов или отдельных фрагментов, что, по его мнению, свидетельствует о том, что фонд далек от своего первоизданного вида¹.

Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпускных, судных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей. К сожалению, не представляется возможным в данной работе более подробное описание документов данной серии, поэтому остановимся на наиболее часто встречающихся, а именно – земельных пожалованиях. Документы данного типа составляют около 1900 листов, то есть 25% от общего числа. Как известно дворянам за службу полагались поместья. Многие, за поддержку шведов, обращались к последним с просьбой о приобретении земли из имений дворян, которые были убиты, взяты в плен, пропали без вести, бежали в Псков, Москву или под покровительство польского короля. Прошение на «освободившуюся» землю военнотруженики должны были предоставить сами. На один участок могли претендовать сразу несколько лиц, но получал его тот, кто приводил наиболее весомые аргументы, почему эта земля должна принадлежать именно ему². Часто, получив, например, изменническое имение, сын боярский вскоре и сам оказывался в лагере изменников. Взаимные обвинения друг друга новгородскими дворянами и детьми боярскими возникали в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в Новгороде - победы той или иной группировки, что четко прослеживается в документах второй серии НОА³.

¹ Азбель В. Из опыта работы с Новгородским оккупационным архивом. // НИС. 7(17). СПб., 1999. С.386.

² Nordquist L. Land grant documents in the Novgorod Occupation Archives // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005. С. 65-66.

³ Селин А.А. Об «изменах» в Новгороде 1611-1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5-13

Свитки содержат также информацию об организации канцелярии и ее отделов (встречаются даже имена клерков), что позволяет подробнее ознакомиться с делопроизводством Великого Новгорода. В документах НОА можно встретить упоминания не только об известных лицах, но и множестве неизвестных людей, включая представителей беднейших слоев - чаще всего упоминается только их имена или прозвища, по которым можно установить статус данного лиц. Это позволяет не только воссоздать социальную структуру Новгорода начала XVII в., но и узнать о жизни простолюдинов.

Таким образом, НОА содержит огромное количество исторического материала, который в отличие от летописей не были рассчитан на публикацию, а потому гораздо менее субъективен, что позволяет исследователю проникнуться духом эпохи и построить собственную линию суждений и оценок всего того, что происходило в Новгороде при шведах. И первое, что бросается в глаза, это несоответствие режима, созданного в городе шведскими властями, общепринятому содержанию понятия «оккупация», которое предполагает наличие гнета, репрессий и притеснений населения со стороны завоевателей. Здесь же мы имеем картину нормально функционирующего крупного города - развивающуюся торговлю, гарантированное владение собственностью, сохранение системы управления и хозяйствования, стремление властей обеспечить новгородцам правопорядок и др. Следует отметить, что документация продолжала вестись согласно русским традициям и на русском языке. Ничего похожего на противостояние новгородцев шведским «захватчикам» в документах НОА мы не находим. Напротив, можно привести много примеров их сотрудничества, что опять же далеко не соответствует нашим представлениям об оккупации.

В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение, что при шведах в Новгороде возродились некоторые новгородские обычаи и традиции, которые были изъяты из общественной жизни города после его вхождения в состав Московского государства (1478г.), однако этот сюжет требует дальнейшего исследования.

И.А. Бочарова, Л.Х. Авшалумова
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ДАГЕСТАНСКОЙ СЕМЬИ

Семья как устойчивая социальная общность выступает мощным фактором формирования личности, передачи социального опыта, исторической памяти, этнокультурных традиций. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования культурно-исторических и духовно-национальных устоев дагестанской семьи. Они аккумулируют в себе уникальный опыт духовно-нравственного воспитания. В дагестанской семье всячески поддерживается авторитет родителей как источник духовно-нравственного влияния на детей.

В настоящее время институт семьи переживает далеко не лучшие времена, и, по мнению некоторых исследователей, находится в состоянии некоего морально-нравственного кризиса. В поисках новых форм, которые необходимы, важно не утратить то ценное, что было накоплено в исторически обозримый отрезок времени. Как бы ни оппонировали «продвинутые» противники традиционной семьи, бесспорно, именно семейные узы являются непреложной ценностью для жителей планеты Земля.

Семья — важнейший государственный институт, на состояние которого объективно оказывает влияние сразу несколько факторов: экономика, духовное и нравственное состояние общества, физическое здоровье супругов... Причем для каждой конкретной семьи то или иное обстоятельство является определяющим¹.

По мнению А. Харчева, семью можно определить как «исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»².

Семья выступала и выступает явлением, заменить которое не способен ни один социальный институт. Именно в семье происходит приобщение к важнейшим социо- и этнокультурным ценностям - языку, национальным традициям, обычаям и обрядам. Здесь происходит

¹ Лахова Е. Женщины России в третьем тысячелетии. М., 2005. С. 96.

² Харчев А. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 75.

знакомство с истоками истории своего народа, семьи, рода, с духовными пластами этноса – эпосом, сказками, песнями, пословицами и поговорками, всевозможными табу, религиозным культом. В семье закладывается чувство гордости за свой дом, близких людей, за свою малую родину. В семейной среде начинает формироваться этнический менталитет, стереотипы поведения.

Что касается исторических традиций дагестанской семьи, то ей присущи черты самобытности, прочности и устойчивости, тесные родственные отношения, тухумные связи. Самым большим несчастьем для дагестанцев считается бездетность. Того, кто не имеет ни семьи, ни родни, называют пакьир. Так же называли и того, кто умирал не на родине и оказывался похороненным на кладбище чужого аула. Главным счастьем человека считалось оставление потомства и смерть на родной земле. Дагестанцам присуще сознание неизбежности смерти, но им безразлично, где умереть, они желают стать частью родной земли, слиться с нею.

Сегодня в Дагестане семья в основной своей массе зиждется не только светской основе, но и на исламской культуре. Кроме того, дагестанская семья веками вырабатывала свои приёмы воспитания толерантного поведения, которые выливались в своеобразные традиции, регламентирующие весь процесс воспитания в семье и обществе. Практикуются такие формы и методы воспитания, как убеждение, положительный пример, авторитет старших, поощрение и наказание. Они формировались путем передачи опыта из поколения в поколение и охранялись авторитетом.

Атмосфера межнационального взаимопонимания, построенного на совместной учебе, работе, на совместном переживании радости и тревог, сознание исторических корней сформировала у дагестанских народов осознание общности судьбы и неразлучности друг с другом. Подтверждением этого служит увеличение количества межнациональных браков. В Дагестане, как и в других регионах, межэтнические браки прежде всего стали распространяться в городах, а затем и в районных центрах. Высокий процент межнациональных браков в городах объясняется в первую очередь многонациональным составом производственных и студенческих коллективов и населения в целом, расширением социальных контактов, более высоким уровнем образования и культуры населения. В разных городах республики процентное соотношение межэтнических браков разное.

Факты свидетельствуют, что в советский период процесс образования этнически смешанных семей усилился. Если в 1959 г. их количество составляло 5,2 млн., или 10,2% всех браков, то в 1979 г. - 9,9 млн., или 14,9%, а в 1989 г. - 12,8 млн., или 17,5%¹. Что касается Дагестана, то, по данным Всесоюзной переписи населения в 1979 г., здесь каждая десятая семья была национально смешанной². Если учесть, что в городах межнациональные браки заключаются намного чаще, чем в сельской местности, нетрудно сделать вывод, что среди городского населения республики доля национально смешанных семей была еще выше. По подсчетам М.М. Магомедханова, в семи городах Дагестана в 1970-1979 гг. заключено 373390 браков, из которых большую часть (64%) составили однопациональные браки и 26% - межнациональные. От общего числа межнациональных браков (9873) - 23% приходилось на союзы между женихами и невестами коренных национальностей Дагестана. Почти столько же составили браки дагестанцев с русскими, украинцами и белорусами (22%), причем 85% таких браков заключено дагестанскими мужчинами³.

Все эти исторические особенности делают востребованным диалог культур на уровне микроколлектива-семьи, которая, в случае смешанного брака, складывается из суммы (синтеза) традиций различной этноконфессиональной природы.

Е.В. Габдрахманова, И.Э. Мингазов

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОЯНИЯ И АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РТ (НА ПРИМЕРЕ ДОМА ФУКСА, КАЗАНЬ)

Своеобразие облика исторических городов определяется наличием в каждом из них таких характерных черт, как выразительность общего силуэта и панорамы города, необычная топография, особая живописность городских улиц и ландшафта, самобытность памятников

¹ Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования, 1995. № 7. С. 76.

² Магомедханов М. М. Отражение этнических процессов в статистических показателях межнациональной брачности (на примере городов Дагестана) // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988. С. 161.

древнего зодчества, местные художественные и строительные традиции. Утрата значительной части исторических градоформирующих доминант и вторжение резко диссонирующих объектов в историческую городскую среду является сложной проблемой многих исторических городов.

К сожалению, сегодня очень многие памятники отечественной истории и культуры находятся под угрозой разрушения, многие из них снизили свою ценность в результате воздействия хозяйственной деятельности, прямого или косвенного разрушительного воздействия климатических процессов. Ситуация усугубляется снижением в последние десятилетия объемов и качества работ по ремонту и поддержанию памятников, их бесхозностью, снижение государственного и общественного контроля и финансирования в сфере охраны памятников архитектуры, ведет, в конечном итоге, к их бесхозности. По оценкам специалистов РАН, состояние находящихся на государственной охране памятников истории и культуры почти на 80% характеризуется как неудовлетворительное. Около 70% нуждается в принятии срочных мер по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения в результате проявления различных негативных явлений и процессов, включая экологические. Состояние большинства исторических поселений специалисты также оценивают как близкое к критическому.

Культурное наследие – духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности. Наследие питает современную науку, образование, культуру. Наравне с природными богатствами, - это главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Современная цивилизация осознала высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики. Утраты культурных ценностей невосполнимы и необратимы.

Поистине массовый характер приобрели в последнее время необоснованный снос исторических построек и возведение на их месте объектов коммерческого строительства, которые и становятся главной угрозой для памятников истории и культуры. Сносятся ценные строения целью получения стройплощадок в центральных частях города, являющихся престижными.

Требования Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ о необходимости проведения по объектам культурного наследия научной

реставрации с привлечением для ее выполнения специалистов-реставраторов, зачастую игнорируются, что приводит к подмене ремонтно-реставрационных работ работами по коренной реконструкции объектов культурного наследия, в том числе, связанной со строительством мансард, перепланировкой, возведением новых этажей и пристроек. При этом игнорируются требования сохранения окружающей среды объектов наследия, нарушается режим застройки на территории памятника и в зонах охраны. Около многих из них возводятся громадные новостройки. Не избежал подобной участи и наш город.

Актуальность исследования архитектурного культурного наследия столицы Татарстана обусловлена включением Казани в список городов мирового культурного наследия ЮНЕСКО и предстоящей Всемирной студенческой Универсиадой-2013. Эти события тесно связаны с притоком в город туристов и актуализируют проблемы сохранения архитектурного наследия. Поэтому в стратегии развития города до 2015 года отмечена необходимость обеспечения сохранения культурного наследия и преемственности культурных традиций наряду с поддержкой многообразия культурной жизни и культурных инноваций, в том числе через эффективную государственную охрану и использование недвижимых памятников истории и культуры, сохранение ценностей материальной и духовной культуры.

В Казани к 2013 г. восстановят 66 объектов культуры, из которых 25 - историко-архитектурные памятники. Количество объектов культурного наследия в республике приближается к 7 000, из них 1 500 - на государственной охране, 1/3 из них находится в столице республики. В этом плане Казань сопоставима с Москвой и Санкт-Петербургом. Особую актуальность приобретает вопрос собственности памятников. В муниципальной собственности состоит 741 объект культурного наследия, причем в основном это многоквартирное жилье, 201 памятник находится в частной собственности, в собственности религиозных организаций - 94¹.

Характерной особенностью Казани является, особенно являлась до 2000-х годов, определенная сохранность исторического центра города (его ядра, а также Старо-Татарской слободы), застроенного особняками, доходными и торговыми домами, зданиями промышленной и культовой архитектуры XIX — начала XX веков - такими как, например, бывшие

¹ Стратегия развития Казани до 2015 года. Казань, 2003.

владения купцов и купеческих династий Дом Шамиля, Дом Кекина, Дом Апанаевых, Сайдашевых, Унжениных, Усмановых, Апаковых, Вериных, Д. И. Вараксина, А. М. Музурова, В. Е. Соломина и других¹.

Начиная со второй половины 90-х годов, в рамках программ ликвидации ветхого жилья и подготовки к празднованию тысячелетия города, многие здания, пришедшие за многие десятилетия ненадлежащего ухода в состояние, не подлежащее восстановлению, были снесены, а некоторые остаются в разрушающемся ветхом состоянии. Так, например, ушли в прошлое некоторые исторические архитектурные памятники XVIII—XIX веков - дом, где родился Фёдор Шаляпин, дом-музей Льва Толстого. Среди остающихся в обветшавшем положении зданий выделяются - гостиница «Казань», ряд зданий по улице Московская (бывшая Кирова) и дом Фукса.

Дом Фукса был построен в начале XIX века в стиле "классицизм". В 1805 г. в него вселился приехавший работать в Казань немецкий ученый Карл Фукс² – врач, выдающийся ученый-краевед, ректор Казанского императорского университета (1823-1827 гг.). Здание было своеобразным центром интеллектуальной жизни города. Тут бывали Лобачевский, Боратынский, Языков, Сперанский, именно в этом доме Александр Пушкин провел весь вечер 7 сентября, когда в 1833 году собирал в Казани материалы для "Истории Пугачева". Дом был включен в федеральную целевую программу по подготовке к 1000-летию Казани. Но на его реставрацию не хватило средств. Сейчас у дома печальный вид: крыша обвалилась, на месте прихожей и гостиной образовалась свалка, оконные проемы заколочены металлическими листами и пестрят рекламными объявлениями.

Именно этот памятник стал объектом, впервые объединившим казанцев в стремлении остановить разрушение исторической и культурной среды центра Казани. Именно от дома Фукса стартовала 11 декабря 2010 г. первая общественная акция в защиту казанских памятников: в "экскурсии-шествии" по Старо-Татарской слободе приняли участие около сотни Казанцев. В начале этого года активисты городской инициативной группы по восстановлению дома Фукса и

¹ См.: Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. М., 1991.

² Бобченко Т., Гарзавина А., Синицына К. Казань. Путеводитель. Казань, 1970; Гафаров И.А. Перелистывая страницы истории. Казань, 1996.

татарстанского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовали уже два подобных шествия по другим разрушаемым памятникам Казани.

Необходимо подчеркнуть, что вышеописанные негативные процессы в сфере культурного наследия, в том числе в рамках нашего города, в значительной степени явились следствием межведомственной разобщенности, несогласованностью действий некоторых федеральных и региональных органов власти и местного самоуправления и, что не менее важно, фактического отстранения общественности от участия в принятии решений в данной сфере.

Поэтому главным условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных традиций народов Российской Федерации и множества других факторов.

Последние десятилетия с их новыми экономическими и социально-политическими реалиями обострило ряд проблем в области охраны объектов старины, решение которых невозможно без учета опыта прошлых лет. Одна из этих проблем – приватизация памятников и формирование различных форм собственности на них. В связи с этим регламентация прав собственников со стороны государства, выработка оптимальных отношений сторон – один из важнейших вопросов сегодняшней памятникоохранительной политики.

Приватизация памятников архитектуры и истории частными лицами была разрешена еще в 1994 г. И если в Москве и Петербурге найти желающих довольно легко, с поиском покупателей на культурное наследие регионов дела обстоят тяжелее. Именно это случилось с домом Фукса.

В конце минувшего года исторический памятник был продан на аукционе ООО "Арден" за миллион рублей. Согласно условиям контракта, владелец должен был вложить в его реконструкцию не менее 63 миллионов рублей. Планировалось, что здание будет реконструировано под гостиницу в стиле старой Казани первой половины XIX века. Но после всех расчетов инвестор отказался от своих обязательств, поняв, что не сможет их выполнить. Зияя Валеева

посетовала, что "из-за не очень щадящего законодательства" бизнесмены, которые искренне хотят принять участие в сохранении исторического наследия, не получают необходимых преференций, достаточных налоговых льгот. К тому же не всегда при покупке здания бизнесмены и компании представляют себе те объемы средств, которые будет необходимо вложить в реставрацию. Теперь дом будет оформлен в республиканскую собственность и предположительно попадет под долгосрочную целевую программу "Мирас-Наследие" на 2011-2015 гг. Министерство культуры республики предполагает создать в отреставрированном здании музейный комплекс.

Таким образом, несмотря на то, что культурное наследие России сегодня активно вовлекается в мировое культурное пространство, полноправной частью наследия мирового оно станет только тогда, когда российское общество осознает необходимость сохранения своего национального достояния и в стране будет создано действенное охранное законодательство.

П.И. Гайденко

ЦЕРКОВНАЯ ТИТУЛАТУРА В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Определение места епископата в восточнославянском обществе и особенно уточнение этого места в древнерусских элитах Киевской Руси поднимает вопрос о комплексе светских прав, какие могли усвоить высшие церковные чины того времени. На то, что епископы обладали таким ресурсом, указывает употребляемое в отношении ряда архиереев именование «владыка». Принято считать, что такое обозначение тѣс, несомненно имевшего □ епископов является калькой с греческого слова «δεσπο не только церковные, но и светские корни и обозначавшего «обладатель, хозяин, распорядитель, властитель, верховный правитель и государь». Однако при оценке указанного именованния епископа пока не совсем понятно, из какой именно среды был заимствован данный титул: из светской или (и) церковной. При этом нельзя исключать и того, что он мог возникнуть под воздействием различных канонических и юридических влияний, в результате сопоставления статусного положения епископа с положением других представителей высшей церковной и светской власти на Руси и в Европе. Более того, появление титула «владыка» может быть рассмотрено как следствие

переосмысления места и роли епископа в церковной организации и в древнерусском обществе.

Сложность ситуации заключается ещё и в том, что в церковной истории практически не поднимались вопросы церемониального характера. Практически не изучены ни порядок, ни способы отношений и обращений в церковной среде Древней Руси. Важность этой стороны жизни официальных лиц, к которым в равной мере могут быть отнесены и высшие духовные чины, самоочевидна. Титул представляет собой одну из официально закреплённых форм обращения к человеку, исполняющему определённые функции, занимающему особое общественное место и несущему известную ответственность за свои поступки. Одновременно титул выступает маркером, позволяющим безошибочно определить роль и место носителя в социальной среде и государственном механизме, а также круг его прав и обязанностей.

В христианском мире Владыка – одно из божественных имён. Поэтом обладатель этого титула в известной мере может рассматриваться как лицо, наделённое некой божественной санкцией, возводящей его власть к власти Владыки Небесного¹. Одним из источников появления данного обозначения епископов могли быть литургические обращения к епископу. Например, подобное обращение присутствует в пении архиерейского «многолетия» или постоянных обращениях к епископу: «Благослови, Владыко». Впрочем, здесь не всё однозначно, потому что указанное обращение в Евхаристическом каноне предполагается и в адрес обычного священника. Но даже, если источником титула могла стать литургия, то всё равно необходимо разобраться, насколько такой перенос литургической практики в светскую жизнь мог быть оправданным и допустимым.

Прот. Владислав Цыпин высказал мнение, что в домонгольской Руси употребление имени «владыка» имело «неофициальный характер»². Действительно, в таком случае многие стороны морально-этического и канонического свойства, связанные с переносом сакральных элементов в область профанного были бы решены. Однако данная точка зрения видится сомнительной. Во-первых, использование указанного обозначения епископов в домонгольской Руси было не повсеместным и

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 212-213; Цыпин В., прот. Владыка // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 101 [далее - ПЭ].

² Там же. С. 101.

имело ограниченный характер. Оно зафиксировано только в отношении архиереев двух кафедр: Новгородской и Владимирской (на Клязьме). В описанных обстоятельствах заслуживает внимания тот факт, что летописание не сохранило ни одного известия, чтобы кто-либо из архиереев домонгольского периода какой-либо иной епископии кроме Новгорода и Владимира именовался подобным образом не только со стороны князя, но и со стороны церковных лиц. Лишь единожды обращение «владыко» было адресовано к митрополиту. Этот эпизод связан с деятельностью митрополита Иоанна II. Сообщение донесено в претерпевшем существенные поздние правки Печерском патерике¹. Однако интерпретировать этот нюанс в отношении митрополита Иоанна, имевшего знатное происхождение, обладавшего титулом «протисинкела»² и пользовавшегося огромным доверием Всеволода Ярославича³, крайне трудно⁴. Во-вторых, этот титул имел особое

¹ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 314, 315.

² Титул Иоанна прочитывается на его булле, а на знатность происхождения митрополита указывает одно из византийских произведений, упоминающих о его родне (*Янин В.Л.* Актовые печати в Древней Руси: Печати X – начала XIII в. М., 1970. Т. 1. № 44; Назаренко А.В. Иоанн II // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 471-475).

³ Об авторитете Иоанна свидетельствует не только его свободное поведение в Печерском монастыре, но и посмертное слово: «Быс[ть] же Иоан мужь хытръ книгамъ . И оученью . м[и]л[о]ст[и]въ оубогымъ . и вдовицамъ . ласковъ же ко всякому б[о]г[а]ту и оубогу . смиренъ же и кротокъ . молчаливъ . речистъ же книгами с[в]я[т]ыми . оутешая печальныя . и сякого не быс[ть] преж[е] в Руси . ни по немъ не будетъ сякъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

⁴ Возможно, это была поздняя вставка. Но есть ещё несколько обстоятельств, нуждающихся в комментарии. Во-первых, освящение Успенского собора (1089) в Печерском монастыре пришлось на период усиления власти митрополита над обителью и в киевском округе. Поэтому возможно, такое обращение епископов к архиерею во время богослужения отражало как литургическую норму, так и реальное положение дел в области канонических отношений в Русской церкви, характеризовавшееся усилением власти митрополита, поддержанного великим князем Всеволодом. Во-вторых, Иоанн был греком, поэтому разговор, если такой действительно произошёл, был передан в переводе. Следовательно, можно предположить, что «*despotis*», вероятно, было обращением к митрополиту Иоанну. Учитывая, что ни один источник не сохранил каких-либо обращений к

значение и его носитель наделялся крайне высоким положением и даже священным положением в городском сообществе. Так, например, обращаясь в 1229 г. к новгородцам, князь Михаил произнёс: «нестъ лепо бытии граду сему безо владыце». Но более примечательно решение новгородцев в споре между архиепископами Митрофаном и Антонием (1219) за новгородскую кафедру: «Идита к митрополиту, да кого нам послеть, то намъ владыка»¹. Конечно, вопрос в тот год стоял о выборе архиепископа, но в городе уже было два архиерея. Поэтому перед горожанами стоял важный вопрос о том, кто из архиепископов станет «владыкой», носителем власти, а кто должен будет отказаться от притязаний и удалиться.

Впрочем, не трудно заметить, что использование данного обращения имело адресный характер, и, возможно, отражало реальную власть конкретных архипастырей. Из владимирских архиереев «владыкой» в раннем летописании был назван только Феодор. Автор известий о ростовском епископе не скупился на эпитеты и нелестные характеристики в адрес ненавистного архипастыря и уничижительно называл его «Фодорцом». И всё же при этом летописец сообщал о Феодоре как о «владыке»². В более поздний период, во время осады Владимира татарами местный епископ Митрофан (1238) также именовался «владыкой той области»³. Вероятно, это связано с обстоятельствами событий и действиями архиерея, употреблявшего всю полноту своей епископской власти.

Ситуация с Новгородом видится более сложной. Одно из первых употреблений здесь титула «владыка» связано с именем епископа, а позже архиепископа Ильи (1167/68). Сообщая о возведении епископа Ильи в сан архиепископа, Новгородская первая летопись помимо всего приводит следующее известие: «и повелено бысть владыце архиепископство митрополитомъ»⁴. Очевидно, носители епископского

митрополиту, не исключено, что указанное обращение к Иоанну II могло отражать его статус «протосинкела».

¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 274, 261.

² Автор известий о ростовском епископе не скупился на эпитеты и нелестные характеристики в адрес ненавистного архипастыря, уничижительно называл его «Фодорцом», и всё же при этом писал о нём как о «владыке» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355).

³ ПСРЛ. Т. 3. С. 287.

⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 219.

сана в Новгороде и ранее обладали «владычным» статусом. Вероятно, такое положение дел стало складываться при архиепископе Нифонте. А при Илье, по мере окончательного закрепления за новгородской кафедрой архиепископского статуса, титул в полной мере вошёл в употребление в качестве особого, отличительного права новгородских архиереев. И в этом отношении пример Ильи показателен, поскольку «владыкой» он считался уже до возведения в архиепископы. Этот новгородский архиерей, вероятно, сопровождавший Кирика¹, действительно обладал значительной властью не только в церковной, но и в светской среде, о чём можно судить как по совершённым в период его святительства строительным работам, так и по тому, что именно при нём новгородцы вновь добились архиепископского сана для своего архиерея, правда, заплатив за это в Киев, князю Ростиславу и митрополиту Иоанну, при которых особенно расцвела церковная симония, значительную мзду².

Подобным образом «владыкой» до возведения в архиепископство был назван преемник Ильи, игумен Дионисий. В дальнейшем подобное именование архиереев Новгорода становится привычным. Следующий архиерей с именем Ильи упоминается в качестве «владыки» несколько раз. Он поименован «владыкой» под 1180 г. в известии о закладке каменной церкви в монастыре Благовещения и под 1182 г. в сообщении

¹ Помимо преп. Кирика составителями «Вопрошания», согласно записи, значились священники Савва и Илья [РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 51, 57]. Судя по комплексу вопросов, интересовавших священников, можно заключить, что их статус в церковной среде был крайне высок (Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 83-92). Вполне возможно, что именно этот священник Илья в дальнейшем и был поставлен на новгородскую епископскую кафедру (ПСРЛ. Т. 3. С. 219).

² В.Н.Татищев, ошибочно назвав вместо Ильи Луку, приводит следующее сообщение: «Новгородский епископ Лука, как старший из всех русских епископов, послал к митрополиту Иоанну дары многие и просил, чтобы ему быть архиепископом. <...> Митрополит, поставив его, дал ему ризы дорогие с крестами, стихарь и мантию с источниками. Он же возвратился в Новгород и принят от народа с великою радостью, приносили ему дары многие, злато, серебро и вещи из шелка, чтобы было ему что послать по обещанию великому князю, митрополиту и боярам, которые ему в том помогали» (Татищев В.Н. История Российская. В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 330).

об окончании строительства надвратной церкви Богоявления. Наконец, Илья назван «владыкой» в известии о его смерти и погребении (1186). Аналогично именовались и иные архиепископы: Гавриил, брат Илья (1191, 1192), Мантурий [Мартирий] (1194, 1195, 1196, 1197, 1200), Митрофан (2001, 1202, 1220, 1222) и Антоний (1225, 1226, 1228)¹. Все перечисленные случаи упоминания титула «владыка» связаны с торжественными событиями, имевшими официальный и знаковый характер.

Затрагиваемая проблема поднимает не менее интересные вопросы, которые до сих пор не получили ответов в историографии: как обращалось духовенство друг к другу? какими были формулы таких обращений? Более того, интересно определить, как обозначался архиерей в древнерусских письменных источниках. Поиск ответов на заданные вопросы нуждается в самостоятельном исследовании. Вместе с этим предварительные наблюдения в отношении митрополитов и архиереев позволяют сделать следующий во многом ещё «сырой» вывод. Если каноничность власти архиерея вызывала сомнения или была спорной, то его имя, как правило, не сопровождалось указанием сана². Но при обычном упоминании архиереев их чаще всего отмечали с указанием кафедры³. В этом отношении примечательны агиографические тексты, в которых «добрые» архиереи именуются с прибавлением «святитель», а недостойные – лишь согласно их сану или без указания сана или имени⁴.

¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 269, 270.

² Например, преподобный Кирик Новгородец при передаче слов митрополита Климента Смолятича, не признанного новгородским епископом Нифонтом и патриархом, так ни разу и не назвал Климента митрополитом (РИБ. Т. 6. Стб. 29, 31).

³ Примером этого могут служить упоминания о соборных службах 1072 и 1115 гг., связанных с перенесением мощей Бориса и Глеба (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181, Т. 2. Стб. 280; Успенский сборник XII-XIII вв. / сост. О. А. Князевская и др.; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 62).

⁴ Пример подобного отношения – текст «Сказания о житии Антония Римлянина». Епископ Никита, личность которого пользовалась явными симпатиями со стороны Антония Римлянина и его последователей не единожды именовался «святителем». В это же время покушавшийся на автономию Антониева монастыря некий епископ, скорее всего всевластный Нифонт новгородский, не был даже назван по имени (Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий

Применительно к рассматриваемому времени титул «владыка» встречается только в летописании и актовых памятниках, что свидетельствует в пользу официального значения такого обозначения епископа. Впрочем, названные источники и в том числе агиографические тексты, как уже было сказано, использовали и иные способы именования архиереев: по городам, в которых располагалась их кафедра, согласно сану, «мужем», что подчёркивало благородство происхождения¹, или же называли «святителем», акцентируя внимание на сакральной стороне архиерейского служения.

В связи с определением значимости титула «владыка» представляет уточнение круга отличительных прав и полномочий обычного епископа от того комплекса административно-правовых ресурсов, какими обладал епископ-владыка.

Круг канонических и иных возможностей новгородских архиереев хорошо изучен. Он включал в себя не только сугубо архиерейские богослужебные и судебно-административные права, но и такие специфические полномочия, как участие в управлении городом и контроль в сфере торговли². Последнее обстоятельство особенно интересно. Устав князя Всеволода действительно наделял церковь существенными контрольными правами в области торговли. Более того, новгородский архиепископ в обозначенном уставе именовался «владыкой»³. В дальнейшем данное представление об архиепископе вошло в международные торговые соглашения Новгорода. В.Б. Перхавко обратил внимание на то, что с начала XIV века в преамбулах международных договоров Новгорода использовалась не только обычная

Смоленский. СПб., 2005. С. 255, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 264, 269; Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 58-66). Однако представленное наблюдение имеет предварительный характер и нуждается в более детальной проработке сюжетов..

¹ Так был назван в посмертном слове митрополит Иоанн (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

² Перхавко В.Б. Церковь и внешнеэкономические связи Руси в XI-XIV вв. // Церковь, общество и государство в феодальной России /отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 61.

³ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерах торговых // Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. С. 153-158; о дном Уставе и его значении см: Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 82-93; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 165-177.

формула «от архиепископа новгородского», но и иной вариант отражения властных полномочий местного архиерея – «благословение от владыки». Поэтому можно утверждать, что указанная особенность оформления договоров подтверждает принципиальную важность титула «владыка». Учитывая, что с XII в. большинство новгородских святителей были избираемы самими горожанами, что так и не смогло закрепиться за иными епископскими кафедрами¹, и в итоге неподсудны без согласия Новгорода Киеву, можно заключить, что власть новгородских архиереев приобрела особый ореол, а именование «владыка» величайшую ценность.

Впрочем, уже в следующие столетия рассматриваемый титул получил более широкое использование. Так, например, в XVI в. ростовский архиепископ Алексей подписывался как «смиранный архиепископ Ростовский и Рославский Белозерский владыка Алексей»². Но даже по прошествии трёхсот лет применённая формула архиерейского титула не позволяет видеть во «владыке» некий обычный синоним епископского сана и «неофициальную» форму обращения.

Подобный круг прав епископа-владыки хорошо прослеживается и во Владимире в период епископства Феодорца. О широте власти этого архиерея свидетельствует не только независимость от митрополита, но и иные права: во-первых, возможность наложения интердиктов³, которые никто так и не опротестовал, если не считать укоризн от епископа

¹ Попытки избрания епископа прослеживаются в Турове и Суздале. Прежде всего, эти случаи связаны с именем Кирилла Туровского, житие которого прямо указывает, что тот был избран князем и горожанами (Житие Кирилла Туровского // Мельнікаў А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыццё, спадчына, светапогляд. 2-е выд. Мн., 2000. С. 14-16). Его преемник, затворник Лаврентий, не был из числа местных граждан. Но судя по всему, его кандидатура так же была одобрена местной знатью. Что касается Суздаля, то данный случай связан с историей конфликта, вызванного требованием местной знати поставить на кафедру этого города печерского воспитанника Луку вместо присланного из Киева грека Николая. В 1183-1185 г. суздальцы и их князь Всеволод Юрьевич категорически отказались принимать у себя византийца, ибо «не избраша сего людье» и хоть и не без усилий, однако добились рукоположения желанного ими кандидата (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629-630).

² Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2: В-Волога. М., 1975. С. 212.

³ Закрывание владимирских храмов можно однозначно квалифицировать как интердикт (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355).

Кирилла Туровского¹; во-вторых, не только совершение суда, но и применение пыток и казней², что обычно было прерогативой княжеской власти. В-третьих, каноническая неподсудность Киеву. Здесь необходимо обратить внимание, что описанный в летописании суд над Феодорцом полон недосказанности и отчасти показал бессилие митрополичьей власти над владимирским епископом, если допустить, что возможно, жестокая расправа над Киевом и ограбление церковей могли быть спровоцированы в том числе и этой казнью.

Но здесь возникают определённые затруднения. Вероятнее всего титул «владыка» был калькой с греческого «деспотис», однако в русской традиции при применении данного именованья к архиерею акцент делался не на духовном господстве епископа, «кириос», а на комплексе его светских прав и функций в городе или церковном округе. Греческая церковная иерархия, опиравшаяся на древнюю гражданско-церковную систему права и чиновничество, кажется, не знала подобных притязаний на светскую власть со стороны епархиальных архиереев. Описанные амбиции могли встречаться лишь на присоединённых территориях, например в Болгарии³, но не на греческой земле. Конечно,

¹ В одном из своих посланий к Андрею Боголюбскому Кирилл Туровский обличил и князя, и его любимца, епископа Феодора, в воровстве во вручённом им «винограднике». Суть обличений выходит за рамки явных упрёков в усвоении Феодором епископского сана, но указывает на явные злоупотребления (Кирилл монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // Колесов В.В. Кирилл Ткровский. М., 2009. С. 30-35). Наиболее вероятно, что речь идёт в том числе о действиях Феодора в Ростове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-356).

² Лаврентьевская летопись передаёт следующие подробности епископского суда: «Много бо пострадаша ч[е]л[о]вечи от него въ держаньи его . и сель избебывши и оружия . и конь . друзии же и роботы добыша . и заточенья же и грабленья . не токмо простыцем но и мнихом . игуменом и ереемъ . безъм[и]л[о]стивъ сыи мучитель . другимъ ч[е]л[о]в[е]комъ головы порезывая и бороды . иным же очи выжигая . и языкъ оурезая . а иныя распиная по стене» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-356).

³ Примерами избыточествующей амбициозности епархиальных архиереев и епископов изобилует не только история Руси (об автокефалистских настроениях на Руси см.: Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в., 2009. № 2. С. 116-157; он же. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI в., 2009. № 4. С. 112-157; № 5. С. 98-121), но и история христианства у южных славян (см. Скурат К.Е. История поместных православных церквей. М., 2011. Ч. 1. С. 101-106, 245-253).

константинопольские патриархи порой стремились и нередко даже достигали колоссального влияния на государственные дела и политическую жизнь в столице¹, но представить себе подобные претенциозные действия со стороны рядовых византийских епископов или архиепископов крайне сложно. Поэтому вызывает сомнение то, что комплекс полномочий, находившихся в руках и в ведении епископа-владыки, имел византийское происхождение, поскольку само возникновение русского варианта титула связано главным образом, с расширением комплекса светских прав местных архиереев.

В возникших условиях было бы продуктивным сопоставить права епископа-владыки с кругом прав «светского меча» латинского епископата, поскольку комплекс полномочий древнерусского владыки определялся теми возможностями, которые ему делегировались со стороны города или князя как представителю светской власти. В представленной работе провести такой анализ, к сожалению, не представляется возможным. Однако описанные обстоятельства делегирования епископу городом и князем широких светских прав, закрепляемых, в том числе, в форме награждения титулом, напоминают инвеституру². То есть можно заключить, что носитель титула «владыка» наделялся светскими правами, подобными тем, какие предоставляло епископам Западной Европы наделённым правами «светского меча». Учитывая, что в отношении Средневековья полного и ясного разделения между светским и религиозным в природе государства и церкви не существовало, в конкретных социально-политических и религиозных условиях, это приводило к возникновению оригинальных форм властных церковных институтов. Институт «владык» вполне может рассматриваться в качестве одного из таких примеров.

¹ Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме». СПб. 2010. С. 386-395.

² Гайденок П.И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037-1093 гг.). Казань, 2006. С. 147-158; Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. ... к.и.н. СПб., 2011. 30-34.

Е.Х. Гезалова, Н.Б. Мамедова

**МЕСТО И РОЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ АКАДЕМИКА Я.М. МАХМУДОВА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДИПЛОМАТИИ**

Средневековая дипломатия, в том числе дипломатические отношения Востока с западноевропейскими странами представляют собой одну из важных проблем исторической науки. Всестороннее исследование международных отношений Средневековья имеет большое значение для более полного уяснения многих проблем истории Востока и Запада. Без основательного изучения данного вопроса невозможно полностью охватить как отдельную научную проблему, так и всеобщую проблему истории дипломатических отношений Средневековья. По этой причине изучение истории взаимоотношений азербайджанских государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами имеет целую историографическую традицию.

Известно, что на протяжении нескольких столетий Запад внимательно изучал историю, культуру, психологию Востока. Однако результаты исследований были выдержаны в соответствии с духом колониализма. Западные историки Р.Сейвори, К.Рехборн, А.Лэмбтон, Дж.Вудс, Дж.Парри, М.Постан¹, в той или иной степени занимавшиеся исследованием истории государств Аккоюнлу и Сефевидов, пытались прикрыть колониальную политику Европы под предлогом расширения османских завоеваний. Они не только не отмечали государства Аккоюнлу и Сефевидов в качестве азербайджанских государств, но еще и абсолютно не исследовали истинные причины противостояния в XV-XVII вв. Османского и Сефевидского государств- ведущих сил тюркского средневекового мира.

Ситуация неадекватного освещения данной проблемы была характерна и для советской историографии. Долгое время в распоряжении русскоязычного читателя по этой проблематике имелись исследования историков Т.И.Абашидзе, М.А.Абидова, М.С.Абрамяна,

¹ Hinz W. Schah Esmail II. Berlin, 1933; A.Lambton. Theory and practice in medieval Persian government. London, 1980; J.Malcolm. The history of Persia, from the most early period to the resent time, vol. I. London, 1815; J.Parry. The Establishment of European hegemony. New York, 1961; R.Savory. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980; P.Sykes. A history of Persia, vol. I. London, 1951; J.Wilson. The Persian Gulf. Oxford, 1928; J.Woods. The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Chicago, 1976.

К.З.Ашрафяна, Н.Г.Гелашвили, В.А.Джавахи, У.Х.Наджаряна, В.А.Папазяна¹ и других. Эти исследования не только искажали историю Азербайджана, но и, представляя государства Аггоюнлу и Сефевидов как иранские государства, в целом не были написаны в рамках истории Азербайджана. Вне зависимости от того, были ли представлены вышеуказанные династии как тюркские или нет, советские авторы в своих произведениях искажали историческую географию, этническую историю, традиции государственности, политическую и культурную систему Азербайджана XV-XVII вв., и представили эту страну в качестве периферии, окраины политической, социально-экономической, культурной, а также международной системы этого периода.

В 1960-е гг., когда существовали такие пустоты, «белые пятна» по такому значимому периоду истории Азербайджана, как XV-XVII вв., опубликована работа Ягуба Махмудова «Взаимоотношения государства Аггоюнлу с Венецией (60-70-е годы XV века)»². Размышления молодого историка о внешней политике Османской империи, о династии Аггоюнлу как одном из древних тюркских племен Азербайджана и о роли, сыгранной ею в истории государственности, размышления о колониальной политике европейских государств были новыми, соответствующими национальному духу и научно аргументировались.

Евроцентристы, считавшие Османскую империю «естественным врагом» Запада, представляли в своих трудах антиосманские мероприятия европейских стран, в том числе Венгрии, Венеции, Габсбургов, Папского государства, как «вынужденные шаги»,

¹ Абашидзе Т.И. Из истории персидской дипломатии XVI-XVIII вв.: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1975; Абидова М.А. Государство Ак-коюнлу в Иране во второй половине XV века: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Ленинград, 1953; Абрамян М.А. К истории внешней политики государства Ак-коюнлу: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Баку, 1954; Гелашвили Н.Г. Из истории ирано-грузинских взаимоотношений (30-е гг. XVII века): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1978; Джавахия Б.А. Из истории ирано-грузинских взаимоотношений (XVI в. и первая треть XVII в.): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1986; Наджарян У.Х. Турецко-иранские отношения в XVI в. и Армения: автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Ереван, 1970; Папазян В.А. Торговые магистрали Тебриз-Алеппо и Тебриз-Смирна в системе торговых отношений Сефевидского государства с Западом: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1986.

² Махмудов Я.М. Взаимоотношения государства Аггоюнлу с Венецией (60-70-е гг. XV века): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Баку, 1966.

предпринятые перед опасностью османских завоеваний. Ягуб Махмудов сумел доказать, что наряду со стремлениями европейских государств объединиться против Османской империи, с попыткой создания антиосманских союзов с государством Аггоюнлу ведущим фактором колониальной политики названных государств являлись их захватнические планы по максимальному овладению землями и привилегиями на Востоке.

В кандидатской диссертации Я.М.Махмудова было отведено огромное место деятельности азербайджанских дипломатов, в том числе Саре Хатун, являвшейся в тот период единственной женщиной-дипломатом на Востоке, слава о которой широко распространилась в странах Западной Европы. В работе исследовалось и деятельность выдающегося государственного деятеля Узун Гасана, в том числе и активные внешние связи его государства с Европой. Узун Гасан был представлен не как феодальный правитель и завоеватель, а как выдающийся представитель азербайджанской государственности. Важнейшим преимуществом исследования Я.М.Махмудова являлось то, что автор выявил ведущую роль Азербайджана в международных отношениях XV века, так как до этого в исследованиях других историков была представлена совершенно иная версия.

Отметим, что вслед за этим фундаментальным исследованием ученого, не отказавшегося от своей научной позиции, одна за другой публикуются его статьи на русском языке. Каждая из них вызывала большой интерес русскоязычного читателя. Наряду с государством Аггоюнлу в этих статьях нашли отражение такие важные вопросы, как внешняя политика государства Сефевидов, его взаимоотношения с западноевропейскими странами, важная роль, которую сыграл Азербайджан в отношениях между Европой и Азией, его место в международной торговле, дипломатия Узун Гасана, шаха Исмаила, шаха Тахмасиба и Аббаса Великого¹.

¹ Махмудов Я.М. Причины и начало дипломатических отношений государства Аггоюнлу с Венецией // УЗ АГУ им. С.М.Кирова. Серия истории и философии. 1977. 1. С.30-34; Yеnə оnun. Новый сборник документов по истории Сефевидского государства («Шах Исмаил I» в дневниках Марина Санудо) // Известия АН Азербайджана, Серия истории, философии и права. 1986. 1. С.59-64; Он же. Взаимосвязи Азербайджана с западноевропейскими странами (II половина XV-XVI вв.) // Материалы докладов научной конференции АГУ им. С.М.Кирова, 1986, С.77;

Эти проблемы, исследованные Ягубом Махмудовым, как в кандидатской диссертации, так и в научных статьях, нашли свое продолжение и завершение в докторской диссертации на тему «Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами». Защита этого исследования, состоявшаяся в 1989 г. в Москве¹, стала большим событием в исторической науке Азербайджана и в медиевистике в целом: историк с Востока исследовал западные источники и писал о том значении, которое имел Восток для Запада. Говоря словами автора, «Запад изучал Восток, учился у Востока, и старался превзойти его»².

С одной стороны, это фундаментальное произведение беспокоило известных востоковедов и медиевистов, с другой стороны оно вызвало с их стороны научный интерес. Азербайджанский исследователь представил исследование, отличавшееся от трудов историков Турции и Ирана: в нем не было ни восхваления завоеваний османских султанов, как это делали турецкие историки, ни элементов шовинистических идей, свойственных иранским историкам. Произведение Ягуба Махмудова было чисто научным исследованием. По этой причине оно сразу было принято широкой русскоязычной читательской аудиторией.

За труд «Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (вторая половина XV – начало XVII века)», получившей высокую оценку ученых Московского

Он же. Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с европейскими странами // Взаимоотношения Востока с европейскими странами: Тематический сборник научных трудов. Баку, 1987, с.34-35; Он же. Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с европейскими странами (II половина XV – начало XVII в.). Статья первая // Известия АН Азербайджана, Серия истории, философии и права, 1987, 3, с.32-43; Он же. К вопросу о взаимоотношениях государств Аггоюнлу и Сефевидов с европейскими странами (II половина XV – начало XVII века). Статья вторая // Известия АН Азербайджана, Серия истории, философии и права, 1987, 4, с.128-133; Он же. Место торговых центров Восточного Средиземноморья во взаимоотношениях Азербайджана с европейскими странами (II половина XV – XVI вв.) // Древний и Средневековый Восток и Средиземноморье. Баку, 1989, с.68-77.

¹ Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV – начало XVII века): автореф.дис. ... д-р.ист.наук. М., 1989.

² Он же. Азербайджанская дипломатия. Баку, 1996. С.236.

Государственного Университета, Института востоковедения Академии наук СССР и Ленинградского Университета, Я.М.Махмудову была присуждена ученая степень доктора исторических наук. По решению кафедры истории средних веков Московского Государственного Университета, это исследование азербайджанского ученого на основе положительных отзывов известных медиевистов С.П.Карпова, Г.Л.Курбатова, Н.В.Строевой, А.А.Кирилловой было рекомендовано к печати.

В одноименной монографии, созданной на основе первоисточников, в том числе впервые введенных в научный оборот, политика западноевропейских государств представлена в качестве одного из первых образцов политики «разделяй и властвуй» на Востоке¹. Этот труд, написанный в национальном духе, был встречен с уважением и научной общественностью Азербайджана. В 1996 г. был издан его перевод на азербайджанский язык². Работа была переиздана в 2010 г. на русском языке³. Монография на английском языке была опубликована в 2010 г. в Лондоне и Нью-Йорке⁴.

В других своих работах⁵ Я.М.Махмудов обосновывает, что в расширении взаимосвязей Азербайджана с европейскими странами важную роль играла политика этих стран, направленная на приобретение источников сырья и выгодных рынков сбыта на Востоке, и планы осуществления первых колониальных захватов в эпоху первоначального накопления капитала. Шелк-сырец, являвшийся основным продуктом вывоза государства Аккоюнлу и Сефевидов, был предметом острой

¹ Он же. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV – начало XVII века). Баку, 1991.

² Он же. Азербайджанская дипломатия. Баку, 1996; 2006 (на азербайджанском языке).

³ Он же. Азербайджанская дипломатия. М., 2010.

⁴ Mahmudov Y.M. Azerbaijan and Europe: medieval diplomatic relations: (The Period of the States Akkoyunlu and Safavi). London – New York, 2010.

⁵ Махмудов Я. М. Новый сборник документов по истории Сефевидского государства // Известия АН АЗССР. Серия Истории, Философии и Права. 1986. № 1; Он же. Место торговых центров Восточного Средиземноморья во взаимоотношениях Азербайджана с европейскими странами (2-ой половине XV-XVI вв.) // Древний и Средневековый Восток и Средиземноморье. Баку, 1989; Он же. Взаимоотношения государства Аккоюнлу с Трапезундской империей // Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византистов. М., 1991. Т.2 и т.д.

конкурентной борьбы между западными державами, оказывая активное влияние на международные отношения; правители азербайджанских государств использовали эту борьбу для осуществления своих внешнеполитических планов. Именно Я.М.Махмудовым доказывается, что в конце 60-х – начале 70-х гг. XV в. государство Аккоюнлу играло ведущую роль не только в антиосманской коалиции, но и в международных отношениях Средневековья. Историк раскрыл роль разветвленных дипломатических отношений между государством Аккоюнлу и западноевропейскими странами, привел множество подтверждающих этот факт документов, которые систематизируются и обобщаются в различных работах ученого.

Важной стороной этих исследований является то, что в них впервые обоснована роль активной внешней политики азербайджанского государства Аккоюнлу в антиосманской кампании западных стран во второй половине XV в., а также показана ведущая роль государства Сефевидов в международных отношениях XVI-XVII вв. Кроме того, в работах Я.М.Махмудова впервые освещаются важнейшие направления дипломатических отношений Сефевидов с западными странами, которые подразделяются на периоды и этапы; каждому из них дается характеристика, систематизируется и обобщается богатейший фактический материал об этих взаимоотношениях.

Научная ценность исследований Я.М. Махмудова определяется и тем, что подробное изучение взаимоотношений таких империй, как государства Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами на протяжении примерно 150-летнего периода истории позволяет создать более четкое представление о той роли, которую сыграли народы стран мусульманского Востока, в том числе азербайджанский, в процессе всемирно-исторического развития. Научно доказывается, что глубокие социально-экономические и политические последствия колониальной политики западноевропейских государств в эпоху первоначального накопления капитала, великих географических открытий и османских завоеваний, значительные смещения международных торговых путей и в результате этого ослабление традиционных торговых связей между Европой и Азией оставили неизгладимый след и в истории этих стран и народов. Становится очевидной роль, которую сыграли во второй половине XV – начале XVII вв. государства Аккоюнлу и Сефевидов в ослаблении Османской империи. Эти исследования явились важным шагом вперед в изучении истории международных отношений

средневековья и, в первую очередь, многих аспектов отношений западноевропейских государств со странами Востока в связи с процессом первоначального накопления капитала и османских завоеваний.

Самая важная черта научной деятельности Я.М. Махмудова заключается в том, что она стала важной методической и теоретической основой единой школы ученого, вокруг которой группировались его ученики и последователи. Среди них особо надо отметить Д.Г. Гасанзаде, Х.А. Камбайзаде, Р.А. Муганлинского, Е.А. Гёзалову, Е.М. Летифову, Р.И. Дадашеву, Г. Язди, Д. Азимли и др.¹

Как следует из этого краткого историографического обзора, изучение взаимоотношений государства Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами в XV-XVII вв. позволяет точнее определить роль и место крупнейших империй Востока и населяющих их народов, включая азербайджанский народ, во всемирно-историческом процессе. А также проследить социально-экономические и политические последствия для стран и народов Востока и Запада османских завоеваний и колониальной политики европейских держав. Приведённые в изысканиях азербайджанского историка Я.М. Махмудова новые факты, документы и материалы, выводы и обобщения стали полезными и при исследовании истории внешней политики западных держав, поддерживающих в этот период связи со странами Ближнего и Среднего Востока. Исследования последователей Я.М. Махмудова продолжают по сей день. Это позволяет надеяться, что они станут направляющими моментами и методологическими ориентирами изучения международных отношений Средневековья и обогатят отечественную медиевистику.

¹ Камбайзаде Х.А. Государство Сефевидов в восточной политике западноевропейских держав в конце XVI – начале XVII вв. (по материалам «Хроники кармелитов»): автореф. дис. ... к.и.н. Баку, 1991; Муганлинский Р.А. Азербайджанские государства XV – XVI вв. в английской историографии. Баку, 1998; Летифова Э.М. Илисуйское султанство. Баку, 1999; Дадашева Р.И. Поздний период Сефевидского государства. Баку, 2003; Гёзалова Е.А. Международные торговые связи Азербайджана в средние века. Баку, 2005; Гасанзаде Д.Г. Торгово-дипломатические отношения Сефевидов с Англией. Баку, 2007; Язди Г. Иран в правлении Сефевидов: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Баку, 2008; Азимли Д. Торговые связи Азербайджана с западноевропейскими странами и Турция (вторая половина XV – первая половина XVII вв.): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Баку, 2010 и др.

ПАМЯТЬ КАК СПОСОБ УДЕРЖАНИЯ
ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Для современности характерно смещение перспективы видения, понимания траектории движения от прошлого и даже настоящего в будущее. Прошлое больше не считается точкой отчета, началом, его ценность и уместность в настоящем всячески ставится под сомнение. Начало времени «пост-настоящего» – в сингулярности момента, ускользающего настоящего, в содержании, теряющем свою форму. Поэтому сегодня мотивы утраты памяти, частной и коллективной, ее сохранения или восстановления актуализируются в общественном сознании всё чаще и в самых разных формах.

Память – своего рода история развития сознания человека, осваивающего мир в себе и снаружи. В памяти сохраняются моменты пересечения, слияния – человека и Мира, моменты исполненности человеком сущности, обретающей выражение в знаках. Они указывают на происходящее-рождающееся как на ту пустоту, которая осталась незаполненной и зияющей своим вопросом. Сущность, таким образом, постоянно взывает к необходимости собственного раскрытия, обращаясь к памяти и указывая на необходимость продолжения пути. Знаки запомнившегося (запечатленного) отпечатывают достигнутое, одновременно запечатывая случайность обратного возвращения, табуированного законом развития. Памятные указатели оставляют знак открытого смысла и замысла происходящего, оказываются в коллективном опыте – понятые и/или взятые под вопрос, требующий продолжения.

«Память мыслит о помыленном... Память – это собрание мыслей о том, что должно осмысляться прежде всего другого. Это собрание прячет в себе и укрывает у себя то, что всегда следует мыслить в первую очередь, все, что существует и обращается к нам, зовет нас как существующее или пребывавшее»¹. М. Хайдеггер определяет память как собрание мыслей о том, что держит нас в нашей сущности (выделено мной – Л.Г.), поскольку мы его мыслим.

¹ Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

Однако память – это не склад мыслей, скорее это не «собрание», а *собрание* мыслей и «воспоминаний» (своего рода «организация», «упорядочивание»), память – это способ ориентироваться в про(ис)шедшем (пройденном), руководствуясь (направляясь) теми самыми мыслями, что остались знаками встреч с новым, в которых сущность выстраивалась и обреталась. Наиболее зримые засечки становятся направляющими, которыми пользуется память. Память – способ удержания, который властвует над присутствующими в понимании и одновременно то, что их удостоверяет. Память – это власть над пространством и временем, определяющиеся пониманием. А что такое время? – «Время есть ничто иное как растяжение, но чего? Не знаю. Может быть самой души?»¹

Д. С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память — преодоление времени, преодоление пространства. Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство»². Культурная память — необходимое условие нравственной жизни. Культура как совокупность норм, правил, традиций закрепляет человеческие достижения, отработанные во времени жизнями многих людей, в коллективной памяти. Сохранение опыта, традиций конкретной национальной (культурной) общности есть условие ее национальной идентичности и как следствие сохранение ее целостности.

Историческая память как система представлений о прошлом не является устойчивой системой постольку, поскольку само прошлое в современном мире перестает быть структурой, превращаясь в событие. В понятие системы тоже не укладывается, разве что такой, центр которой везде, а границы нигде. Культурная память является базой мировоззрения. Сознательно или бессознательно она расшифровывается в знаках культуры. И чем богаче знания человека о культуре и собственной истории, тем эти знаки в книге памяти для него оказываются нагруженными большей информацией и смыслом. Чтобы это происходило, чтобы расшифровка культурного кода осуществлялась, необходимо, чтобы участки прошлого имели связь с настоящим. Память – это обращение к событиям произошедшим, обращение, которое

¹ Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991. С. 303.

² Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.

становится «превращением». То есть потенциал прошлого становится используемым в настоящем для продвижения в будущее. Разрыв связи чреват тем, что накопленный опыт и знания больше не смогут быть полезными для движения.

Культура — результат социальной активности, воплощаемой в материальных и духовных формах. Цивилизация опирается на достижения культуры, составляющие ее духовный каркас, фундамент и опору. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории во всей противоречивости и многообразии ее проявлений. Культурная (историческая) память — своеобразный «перекресток» прошлого, настоящего и будущего. Культура как рефлексивная форма с одной стороны создает дистанцию ко всему чужому и другой приближает. Она формирует идентичность или аутентичность.

Каково предназначение исторической памяти? Сохраняя, передать. Что? — опыт событий прошлого. А нужен ли этот опыт настоящему, столь стремительно меняющемуся, и будущему, столь непредсказуемому. Нужна ли будущему память? Нужно ли вообще что-то хранить, запоминать? А другой вопрос, нужно ли это делать человеку — или достаточно положиться на умную машину, которая и станет мозгом человека, по крайней мере, той его частью, где храниться информация — о прошлом. Память —она всегда о прошлом, но при этом всегда нацелена на будущее.

Одним из свойств памяти является узнавание. Но что можно узнавать в мире, который изменился до неузнаваемости? И продолжает порождать новации непрестанно, с постоянно возрастающей скоростью — от поколения к поколению. Знать и помнить, узнавать мы можем только нечто неизменное. Где же находится это неизменное, постоянное — там знание, «туда» и память.

Современность характеризуется стремлением превратить знание как нечто статичное, охраняемое в своей неизменности, в информацию — текучую структуру смыслов, легко приспосабливающуюся под время и пространство современного мира. И чтобы такая трансформация могла произойти, и знание могло бы обрести свою новую жизнь, оно должно быть «обретено», извлечено из кладовых прошлого, осознаваемого настоящего, опасений будущего. Знание как память о неизменном, постоянном, истинном. Информация — нечто текучее, адаптирующееся, превращающееся то в одно, то в другое. Именно знание становится

поисковым запросом памяти, оно – достоверное и незыблемое способно принести плотную основу и зыбкий текст современного мироустройства.

Информация нужна человеку не только и не столько для своего количественного накопления, упаковки, развертывания, хранения и передачи, а, и это главное, – для обнаружения в ней ценностей и указателей перспектив будущего развития. В современном мире информация является не только способом объединения людей, формой их совместного общежития, но и катализатором общественных изменений, изменений которые общество совершает в мироздании.

Информация, таким образом, являет собой представление, она суть форма, заключающая содержание многих и многих событий, и вид – проекция знаковых «происшествий», сотворенных совместным взаимодействием. Событие, в свою очередь, есть начало существования информации, и оно представляет собой взаимное существование, сцепление, взаимное соударение разделенных фракталов мироздания, дающее обнаружение их своей, и значит, существование. Отсюда берет начало проявленное бытие-сущее – из события, которое *отражено* и в информации. Здесь проявление и выход на поверхность, здесь черное и пустое наполняется светом, переходит из потенциального в актуальное. Становясь в свою очередь, причиной, сущностью, целью, материей.

Общественная коммуникация (общественные отношения) являются основным условием функционирования культурной памяти. И проблемы, связанные с вероятной возможностью утраты культурной памяти – потерей временной или постоянной – кроются в сфере отношений между людьми. Память существует до тех пор, пока знаки, символы которые она хранит потенциально, актуально присутствуют в активном коммуникативном пространстве.

По аналогии с естественным процессом взаимодействия нейронов, в результате которого образуются новые ячейки памяти, являющиеся будущими хранителями информации, функционирует и коллективная – культурная (историческая) память. «Клетки» коллективной памяти образуются только в ходе взаимодействия, коммуникации. И только так, во взаимодействии, сама клетка продолжает существовать и выполнять свою роль в организме, свое предназначение. Если связи не образуются – ее существование бессмысленно и бесполезно. «Клетка» (ячейка памяти) не нужна – она не рождается, не существует

Возможности мозга (органа, без участия которого невозможно говорить о сознании и одной из его способностей – памяти) мы

используем, по разным оценкам – от 1 до 10%, лишь частично. То есть часть клеток остаются неактивными, не задействованными в жизнетворчестве. Это происходит потому, что между ними нет связи. Так и в организме общества – коллективная память воспроизводится исключительно при взаимодействии, только являясь участникам памяти, клетки организма общества реализуют себя – функционируют.

Свою принадлежность коллективу (обществу), его истории человек начинает ощущать в практике, где ему раскрывается взаимозависимость всякого действия, каждой детали. Проводником в таком познании является память. В отличие от животного, человек имеет не только генетическую, но культурную память. Такая память – неприродная – передается только посредством передачи культурных знаков, точнее, через приобщение к их созданию и использованию. Если человек не обучен этому «искусству», то его можно считать лишенным связи с единым общественным целым, с тем коллективным организмом, о существовании которого зависит его собственное бытие и реализация.

Коллективная память – событие, свершающееся в личной истории, или, по-другому, это основа проживаемого человеком события, длительность которого составляет, в среднем, 60-70 лет. Индивидуальная жизнь, счастье – есть Нечто, связанное с единством створяющегося действиями отдельных людей, соединенных невидимыми нитями пространства и времени, информации и энергии в единый коллектив. Если есть связь с коллективом – есть связь с самим собой, есть представление – куда и зачем, видение смысла. Если ощущения коллектива нет (а как оно возможно только через память – через связь – историческую и культурную), то человек остается «культурным аутистом» или, что еще хуже, морально-нравственным дегенератом. Вроде и в обществе, но связи с ним нет, нет представления о его истории, задачах и смыслах, нет ощущения бытия внутри социального коллектива. Нет общества – есть только Я, только моя «история» есть.

История всегда есть сугубо коллективное действо, даже история конкретного, трижды индивидуального и свободного человека. Свобода от памяти – это свобода от всего, что было когда-то содеяно человеком, свобода от собственной сущности; это стояние перед колоссом и непонимание того, что движение вперед возможно только с этой ступени.

В своих воспоминаниях мы зачастую полагаемся на память других людей: культурная память связывает нас воедино. Она размыкает

каждого из нас, подключая к коллективному опыту и накопленным достижениям. И, наоборот, содержание каждого, возвращая в общий объем, где оно только и имеет свой смысл и реализацию. Культурная память – это коллективная история, коллективное пространство и время. Это то, что дает точку опоры и представление о перспективе.

Но, кажется, что «связь времен распалась...» Стремительное движение или перманентные скачки в будущее – настоящее настолько сильно отличается от того, что было несколько лет назад. Прошлое становится все более и более ускользающим. Однако говорить о том, что оно исчезает, ни в коем случае нельзя. Дело в том, что современная эра информации и коммуникации предлагает все новые более мощные и масштабные способы работы с информацией, в том числе той, которая хранится в памяти. А собственно, все, что мы имеем – это и есть информация, которая хранится в памяти. Обращаясь к ней, мы лишь раскрываем ее, обналичиваем и начинаем использовать. Информация – это способ обработки происходящего, его оформление, когда неоформленное содержание (условно, ничто), становится Нечто, обретая форму. Каким образом она обретается – включается – присоединяется – стыкуется, коммуницируется, одним словом. Рост массивов информации свидетельствует о том, что в поле коллективной памяти оказывается все больше и больше знаков. Усилившийся информационный обмен активизирует все большие и большие участки коллективной памяти, устанавливает все большее количество связей.

Сегодня часто звучат предупреждения о том, что мы «теряем память». Что это значит? Ведь поток информации из самых разных концов мироздания только расширяется. Сегодня наше существование стремительно проносится в информационном тоннеле. Что же происходит? В несущемся потоке памяти отсутствуют устойчивые связи и магистральные линии; память стала настолько подвижна, динамична в своем существовании, чего раньше было не возможно вообразить. Это и настораживает нас. Мы боимся утратить прошлое, не понимая, что постоянно находимся в его текучем потоке, теряясь в его пучинах.

Проблема потери памяти, возможно, заключается в том, мы, видимо, утрачиваем свое личное и личностное отношение к происходящему. Будучи в потоке, осознаем ли мы это свое присутствие в нем, замечаем ли, «означиваем» ли то, что происходит вокруг. При том, что историческая (культурная) память – это всегда активная жизнь сознания, включенного в происходящее...В чем причины такого

положения вещей? Откуда равнодушие к происходящему. Возможно опять же в том, что человек не видит, не осознает своего присутствия во всем том, что происходит, он не понимает, как всё связано с ним, не ощущает своей личной связи с прошлым и будущим, почему? Потому что не понимает своего настоящего. Проблема утраты памяти коренится в том, что мы не имеем настоящего – настоящего себя. Познавание прошлого – это часть самопознания. Испытывая колоссальную нехватку понимания себя, человек просто замыкается в темной кладовке обстоятельств, случайностей, закрывая глаза, затыкая уши на краски и звуки того, что есть вокруг, не замечая явных закономерностей происходящего. Причина – состояние отчужденности, ставшее символом современного человека.

Человек, утративший память, – это человек, потерявший связь не только с прошлым, но и происходящим, устранившийся от жизнетворчества. Для него все вокруг стало чужим, неизвестным, пугающим. С другой стороны, неизвестное – это новое, это возможность переоткрывать что-то по-другому, увидеть в новом свете. Лишь бы объект восприятия не исчез, то есть связь с ним сохранилась. А это проблематично.

Диалог культур как всемирный информационный процесс – весьма значимое событие, непрерывность и успешность реализации которого является условием движения человечества в следующие прогрессивные состояния. Диалог культур – перекресток ментальных моделей опыта и соответственно представлений о ценностных ориентирах и выбора магистралей будущего развития. Он свидетельствует о том, что проблема взаимопонимания общечеловеческого взаимодействия и взаимосуществования существует, и она имеет сегодня глобальные масштабы. Раньше такой проблемы не стояло, никакие культуры не помышляли о необходимости ведения диалога. Сегодня этот вопрос, изначально возникший с переходом человечества в эру глобальной интеграции, обнаружил необходимость самоопределения культуры и культур, как отправной момент ведения диалога.

Базовым условием глобальной коммуникации стало поиск не только того, что нас различает, не только поиск аутентичности, но и то, что нас объединяет – и поиск идентичности. Представляется, что, начиная с *самоопределения*, диалог ведет к выяснению того, что собственно составляет это *«само-»*, общее, как оказывается для всех. Одним из способов выяснения идентичности, с одной стороны, и

всеобщих оснований культуры вообще, человечества вообще является вопрос о природе культурной памяти.

Проблема возможности диалога культур, вопросы, касающиеся исследования культурной (исторической памяти) также показывает осознание того, что для современной действительности выживание человечества и его будущее зависит от того, насколько ему удастся осознать себя единым, целостным, глобальным.

Диалог культур – вопрос серьезный, рассматриваемый на самых разных уровнях, во всевозможных контекстах. Что может стать основанием этого диалога? Не только в рациональной коммуникации, но и в своих чувствах люди видят сходство между собой. Это и может стать средой согласия. Как? На основе чего создать эту среду? Память есть возможность диалога, который в свою очередь выступает базовым условием продвижения человечества в будущее. Ведь совершать движение в пространстве и времени, мы можем, только будучи соединенными информацией и энергией. Информацией – накапливать, сохранять и передавать которую, призвана память – аккумулятор и трансформатор движения будущего.

Глобальный мир современности. Казалось бы, разделение культур прекращается. Мы коммуницируем более глубоко и плотно, мир интегрируется прежде всего на базе информационно-коммуникационных технологий. И это испытание для памяти. Бум развития науки и технологий создал прорыв в информационном пространстве. Громадный поток информации – памятных знаков, который пока еще не возможно адаптировать. Интеграция несет в себе, с одной стороны, развитие, а с другой – рост неприязни, ненависти, возникающей как следствие невозможности в столь короткий период времени адаптировать множественный опыт различных культур, принять в себе и пережить ценности различных «историй», ментальностей. Увидеть другого, то есть не со стороны, а внутри – это и может означать принять его жизнь и историю как событие своей собственной жизни, увеличивая, таким образом, ее объем в разы.

Связь с прошлым может быть утрачена – и если это случится, но процесс будет необратимым. Поэтому вопрос о необходимости сохранения этой связи при всей изменчивости происходящего даже не возникает. Однако это должно быть не просто собрание знаков – пустых и безжизненных, но наполненных смыслов и значением будущего. Если история станет кладбищем – это будет большой трагедией человека.

Прошлое – это не даты, цифры, формулы; это события, опыт, достижения, жизнь, пропитанная чувствами и мыслями людей. Оно продолжает существовать в прожитой, оживленной дыханием интереса, проникновенного соучастия, истории. Культурная память живет активной жизнью, и жива она до тех пор, пока способна воссоздавать живые образы прошлого, способные окликнуть в человеке его собственное обращение к истокам самого себя.

Память представляет собой способ удержания целостности, она же - указатель того, к чему не может быть возврата, пройденному. И, одновременно с этим, это всегда извлечение нового, потребность которого в настоящем и будущем и активизирует процесс работы памяти. Воспоминание – это всегда создание новой связи здесь и сейчас, корни которой тянутся к началу события человека и Мира. Память – мысль об истоке, начале, она есть, по сути, толчок в будущее, мысль о движении, сущность и направление которого ей неизвестны. Именно их предстоит раскрыть человеку, связывая время, пространство, превращая информацию в знание и наоборот, и извлекая из этих процессов энергию для освоения будущего.

Д.Ф. Даутова

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Историко-культурное наследие – духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности, который является ресурсом наряду с полезными ископаемыми, а также фактором гуманитарной безопасности будущих поколений. Постиндустриальная цивилизация осознала высочайший потенциал национального достояния, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики. Без историко-культурного наследия немыслимы современная жизнь Татарстана и перспективы его развития, оно создает мировой имидж.

Государственная охрана объектов культурного наследия – одна из важных отраслей региона и подтверждена следующими законами: Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Принят 1 апреля 2005 г.; Закон Республики Татарстан «Об охране и использовании

культурных и исторических ценностей». Принят в 1996 г. Закон РТ от 01.04.2005 N 60-ЗРТ (ред. от 01.08.2011) "Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан". Принят Государственным Советом Республики Татарстан 25 февраля 2005 года.

На сегодняшний день Казань – первый из городов, входящих в список ЮНЕСКО, где реально и полноценно приступили к возрождению памятников истории и культуры по современным стандартам. Поверьте, далеко не в каждом регионе имеется такая серьезная комплексная программа по сохранению и изучению культурного наследия. Это очень сложная и большая работа. В Казани отработывается модель, которую можно будет использовать в других крупных городах с богатейшей историей. Сохранение культурного наследия в таком поликультурном регионе, как Татарстан, является сложнейшей проблемой, требующей тщательного изучения и осмысления, как учеными, так и общественностью. Актуальность данной темы становится очевидной не только в общероссийском масштабе, но, прежде всего, на региональном уровне. Одной из культурно-исторических частей и комплексных достопримечательностей в центре города Казань, требующая особого внимания, является Старая Татарская слобода. Формироваться эта уникальная территория начала после взятия Казани в 1552 г. Почти 400 лет тут жили поколения промышленников, мулл, купцов, ремесленников, ученых, даже крестьян. Сначала слобода была деревянной (на ул. Насыри до сих пор стоят деревянные дома, построенные в XVIII-XIX вв.) Затем мечети, медресе, дома стали отстраивать в камне. До 1917 г. в силу исторических причин Казань имела две ярко выраженных части городской застройки, которые отражали развитие двух основных национальных культур города.

Русская часть Казани находилась в верхней части Казани (ныне это Бауманский, Вахитовский, Советский районы). На территории Приволжского и частично Бауманского районов города сформировался уникальный ансамбль национальной татарской архитектуры, где каждый дом связан с выдающимися для татарской истории и культуры именами. Уникальность Старо-Татарской слободы заключается и в том, что она представляет собой единственный сохранившийся комплекс памятников периода формирования татарской нации в конце XIX – начале XX века. Это образцы доходных домов, торговые, промышленные и жилые усадебные комплексы. Несмотря на то, что застройщики должны были следовать строгим предписаниям образцовых проектов середины XIX

века, каждый хозяин стремился создать нечто оригинальное. Согласно своду памятников Казани в Забулачье и Закабанье было 93 историко-культурных и архитектурных памятника.

Среди подобных памятников архитектуры стоит выделить дом Б.-Ф.Я. Багаутдиновой (Марджани) – Б.-Х.Ш.Апанаевой, являющийся объектом культурного наследия республиканского значения.(Постановление Кабинета Министров РТ № 38 от 22.01.2000 г.) Построен в 1873 г. по проекту архитектора П.И.Романова, женой указного муллы первой соборной мечети Казани Б.-Ф. Я.Багаутдиновой. После смерти ее мужа Ш.Б.Марджани дом перешел по раздельному акту от 1890 младшей дочери хазрета Бибихавве Шигабутдиновне Апанаевой (1871-1945), которая была замужем за видным религиозным и общественным деятелем, муллой Сеннобазарской мечети Г.Апанаевым. Жилой дом расположен в живописном месте на берегу озера Кабан. К двухэтажному смешанных конструкций объему, расположенному торцом к улице, справа примыкает небольшой пристрой со входом. Крыша двухскатная железная.

Сооружение отделено от соседнего домовладения брандмауэром. Главный фасад здания обращен на озеро. Фасад основного объема с окнами в 4 оси фланкирован по второму этажу широкими филенчатыми пилястрами, которые повторяются и на пристрое. Первый этаж кирпичный, неотштукатуренный, его имеют простые обрамления и луковые перемычки. Верхние окна более вытянутые и занимают почти всю поверхность фасада. Они заключены в профилированные наличники с заостренными выпусками в нижней части и скатными завершениями. На всю ширину пристроя под навесом - 2 двери, одна из которых ведет на второй этаж. Над входами - широкое окно с наличником, повторяющим форму наличников здания. В верхней части дом и пристрой объединены широким фризом, украшенным меандром. Использован излюбленный в жилой татарской архитектуре прием оформления фронтона: трехстворчатое окно украшено резьбой и трехчастным завершением в виде скатов. Памятник жилой архитектуры в стиле эклектики с использованием элементов народного зодчества.

Старо-Татарская слобода, несмотря на довольно ощутимые потери последних лет, остается наиболее сохранившейся территорией старой Казани, а, значит, у нас есть возможность хотя бы здесь воссоздать уголки древнего города. По образному определению Э. Фатхулловой, «Старо-Татарская слобода – это Атлантида,

погрузившаяся в толщу минувших лет, но, к счастью, не сгинувшая совсем». Татарское деревянное зодчество, корни которого уходят в глубокую древность, отличается художественное своеобразие и замысловатость. . И сегодня можно увидеть на старых домах и воротах, в наличниках деревянных домов Новотатарской Слободы старинные образцы деревянной резьбы в виде солнечных знаков и геометрических линий. Зодчество казанских татар отличается оригинальностью и самобытностью. Использование цвета в оформлении построек татар перекликается с убранством Восточных изразцовых и мозаичных убранств знаменитых самаркандских мечетей. Цветовая гамма простая: зеленый, голубой, желтый и белый цвета. Остальные цвета татары использовали крайне редко.. Каждая половина ворот украшается посередине огромной розеткой, по углам каждой створки ворот находятся отрезки таких же розеток, фон ворот получает окраску такого же цвета - зеленую, желтую или голубую, а по краям остается кайма, которая вместе с розетками получает окраску белого цвета. Чаще всего жилые дома с фасадной стороны огораживались забором. Дома стояли от красной линии улицы на 2 метра.

С одной стороны, такое расположение было связано с влиянием ислама и затворничеством женщин, а с другой стороны эта традиция уходит в булгарские времена, когда глубинное расположение построек исходило из оборонных задач. Характерной особенностью было также деление жилища на мужскую и женскую половины. Оригинальным было и внутреннее убранство дома. Особую живописность интерьеру жилища придавала декорировка стен матерчатыми украшениями с ярким цветовым колоритом, ткаными и вышитыми полотенцами, пологам, скатертями, салфетками, намазлыками, шамаилами. Спальные места огораживались занавесью (чаршау), пологом (чыбылдык). По мнению этнографов, основные черты татарского интерьера несут отпечаток далекого кочевого прошлого¹.

Проблема сохранения культурного наследия имеет комплексный характер. Да, она не сводится только к ним. Огромную роль здесь играет политика, право, мораль, решимость сохранить поистине бесценное культурное наследие, доставшееся нам, освоить его и передать нашим детям в преумноженном, обновленном, облагороженном долгом, патриотизмом, заботой о будущем, виде. Казанские татары

¹ См.: Курашов В.И. Архитектура России. Казань деревянная. Казань, 2009.

сумели сохранить и пронести сквозь века и поколения художественные идеалы собственного традиционного зодчества. Их дома продолжают удивлять современников дивной и радостной радугой красок. Без памяти невозможно ни самосознание отдельного человека, ни самосознание народа. Сохранение ее является задачей каждого из нас.

Е.В. Дианова

ЧАСТУШКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Хранителями и трансляторами исторической памяти народа являются источники личного происхождения: дневники, письма воспоминания и мемуары. Вместе с тем на право обладания способностью передавать через поколения память о прошлых веках и десятилетиях, восстанавливать в сознании потомков «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» претендуют памятники художественного слова и произведения устного народного творчества. Среди них можно назвать: былины и исторические песни, бытовые сказки и сказы, былички и частушки.

Собирание частушек началось с конца XIX – начала XX вв. В очерке, озаглавленном «Новые народные песни» (1889 г.), Глеб Успенский писал о частушке как о самостоятельном жанре с определенными, именно ему присущими особенностями. Частушка представляет собой четырехстрочную, значительно реже двухстрочную или шестистрочную небольшую рифмованную песенку, откликающуюся, по словам Глеба Успенского, «на каждую малость жизни»¹.

Частушку называют наиболее реалистичным образцом малого жанра фольклора, потому что в ней отражаются «великие и малые события», хотя они «получают своеобразное, конкретно-личностное преломление в частных судьбах. Новое в общественной жизни порождает новые коллизии личного свойства. Эти коллизии, как правило, и делают частушку остро современной». Ученые отмечали удивительную способность частушки быстро и непосредственно

¹ Рождественская Н., Жислина С. Предисловие // Русские частушки. М., 1956. С.3.

реагировать на происходящие события, данная особенность «создает иллюзию того, что частушка – фотография жизненного уклада как такового»¹.

Частушка, возникшая как отклик на какое-либо общественно-политическое событие, безусловно, была актуальной и современной, но с течением времени она превращалась в характерную примету прошедшего времени, отголосок народной памяти о различных исторических фактах, явлениях и процессах.

В дореволюционных частушках представлены сельский мир и семья, крестьянские работы на поле и промыслы, отходничество, работа на фабрике. Не могли протий мимо народного творчества острые социальные темы: сиротство, забытое положение женщин, бесправие народных низов, классовое расслоение деревни на бедняков и богачей, рост налогов. С целью усиления эмоционального воздействия и передачи более точного и яркого выражения сути явления в частушке используются метафорические образы безысходности – сорная трава лебеда и горькая полынь:

Ах, цветочки-лебеда,
Мужику совсем беда:
Нету хлеба, нет земли,
Только подати плати.

Мы по полюшку прошли
И семьей проплакали.
Взойди, горькая полынька,
Где слезинки капали.²

В частушках начала XX в. отразились нерешенный земельный вопрос приметы аграрной модернизации, разрушение общины и переход к хуторам и хуторам во время реформы П.А. Столыпина:

До чего народ доходит –
Из общины вон уходит;
До того еще дойдет,
Что на хутор перейдет.

Через года-полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше будет жить
А нет охоты выходить.³

В советское время фольклористы записали целую серию частушек, посвященных рекрутам, солдатчине, русско-японской и германской войнам. Сквозь десятилетия народ в своей памяти пронес

¹ Горелов А. Русская частушка в записях советского времени // Частушки в записях советского времени. М.-Л., 1965. С.11.

² Частушки / сост. Л.А. Афанасьева. М., 1987. С. 22, 23.

³ Там же. С.25.

исторические события и связанные с ними географические объекты войны с Японией 1904-1905 гг.:

Скоро, скоро уезжаю
На Восток на Дальний –
Наступает там на нас
Японец окаянный.

Милый мой, пойдем домой,
Пойдем, моя кровиночка,
Тебя угонят в Порт-Артур,
Останусь сиротиночка.¹

В частушках времен Первой мировой войны упоминается театр военных действий Юго-Западного фронта:

Прощай, братья, прощай, сестры,
У германцев штыки остры.
Нас угонят за Карпаты
И зареют без лопаты.

Мово милого угнали
В дальнюю Галицию.
Его немного поучили –
Сразу на позицию.²

В исторической памяти простых людей были запечатлены образы японского и немецкого императоров, русского царя Миколушки (Николая II) и генералов. Однако народ, донося до нас сведения о давно прошедших событиях, мог объединить главных участников в одном лице и всю вину за промахи неудачи возложить на одного деятеля. Вот каким остался в памяти народа образ генерала Куропаткина, проигравшего русско-японскую войну:

Куропаткин генерал
Все иконы собирал.
И приехал на Байкал –
Словно церковь обокрал.

Куропаткин генерал
Все иконы собирал.
Пил, да ел, да жарил кур –
Протранжирил Порт-Артур.³

Иногда частушки всплывают в народной памяти как актуализация исторического опыта для аналогии с происходящими событиями. Например, во время Великой Отечественной войны в селе Никольское в Никольском районе Вологодской области была записана частушка на военную тему:

Много девок, много баб
Стояло у правления,
Они у русского царя
Просили замирения.⁴

Революция 1917 г. всколыхнула творческие силы народа, и в частушках еще больше стали отражаться все происходившие в это время

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 125, 134.

³ Там же, С.124.

⁴ Частушки в записях советского времени. М. – Л., 1965. С. 175.

события. Всем известны частушки с мотивом «Яблочко», сочинявшиеся революционными солдатами и матросами. В них помимо утверждения основ нового социального строя представлена целая галерея исторических деятелей, участников гражданской войны, офицеров Белой армии и прочих врагов Советской власти.

Сочинители частушек не прочь были позаимствовать расхожие фразы, характерные для той конкретной исторической ситуации. В годы гражданской войны, когда эскалация насилия достигла предела, в ходу были особые речевые обороты, обозначающие ликвидацию классового врага и политического противника: «приставить к стенке», «пустить в расход», «свернуть шею», «разменять». Частушка сохранила в памяти эти выражения:

Эх, улица, улица,
Гад Деникин жмурится,
Что сибирская Чека
Разменяла Колчака.¹

Вы, ребята, не робейте,
Мы Деникина побьем,
Колчака загоним в море,
Шею Мамонту свернем.²

Эпоха военного коммунизма также оставила свой след в народной памяти. В частушках упоминаются топливный кризис и остановка транспорта, коммунистические субботники по заготовке дров:

Пойдем, миленький, в субботу
Дров на станцию пилить.
Чтобы наши паровозы
Побыстрей могли ходить.³

В советский период издавались многочисленные сборники частушек с идеологически заданной целью. Для создания положительного имиджа власти, для закрепления в сознании народа соответствующего образа вождя самостоятельные авторы сочиняли разные припевки, и такие песни нередко выдавались как образцы устного народного творчества. Вместе с тем в памяти народа жила подлинная правда истории, прорывавшаяся, несмотря на запреты, наружу даже под угрозой репрессий. После перестройки были опубликованы собрания неофициальных частушек, в которых, действительно, нашла отражение

¹ Частушки. М., 1951. С.29.

² Частушки / сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Библиотека русского фольклора Т. 9. М., 1990. С. 150.

³ Русские частушки. М., 2007. С. 216.

горькая, ничем не приукрашенное знание правды о трагических событиях нашей истории¹.

В вошедших в эти изданиях частушках говорится обо всех событиях отечественной истории XX в. от последнего русского царя до Б.Н. Ельцина. Если вспомнить, какое наказание ждало людей за исполнение политических анекдотов и песен, то поразительно, как в народной памяти удалось сохранить эти правдивые свидетельства жестокого века. В политических частушках показано отношение народа к мероприятиям Советской власти, не совпадающее с пропагандой. Например, в первые годы Советской власти шло насаждение коммун, для «свирепых коммунаров» коммуны были «светоч коммунизма». О том, кто записывался в коммуны и как обстояли там дела, сообщают нам частушки:

Все в коммуне в ажуре
И никто там не дурак:
Спать подольше, есть вкуснее,
А работать – кое-как.²

Сидит Ленин на березе,
Ну, а Троцкий – на ели.
До чего же вы, товарищи,
Коммуну довели?³

В памяти народа частушка сохранила и воспоминания о продотрядах, бесчинствовавших в деревнях в период продовольственной диктатуры:

К нам приехал продотряд –
И сам черт ему не рад.
Заберут все до зерна –
Не оставят семена.

Проотрядовцы примчались,
Перерыли все вверх дном:
Недозрелым не гнушались,
Ни навозом, ни дерьмом!⁴

Мало кто сейчас помнит о пропагандистской шумихе в связи с речью И.В. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка - новые задачи хозяйственного строительства». В этом докладе И.В. Сталин выдвинул «шесть условий развития нашей промышленности»: рабочая сила, зарплата рабочих, организация труда, создание собственной производственно-технической интеллигенции, изменение отношения к инженерно-техническим силам старой школы,

¹ См.: Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т.2. Политические частушки / сост. А.В. Кулагина. М., 1999.

² Там же. С.33, 159.

³ Самоцветная частушка. Из собрания семи поэтов / сост. А.А. Бобров, Н.К. Старшинов. М., 1992. С.198.

⁴ Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т.2. Политические частушки. С.36.

внедрение и укрепление хозрасчета.¹ Что осталось в памяти народа в результате систематической политико-просветительской агитации среди населения, говорит частушка:

Ой, калина-калина,
Шесть условий Сталина,
Из них четыре - Рыкова,
А два - Петра Великого.²

В частушках, изданных в 1990-е гг., говорится о принудительных способах проведения коллективизации, о таких репрессивных мерах против крестьянства, как раскулачивание, конфискация и выселение, хотя такие сведения прорывались через цензурные препоны и в прежние времена.

Мы с миленком расставались	Всю квартиру описали,
В это воскресенье.	Описали и кровать.
Меня приняли в колхоз,	Неприятно как-то спать.
Его – на выселенье. ³	Раз описана кровать. ⁴

Народ путем создания малых форм фольклора высмеивал аграрную политику сталинского руководства, открыто заявлял свой протест против бесчеловечного отношения власти не только к взрослым труженикам, но и старикам и детям:

Заработали мы с мылым	Шла старуха из колхоза
Больше тыщи трудодней,	Трудодням обижена:
Но кормить сухой картошкой	Юбка рваная, худая
Нам приходится детей. ⁵	И сама острижена. ⁶

Государство расценило эти действия крестьян как покушение на колхозное добро. 7 августа 1932 года был принят печально известный закон «о пяти колосках» - закон ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности». Вслед за его принятием последовали карательные меры в отношении

¹ Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С.348.

² Русская эпиграмма. М., 1990. С.52.

³ Частушки / сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Библиотека русского фольклора Т. 9. М., 1990. С. 153.

⁴ Частушки в записях советского времени. М. – Л., 1965. С.271.

⁵ Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2-х т. Т.2. Политические частушки. С.40.

⁶ Самоцветная частушка. Из собрания семи поэтов. С.196.

крестьянства, чаще всего женщин, матерей, пытавшихся спасти от голода своих детей. И эта трагедия также нашла свое отражение в частушках:

Погулять я вышла в поле,
Колосочек сорвала...
Через десять лет на волю
Я из лагеря пришла.

Колоски я собирала
Для детей своих к зиме,
И за это я попала
Лед колоть на Колыме.¹

В памяти народа осталось воспоминание о массовых репрессиях, об отправке заключенных в специальных вагонах по железной дороге до Кеми, где находился пересыльный лагерь, а оттуда по Белому морю – на Соловки, в Соловецкий лагерь особого назначения, о строительстве великой «сталинской трассы» - Беломорско-Балтийского канала:

Машина с красными вагонами
Пошла на Соловки.
Зарыдали наши матери, -
Поехали сынки.²

Беломорканал проехал,
Он весь в новых чудесах:
Там поселки, шлюзы все
На человеческих костях.³

Поскольку частушки являются преимущественно жанром песенного творчества, больше распространенным в сельской местности, то колхозная тематика нашла в них самое широкое отражение. Если в довоенный период в них рассказывалось о трагедии советской деревни во время коллективизации, то после Великой Отечественной войны народ не только воспевал прелести колхозного строя, но и делился опытом работы по укрупнению колхозов:

Снег под солнцем серебрится,
Блестит как хрусталина,
Укрепляем мы колхозы
По совету Сталина.

С каждым месяцем и годом
Начинаем богатеть.
Наш колхоз ведь укрупнился –
Просто любо посмотреть.⁴

¹ Там же. С.61.

² Частушки / сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Библиотека русского фольклора Т. 9. М., 1990. С. 154.

³ Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т.2. Политические частушки. С.63.

⁴ Частушки Воронежской области. Воронеж, 1953. С.63, 71.

Не нуждаются в комментариях к своему смысловому содержанию частушки, связанные со смертью И.В. Сталина. Они лишь показывают, что в обществе не все люди оказались подвержены массовой обработке общественного сознания в период культа личности:

Когда умер вожьд наш Сталин,
Многие роптали:
- Из-за этой подлой твари
Стольких растоптали!...

Все о Сталине рыдали –
Аж мороз по коже!
Ну а многие сказали:
«Слава тебе, Боже!»¹

В период «хрущевской» оттепели появились новые поводы к созданию частушек: освоение целины, кукурузная эпопея, принятие семилетнего плана и задача построения коммунизма к 1975-1980 гг., соревнование с Америкой, запуск спутника, освоение космоса, мечты о полетах на Луну. Народ моментально откликнулся частушками на все эти исторические события².

Не меньше было создано народных припевок и в эпоху правления Л.И. Брежнева, и в последующий период перестройки. Все знают про ограничение продажи спиртных напитков и введение сухого закона при М.С. Горбачеве. В устном народном творчестве запечатлены и эти события, ставшие теперь предметов изучения историков и фольклористов. Раньше частушки передавались из уст в уста, сохранялись в рукописях, а теперь они вошли в литературные сборники и получили свое второе рождение, демонстрируя различные вариации на одну и ту же тему:

Во дворе орет петух,
Словно Пугачева.
Магазин закрыт до двух,
А ключ – у Горбачева.³

Подводя итог, можно сказать, что в частушках в поэтической форме отразились все великие и малые события прошлых лет. Народ сохранил историческую память о выдающихся личностях, прославившихся делами на благо на Отечества, а также о тех людях, чья деятельность не заслужила ни одного доброго слова. Народ помнит своих настоящих героев и антигероев, и эту память не стереть ни фальсификацией, ни переписываем истории. Меткое народное слово

¹ Там же. С.33.

² Русские частушки, страдания, припевки. Л., 1961. С.304, 305.

³ Самоцветная частушка. Из собрания семи поэтов. С.290.

пронесло через десятилетия подлинную правду обо всех перипетиях человеческого бытия.

Г.Н. Ершова, Ю.Н. Ершова

ГЕНЕАЛОГИЯ КАК ПАМЯТЬ: ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ

В настоящее время вновь актуализируется интерес к семейным ценностям. Семья является механизмом передачи опыта и наследования базисных моральных ориентиров. Все это делает востребованной тему исследования истории семьи. Для понимания деятельности отдельных людей и целых поколений актуальным становится изучение влияния семейного стиля и образа жизни на изменение системы ценностей семьи, на процессы преемственности поколений и передачи «культурного капитала» семьи. В этих процессах важную, но, к сожалению, малоисследованную роль играет семейно-родовая память. Семейная память сохраняет рецепты практик выживания кровно-родственных институтов в кризисные периоды радикальных социальных изменений, является программой передачи опыта следующим поколениям. Для изучения семейно-родовой памяти существенное значение представляет опора на методологию генеалогической науки, который позволяет проследить вопросы межпоколенной преемственности социальной памяти. В конце XX в. после значительного перерыва в отечественной науке наметилось повышение интереса к генеалогии. В 1980-90-е гг. появилось перспективное направление – восстановление истории непривилегированных сословий России¹.

Семейно-родовая память вырабатывает специфические нарративы, передающие мифы, которые могут рассматриваться как передача семейного символического капитала. В данной статье представлена попытка исследовать следы памяти личной биографии Седова А.О., сохранившиеся на микроуровне истории семьи. В качестве источников фигурируют не только материалы периодической печати, но

¹ См.: Логунова Л.Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования. автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Кемерово, 2011. С. 10-11.

и документы семейного архива: воспоминания разных лет о нем и самого Александра Осиповича. Данный вид источников личного происхождения запечатлевает мнемонические следы, отражающие эмоциональные переживания исторического события, даёт возможность изучать личность в контексте её индивидуальных особенностей, с чертами той среды, к которой она принадлежала эпохи, которая её породила. Они позволяют извлекать факты, через которые проявляются взгляды, уровень культуры, а специфика изложения событий проявляется в субъективном восприятии личностью отдельных моментов истории. Изучение источников личного происхождения позволяет представить исторические события в новой интерпретации, давать более многокрасочное представление о жизни, воссоздавать ее в проявлениях обыденной идеологии, менталитета, уровня духовной жизни. Эти источники воспроизводят формы социального общения, представления, мысли, чувства, т. е. человеческое содержание социальной культуры¹.

Разумеется, степень «сохранности», полнотражности образов всех представителей фамилий, составляющих генеалогию семьи, различается в зависимости от разных параметров и обстоятельств. Немаловажное значение имеет и историческая резонансность персоналии. К числу заметных на определенном уровне биографий относится биография Седова. В советское время о нем много писали в газетах г. Зеленодольска (Татарстан) в рубриках «Герои первой пятилетки», «Рассказы о коммунистах» в статьях, посвященных юбилеям Александра Осиповича или знаменательным датам в истории завода им. Горького. В официальных средствах массовой информации и пропаганды формировался образ героя-передовика производства и коммуниста. Нужно отметить, что воспоминаниям, опубликованным в советский период, как и публицистическим статьям были присущи изначальная идеологическая заданность и выдержанность, упор не на личность, а на событие, строгий выбор тем и сюжетов, стандартные образы, штампы, обезличивающие индивидуальность. Однако сквозь эти специфические приемы масс-медиа советской эпохи можно проследить и личные черты, такие, как одержимость, воля, вера.

В советское время для публикации отбирались преимущественно воспоминания его как современника революции и гражданской войны.

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.

«Село разделилось на своих и врагов. Прежние кулачные бои теперь были смертельными», – вспоминал А.О. Седов. Навсегда в памяти Александра Осиповича осталась качающаяся шашка, которую для устрашения воткнул в потолок белый офицер, который искал его отца.¹ Возможно, этими социальными катаклизмами обусловлено его увлечение с юных лет изготовлением оружия. И все это несмотря на то, что с детства был инвалидом. Со временем хромота усилилась. Несомненно, это отразилось на формировании его характера, воли и упорства. Из детства в памяти Александра остались сельские многодневные ярмарки. Он интересовался, как устроены качели и карусели, размышлял над усовершенствованием их конструкции. Уже в 17 лет талантливый механик-самоучка собрал бесшумный пистолет, который изъяли сотрудники НКВД, и по путевке комсомола он был направлен на курсы слесарей.

На первый взгляд, жизнь Седова складывалась и была типичной для людей эпохи перехода страны от аграрной к аграрно-индустриальной. Как писал в газете сам Александр Осипович, «страна наша Советская счет первым пятилеткам открыва, и мои рабочие руки ей были нужны. Это нам на курсах разъяснили. Я и так с удовольствием занимался, а тут и вовсе на учебу налег»². В 1931 г. по окончании курса слесарей в г. Чистополе его сначала направили в мастерские п. Козловка. Однако он, сторонясь рутинной работы, попросил перевести его в Зеленодольск на завод «Красный металлист» (ранее мастерские Паратского затона).

1930-е гг. были значимым периодом в истории завода, когда после гражданской войны он переходил от судоремонтного профиля к военному судостроению. Александр Осипович полностью отдавал себя и работе, и любому порученному делу: сажал тополя на городских субботниках, показывал фильмы колхозникам в селе, чинил мельницу, принимал хлеб. Однажды его премировали коровой, а он отдал ее многодетной семье, которая едва сводила концы с концами. В 1932 г. Александр Осипович становится бригадиром. Чертежи становились сложнее, чтобы разобраться в них, он начинает брать работу на дом. Так, А. Седов вспоминал: «Друзья вечером на танцы, а я – за чертежи. Такой

¹ Ершов Н.Н. Судьбы людские (на житейских перекрестках) // Зеленодольская правда. 1981. 8 августа

² Седов А.О. Присягнул навечно // Зеленодольская правда. 1978. 20 октября.

восторг охватит, когда узел разгадаешь, и лучшего не пожелаешь, как сейчас бы к верстаку...»¹.

Когда началась война, Александра в числе лучших специалистов своего дела оставили на заводе. Но в тылу трудностей было не меньше. Стояли у станка, пока могли держаться на ногах. Порой спали по два-три часа в сутки, не уходя домой. Пройдут десятки лет, он женится, вырастит троих своих детей и воспитает троих приемных, а талант останется. Как вспоминает Н. Ершов, «на пятидесятилетие ему подарили настенные часы с боем. Он работал по ночам и увлекался настолько, что не слышал их. Свой главный труд — новую холодильную установку на рыболовных судах в более чем три тысячи деталей — он выполнил на обратной стороне обоев. Чтобы все воплотить в металл, требовались деньги. Он был готов продать свой дом, но денег нужно было гораздо больше»². Главный инженер завода поверил в эффективность его разработок. Образец прошел испытания, его приняла Государственная комиссия. После испытаний в рабочих условиях выпуск был разрешен, и вскоре на всех судах требовали холодильные установки конструкции Седова.

В 1966 г. первым на заводе и в г. Зеленодольске Александр Осипович становится Героем Социалистического Труда. Несмотря на недостаточное образование, он достиг высот в рабочем деле, удостоен званий «мастер — золотые руки», «лучший рационализатор». Как писал Н.Н.Ершов, «каждое утро, в шесть часов, он, как всегда подтянутый и свежий, уже позавтракав, мерно постукивая железной тростью, спешит на работу»³. По воспоминаниям родственников, это был светлый, отзывчивый, добродушный человек. Коллеги называли его не иначе как «наш золотой дядя Саша». В быту он не замечал неудобств, но на рабочем месте всегда соблюдал чистоту и требовал аккуратности от других. Рассказывая о своей партгруппе, мастер М.Ф.Чистяков подчеркнул: «Квалификация у большинства высокая, но самые сложные, самые мудреные заказы выполняет все-таки Седов. В главном своем рабочем деле Александр Осипович незаменим»⁴. Он подготовил много специалистов, но до глубокой старости на ответственные испытания его

¹ Седов А.О. Воспоминания // Из архива Ершова Н.Н.

² Ершов Н.Н. Воспоминания об А.О. Седове // Из архива Ершова Н.Н.

³ Там же.

⁴ Ершов Н.Н. Дядя Саша — мой современник (рассказы о коммунистах) // Зеленодольская правда. 1988. 3 февраля (см. прим. редакции).

приглашали в цех. Так, в семейном архиве сохранилась трудовая книжка А.О.Седова, подтверждающая 59-летний стаж трудовой деятельности. Многое из изобретенного им и в настоящее время остаётся под грифом секретности, поэтому он не разглашал подробностей своей работы.

Однако после экономических и политических трансформаций начала 1990-х гг. для завода начинаются кризисные времена, сокращаются военные госзаказы. Седов уходит на пенсию, тяжело переживая разрушение привычного уклада жизни. Нужно отметить, что в 1992 г. его приглашали на митинги Организации коммунистов РТ в г. Зеленодольске как почетного аксакала, для подтверждения преемственности в возрожденной коммунистической партии. Он был горд, что состоял в ней 60 лет и до конца жизни оставался коммунистом. «Что же делается с нашей страной, нашим народом? – обратился он к собравшимся. – Ведь это мы отстояли завоевания Октября и свою свободу в войне с фашизмом. Ведь это мы из руин за считанные годы подняли страну... Пусть же сплотит нас всех Великий Октябрь и сегодняшний день!»¹ Его выступление совпадало с общей риторикой пропаганды коммунистической партии тех лет, но это была не только риторика. Это был крик души.

Ткань социокультурной реальности обладает целостностью при условии позитивной мнемонической атмосферы, необходимой для нормального функционирования социальных общностей. Её нарушение в случаях использования следов исторической памяти как объектов манипуляции, запрета на память о «неудобных» событиях, распределения акцентов на понимании политических событий способно заслонить или стереть из памяти черты подвижничества и самоотверженности. Сопrotивляясь внешнему давлению общественно-политических событий макроуровня, обесцениванию межпоколенного символического семейного капитала, семейно-родовая память на микроуровне социального взаимодействия закладывает основные смыслы понимания жизненных ситуаций, сохраняя личностно-значимые события, закрепляет межпоколенную солидарность людей в транзитивном обществе.

С ростом внимания к человеку в истории, к историко-культурному измерению прошлого повышается значение привлечения в работе историков источников личного происхождения. Они становятся

¹ Хасанова Л. У памятника Ленину // Зеленодольская правда. 1992. 10 ноября.

материалом для исследования того, как ощущают, как мыслят себя люди в истории, как воспринимают исторические события. Эти источники дают исследователю множество деталей и примет времени, которые отсутствуют в других видах источников.

М.З. Закиев

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ 1000-ЛЕТИЯ Г. КАЗАНИ

В 70-х годах XX в. историки стали обращать серьезное внимание на 1177 г. как на дату основания Казани, зафиксированную в некоторых экземплярах «Казанского летописца», написанного безымянным автором в 1562-1564 гг. На основе этого документа по предложению проф. А.Х. Халикова было принято решение о проведении в 1977 году 800-летия г.Казани. Лишь после подготовки праздника Татарской обком КПСС обратился в ЦК КПСС с просьбой разрешить проводить 800-летие Казани. Из ЦК КПСС и Института истории был получен отказ, и проведение юбилея сорвалось. По истечении 17 лет, в 1994 г., мэр Казани К.Ш. Исхаков позвонил в АН РТ и в ИЯЛИ с просьбой о возобновлении работ по подтверждению 800-летия г. Казани. По просьбе мэра и АН РТ мне, как директору ИЯЛИ, поручили организовать дополнительное изучение проблем времени основания Казани. После завершения изучения вопроса в ИЯЛИ я созвал заседание дирекции.

Открывая заседание, я задал присутствующим вопрос: правильно ли мы поступаем, пытаюсь установить время основания на кремлевском холме именно города, а не первого поселения? Правильна ли принятая у нас точка зрения, согласно которой любой населенный пункт считается городом со времени появления в нем каменной крепости? Ведь в Западной Европе возраст городов отсчитывается со времени появления там первых поселений. Так, в середине двадцатого столетия было торжественно отмечено 2700-летие города Рима, на территории которого, судя по легендам, первые поселения появились в 754 – 753 гг. до н.э. Как пишут специалисты, археологические данные свидетельствуют о еще более раннем существовании поселений на месте Рима. Но ведущие историки Рима определили условное время возникновения поселения и решили праздновать 2700-летний юбилей.

Обсудив вопросы определения возраста Казани, дирекция путем голосования пришла к выводу не нарушать традиции и считать возраст Казани со времени появления там каменной крепости. Было также отмечено, что Казань как поселение возведена намного раньше, чем 1177 г. Путем голосования было решено признать 1177 г. временем основания Казани, а также необходимость подготовки 825-летнего юбилея города в 2002 г.

Если бы я как директор ИЯЛИ это решение официально представил в соответствующие организации, то в 2002 г. праздновали бы 825-летие Казани. Но будучи специалистом по древней тюркской истории, я взял на себя ответственность опровергнуть перед руководством РТ и города устоявшееся убеждения историков и руководителей города и республики об основании города в 1177 г. Осмелился взять на себя ответственность доказать, что Казань основана намного раньше. Руководители республики и города, ожидавшие, что ИЯЛИ еще раз подтвердит 1177 г. как дату основания Казани, с такой постановкой вопроса согласились лишь при условии ускорения получения окончательного ответа Института о времени основания Казани.

Мою историко-лингвистическую версию о том, что Казань основана не в 1177 г., а намного раньше, историки и археологи ИЯЛИ не захотели принять, оставшись при своем мнении о времени основания Казани в 1177 г. Поэтому к делу установления даты основания Казани я, как академик-секретарь отделения гуманитарных наук АН РТ, привлек университетского археолога Азгара Мухамадиева. Вдвоем мы пришли к единому мнению, что на территории современной Казани поселения существовали еще в 8-6 вв. до н.э. Эту версию А.Мухамадиев подтвердил и археологическими данными. Следовательно, Казань как населенный пункт основана 2700—2500 лет тому назад. В таком случае, если вместо неудавшегося 800-летнего юбилея Казани предложить празднование 2700 или 2500-летнего юбилея Казани, ведущие московские историки нас не поймут, — рассудили мы тогда, поэтому пытались определить время основания Казани не как поселения, а как города. Азгар Мухамадиев высказал свое убеждение о наличии на территории Казанского Кремля каменной крепости X—XI вв. н.э., остатки которой он собственноручно обнаружил при археологических раскопках. Следовательно, Казань как город берет свое начало на стыке X—XI вв., т.е. ровно 1000 лет назад. Тогда мы решили с ним довести до сведения

руководства уже бесспорные доказательства 1000-летнего возраста Казани. При этом мы прекрасно понимали, что Президент РТ и Глава администрации города Казани создадут все условия для подтверждения нашей обоснованной идеи о 1000-летию города.

18 октября 1995 г. Азгар Мухамадиев выступил на методическом семинаре истфака КГУ, доказав, что Казань не как поселение, а как город возведена в самом начале XI века и, таким образом, он первым озвучил перед публикой наше общее мнение о 1000-летию Казани. Я же проинформировал руководство о том, что Казани как городу 1000 лет. Наше сообщение во всех инстанциях было принято положительно, с указанием продолжить исследования в этом направлении до получения неопровержимых доказательств. Президент РТ М.Ш. Шаймиев, выслушав мои доводы о возрасте города Казани, сказал мне:

— точной даты основания города найти невозможно, давайте начнем искать доводы, доказывающие 1000-летие Казани.

После одобрения Президентом нашей идеи о 1000-летию города Казани, мы начали работать в этом направлении более настойчиво.

С тем, чтобы подтвердить нашу идею о 1000-летию от лица специалистов по археологии Кремля, я попросил Ф.Ш.Хузина высказать мнение научной группы «Археология Казанского кремля» относительно обнаружения остатков каменной крепости, построенной на стыке X—XI вв. н.э. Приведу в сокращенном варианте ответ Ф.Ш.Хузина, подписанный им 7 декабря 1995 г.

В начале своего ответа он кратко описывает историю археологического изучения территории Казанского кремля, перечисляет наиболее интересные археологические материалы и делает заключение: «Эти материалы позволяют высказать гипотезу о наличии на кремлевском холме остатков небольшого, впоследствии, может быть, полностью уничтоженного булгарского поселения, возникшего где-то на рубеже X—XI вв. Можно ли с этой датой связать возникновение самого города Казани? На этот вопрос мы даем отрицательный ответ. Нет, слишком мало данных!

1177 год как условная дата возникновения города Казани поддерживается всеми сотрудниками научно-исследовательской группы «Археология Казанского кремля», в том числе и бывшими оппонентами проф. А.Х.Халикова». Как явствует из изложенного, археологи и историки долго не решались отказаться от устаревших взглядов.

В самом начале 1997 г. Институт истории начал работать как самостоятельное юридическое лицо, и все достижения ИЯЛИ по установлению идеи 1000-летия Казани перешли в распоряжение Института истории и администрации Казани.

С тем чтобы факт открытия 1000-летия Казани закрепить за прежним единым Институтом языка, литературы и истории, 16 января 1997 г. на имя Главы администрации города К.Ш. Исхакова я отправил специальное письмо «О времени основания г. Казани» за исх. № 17344/1256/14 с объяснением того, как в Институте языка, литературы и истории было определено и доказано время основания Казани. В настоящее время это письмо хранится в администрации города в архиве отдела по подготовке к 1000-летию Казани.

В письме говорится: «Еще в начале 1996 года мы, от имени ИЯЛИ АНТ, написали Вам справку об основании г. Казани еще в X веке, ибо археологические раскопки, проведенные в 1994—95 годах в Кремле, показали наличие самого древнего (на языке археологов: пятого) слоя культурных напластований, относящихся к концу X — середине XIII вв.». Далее в письме я доказываю, что город Казань не мог быть основан ни в 1177 году, ни позже — в 13 или 14 вв., и утверждаю, что наш город основан в 9-10 вв. косанами (кусанами — белыми сюнами), которые ранее в Фергане возвели город с аналогичным названием *Касан* и этот город в 5 в. н.э. стал центром ферганских царей. Племена *касан* (*кусан*) в нашем регионе входили в состав булгар. «Таким образом, при желании можно было бы научно достоверно отнести время возникновения города Казани к концу 10 в. и на стыке 20-21 столетий праздновать его 1000-летие» (М.З.Закиев). Таким образом, именно в Институте языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова было установлено, что Казани как городу 1000 лет. Информация о таком возрасте города была положительно воспринята во всех республиканских инстанциях.

Когда только что организованный Институт истории АН РТ в 1997 г. приступил к работе по подтверждению идеи 1000-летия Казани и ее аргументированию в сообществе российских и зарубежных историков, татарская общественность, особенно руководители республики и города не сомневались, что необходимо готовиться к 1000-летию юбилею Казани. Получив соответствующие указания и, главное — полную финансовую поддержку от руководства республики и города, Институт истории, который отделился от Института языка, литературы и истории

почти в готовом виде, начал выполнять свою ответственную и почетную обязанность.

По сообщению директора Института истории АН РТ Р.С.Хакимова на заседании Президиума Академии наук Татарстана, в институте истории проводились целенаправленные научно-исследовательские работы по изучению истории возникновения и развития города Казани.

Накопленные материалы были обсуждены на прошедшей с 31 мая по 4 июня 1999 г. в г. Казани Международной научной конференции «Средневековая Казань: возникновение, развитие». В ее работе приняли участие более 150 ученых — ведущие специалисты в области археологии, нумизматики, истории, источниковедения — из России, стран ближнего (Азербайджан, Узбекистан, Украина) и дальнего зарубежья (Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Египет, Италия, Норвегия, Турция, Франция, Чехия, Швеция) и городов России. Конференция приняла обращение.

Рассмотрев обращение Международной научной конференции «Средневековая Казань: возникновение, развитие» и изучив материалы, касающиеся возникновения и становления Казани как города, Ученый совет Института истории АН РТ принял решение:

«Признать аргументы и доводы исследователей, о времени возникновения города Казани как военного форпоста и торгового центра на рубеже X—XI вв. научно достоверными и подтвержденными целым рядом независимых экспертиз. Принимая во внимание частоту совпадения экспертных оценок на основе археологических, нумизматических данных и данных термolumинесцентного анализа керамики, спорово-пыльцевого анализа почвы, учитывая небольшую мощность V археологического слоя Казанского Кремля, что указывает на относительно медленное становление городского поселения, наиболее вероятной датой возникновения Казани как города, найденной путем аппроксимации, следует считать границу 1004-1005 годов» (Р.С.Хакимов). Естественно, эта точная дата была определена руководством республики как наиболее удобная для проведения 1000-летия Казани.

Без такого огромного, продуманного труда ученых-историков мнение татарстанских ученых о 1000-летию Казани могло быть опровергнуто московскими историками в угоду определенным

политическим аспектам. В том, что этого не случилось, бесспорно, большая заслуга Президента РТ М.Ш.Шаймиева и мэра города К.Ш.Исхакова, а также руководства Института истории АН РТ. Что касается организационных мероприятий по подготовке и проведению 1000-летнего юбилея Казани во всероссийском масштабе под председательством Президента России В.В. Путина, то надо прямо заявить, что запустить в действие такой механизм под силу было только самому Президенту РТ М.Ш. Шаймиеву.

В конце августа 2005 г. с большим размахом отпраздновали 1000-летие Казани.

Р.В. Ильязова

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Историческая память - вид коллективной памяти, представляющий собой набор, передаваемых из поколения в поколение, исторических сообщений, мифов о событиях прошлого. Однако чем же отличается историческая память от самой исторической науки? - Изучение истории направлено на более полное и точное отображение реалий прошлого, историческая память же во многом мифологична и субъективна. Пожалуй, во многом это обусловлено субъективностью самих источников исторической памяти. Экспозиция в музее, памятник, литературное произведение, фильм являются непосредственным объектом воздействия сугубо личностного человеческого фактора, влияющего таким образом на характер представления информации о том или ином событии и впоследствии на эмоциональное восприятие этой информации другими людьми.

Историческая память играет действительно важную роль в самосознании народа, общества, государства. Именно общий опыт: победы и неудачи, - делает общество единым, влияет на эмоциональное восприятие человека, как части целого. Сегодня в условиях глобализации вопрос об исторической памяти стоит как никогда остро. Необходимо разобраться в сути этого явления, а также подумать о том, как создать такую историческую память, которая отражала бы состояние дел прошлого наиболее правдиво. В данной статье речь пойдет о литературе. Точнее об историческом романе, как источнике исторической памяти.

В качестве самостоятельного жанра исторический роман существует довольно давно. Основоположником его на Западе принято считать В. Скотта, в России - А.С.Пушкина. На сегодняшний день исторический роман является одним из популярнейших способов распространения исторических фактов и формирования исторической памяти.

Историзм в литературе, по В.В.Кожину – художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также её неповторимого облика и колорита. Проблема историзма приобретает особый характер, когда речь идет об историческом жанре, то есть о романе, поэме, драме и т.д., в которых ставится цель воссоздать человеческую жизнь прошедших времен. В этом случае писатель неизбежно сталкивается с требованиями историзма и сознательно стремиться их осуществить. Но в более скрытом и часто осознанном виде историзм выступает как неотъемлемое свойство любого подлинно художественного произведения, ибо историзм – есть прежде всего способность «схватить» ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах¹.

Проблема историзма, заключающаяся в воссоздании прошлого, была поставлена уже в книге Г.Лессинга «Гамбургская драматургия». Элементы такого историзма мы также находим в драмах Ф.Шиллера (трилогия о Валленштейне) и И.Гёте. Большую роль в становлении историзма сыграла литература романтизма, остро поставившая проблемы национального своеобразия исторического развития. Наиболее отчетливо формируется историзм в творчестве В.Скотта. Переход к буржуазному образу жизни, ранее всего сформировавшийся в Англии, дал писателю возможность остро ощутить смену эпох, кардинальное различие социальных отношений, быта, психологии средневековья и нового времени. После Скотта начинается интенсивное развитие действительно исторической литературы; создаются исторические повествования и драмы А.С.Пушкина, П.Мериме, Н.В.Гоголя, У.Теккерея, Г.Флобера, Ш. Де Костера и др., действительно воссоздавших прошлое и в его историческом содержании, и в его неповторимом облике.

Г.М.Ленобль в своих «Дневниках критика» приводит уточнение термина «исторический жанр»: «Пожалуй, правильнее, - пишет он,-

¹ Кожин В.В. Происхождение романа: теоретико-исторический очерк / В.В. Кожин. – М: Сов. пис-ль, 1963.- с.213

было бы другое выражение: «исторические жанры». Ведь художественно-историческая литература - это совокупность многих жанров, совокупность произведений самых различных жанров, которые лишь в одном отношении близки между собой (но зато родственно близки,- потому именно, что все они – произведения художественно-исторической литературы). По другим же линиям они подчас чрезвычайно далеки одно от другого, примыкая к разным, давным-давно существующим, литературным видам и родам. Другие же литературоведы в большинстве своем предлагают внутри жанровую классификацию исторической литературы. Например, Л.Александрова, отмечая, что композиционная функция подлинных исторических событий, их взаимосвязь с художественным вымыслом и домыслом определяет различие между теми или иными историческими произведениями, выделяет следующие разновидности «исторического жанра»: роман, роман-эпопея, историческое повествование, роман-хроника, художественно-документальная историческая повесть, историко-биографический роман. Таким образом, мы видим, что на деле Александрова, придерживаясь классической традиции жанра: роман-эпопея, роман, повесть, рассказ, новелла, вполне солидарна с точкой зрения Г.М. Ленобля.

Все это, казалось бы, хорошо и здорово. Однако история и политика всегда шли бок о бок. Согласитесь, сложно представить поистине авторитетную и влиятельную власть без умения ловко представлять те или иные факты на пользу себе, государству и обществу. Здесь рождается такое явление, как фальсификация исторических фактов, а значит сознательная корректировка исторической памяти. История России пережила множество таких «поворотов» в угоду изменяющимся стандартам и идеологиям, таким образом, претерпев большое количество искажений. В литературе и искусстве, в отличие от науки, грань между допустимым и недопустимым размыта хотя бы в силу обилия художественных приемов, призванных наиболее ярко, возможно, утрированно отразить реалии исторической эпохи. Поэтому, я считаю необходимым подвергать строгой критике всю так называемую «историческую литературу». Заниматься этим должны не кто иные, как профессиональные историки, имеющие вполне реальную возможность сопоставить информацию из учебника, романа и другого продукта литературной деятельности с данными архивных документов.

Изучение романа как жанра отличается особыми трудностями. Это обусловлено, прежде всего, своеобразием самого объекта исследования: роман - единственный еще не вполне сформировавшийся жанр. Роман не имеет такого канона, как другие жанры: исторически действительны только отдельные образцы романа, но не жанровый канон как таковой. В XVIII веке усилиями Филдинга, Виланда и Блакенбурга был сформирован ряд требований к роману:

1) Роман не должен быть «поэтичным» в том смысле, в каком поэтическими являются остальные жанры художественной литературы;

2) Герой романа не должен быть «героичным» ни в эпическом, ни в трагическом смысле слова: он должен объединять в себе как положительные, так и отрицательные черты, как низкие, так и высокие, как смешные, так и серьезные;

3) Герой должен быть показан не как готовый и неизменный, а как проходящий путь становления;

4) Роман должен стать для современного мира тем, чем эпопея являлась для древнего мира (эта мысль со всей четкостью была высказана Блакенбургом и затем повторена Гегелем)¹.

Что же касается именно исторического романа, то помимо названных требований, я считаю необходимым назвать следующие:

5) Подлинно историческое художественное произведение должно охватывать определяющие моменты в истории тех или иных народов, вскрывать движущие пружины событий;

6) Посредством введения в роман определенных героев автор обязан на их примере показывать влияние описываемых исторических событий на разные массы людей.

Таким образом, задача художника состоит не в том, чтобы сформулировать закономерности исторического развития в ту или иную эпоху, а в том, чтобы запечатлеть тончайшие отражения общего хода истории в поведении и сознании людей. Показать внешнее воздействие исторических событий на человеческие судьбы можно и в простом документальном очерке; роман, ограничивающийся этой задачей, не

¹ Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986. – с.398

будет подлинно художественным, ибо искусство призвано воплотить конкретно-историческое содержание в целостном образе человека¹.

Писатель и историк по-разному смотрят на художественно-историческое произведение. Для писателя важны красноречивость и убедительность описания событий. Для историка же помимо всего прочего важным критерием оценки романа является подлинность описания реальных исторических фактов, их наименьшая искаженность. Однако все же писатель, взявшийся за создание исторического произведения, должен прекрасно понимать для чего он это делает: для личной наживы путем создания развлекательного чтива, необремененного и толикой реальных фактов, или же для того, чтобы донести до обычных людей правду о прошлом во вполне доступным для них языком.

Тем не менее, художественно-исторические произведения являются непочатым ресурсом добывания этих самых подлинных исторических фактов, особенно если автор является современником, описываемой им эпохи. Однако историк обязан принимать во внимание такие факторы как аутентичность и репрезентативность источника: когда и для чего или для кого было написано данное произведение. Это позволит отбросить личностную оценку автора и вычленить наиболее истинное суждение. Несомненно, так же необходимо принимать во внимание соответствие определенных данных, приведенных в романе, данным других источников. А в случае их расхождения уметь различить вымысел и правду.

В целом исторические романы помогают воссоздать целостную картинку происходящих когда-то событий, способствуют улучшению усвоению исторически сложного материала. Для обычных людей художественно – исторические произведения на сегодняшний день в России являются познавательным и по большей части развлекательной литературой, в лучшем случае, воспитывающей чувство гордости за свою страну, за свой народ, а может даже вдохновляющем на новые великие дела. Историком же такие произведения должны восприниматься в качестве документов, а значит и подход к ним, я считаю, должен быть научным.

¹ Кожин В.В. Происхождение романа: теоретико-исторический очерк / В.В. Кожин. – М: Сов. пис-ль, 1963.- с.215

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В настоящее время человечество вступило в новое качество – в период формирования новых, общемировых экономических, политических и культурных систем, далеко выходящих за рамки отдельных государств. Современный мир все больше подвержен процессу интеграции экономики и взаимопроникновению культур. В период глобализации экономики и культуры необходимо сохранить свое национальное культурное лицо и государственность.

Прошлое постоянно окружает человека в его повседневной жизни, отражаясь в отношениях между людьми, в общественном строе, в обычаях, обрядах, фольклоре, традициях, в произведениях искусства, литературе. Воспитание исторического сознания общества, формирование государственной идеологии, национальных идей и ценностей в сознании молодежи приобретает в переломные моменты истории страны особенно важное значение. Например, когда в российском обществе в 90-е годы XX века происходила трансформация духовных ценностей, происходила переоценка ценностей, формировалась новая социально-экономическая и политическая система. История человечества образует связь между поколениями. Особую роль в этом процессе играет историческая память.

Историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации¹. Она образует основу социально-культурной самоидентификации человека, социальных групп, поколений.

Историческая память, по мнению Ж.Т. Тощенко, это определенным образом «сфокусированное сознание», в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность,

¹ Бойков В. Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. М., 2002. № 8. С. 85.

благодаря ее тесной связи с настоящим и будущим¹. Формирование исторической памяти невозможно без личной исторической памяти, личной судьбы человека, историей его семьи, его предков. Реализация исторической памяти происходит при воспроизводстве прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей в настоящем.

Содержание исторической памяти является совокупностью взглядов, идей, настроений и чувств, отражающих оценку прошлого, как для отдельных людей, так и для общества в целом. Культурная память – это необходимое условие нравственной жизни, духовности, национальной идентичности, связанные с любовью к родным местам, чувством патриотизма. Историческая память может меняться с течением времени, т.к., создавая образы прошлого, она вызывает различные эмоции, создает новые кумиры, низвергает старые. Двоякая природа исторической памяти показывает противоречивость реальной жизни. Иногда новые памятники культуры противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы, скульптуры прежних вождей становятся бесхозными, книги оказываются не нужными.

Историческая преемственность – основное условие стабильного развития общества. Без понимания истории своей страны, происходивших и происходящих в ней социально-экономических, политических и духовных событий – нет будущего у общества. Уважение к истории, формируя высокое чувство национальной гордости, одновременно учит любить Родину, делить со своим народом не только его исторические подъемы, но и времена трудностей.

Сохранение традиционных устоев является фундаментом для патриотизма. Народ, утративший историческую память, самобытность, теряет вместе с этим и то культурное место, которое он исторически занимал в мировой цивилизации. Хранителями исторической памяти являются социальные общности: семья, нация, государство. Человек не может считать себя гражданином страны, если он не знает главные вехи ее истории, историю своего города, села, края, в котором родился или живет.

Разобщенность современного российского общества негативно сказывается на исторической памяти в различных социальных группах. В

¹ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память // Парадоксальный человек. М., 2001.

ней перемешиваются правда и вымысел, а еще чаще – внедренная ложь. На современном этапе развития нашего общества происходит искажение исторического сознания, утрачивается историческая память, рушится связь времен и преемственность поколений, что отрицательно сказывается на развитии российского общества, которое сейчас очень нуждается в духовных и нравственных ценностях для сплочения нации.

Историческая память, ее состояние являются сравнительно новыми объектами социологических исследований. Результаты исследований¹ говорят о том, что наиболее устойчивым элементом исторической памяти российского населения, сохраняющим неизменно первую позицию, является память о Великой Отечественной войне.

Память о Великой Отечественной войне при всех ее проблемах, ошибках, провалах – сегодня, пожалуй, единственное историческое событие прошлого, которое в немалой степени объединяет население России и бывших республик СССР². Продолжаются искажения исторических фактов, их подтасовки, на выдающийся подвиг советского народа. Чаще рисуют «невинными жертвами» тех, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР, например, предателя – генерала Власова. Перед юбилеем Победы в 2005 г. «по суворовским училищам и кадетским корпусам с почетом ездил капитан власовской армии П. Бутков, который рассказывал учащимся как он вместе с гитлеровцами уничтожал «проклятых большевиков»³.

¹ Исследование Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС «Историческая память (на примере исследования исторического сознания населения РСФСР)», проведенного в 1990 г. (общероссийская репрезентативная выборка N = 2196 чел.); исследования конца 80-х – 90-х гг. Всероссийского центра исследований общественного мнения (ВЦИОМ) и исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем 1996 г.; результаты исследований социологического центра РАГС «Историческая память в массовом сознании населения Российской Федерации» 2001 и 2004 годов (общероссийская репрезентативная выборка N = 2401 и 1601 чел. соответственно), Аналитический доклад ИКСИ РАН «Граждане новой России: Кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1994 – 2004 гг.)». М., 2004 и др.

² Бойков В. Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. М., 2002. №8. С. 88.

³ Тарасов А. Еще раз о компетентности. И не только // Первое сентября. 26.04.2005, № 22.

Казалось бы, победа СССР в Великой Отечественной войне неоспорима. События той эпохи останутся в памяти надолго, внуки и правнуки еще долго будут гордиться подвигами своих дедов, прадедов, сограждан, но, к сожалению, сегодня не только «историки», но и некоторые «политики» пытаются изобразить Советский Союз главным виновником и провокатором войны, а его победу над фашистской Германией представить «чистой случайностью». Так, например, маршалу Жукову не нашлось места в учебнике по новейшей истории XX века Кредера. История Великой Отечественной подменена историей Второй мировой войны, внимание акцентируется на поражениях нашей армии, решающим же боевым действиям Советской Армии уделяется всего несколько строк. Так, в учебнике И. И. Долуцкого «Отечественная история. XX век» и пособии Л. М. Пятецкого «История России для абитуриентов и старшеклассников. XX век» не нашлось ничего положительного в истории России.

Вот таким образом сегодня через учебники истории и художественную литературу разрушается чувство сопричастности современной молодежи к событиям и людям той эпохи. Массированная информационная война в пространстве исторической памяти о Великой Отечественной войне дала свои отрицательные результаты – произошел раскол исторического сознания: бывшее единодушие в понимании роли и оценках значения Великой Отечественной войны сменилось противоречивым разбросом мнений. В наибольшей степени разрушительной информационной кампании подвергается молодежь. Несмотря на то, что Великая Отечественная война воспринимается гражданами России как наиболее значимое для страны событие, интерес к ней существенно снизился. Из материалов исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в 2004 году¹, следует, что только 37,8% граждан России очень интересует это событие. В молодежных группах этот показатель колеблется в пределах 17 – 22%. Среди молодежи 18 – 24 лет в 3 раза больше человек, чем в старшей группе (60 лет и старше), кто не смог вспомнить ни одного полководца Великой Отечественной войны, и в 2,5 раза больше человек, кто не помнит Героев Советского Союза. Благодаря деятельности властей, исключивших известный всему

¹ Афанасьева А. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. М., 2005. № 5. С. 11 – 22.

миру подвиг «Молодой гвардии» из школьной программы, почти треть молодых людей до 29 лет ничего не знает о молодогвардейцах.

А вот данные социологических исследований и материалы экспертного опроса, проведенного в сентябре – октябре 2009 года¹:

Численность экспертной группы 99 человек, среди которых 69,7% мужчин; 30,6% имеют военное образование, 22,4% – техническое, а также по 15,3% экономическое, юридическое и другое гуманитарное образования. 84,8% экспертов полагает, что события Великой Отечественной войны полностью или частично искажаются. Главными средствами искажения считаются: телевидение (56,6%), пресса (51,6%), система образования (32,3%) и Интернет (25,3%). При этом очень сильно искажаются начальный период войны (61,5%) и берлинская операция (16,7%).

Предметом гордости нынешних россиян, согласно материалам нашего исследования, являются достижения, относящиеся к периоду советской истории: в области культуры, литературы, искусства, в космонавтике, спорте; бесплатное образование, медицина; забота о детях; а также массовый героизм советских людей в Великую Отечественную войну 1941 – 1945 годов, не только отстоявших свою Родину, но и освободивших народы Европы от гитлеровского порабощения и спасших мир от фашизма.

Сейчас настала пора остановиться в саморазрушении, очистить историческую память народа от чудовищных фантомов. В этом случае у России сохранится шанс и в будущем играть историческую роль, которая по праву предначертана ей². Запад уже давно всячески пытается принизить роль СССР во Второй мировой войне. Опросы американских граждан показали, что около 40% из них не знали даже о том, что СССР воевал с Германией, а 20% – были убеждены, что Советский Союз воевал с Америкой на стороне Гитлера. Слышать и знать это горько и обидно. Ибо все эти страны и народы, как и все человечество, 80% которого было вовлечено во Вторую мировую войну, должно бесконечно благодарить

¹ Тавокин Е.П. Великая Отечественная война в исторической памяти населения современной России // Социальное управление и коммуникации от 14.04.2011. URL: <http://tavokin.ru/feed/>

(дата обращения: 01.08.2012).

² Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. М., 2010. № 5. С. 64.

Советскую Армию, советский народ за ту «безмерную жертву, которую они положили на алтарь Истории человечества, и тот бессмертный подвиг, который они совершили»¹.

Всем известно, что социально-психологическая обработка людей и целых народов существует давно. Сильнейшее психологическое и идеологическое манипулирование сознанием населения вела нацистская пропаганда в Германии. Успешно это делалось и в Советском Союзе. В этой работе преуспели и западные страны, особенно США. Особым объектом манипулирования является молодежь.

В г. Кемерово был проведен опрос среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет, в опросе участвовало 100 студентов вузов. На вопрос: «Какую роль сыграли США в победе над фашизмом во Второй мировой войне?» Респонденты ответили следующим образом: 66% считают, что США оказывала материальную поддержку СССР, 12% думают, что США победили нацистскую Германию, а 22% ответили, что США вообще не участвовали в войне. По полученным данным 34% опрошиваемых гордятся своей страной, ее великими победами, 15% при возникнувшей возможности покинут Россию, а 51% гордятся своей страной и ее великими победами, но при этом, в случае, если у них появится возможность, уедут из страны. По результатам опроса распределение факторов, способствовавших Победе СССР над Германией, выглядит так: героизм народа (90,9%), патриотизм (57,6%), ненависть к фашизму (31,3%), талантливые полководцы (28,3%)².

Традиционные основы воспитания и образования подменяются западными: христианские добродетели – общечеловеческими ценностями гуманизма; целомудрие, воздержание, самоограничение – вседозволенностью и удовлетворением своих потребностей; любовь и самопожертвование – западной психологией самоутверждения; интерес к отечественной культуре – исключительным интересом к иностранным языкам и иностранным традициям³. Прежде формированию

¹ Ильинский И. М. Великая победа: наследие и наследники. URL: <http://www.ilinskiy.ru/publications/sod/vel-pob-nasl.php> (дата обращения: 01.08.2012).

² Тавокин Е.П. Великая Отечественная война в исторической памяти населения современной России // Социальное управление и коммуникации от 14.04.2011. URL: <http://tavokin.ru/feed/> (дата обращения: 01.08.2012).

³ Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 543.

национального сознания, чувства гордости за свою страну была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры и искусства советского общества.

Понимая, что молодежь разная, мы должны сосредоточиться на поддержке тех, кто готов включиться в конкретные дела в интересах России, в вопросах освещения истории нашей страны, Великой Победы в частности. И не обязательно целой страны – начинать надо со своего региона, района, города, села, вуза, школы, предприятия. Здесь соединяются интересы государства и гражданского общества. В построении новой России нам нельзя надеяться ни на кого, кроме самих себя.

Историческая память определяет необходимость повышения интереса общества к сохранению культурного наследия России, приобщению к общечеловеческим ценностям. Важная роль в решении этой задачи отводится системе образования.

Так, сотрудниками и курсантами Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ВЮИ ФСИН России) проводится планомерная работа по воспитанию подрастающего поколения в нашем городе, воспитанию у целевой аудитории толерантности, уважения к национальности, религии и культуре других людей. Осуществляется культурно-эстетическое воспитание граждан через знакомство с культурой народов России; воспитание у будущих сотрудников правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы России нетерпимости к любым проявлениям национализма и ксенофобии, готовности к пресечению любых нарушений прав и законных интересов народов России; формирование чувства удовлетворения потребности в развитии национальной культуры народов России.

В нашем институте ведется работа по сохранению исторической памяти. В главном корпусе института создан музей, посвященный истории становления ВЮИ ФСИН России, фонд его постоянно пополняется новыми экспонатами. С историей развития уголовно-исполнительной системы на примере нашего института приходят ознакомиться не только курсанты, студенты, школьники города и области.

В институте постоянно проходят:

- научные конференции и конкурсы, например, «Отчизны славные сыны» – ежегодный историко-патриотический конкурс, краеведческий конкурс «Знай и люби свой город» и т.п.;

- по согласованию с руководством Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника институт шефствует над уникальным памятником древнерусской белокаменной архитектуры XII века – церковью Покрова на Нерли, которая входит в Фонд Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО;

- шефство осуществляется и над Мемориалом памяти первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и летчика-испытателя Владимира Сергеевича Серегина, которые трагически погибли во время испытательного полета недалеко от г. Киржач Владимирской области 27.03.1968. Ежегодно в день их гибели первокурсники, оркестр и рота почетного караула выезжают к Мемориалу памяти, чтобы принять участие в проведении траурных мероприятий;

- мероприятия, посвященные годовщине Победы в Великой Отечественной войне;

- курсанты постоянно ухаживают за могилами на старинном мемориальном кладбище, посещают музеи и выставочные залы, постоянно расширяют свой кругозор.

Курсанты и Рота почетного караула института принимают активное участие в торжественных ритуалах возложения венков к памятнику воинам, погибшим в локальных конфликтах, и к местам захоронений ветеранов.

Все эти мероприятия способствуют снижению числа конфликтов на национальной почве, а также повышению культурного уровня населения города в части знакомства с культурой народов России.

ВЮИ ФСИН России является многонациональным образовательным учреждением. В настоящее время только на факультете очного обучения обучается 1130 курсантов из 64 субъектов Российской Федерации (из 19 республик, 5 краев, 6 автономных округов).

Согласно проведенным опросам среди курсантов и слушателей проблему существования конфликтов на национальной почве отметили около трети опрошенных. При этом наблюдается устойчивая тенденция к снижению данного показателя при дальнейшем обучении.

Диалог культур – явление исключительно необходимое и истинно прогрессивное. Оно не отменяет национальный характер, сложившийся в ходе исторического и культурного развития, но оно

устраняет возможное противостояние одного народа другому, ведет к организационно-политическому и духовно-нравственному объединению¹. Вот почему забота о расширении сознания нынешней российской молодежи, включения в него мысли о служении другим, героизме и подвижничестве ради спасения России должна стать центральной в гуманитарном обучении, духовном и нравственном воспитании. Иначе страна наша не выйдет из полосы самоистребления, разрушительных революций, конфликтов и войн.

Итак, изменения, происходящие во всех областях жизни российского общества, накладывают существенный отпечаток на массовое восприятие событий прошлого. В решении задач формирования исторического сознания необходимо искать новые подходы, соответствующие нынешним реалиям. У российской молодежи, родившейся в начале 90-х годах XX века и позже, сформировался особый взгляд на Россию, свое место в ее истории и на происходящие в обществе процессы.

«Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры», полагал Д. С. Лихачев². В «Декларации прав культуры» он отмечал, что культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим ориентиром, критерием ее самобытности и целостности. Общественные преобразования должны опираться на ценности культуры и национальное самосознание. Не только военные конфликты и терроризм, но и безответственная модернизация наносят урон культурному наследию: исчезают исторические центры городов, разрушаются памятники и ландшафты, искажаются биографии выдающихся деятелей культуры³. Культурное наследие составляет богатство человечества. В Декларации содержится призыв к тому, чтобы считать преступлениями против человечества любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры.

Радикальные изменения, происходящие сейчас во всех областях жизни российского общества, накладывают значительный отпечаток на массовое сознание в целом, на восприятие событий прошлого. В этих условиях особое значение приобретает ориентация всей системы

¹ Пуляев В.Т. Российская культура и реформирование общества // Социально-политический журнал. 1998. № 2. С. 14.

² Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.

³ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 15.

образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры, средств массовой информации на формирование позитивного отношения населения к отечественной истории. Без этого невозможно решение задачи подлинно государственной важности – задачи объединения российского общества на единой духовной основе. Для этого необходимо:

- 1) определить позицию государства по отношению к основным историческим событиям разных эпох,

- 2) разработать единые идеологические подходы преподавания исторических дисциплин в системе школьного, специального и вузовского образования,

- 3) ограничить негативизм в оценках исторического прошлого России в средствах массовой информации.

В основу новой системы ценностных ориентаций легли национальные интересы России, признание того, что россияне – это великий народ, имеющий богатую культуру и историю. Результаты социологических исследований (как собственных, так и общероссийских) демонстрируют, что в молодежной среде представления о России как о великой державе и стране с богатой историей и огромным потенциалом не только есть, но и активно поддерживаются.

Цивилизация опирается на достижения культуры, они составляют ее духовную основу, фундамент и опору. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории во всей противоречивости и многообразии ее проявлений. Историческая память – своеобразный «перекресток» прошлого, настоящего и будущего. Исторические памятники – это символы и знаки, тексты и артефакты, необходимая основа взаимопонимания поколений и диалога культур.

**МАТЕРИАЛЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ
КАК ИСТОЧНИК ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ**

Само понятие «статистика» употребляется во множестве значений. В источниковедческом дискурсе оно имеет, как минимум, три смысла: 1) статистика (статистическая информация) – это любые массовые данные, которые могут быть подвергнуты статистической обработке; 2) статистика – это отрасль математики, базирующаяся на теории вероятностей, задачей которой является интерпретация данных с ощутимой случайной изменчивостью; 3) статистика – это вид исторических источников¹.

Особым видом исторического источника, характеризующего состояние современной общественно-политической жизни России являются материалы электоральной статистики. Электоральная статистика – это количественные характеристики, фиксирующие поведение избирателей на выборах и референдумах различных уровней. Данные современной электоральной статистики позволяют в целом зафиксировать поведение избирателей по двум основным параметрам: число принявших участие в выборах или референдуме и результаты голосования по вынесенным на голосование вопросам (кандидатам).

Первые попытки исследования материалов официальной электоральной статистики в современной России были предприняты сразу после выборов на Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. – первых конкурентных выборов в российской истории после 1917 г., основанных на всеобщем избирательном праве². С этого момента материалы электоральной статистики становятся одним из популярных видов исторического источника, которые используются в научных изысканиях ученых самых разных направлений: политологов, историков, социологов, культурологов и др. Что и неудивительно. Огромный массив

¹ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 427-428.

² См.: Весна-89: География и анатомия парламентских выборов / под ред. В.А. Колосова, Н.В. Петрова, Л.В. Смирнягина. М., 1990; Выборы-1989 / Под ред. А.Паппа, В. Прибыловского. М., 1993 и др.

информации о результатах голосования на избирательных участках дает замечательный материал для анализа. При этом чем подробнее электоральная статистика, тем больше возможностей применять к ней классические статистические методы анализа: корреляционного, регрессионного, дисперсионного и др.

Существовавшая в 1990-2000-е гг. система избирательных комиссий Российской Федерации, в рамках которых проходили выборы и референдумы не претерпела в своем развитии существенных изменений. Итоги голосования подводились на всех уровнях, начиная от участковых и заканчивая Центральными комиссиями субъектов федерации и России в целом. Поэтому данные электоральной статистики позволяют, помимо географических особенностей поведения избирателей, проследить за динамикой изменения политических предпочтений населения с течением времени. Это так называемая «память» избирателя, запечатлевшая то, как он голосовал на предыдущих выборах или референдумах, может оказывать существенное влияние на итоги последующих избирательных кампаний. К ним можно отнести результаты голосования как на местном, региональном, так и общедофедеральном уровнях.

За сравнительно короткий по историческим меркам промежуток времени прошедших с момента проведения первых конкурентных выборов в истории современной России (чуть более двух десятков лет) прошло уже несколько избирательных циклов, каждый из которых состоял из ряда выборных кампаний и референдумов. Особенно была велика их роль в процессе институализации новых центральных и региональных органов государственной власти в период с 1989 по 1999 гг.

Можно смело утверждать, что практически каждый год, начиная с 1991 г., был буквально насыщен такого рода событиями. Особенно в этом плане плодотворен период с 1991 по 1995 г. С 1996 г. наблюдается постепенное снижение выборного ажиотажа. Практически сходит на нет процедура проведения общероссийских и региональных референдумов. На первый план выходят собственно сами выборы по формированию центральных, региональных и местных органов власти.

В этой связи представляют особый научный интерес материалы электоральной статистики первой половины 1990-х гг. как источник отражения исторической памяти современного российского избирателя. Союзный и российский референдумы 17 марта 1991 г. о сохранении

обновленного советского государства и учреждении поста президента РСФСР, референдум 25 апреля 1993 г. по четырем вопросам о доверии президенту и парламенту, референдум 1993 г. по принятию новой Конституции страны и второй тур президентских выборов 1996 г. самой формой постановки вопросов, на которые избирателям приходилось отвечать либо «да», либо «нет», невольно разделяли население на две поляризованные группы. Одна из них выступала по отношению к действующей власти лояльно, другая, наоборот, максимально оппозиционна к ней. Проявление этого вида голосования было обусловлено специфической ситуацией 1991-1993 гг., когда избирателям на референдумах приходилось отвечать одновременно на несколько взаимоисключающих вопросов, что приводило к непримиримым политическим конфликтам, в которых каждая сторона опиралась на свой способ легитимности ответа. С точки зрения политико-исторического анализа эта ситуация дала ценный статистический материал для понимания противоречивости массового сознания современного российского избирателя.

Помимо собственно политических предпочтений избирателей российская электоральная статистика 1991-2005 гг. (до отмены графы «против всех» и изменения требований минимального порога явки избирателей на выборах различных уровней с 2006 г.¹) дает нам возможность измерить активность избирателей на выборах по двум основным параметрам: 1) явка населения на избирательные участки и 2) число тех, кто голосует «против всех». В научном плане под этими параметрами скрываются проблемы абсентеизма как такового и протестного голосования на выборах в частности.

Анализ активности избирателей на выборах различных уровней (федеральных, региональных или местных) и рангов (депутатов, президентов, глав администраций и т.д.) служит индикатором доверия электората к этим институтам власти. Поэтому явка населения на

¹ См.: Федеральный закон РФ от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5303; Федеральный закон РФ от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // СЗ РФ. 2006. № 29. Ст. 3125.

избирательные участки является одним из критериев оценки действенности проведенных выборов, признания их состоявшимися или нет. Конкретно-территориальный расклад общественно-политической активности избирателей в сопоставлении с социально-демографической структурой местного населения позволяет выявить различия в этом вопросе по критерию места проживания, этнической и демографических характеристик потенциального электората.

Институт выборов и референдумов в современной России как механизм формирования органов центральной, региональной и местной власти продолжает видоизменяться. В качестве основной тенденции в развитии данного института за последние годы можно назвать процесс дальнейшего упорядочивания избирательного процесса. В условиях трансформации политической системы в сторону укрепления сложившейся вертикали власти значительно сократилось количество проводимых избирательных кампаний и референдумов. За рассматриваемый период граждане страны утратили право напрямую избирать своих представителей в ряд органов центральной и региональной власти. Одновременно ужесточились требования к участникам предвыборных кампаний в лице отдельных кандидатов и политических партий.

Несмотря на это институт выборов по-прежнему воспринимается российскими гражданами как один из основных демократических инструментов выражения своей политической позиции. Об этом наглядно свидетельствуют итоги избирательного цикла 2011-2012 гг. Именно поэтому материалы электоральной статистики являются востребованными среди широкого круга исследователей, включая специалистов в области изучения состояния исторической памяти современного российского избирателя.

Е.М. Кончакова

**СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА XVII В.
КАК РЕЗУЛЬТАТ СИНТЕЗИРОВАНИЯ РУССКИХ И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ**

Историческое развитие Великого Новгорода эпохи Средневековья во многом предопределялось спецификой этого города, отличавшей его от остальных русских городов, и, в первую очередь, его ролью в международной торговле. Его торговые связи, главным образом,

со странами Западной Европы, обеспечивали ему не только экономическое процветание, но также сообщали ему особенный социально-политический уклад и высокий уровень культуры¹.

Уже в XI – XII вв. Новгород имел сообщение со Швецией, Готландом, Данией, а через них - с Англией²; начиная со второй половины XII в., он завязывает тесные отношения с городами Северной Германии, которые чуть позже образуют Немецкую Ганзу. В XIII в. благодаря тесным торговым контактам с ливонскими городами Ригой, Ревелем, Дерптом, которые также стали членами Ганзейского союза, Новгород превратился в одного из главных его партнеров, свидетельством чему было появление в городе ганзейской конторы или Немецкого подворья³. Необходимость регулирования отношений русских и немецких купцов, в том числе в уголовно-процессуальном плане, привела, во-первых, к появлению первых русско-ганзейских торговых договоров, а, во-вторых, к созданию устава Немецкого подворья или скры, в разработке которого участвовали как ганзейцы, так и новгородцы⁴.

Это сотрудничество предопределило характер скры, который представлял собой комбинацию немецких и русских правовых норм, что создавало благоприятные условия для их последующего синтезирования. Принято считать, что благодаря подобной практике Новгород сыграл заметную роль в выработке норм средневекового международного права⁵. Впрочем, после присоединения Новгорода в 1478 г. к Московскому государству шения с Ганзой стали очень напряженными, поскольку великие московские князья, а позже цари, стараясь окончательно подчинить Новгород своей власти, насаждали московские порядки и тем самым уничтожали своеобразие новгородских общественных структур. Отношения города со странами Западной Европы теперь касались исключительно торговой сферы, которую контролировали московские государи, а политико-правовые отношения находились в ведении одних лишь государственных структур.

¹ Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 5 – 7.

² Там же. С. 33 – 40.

³ Там же. С. 55 – 56, 61 – 62.

⁴ Там же. С. 68 – 71.

⁵ Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 372.

Казалось, со своеобразием новгородских правовых традиций было окончательно покончено, однако в начале XVII в., когда в России началась эпоха Смуты, эти традиции вновь себя проявили. Это произошло в 1611 - 1617 гг., когда управление Великим Новгородом оказалось в руках шведской администрации во главе с наместником Якобом Делагарди (1583 – 1652). Договор, который он заключил с новгородскими властями, положил начало существованию полуавтономного новгородского государства, подвластного шведам¹. В этот период работа городских властей была четко организована и бюрократизирована. Обширная документация, которая велась на русском языке, после заключения в 1617 г. Столбовского мира была вывезена Делагарди в Швецию и стала основой так называемого Новгородского Оккупационного архива (НОА), который хранится в настоящее время в шведском Государственном архиве в Стокгольме².

Фонд состоит из деловой документации – приходно-расходных и таможенных книг, книг сбора судебных пошлин, челобитных и т.д. Они происходят из Дворцового, Разрядного, Поместного приказов, функционировавших тогда в Новгороде, Приказа Большого прихода, а также ряда новгородских приказных изб, имевших отношение к управлению Новгорода и его округи. Несколько лет назад шведскими специалистами под руководством Э. Лёфstrand и Л. Нордквист при поддержке российских историков был составлен двухтомный каталог НОА, в котором представлен перечень хранящихся в архиве документов, их подробное описание, а также небольшие фрагменты отдельных документов³. Документы НОА освещают разные стороны жизни новгородцев во время шведской оккупации, и в силу их характера (деловая документация) информация, которую они предоставляют, гораздо более объективна, чем сведения, почерпнутые из летописей.

В статье представлен вариант работы с этим документальным собранием, цель ее заключается в том, чтобы определить характер

¹ Turilov A. Introduction/Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. /Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005. P. 13 – 26.

² Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

³ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. / Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005; Series II. Stockholm, 2009.

новгородской судебно-административной системы времен правления Якоба Делагарди и ответить на вопрос, имела ли эта система под собой исторические корни или являлась порождением оккупационного режима. Основной упор будет сделан на дела, касающиеся политических и уголовных преступлений. В первой серии НОА представлены 4 книги судебных пошлин общим объемом в 596 страниц. Самая ранняя из них относится к 1611/1612 гг. (Series I: 122 с. 270), вторая датируется 1612/1613 гг. (Series I: 64 с. 178), третья – 1613/1614 (Series I: 5 с. 98), четвертая – 1614/1615 гг. (Series I: 4 с. 97). Что касается второй серии, то в ней собрано некоторое количество материалов, касающихся самого судопроизводства - челобитные, протоколы судебных заседаний, расспросные речи и т.п. Нельзя сказать, что эти документы историками не изучались¹, однако выделение в данной системе судопроизводства черт, присущих традиционному новгородскому («домосковскому») судебному порядку и западноевропейскому праву, их соотношение представляется интересным.

Для решения поставленной задачи необходимо выявить характерные черты судебно-административной системы Великого Новгорода времен «вечевой республики», которая сильно отличалась от той, что была распространена в других русских землях, и включала элементы западноевропейского права². Так, в Новгороде использовался дифференцированный подход к определению степени соучастия в преступлении - исполнительство, подстрекательство, организация³, что

¹ См., например: Sjoberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611 - 1617 // IJSLP. Vol. XXXI - XXXII. Stockholm, 1985. P. 399 – 404; Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы науч.-практ семинара 25–27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 93–98; Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

² Дадыкина М. М. Новгородская и московская традиции в практике частного делопроизводства населения Русского Севера XV-XVII веков. // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 21-23 сентября 2008 г. Ч. 1 / сост. Д. Б. Терешкина, Г. М. Коваленко, С. В. Трояновский, Т. Л. Каминская, К. Ф. Завершинский; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 266.

³ Мартышин О. В. Вольный Новгород. С. 278.

было принято в немецком уголовном праве¹. Именно в Новгороде и Пскове раньше всего появляется понятие «измена», которое подразумевало, помимо прочего должностные преступления, преступления против государства («переветы», «крамолы»). Примечательно, что по этой «статье» к ответу можно было призвать наравне с челядью и высших должностных лиц, в том числе и князей². Суд стремился честно решать все дела, поэтому посягательства на отправление правосудия (наводка, ябедничество, самосуд) также карались. Характерными чертами судебного процесса, отраженного в Новгородской Судной грамоте, были также выборность и уважительное отношение к судьям, коллегиальность в принятии решения (вече, суд князя и посадника), невнимание к социальному статусу истцов, право подсудимого на защиту (самостоятельно или с помощью адвоката) и т.д.³ Сурово карались разбой и грабеж, хотя среди наказаний за тяжкие преступления в Новгороде не применялось членовредительство, чрезвычайно распространенное в Московском государстве⁴. Что касается грабежа, то к подобному преступлению относились особенно строго, ввиду того, что Новгород – торговый город, отношение к имуществу здесь было особенное, схожее с западноевропейским отношением, которое можно наблюдать в уже упомянутом уставе Немецкого подворья (скре).

Показательным также является то, что судебные дела тщательно документировались. Запись велась очень точно - с указанием имен судей, судящихся сторон, их претензий друг к другу, предпринятых действий, показаний сторон, решения и последствия⁵, как это было свойственно западноевропейской традиции, например, французской⁶.

Однако эта слаженная система была практически полностью разрушена после присоединения Новгорода к Москве. Теперь все зависело от воли князя, в отношении которого все остальные люди

¹ Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. Издание третье, исправленное. Т. 1. М., 2000. С. 229.

² Мартышин О. В. Вольный Новгород. С. 280.

³ Там же. С. 333 – 344.

⁴ Там же. С. 288.

⁵ Там же. С. 353.

⁶ Тогоева О. И. Истинная правда. Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 5 – 7.

считались холопами¹. Коллегиальность и публичность исчезли, что привело к колоссальному распространению взяточничества и несправедливости. Приказная система, основу которой заложил великий князь Иван III (1462 - 1505), была громоздкой и запутанной, при этом не было особого судебного ведомства, из-за чего судопроизводство осуществлялось довольно спонтанно – тем, кому царь указывал это делать, что мешало накоплению опыта в этой сфере и созданию судебной системы, основанной на прецедентах². Многое зависело не от закона, а от воли государя, которому подавали челобитные. Судьями были уже не выборные из народа, а бояре и высшие чины, а также сам царь³. Каков же был царский суд, новгородцы узнали в 1570 г., когда Иван IV Грозный (1533-1584) подверг их кровавым репрессиям в угоду собственной воле без предъявления доказанных обвинений, расследования и суда.

Какие же изменения произошли в новгородской судебной системе времен шведского правления? Судебные книги из фонда НОА дают понять, что судебной инстанцией в то время была новгородская судная изба, в состав которой входили один-два судьи, судных дел староста и целовальник. Этот факт может свидетельствовать о том, что в новгородскую судебную систему возвращается коллегиальность принятия решений, которая была свойственна новгородской традиции. Немаловажной деталью является присутствие судных дел старосты, в чем можно видеть воскрешение новгородских «домосковских» судебных обычаев. Когда-то судебными разбирательствами по поводу споров новгородцев с ганзейцами занимались именно старосты⁴.

Следует заметить, что среди имен судейских должностных лиц – Р. Мусин, И. И. Плещеев, М. Б. Боборыкин, В.И. Трусов, С. С. Якушкин и т.д., – нет ни одного шведского. Особенно часто упоминается судья Василий Иванович Трусов. Старосты и целовальники обычно менялись. В разные годы ими были Данила Исаков, Андрей Иванов, Григорий Филиппов. На полях книг, как правило, по нижнему краю шла скрепа целовальника и старосты, скрепа судьи ставилась на правом краю

¹ Юрганов А. У истоков деспотизма // Знание-сила. 1989. № 9. С. 23.

² Веселовский С. Б. Московское государство: XV – XVII в. Из научного наследия. М., 2008. С. 356 – 359.

³ Там же. С. 365.

⁴ Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. С. 145 – 155.

каждого листа. Важным фактом является то, что все дела шли под запись, скреплялись подписями и печатями, только самые важные дела скреплялись печатью Якоба Делагарди.

Вновь стали составляться письменные документы, предотвращающие путаницу в делах: фиксировалась дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы и сумма взысканной пошлины. Также отмечается, было ли завершено дело также указывается некоторые особые моменты. Данный факт также является показателем того, что возрождаются элементы западноевропейского права в новгородской системе и новгородские традиции, ведь у новгородцев особое сакральное отношение к письму, существовала еще со времен берестяных грамот¹.

Обратимся к особенностям самих следственных дел, представленных в документах. Снова особой группой предстают дела о государственных преступлениях – изменах, произнесении непристойных речей, связях с политическим противником и т.д., которые мы уже встречали в новгородской традиции. Наиболее ярким примером является дело 1613 г. о контрабандной торговле крестьян Старорусского уезда с Псковом (Series II: 20 с. 49-52). В силу значимости дела приговор утверждался не только князем Одоевским, но и самим Делагарди - товар был конфискован, а виновные биты кнутом. Важно отметить, что дело решалось не произвольно, а в ходе судебного разбирательства, во время которого были собраны доказательства вины, в том числе показания свидетелей - местных крестьян и приходских священников. Кстати примечателен факт, что священники, дававшие ложные показания, наказаны не были, т.к. воспроизводили то, что слышали от людей, а сами правды не знали. Это говорит о том, что человек имел право на защиту и мог оправдаться, что было бы затруднительно сделать перед царским судом.

Еще одним важным делом является дело об отъезде новгородцев – Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных, а также князя Юрия Мещерского (Series II: 245 с. 307). В документах представлены допросные речи, собранные путем расспросов домочадцев уехавших, а также списки изъятого в их домах имущества – наказание за

¹ Гуреев М. В. Культурно-исторические способы морально-политической кодификации новгородцев // Новгородика – 2010. Вечевой Новгород: материалы Межд. науч.-практ. конф. 20-22 сентября 2010 г. Ч. 3 / сост. Д. Б. Терешкина. Великий Новгород, 2011. С. 224-235.

отъезд до вынесения судебного решения. Примечательно, что у родственников спрашивали, знали ли они о готовящемся преступлении и содействовали ли они ему. В данной формулировке снова прослеживается синтез западноевропейской и новгородской судебной традиции.

Немало интересны по своим особенностям дела военно-политического характера – допросы новгородцев, обладающих информацией о действиях противостоящих Новгороду военных сторон, в первую очередь, москвичей. Это расспросные речи про дела в Москве, Смоленске, Пскове (Series II: 39 с. 76-77) и допросные речи побывавших в стане у Сумбутова (Series II: 167 с. 222-223. Опубликовано: Турилов А. А. «Мелочи новгородской жизни» начала XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 1 (1). С. 119–122). В допросах принимал участие Якоб Делагарди.

Стоит отметить, что всех допрошенных отправили в тюрьму; это говорит о том, что и московские введения не были разрушены при Якобе Делагарди. Тюремное заключение было официально введено в законодательство Иваном Грозным и упоминается в Судебнике 1550 года¹, Новгородская республика как такового тюремного заключения не знала, альтернативой было заковывание в оковы, однако в вольном Новгороде это применялось очень редко².

Обращают на себя внимание и чисто уголовные дела. Дело об ограблении шведского судна с рожью на р. Волхов примечательно тем, что Андрей Неелов сам подал челобитную, где жаловался на тех, кого он подозревал в ограблении судна (Series 2:201 с. 264). Делает он это по причине того, что не хочет брать вину за кражу на себя. Я считаю, что здесь имеет место складывавшееся веками отношение новгородцев к воровству, о чем уже упоминалось выше. Еще одно дело - об ограблении новгородской церкви Козьмы и Демьяна, - было заведено в апреле 1615 г. (Series II: 31 с. 64). Оно интересно тем, что ведется следствие, под которое попадают все, кто как-либо связан с церковью (живущие по близости, охранявшие и т.д.), т.е. допрашивают всех, ищут виновного, а не сваливают вину без следствия ради закрытия дела.

¹ Рожнов А. А. О некоторых терминологических нюансах законодательного закрепления тюремного заключения в Судебнике 1550 года // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. №11. Ч. 2. С. 63 – 65.

² Мартышин О. В. Вольный Новгород. С. 291 – 294, 369.

Дело об ограблении новгородского стада в сентябре 1616 г. (Series II: 165 с. 220-221) примечательно тем, что судившие его воеводы Сванте Банер и Ганс Бойе (а точнее — готовившие им для суда вопрос подьячие) не могли найти ни законодательного памятника, ни прецедента для установления ответственности виновников и обратились за советом к самым авторитетным новгородцам — кн. И. А. Мещерскому, Г. Н. и М. Ш. Муравьевым и А. Т. Ногину, что говорит не о произвольном решении, а о сотрудничестве шведских и новгородских властей в ходе судебного разбирательства. Также это свидетельствует о западноевропейской традиции обращения к уже известным делам, подобная практика проводилась в Европе со времен глоссаторов и постглоссаторов ¹.

Итак, необходимо выделить общее из всех представленных дел. Все они велись при помощи допросов, расследований, представительства с обеих сторон, показаний свидетелей. Право новгородцев подавать челобитные оставалось непоколебимым до конца существования полуавтономного Новгородского государства. В судебных делах участвовали как представители высших сословий, так и крестьяне, что, кстати, также характерно для новгородского судопроизводства времен республики.

Стоит также отметить, что судебная система, принятая в Новгороде при Якобе Делагарди, была откровенно русской и ни в коем случае не была навязана Новгороду оккупантами. Элементы же западноевропейского права, о которых говорилось выше, пришли не из шведского судопроизводства, а явились восстановлением старинных новгородских правовых норм, которые были забыты после присоединения Новгорода к Москве. Стоит отметить также, что шведская правовая система, как и новгородская, восприняла очень много черт ганзейской системы, в частности, Любека², что обусловило их близость и возможность органичного соединения. Несмотря на то, что приказы, эти московские институты, при Якобе Делагарди не разрушались, их работа была упорядочена благодаря восстановлению некоторых «республиканских» традиций, которые были созвучны западноевропейскому праву, что отвечало интересам самих новгородцев. Во всяком случае, если судить по содержанию документов НОА,

¹ Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. С. 209 – 214.

² Мелин Я., Юханссон Альф В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С. 66.

судебно-правовая система, применявшаяся в Новгороде во времена «шведской оккупации», была функциональна, стабильна, эффективна и не вызывала отторжения у новгородцев.

Е.С. Кравцова

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ

При назначении, распределении налогов, для решения каких – либо вопросов, связанных с их сбором существовала система Присутствий – особые органы местного самоуправления, избираемые только из представителей государственных органов власти и налогоплательщиков того или иного сбора.

Присутствия имели очень важное значение в жизни плательщиков налогов и в губернии, и в уездах, т.к. избранным членам было хорошо знакомо экономическое положение на местах, какие трудности возникали у населения. Даже не редко эти органы выявляли укрывателей своих доходов от налогов, тех, кто припрятал свою прибыль и вел двойную бухгалтерию.

Присутствия существовали почти по всем видам прямых налогов. Так, распределением государственного промыслового налога, включая дополнительный, занимались специально созданные в 1885 г. присутствия. Так же происходило создание аналогичных присутствий и с введением квартирного (1893 г.), военного (1915 г.) и подоходного (1916 г.) налогов. Всеми местными и государственными налогами, которые взимались с крестьянского населения губернии, занимались по крестьянским делам Присутствия.

Система Присутствий включала в себя губернское и уездные (по количеству таковых), в отличие от податных участков, которые состояли из двух уездов. В губернских присутствиях председателем выступал управляющий Казенной палатой, кроме него в состав входили представители от уездных присутствий, от земства, от городских управ, торговые депутаты и т. д. В уездных Присутствиях председательствовали либо представители земства, либо податные инспектора. Социальный состав был различен, но все выбираемые члены и кандидаты к ним должны были быть налогоплательщиками этого сбора, в случае не соответствия таковых назначались пере выборы.

По крестьянским делам Присутствия были образованы сразу же после отмены крепостного права и основными их целями являлись распределение прямых государственных налогов между уездами и по сельским обществам

Так, (в «Записке о состоянии податного дела в России 1887-1894 гг.», составленной Комитетом министров, прямо отмечается, что разверсткой между селениями «ведает губернское по крестьянским делам присутствие, с тем, чтобы выкупные платежи по каждому отдельному селению не превышали существующих окладов оброчной подати на 2/3»¹), контроль за назначением и распределением земских и мирских сборов, наблюдение за уплатой платежей, за взысканием недоимок.

Кроме этого, Присутствия могли обсуждать дела об отсрочке фискальных взносов и о снятии недоимок. Эти дела для рассмотрения и утверждения отсылались в Министерство финансов и Министерство Внутренних Дел.

Например, с таким ходатайством в 1888 г. в Минфин обратилось Курское губернское по крестьянским делам присутствие об отсрочке до осени недоимок выкупных платежей в размере годового оклада – 131 руб. - с 1 Рождественского сельского общества Тимского уезда Курской губернии. Товарищ министра финансов сенатор Плеве сообщал Губернскому присутствию о решении Минфина уведомить МВД о том, что «не встречает со своей стороны препятствий к удовлетворению упомянутого ходатайства и что его Высокопревосходительство с этим согласился»².

Такие сообщения приходили на адрес податных присутствий, а те, в свою очередь, уведомляли Казенную палату, которая делала соответствующие распоряжения.

Состав Курского губернского по крестьянским делам присутствия был представительный: председательствовал на всех его заседаниях губернатор, членами выступали – вице – губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий государственным имуществом, председатель губернской земской управы, прокурор окружного суда, непременный Член³. При рассмотрении дел они

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп.4. Д.23. Л. 5 об.

² ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6649. Л. 1 – 1 об.

³ Там же. Д. 6438. Л. 240.

обращали внимание на экономическое положение в обществе, величину недоимки и т. д.

Губернскому присутствию приходилось решать и более сложные вопросы, касающиеся финансового положения крестьян. Так, в конце 1880-х — начале 1890-х гг. наиболее остро стояли вопросы о признании правомерными сделок с выкупаемой землей между бывшими владельцами с крестьянами. Присутствия давали разрешения на проведение подобных операций. Для этого крестьянам выдавалась выкупная ссуда, из которой ежегодно взималось по 6 % годовых в течение 49 лет. К примеру, в феврале 1887 г. одобрили подобную операцию между бывшим владельцем штабс-ротмистром П.А. Литвиновым и крестьянами с. Юдинка 1 Юдинского сельского общества Гламаздинской волости Дмитриевского уезда в количестве 94 человек. Ссуда с 1823 саженой удобной и 1955 саженой неудобной земли (всего 284 дес.) равнялась 10102 руб. Ежегодно крестьяне должны были выплачивать 606 руб. выкупных платежей¹.

Нередко присутствию приходилось выполнять арбитражные функции, отвечая на запросы различных органов, включая Казенную палату, о законности совершенных сделок. В частности, 22 августа 1887 г. Губернское по крестьянским делам присутствие ответило на запрос Курского губернского казначейства о законности выкупной сделки помещика Курского уезда С.А. Богданова с временнообязанными крестьянами Чаплыгинской волости указанного уезда второго Пашковского общества деревни Пашковой Шайкова полка в количестве 7 человек, которая была признана правильной. Выкупная ссуда за 12 дес. 1461 саж. равнялась 587 руб².

Уездные по крестьянским делам присутствия созывались для решения наиболее часто встречающихся вопросов повседневной жизни сельских обществ, в основном они касались недоимок, включая и продовольственные ссуды, и с тем, как с ними бороться. Рассматривали жалобы крестьян на волостное и сельское руководство и проводили ревизии учета собранных средств.

Например, по поручению Путивльского уездного по крестьянским делам присутствия податной инспектор К.Г. Радкевич проводил проверку старосты Бегощанского сельского общества Л.

¹ См.: Там же. Д. 6644. Л. 61 – 61 об.

² Там же. Л. 371 – 372.

Коробова, нашел, что учет велся правильно и беспристрастно. Хотя инспектор не мог согласиться с теми расходами, которые принимали члены общества: чрезмерные расходы на угощение отдельных лиц под общим названием «на угощение стариков», на угощение тех же стариков «по поводу приезда станового пристава», «угощение уполномоченных для взыскания с крестьян недоимок» и т.д.¹

Из сообщения Новооскольско–Корочанского податного инспектора видим, что рассмотрению подлежали так же дела о растратах: «Сегодня (16 сентября 1885 г.) заседание Корочанского крестьянского присутствия, первое в котором я участвовал. На первый раз пришлось встретить две растраты...»².

Вступив на должность, податные инспектора часто рассматривали дела о недоимках в пользу крестьян, выступая против продажи имущества. Так, в сообщении того же инспектора видим это отношение, он указывает на то. Что торги за недоимки подрывают крестьянское хозяйство и авторитет государственных органов, включая и меры борьбы с самими недоимками, т.е. сами торги. «Недаром все эти продажи возбуждают улыбку на лицах крестьянин и ни у кого из них нельзя обнаружить печали»³.

И вообще, продажа любого крестьянского имущества за недоимки, могла быть произведена только с разрешения уездного по крестьянским делам присутствия⁴.

Нередко ходатайствовали перед уездным присутствием об отсрочке платежа: «..Мною предложено Тимскому по крестьянским делам присутствию рассрочка 13,5 тыс. руб. оброчной подати с 9 сельских обществ»⁵.

В состав уездных присутствий входили представители земства, полиции, с 1885 г. – податные инспектора и др. Министерство финансов возлагало большие надежды на инспекторов по участию в Присутствиях по крестьянским делам, особенно если заседания касались взимания казенных сборов и вообще к отбывания населением денежных повинностей. В сентябре 1885 г. Казенная палата разослала податным

¹ Там же. Д. 6583. Л. 75.

² Там же. Д. 6395. Л. 33.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 6394. Л. 266.

⁵ Там же. Л. 244.

инспекторам инструкцию, в которой указывались рамки работы по этому направлению. Дела, имеющие интерес для агентов фиска разбивались на четыре категории: «1). по поземельному устройству; 2). по заведованию учреждениями и должностным лицам; 3). по наблюдению за отбыванием населения крестьянских повинностей; 4). судебные дела»¹.

Причина столь огромного внимания со стороны ведомства была проста: присутствия «находились в связи с обязательными отношениями большинства крестьянского населения и казны, главным образом по оброчным и выкупным платежам»².

Функции инспекторов были установлены ясно: «...наблюдать за правильностью податного обложения; оберегать имущественные интересы сельских плательщиков от непосильных тягостей казенных сборов; охранять уплаченные сборы от растрат выборными должностными лицами»³.

И как знак принятия вышеозначенного документа, Курское губернское по крестьянским делам присутствие постановило в октябре того же года: «предложить уездным присутствиям ... приглашать Господ податных инспекторов по всем делам, которые имеют отношение к отбыванию населением денежных повинностей: например, поземельное устройство населения, наблюдение за взиманием денежных повинностей и т.д.; другим делам, связанных с имущественными интересами крестьянских обществ»⁴.

Таким образом, Присутствия имели очень большое значение для крестьянского населения, т.к. учитывали его интересы в обложении государственными, и в дальнейшем, региональными фискальными сборами. Кроме того, это был орган, контролирующий местные органы самоуправления, и куда могли в случае необходимости обратиться налогоплательщики.

¹ Там же. Д. 6391. Л. 7 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 9 об

⁴ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6394. Л. 24 об.

**ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИН ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ГОРОДАХ-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(20–30-Е ГГ. XX В.): КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В последнее время советские массовые праздники 20–30-х гг. XX в. становятся объектом внимания как отечественных, так и зарубежных ученых. В частности, предметом исследования немецкого историка М. Ральфа стало идеологическое и культурное значение советских праздников для общества. Этот автор попытался показать контекстуальную и эстетическую взаимосвязь торжеств 20–30-х гг. XX в. с российскими праздниками имперского периода, послевоенного времени, а также с торжествами тоталитарных Германии и Италии¹. Нельзя обойти вниманием и исследования С.Ю. Малышевой, посвященные политическим праздникам в Татарстане: их организации, рецепции, символике и исторической мифологии².

Однако тема советских праздников и их смысла может быть рассмотрена и под другими углами зрения. По нашему мнению, продуктивно выявление и интерпретация коммеморативной составляющей массовых торжеств. Коммеморация – это сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации о прошлом путем увековечения определенных лиц и событий³. В сценариях советских официальных праздников 20–30-х гг. XX в. коммеморации использовались, прежде всего, для определенных репрезентаций коллективной памяти и выражения политической солидарности. Цель настоящей статьи – выявить и охарактеризовать коммеморативную составляющую торжеств, посвященных годовщинам Первой русской революции. Территориальные и хронологические рамки исследования охватывают города Новониколаевск (Новосибирск), Томск, Омск и Барнаул 20–30-х гг. XX в. Для реализации цели предстоит определить место годовщин революции 1905 г. в праздничном календаре

¹ Мальте Р. Советские массовые праздники. М., 2009.

² Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространства, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005 и др.

³ Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012. С. 1.

западносибирских городов; выявить черты преемственности коммеморативных практик, связанных с этим праздником и коммеморативных практик, присущих дореволюционным государственным торжествам; определить новые советские коммеморативные приемы и особенности; объяснить влияние политики памяти государства на празднование годовщин Первой русской революции в указанный период, а также социально-экономических контекстов.

Еще в 1918 г. годовщина Кровавого воскресенья 22 января (9 января по старому стилю) была признана Совнаркомом в качестве официального государственного праздника¹. В Сибири этот праздник начали отмечать с 1920 г., после победы над армией А.В. Колчака и восстановления Советской власти. Однако в нач. 20-х гг., судя по источникам, относительно октябрьских торжеств, этот праздник расценивался местными властями и населением как второстепенный. Даже в печати публиковалось сравнительно мало материалов о революции 1905 г. Кончина В.И. Ленина 21 января 1924 г. дала возможность агитаторам и пропагандистам объединить эти две даты в «неделю пропаганды ленинизма»², которая замышлялась как настоящая идеологическая атака на население. Осознание выгоды от сезона и календарной близости двух важных памятных дат агитаторы выражали следующим образом: «Каскад праздников удобно использовать в зиму, ведь и до революции крестьяне зимой отдыхали от страды и праздновали»³. В январские дни советские агитаторы старались обращать внимание и на близкий по календарю к упомянутым датам день убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург (15 января). В этой связи в разные годы наименование январских дней памяти варьировалось.

Так, в 1925 г. было выбрано название «Неделя памяти вождей»⁴. Торжества этой праздничной недели усилились еще одной памятной датой: 100-летием восстания декабристов⁵. Это торжество и открывало «праздничный каскад» 27 декабря 1925 г. Чтобы не сбавлять «темп» агитационной работы, вслед за 100-летием восстания декабристов, 1

¹ Мальшева С.Ю. Указ. соч. С. 53.

² ОГУ ЦДНИТО. Ф.1.Оп.1. Д. 116. Л. 91; Там же. Д. 1398. Л. 294.

³ ГААК. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

⁴ Неделя памяти вождей // Сов. Сибирь. 1925. 22 янв.

⁵ ГААК. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

января 1925 г. отдельно отметили двадцатый юбилей декабрьского вооруженного восстания в Москве¹. В 30-е гг., в соответствии с политикой памяти государства, январские политические торжества стали называть «Ленинскими днями». С течением времени значение и формы празднований годовщины революции 1905 г. менялись. Особенно торжественно по всей Сибири отмечался 20-летний юбилей революции, требовавший серьезной подготовительной работы, и 30-летие событий 1905 г. в Томске, где начинал свой революционный путь С.М. Киров, героический образ которого активно конструировался после его гибели. Перенос коммеморативного акцента на томские события добавил новую памятную дату в праздничный календарь сибиряков – 20 октября. Именно в этот день в 1905 г. в Томске произошел еврейский погром, устроенный, по воспоминаниям революционеров, черностенцами. Эта дата хронологически приближалась к 7 ноября, а значит, мы вновь видим знакомый прием политической пропаганды, особенно актуальной для юбилейных лет, который можно условно назвать «праздничным каскадом».

Вообще в 1930-е гг. заметна утрата праздником самостоятельности, тенденция «растворения» годовщины революции в других политических праздниках и памятных датах – дне смерти В.И. Ленина, октябрьских торжествах, днях памяти С.Кирова (с 1934 г.), а с 1938 г. и Н.Куйбышева. В преддверии «каскада праздников» читались антирелигиозные лекции, в юбилейный 1925 г. с 21 декабря по 21 января работали кружки по изучению истории революции 1905 г. Все эти мероприятия создавали атмосферу ожидания праздника, готовили к восприятию идеологической информации.

Еще до Октябрьской революции в городах Российской империи сложился сценарный шаблон политических праздников или «царских дней»: военный парад, крестный ход, торжественная литургия или молебен, торжественное заседание городской думы, собрания в клубах, народные чтения и бесплатные театральные постановки на исторические, политические и религиозные темы. Эта схема, отработанная десятилетиями, в усеченном варианте использовалась в советское время для организации торжеств, связанных с годовщиной Первой русской революции. Пришедшие на смену крестным ходам демонстрации, устраивавшиеся по случаю Октябрьских торжеств, исключались в

¹ Там же.

январские праздничные дни – как по финансовым, так и по погодным причинам. Не было и военных парадов. Однако митинги, занявшие в сценарии праздников место молебнов и литургий, собрания в клубах и торжественные заседания, а также бесплатные концерты, театральные постановки и кинопоказы были обязательными элементами праздника.

Важным звеном торжеств являлись вечера воспоминаний, традиция которых коренилась в дореволюционных практиках тематических народных чтений в гимназиях, библиотеках и клубах. До революции существовала и традиция записи и широкого распространения с идеологическими целями воспоминаний участников и героев войн. В контексте празднования годовщин Первой революции вечера воспоминаний проходили либо в канун памятной даты, либо в день основных торжеств. В начале 1920-х гг. вечер воспоминаний мог быть объединен с митингом. Так, в 1922 г. праздник «9 января» отмечали на узловых станциях железной дороги, куда стекались рабочие и служащие. Здесь зачитывались доклады агитаторов на темы «9 января» и «Памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург»; звучали воспоминания старых рабочих об отклике трудящихся на революционные события¹. Подобные мероприятия, устраивавшиеся порой на улице в условиях сибирского мороза, проходили довольно динамично и эмоционально.

В юбилейный 1925 г. в сибирских городах были организованы собрания на предприятиях, где агитаторы читали доклады о значении революции, а также вечера воспоминаний по рабочим клубам. В условиях клубов была возможность отвести на мероприятие больше времени и добиться камерности атмосферы. Главной темой выступлений стало Кровавое воскресенье². Едва ли сибиряки могли представить развернутые воспоминания о событиях в столице, поэтому, очевидно, что на этих вечерах доминировали официальные доклады агитаторов.

Революционеры, представлявшие свои воспоминания на вечерах и митингах, позиционировались как свидетели и участники величайших событий мировой истории, обладатели практически сакрального знания и опыта. С виду уникальные и сугубо индивидуальные воспоминания в действительности предварительно тщательно обрабатывались организаторами торжеств. Видимо, докладчики не сомневались в правомерности такого метода «проработки памяти» в деталях, ведь в

¹ ГАНО. Ф.П-10. Оп. 1. Д. 457. Л. 2.

² ГАНО. Ф.П-13. Оп. 1. Д. 1119. Л. 9.

целом они доверяли представителям власти и опытным организаторам выступлений, «помогавшим» им построить речь. Транслируясь в массы, подобные рассказы расширяли коллективную память собравшихся сюжетами, полезными для легитимации власти, укрепления революционной идентичности и привлечения в партию новых членов. На вечерах, посвященных революционным воспоминаниям, звучали и доклады агитаторов, в которых, прежде всего, давалась «правильная» оценка событиям и заполнялись лакуны в воспоминаниях, ведь память всегда обрывочна, нелогична и противоречива.

Есть основания считать, что со временем воспоминания, революционеров, выступавших на вечерах из года в год, обретали «законченную» репертуарную форму. Так, в стенограмме 1932 г. доклада старейшего революционера-подпольщика Алтайского Края П.Е. Семьянова, первого организатора марксистских кружков Барнаула, отсутствуют личные впечатления и личные оценки. Докладчик не использовал типичных для мемуаров формулировок «я помню», «мне вспоминается», «я увидел», «мне особенно запомнилось». Текст доклада напоминает обобщенную и теоретизированную лекцию¹.

Вечера воспоминаний обязательно дополнялись тематическими концертами художественной самодеятельности с инсценировками, песнями хореографическими номерами. В конце вечера эмоциональный накал достигал апогея, в восприятии участников вечера происходило смешение личных воспоминаний с воспоминаниями товарищей и официальной трактовкой событий, художественного и документального, вымышленного и пережитого. В праздничные дни воспоминания старых большевиков обычно публиковались в газетах. Среди них были тексты о революционных событиях и процессах, происходивших как в столицах, так и в Сибири. Эти публикации отличались краткостью и шаблонностью. Перед праздником и в праздничные дни печатались также публицистические статьи на историко-революционные темы, их тематика со временем менялась. К примеру, в 1926 г. в газетах размещались материалы типа «Борьба почтово-телеграфных служащих за право иметь свой профсоюз»². Десятью годами позже публикации по

¹ ГААК. Ф. Д-86. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–13.

² Историческая годовщина. 25 лет тому назад. Борьба почтово-телеграфных служащих за право иметь свой профсоюзы // Красное знамя. 1926. 15 дек.

теме революции обычно связывались с революционной деятельностью С. Кирова в Сибири¹.

Технический прогресс сделал возможным и выступления «пятигодников» с их воспоминаниями по радио. Так, переданное по радио в пятнадцатую годовщину революции выступление томского большевика Ткаченко было посвящено подробному описанию гибели от рук казака молодого печатника И.Е. Кононова, державшего красное знамя на демонстрации 18 января 1905 г., его похоронам и почитанию после смерти; последовавшему за демонстрацией еврейскому погрому и поджогам, учиненным монархистами². В те годы радиопередача была призвана вызывать всеобщее внимание и доверие, чем пользовались агитаторы, тщательно готовившие к обнародованию мемуарные тексты. Кроме того, радиозфир исключал обсуждение рассказа, поэтому его содержание должно было запоминаться слушателями как истина.

Во второй половине 1930-х гг. содержание рассказов и оценки революционных событий, звучавшие на вечерах воспоминаний, изменились мало. Так, в 1935 г. основной темой воспоминаний вечеров томского землячества революционеров, участвовавших в Первой русской революции, вновь стали события в Томске 20 января 1905 г. «Пятигодники» рассказывали о революционном митинге в театре, о том, как народ воспринял обнародование Манифеста 19 февраля, о демонстрации, в ходе которой погиб И.Е. Кононов. Звучали и рассказы об убийстве на ул. Почтамтской сотрудника газеты «Сибирский вестник» Н.Н. Ярпольского и нескольких студентов (20 октября), о еврейском погроме и поджогах, устроенных черносотенцами. Подробно описывались «зверства» монархистов, готовых «с благословения батюшки» и после «кружки бесплатной водки» на неоправданную жестокость. К этим сюжетам добавились эпизоды, связанные с памятью о С. Кирове и неизбежные похвалы вождю И. Сталину³.

В январские дни обязательно проходили торжественные заседания Горосоветов, партийных и рабочих организаций. На заседания приглашались активные участники революционного движения. В 1925 г. в городах прошли специальные юбилейные заседания, в другие годы о Первой русской революции обычно вспоминали на заседаниях,

¹ См.: Дом, где жил Киров у Кононова // Красное знамя. 1935. 1 дек.; 4 дек.

² ГАНО. Ф.П-5. Оп. 4. Д. 67. Л. 2-3.

³ Там же. Оп. 3. Д. 25.

посвященных годовщине смерти В.Ленина. Праздничные заседания 1925 г. были организационно близки вечерам воспоминаний. Зачитывались доклады о значении революции, делался обзор революционных событий, выступали с воспоминаниями участники революционных событий. Революционер выслушивали слова благодарности, выносились предложения об их премировании. В ходе подготовки к празднику выяснилось, что большинство революционеров нуждается в материальных средствах, поэтому премирование имело идеологическое значение, воспринимаясь как справедливое вознаграждение за героизм, свидетельство победы революционных идеалов. После заседаний демонстрировались революционные спектакли и киноленты. 20.12. 1925 г. прошли митинги в рабочих районах, тематические собрания в школах.

До революции городские власти стремились приурочить к официальным государственным праздникам и памятным датам культурной жизни основание или открытие церквей, часовен, памятников и различных социальных учреждений. Данная практика сохранилась и в советское время. Так, 19 января 1923 г. в Томском отделении Госбанка Губернский исполком открыл текущий счет для приема пожертвований от населения на сооружение памятника «Борцам революции»¹.

С дореволюционных времен сохранилась и традиция праздничных выставок в музеях и библиотеках. Активное участие в этой работе принимал Истпарт. Его силами в Томске в 1923 г. была устроена выставка «Московское декабрьское восстание 1905 г.»² Большую работу над реконструкцией революционной деятельности С. Кирова во второй половине 30-х гг. вели музеи города. С 1938 г. в краевом музее революционным событиям в городе был посвящен отдельный зал.

Подготовка к юбилеям революции требовала предварительной исследовательской работы. Историко-краеведческие исследования продолжались и в канун, и на протяжении двух последующих лет. Сотрудники Истпарт, отделов агитации и пропаганды с помощью анкет выявляли живущих в сибирских городах участников революционного движения 1905 г., записывали биографии, пытались с их слов реконструировать политические события³. На Алтае формировался

¹ [Хроника] // Красное знамя. 1923. 21 янв.

² ОГУ ЦДНИТО. Ф.4204. Оп.4. Д. 102. Л. 5;

³ ГААК. Ф. Д-86. Оп.1. Д. 39.

революционный сборник воспоминаний, ориентированный на массового читателя. Исследователей особенно интересовали памятные места, связанные с революцией. Большинство из них уже были неизвестны молодому поколению и жителям городов, приехавшим сюда в последние годы. На основе воспоминаний революционеров были впервые письменно зафиксированы, систематизированы и растиражированы сведения о конспиративных квартирах большевиков на Гоголевской (№93; 94; 99) и Бердской улицах Барнаула, о тайной типографии, об агитационной работе в Бобровском затоне и первом публичном политическом митинге в Дунькиной роще. Фиксация внимания на этих объектах городской среды была необходимой для формирования нового, советского ландшафта коллективной памяти жителей Барнаула. Относительно «правильная» ментальная карта революционного города до сих пор существовала лишь в коллективной памяти «пятигодников», которые активно включились в работу над ее уточнением и внедрением в массовое сознание. Революционеры не только давали интервью, они организовали в Барнауле артель «Краевед», собиравшую исторический материал, готовили к публикации отдельные очерки (к примеру, о революционной деятельности барнаульских пимокатов). Подобная работа велась и в других городах.

Двадцатилетие Первой революции стимулировало краеведческие исследования, пожалуй, еще более политизированные. В Томске Горком ВКП б) организовал сбор воспоминаний о революционной деятельности С. Кирова и Н. Куйбышева¹. Отложившиеся в архиве тексты отличает шаблонность как в выборе сюжетов повествования, так и в оценках событий и героев. По всей видимости, те люди, кому было поручено создать эти источники, старались не отступать от схемы, заранее разработанной агитаторами. Но, видимо, была и еще одна причина «сухости» мемуарных текстов. В 30-х гг. некоторые «пятигодники», высоко ценившие собственные революционные заслуги, еще заявляли, что молодой Киров в организации подполья играл такую же скромную роль, как и его соратники, то есть не был лидером².

Революционерка Кузнецова вообще считала, что рассказывать особенно нечего, а также добавляла, что С.М. Киров никогда не работал в типографии, что этот «факт» вымышлен «пятигодниками», которым

¹ ГАНО. Ф. П.-5. Оп. 2. Д. 297.

² ОГУК «ТОКМ им. М.Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 4. Д. 159. Л. 116 в.

просто нужно было что-то рассказать «для истории». Слова Кузнецовой подтверждают то, что томский период революционной биографии Кирова был во многом придуманным, а потому и эта фигура памяти быстро «обронзовела». После убийства С. Кирова важными памятными местами Томска, связанными с Первой революцией, стали считаться конспиративные квартиры, где жил молодой революционер Сережа Костриков, типография на Офицерской улице, организованная под его руководством (точность факта сомнительна), тюрьма, где он отбывал наказание за организацию демонстрации в 1905 г. Одновременно в качестве памятного места, связанного с Кировым и Первой революцией, стал считаться «домик Кирова» в Новониколаевске, где этот революционер временно пребывал в 1908 г. после первого ареста¹.

Отметим, что в воспоминаниях, собранных в Томске к двадцатилетию Первой революции, фигурировало несколько имен сугубо томских революционных героев И. Е. Кононова², К.М. Кулеша³, Н.Н. Ярпольского⁴. Они почитались местными жителями как невинные жертвы революционной борьбы. Практики, связанные с их почитанием, несомненно, ассоциируются с христианским культом мучеников.

Политика памяти государства, влиявшая на организацию праздника в разные годы, довольно прозрачна. В начале 1920-х гг. торжества служили напоминанию обстоятельств и цены установления советской власти. Обращение к событиям начала XX в. повышало эту цену, демонстрировало, какой длительной, кровопролитной, но и успешной была борьба большевиков за их идеалы. Историками замечено, что до 1927 г. празднования были ориентированы, прежде всего, на формы воспоминания важнейших революционных событий. Празднества последующего времени были ориентированы на современность⁵, на легитимацию действовавшего режима. В этой связи очень полезной для Сибири в идеологическом смысле стала фигура памяти «Киров». У пропагандистов появилась возможность, конструируя коллективную память об идеальном герое, еще более эффективно навязывать

¹ ОГУК «ТОКМ им. М.Б. Шатилова» Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.

² ГАНО. Ф.П-5. Оп.2. Д. 295. Л. 3. и др.

³ Там же. Оп.3. Д. 25. Л. 7.

⁴ Там же. Оп.18. Д. 3. Л. 31.

⁵ Мальшева С.Ю. Указ. соч. С. 13.

сибирякам шаблонное восприятие революционной истории, а также демонстрировать «раздутую» значимость для страны отдельных локальных событий в Сибири – «кузнице большевистских кадров», где они получали первый опыт политической борьбы и прошли горнило каторги и тюрем. Героические истории революционеров использовались как пример для молодежи. Но если революционеры 1920-х гг. рассказывали преимущественно о собственном героическом опыте, то десятилетиями позже участники Первой революции вынуждены были, прежде всего, вносить вклад в формирование советской версии памяти С.Кирова, которая, к сожалению превращалась в статичный образ, мало способный к длительному существованию. В новых данных о революции 1905 г. власть на этом этапе не нуждалась: она стремилась к тотальному контролю над историей и исторической памятью народа.

Заметно влияние контекстов социально-экономической жизни страны на празднование годовщин революции. Разруха начала 1920-х гг. не позволяла пышно отмечать праздники, поэтому должный эмоциональный эффект торжеств достигался за счет красноречия ораторов, а также добросовестности артистов. В середине десятилетия появилась финансовая возможность премировать «пятигодовников», несомненно, ждавших поощрений. Развитие радиовещания, сети музеев и библиотек давало возможность постепенно разнообразить формы праздничных коммемораций. Однако уже в 1930-е гг., когда государственные торжества стали зрелищными и пышными, годовщина революции 1905 г. начала утрачивать статус самостоятельно праздника, постепенно сливаясь с днем памяти В. Ленина и октябрьскими торжествами.

Итак, очевидно, что в изучаемый период в административных центрах Западной Сибири годовщины Первой русской революции и по сценариям, и по функциям очень напоминали дореволюционные государственные праздники. С одной стороны, разработчики сценариев советских праздников стремились использовать сильно действующую на эмоции человека эстетику христианских ритуалов, с другой стороны, не были способны ее преодолеть¹. На традиционной культурной основе власть использовала отдельные коммеморативные практики для формирования выгодного ей метанарратива революции. С другой стороны, в 1920-е гг. празднование годовщин Первой русской

¹ Мальте Р. Указ. соч. С. 87.

революции обращало внимание на ее участников, способствовало их единению, повышению самооценки; стимулировало исторические исследования. К середине 1930-х гг. революционеры уже не имели прежней свободы (пусть во многом иллюзорной) в вопросах репрезентации памяти их социальной группы о революции; они становились заложниками политики памяти государства и были вынуждены рассказывать для современников и потомков шаблонные истории о революционной борьбе в западносибирских городах и о герое С.Кирове. На этом этапе репрезентации коллективной памяти в торжествах становились унифицированными и схематичными.

В.М. Кузьмина

**ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО
РЕГИОНА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ О МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

В новом социалистическом обществе 1920–1930-х гг. необходимо было совершить экономический рывок, суметь выйти на один уровень с развитыми европейскими странами и правительство выбрало курс форсированной индустриализации. Индустрия в строящемся советском государстве всегда ассоциировалась с мощью, независимостью, новой жизнью. Труд в этих условиях означал все: и возможность иметь хлеб насущный, и обеспечивать независимость Родины, и развивать науку, образование, искусство, и вообще сохранять свое национальное достоинство. Для этого необходимо было развивать тему труда по всем направлениям, в том числе и в искусстве.

Особенно показательна в вопросе агитации и пропаганды была деятельность художников. Именно эти представители творческой интеллигенции прилагали все усилия для мобилизации народа на решение задач индустриальной модернизации. Так, картина Б. Н. Яковлева «Транспорт налаживается» (1923) являлась программным произведением, утвердившим в советском пейзаже индустриальную тему. Художник сумел в поэтическом образе передать тему борьбы рабочего класса за восстановление народного хозяйства. К индустриальному пейзажу обращаются в те годы многие художники. В 1923-1924 гг. А. В. Моравов совершает поездки на Волховстрой, чтобы отобразить строительство первенца советской электрификации. В 1926

г., после Постановления ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»¹, в Центральном Черноземье создаются филиалы Ассоциации художников революционной России (АХРР) и Объединения молодежи ассоциации художников Революции (ОМАХР). Эти организации впервые сделали работы художников доступными для всего населения посредством плановых выставочных мероприятий.

На первой выставке АХРР был широко представлен своими работами один из крупнейших передвижников Н. А. Касаткин, вошедший в историю русского дореволюционного искусства как художник, отобразивший жизнь пролетариата. Ассоциацией были организованы большие тематические передвижные выставки, в которых должна была найти отражение новая социалистическая действительность: «Жизнь и быт рабочих» (1922), «Жизнь и быт Красной Армии» (1923), «Революция, быт и труд» (1924), «Жизнь и быт народов СССР» (1926) — и ряд других. Эти выставки, объединенные единым тематическим стержнем, были новым явлением и имели большой успех у зрителей.

Впервые заботу об организации выставок в Центрально-Черноземных губерниях взяли на себя члены этих организаций, а не отдельные, самостоятельные представители от художников. Если столичные объединения художников в 1920-е гг. вели теоретические споры по вопросам выработки основного творческого метода, то художники провинции предпочитали заниматься творческой работой, а не теоретическими изысканиями². Основная их деятельность сводилась к подготовке работ к выставкам. Большим событием в культурной жизни Воронежа явилась художественная выставка в 1925 г., посвященная 20-летию юбилею первой русской революции. На ней местные художники представили тематические произведения: С.М. Романович «Разгром демонстрации» (1924), Н.И. Бессарабова «Усмирение восстания» (1925), Н.А. Кондрашин «На баррикаде» (1925) и т.д. Первая выставка курских художников состоялась в начале 1926 г., но особого внимания курян не

¹ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18.06.1925 // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С.53.

² Курская правда. 1926. 15 декабря.

привлекла; тогда художники пересмотрели ряд своих работ, и пошли по пути написания картин на актуальные темы социалистического строительства. Этому была посвящена вторая выставка художников в конце 1926 года¹. На страницах «Курской правды» данный творческий рывок художников был отмечен как позитивный и «необходимый для их дальнейшего саморазвития»².

Прогрессивную роль в приближении искусства к современности сыграло «Общество станковистов» (ОСТ). Художники группы — А. А. Дейнека, Ю. И. Пименов, П. В. Вильяме, А. Д. Гончаров, Н. Ф. Денисовский и другие — ставили своей задачей передавать динамику современной жизни, в их творчестве главенствующее место занимали темы индустрии, спорта, нового быта. Вместе с тем во многих работах «остовцев» преобладали формальные поиски нового, «индустриально-технического» художественного языка. К достижениям в области соединения жизни крестьянства с интересами индустриального строительства следует отнести картины Е.М. Чепцова «Заседание сельской ячейки» (1924) и «Переподготовка учителей» (1925), в которых художник с большой теплотой, правдивостью и безыскусственной простотой запечатлел людей и новый быт советской деревни начала 1920-х гг.

В Тамбове АХРР была официально организована в 1925 г. Одним из инициаторов её создания был художник А.В.Фонвизин (1882-1973), ставший впоследствии председателем этого объединения. До этого художники организовывали свои выставки, ставшие центром притяжения молодых художников. С 1922 г. проводились выставки на революционную тематику, свидетельствующие о реалистическом восприятии происходящих событий со стороны художников. Активное участие вместе А.В. Фонвизиним в организации филиала АХРР принимали и другие местные художники: В.Г. Белоцветов (1894-1975), А.Н. Нестеров (1883-1961), Н.А. Отякин (1893-1966)³. Были организованы две большие выставки художников-ахровцев в 1927 и 1929 гг., устраивались коллективные обсуждения творчества того или иного художника, устраивались лекции для населения по изобразительному

¹ Курская правда. 1926. 18 января.

² Курская правда. 1926. 14 декабря.

³ Мишина И.В. А.В. Фонвизин и АХРР в Тамбове // Художники и Тамбовский край в XX веке / под ред. Т.Н. Шестаковой. Тамбов, 2008. С.16.

искусству. Немалыми живописными достижениями отмечены работы, экспонировавшиеся на XI выставке АХРа «Искусство в массы» 1929 г. — «Портрет работницы», отдельные рисунки В. Белоцветова и «Швея» А.Нестерова, которая являлась подготовительным этюдом к названной картине «Чулочницы».

В 1926 г. в Воронеже создан филиал ОМАХР, инициаторами его создания были А.М. Балашов и К.М. Стаховский. В первой выставке ОМАХР в 1925 г. приняли участие 25 художников, которые представили произведения на производственную тематику. Среди них можно выделить эскиз монументальной росписи «Социалистическая стройка», выполненный И.П. Симаковым. Картина вдохновляла на созидательный труд, показывая красоту и мощь советской индустрии. На холсте были изображены дымящие трубы заводов, подъемные краны, новые корпуса цехов; все это было передано художником правдиво и убедительно. Наиболее выразительными произведениями, отражающими тему труда на селе, были «Труд» (1926) Г. Н. Антоновой и «Сенокос» (1926) А. М. Балашова. Из жанровых полотен, показывающих ростки новой жизни, привлекали внимание «Первый трамвай» (1926) Е. С. Агеева, «В Доме крестьянина» (1926) А. Н. Дубянского и портреты, написанные М. П. Бакалинской.

В июне 1926 г. в Орле был создан филиал АХРР, объединивший 13 художников, а в декабре того же года в помещении Художественной школы открылась его первая выставка. На ней было представлено 175 произведений живописи, скульптуры и графики. Среди работ, получивших положительную оценку общественности, были картины «Портрет литографа типографии «Труд» Н. М. Леонова» художника В. П. Третьякова, «В. И. Ленин» и «Голова красноармейца» скульптора Н.А. Цуканова, работы К.С. Андросова, Р.С. Лейкиной, а также художника В. П. Сокола из города Малоархангельска. В рецензии на эту выставку газета «Орловская правда» писала: «Конечно, наша Орловская ассоциация сравнительно молодая, — она существует всего лишь седьмой месяц. Естественно поэтому, что требований больших к ней предъявить еще нельзя, и все же основной лозунг

декларации выставкой работ схвачен и схвачен довольно-таки удачно»¹.

Если первые выставки АХРР состояли преимущественно из работ хроникально-бытового характера, то вскоре художники сумели преодолеть бытовизм и создали картины большого образного содержания, отражающие типические явления жизни. В этих произведениях показывались уже не отдельные конкретные эпизоды, в них давалась широкая картина жизни народа, его революционной борьбы. Стремясь правдиво отобразить советскую действительность, художники АХРР бывали на заводах, в деревнях, в частях Красной Армии. Впервые АХРР были осуществлены творческие командировки художников, сыгравшие большую роль в приближении искусства к жизни, в развитии нового советского пейзажа.

Всесоюзные художественные выставки и в этот период строятся по тематическому принципу: «XV лет РККА» (1933), «XX лет РККА» (1938), «Индустрия социализма» (1939) и другие. На выставке «Индустрия социализма» среди произведений на колхозную тему метко охарактеризованными образами крестьян выделялось полотно «Колхозный праздник» (1937) С.В. Герасимова. Живописец создал правдивую картину настоящего народного праздника, красочного, яркого, жизнерадостного. В подобных выставках участвовали художники и Центрального Черноземья. Так, тамбовские художники участвовали на проходившей в Москве XI выставке АХР «Искусство в массы» (1929).

Большинство мастеров изобразительного искусства встали на общую платформу социалистического реализма. Результатом подобных преобразований стало открытие в Тамбове в 1938 году областного объединения Союза советских художников. Первым председателем стал художник В.Н.Кожухов (1882-1964). Этот период отмечен активной выставочной деятельностью в Тамбове. На первых состоявшихся выставках областной организации Союза художников обратили на себя внимание работы А.Н. Нестерова, С.Г.Архипова, Н.А.Отнякина, В.Г.Белоцветова, А.И.Левшина, Н.М.Шевченко. С интересом были приняты зрителями новые работы А.Левшина и П.Дмитриева, сделанные ими на Тамбовском вагоно-ремонтном заводе, среди которых было

¹ Преображенский А. На выставке орловского филиала АХРР // Орловская правда. 1927. 5 января.

много портретных зарисовок передовиков производства. Как рассказывал А. Левшин, во время их работы на заводе художникам оказывался самый теплый прием.

Одной из форм связи искусства с жизнью в 1930-е гг. были творческие поездки художников на заводы, фабрики, колхозы. В 1933 г. прошла первая областная художественная выставка «Художники Центрально-черноземных областей за 15 лет», а через три года состоялась следующая областная выставка. В ней участвовали 70 художников Воронежа, Курска, Орла; экспонировались 260 произведений живописи, скульптуры и графики. Представленные на выставках произведения отмечены поисками новых тем, идеалов, отвечающих требованиям времени. Первая областная художественная выставка помогла выполнить задачу объединения художников. Первый областной съезд художников в конце декабря 1933 года подвел итоги выставки и положил начало организации Союза советских художников.

В 1936 г. Постановлением Совета народных Комиссаров СССР «Об образовании Союза Советских художников» был образован Курский областной Союз советских художников. Главная задача КОССХ – «непосредственное участие в социалистическом строительстве, расширение художественно – политических задач советского искусства»¹. Деятельность художников Воронежа, начиная с года создания областного Союза художников и до начала Великой Отечественной войны, была интересной и многообразной: ежегодные выставки изобразительного искусства, работа изостудий при Домах культуры и клубах, оформление общественных зданий и парков монументально-декоративной скульптурой и живописью. Открывшаяся в 1939 г. выставка «Двадцатилетие освобождения Воронежа от белых банд» была этапной: она подводила итог работы творческого Союза за шесть лет. Среди работ выставки, определявших значительный уровень профессионального мастерства художников, были: «Портрет» (1939) А.А. Бучкури, «Председатель колхоза» (1939) Л.П.

¹ ГАКО (Государственный архив Курской области) Ф. Р. 3154. Историческая справка.

Столыгво, «Портрет курсанта» (1939) Н.П. Юргенсон, пейзажи И.Я. Копрова, рисунки С.Д. Легени.

Вклад творческой интеллигенции в индустриальную модернизацию страны заключался в создании произведений, которые отразили те социально-экономические процессы, которые происходят в стране, при этом необходима была лакировка действительности с целью создания у населения впечатление праздника даже от самой тяжелой работы.

Г.Ю. Лазновская

**РОССИЯ И ФРАНЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
(ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВО ФРАНЦИЮ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.)**

В процессе создания образа и представлений о чужой стране важнейшую роль играют путешествия, которые среди способов коммуникации выступают важнейшим средством формирования индивидуальных и коллективных идентичностей, национального самосознания. Описание путешествий, путевые заметки наилучшим образом отражают процесс взаимопроникновения культур. «...Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествоведение. Каждому читателю дает оно все, что только хочет найти он», – писал Н.Г. Чернышевский¹. А.В. Дружинин резко выступал против тех, кто, прикрываясь лозунгами сохранения русской культуры, чурается зарубежных поездок: «...долго надо будет еще говорить нашим молодым людям: «господа, не слушайте квасных патриотов! путешествуйте и учитесь, на сколько можете!»²

Необходимо провести культурологическую грань между понятиями «путешественник» и «турист». Туризм бесцелен, поверхностен, снимает телеологическое напряжение любого путешествия. Путешествие же, в определении В.П. Океанского и Ж.Л. Океанской, есть некое «укоренение в пути», в нем заключено нечто

¹ Чернышевский Н.Г. Письма об Испании В.П.Боткина. СПб. 1857 г. // Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2-х т. Т. I. М., 1986. С. 368.

² Дружинин А. В. Русские за границей. СПб, 1867. С. 556.

священное, метафизическое, в отличие от туризма, который в некоторой степени является антонимом краеведения¹.

Путешествия в Европу были очень характерны для русского общества. Особую роль среди русских путешественников сыграла такая социальная группа как интеллигенция, которая на всем протяжении своего существования стремилась постичь соотношение европейской и российской цивилизаций, перспективы их развития. Именно благодаря этой категории русских (наиболее образованных, вдумчивых, мобильных) расширялись связи с Европой, литературно оформлялись заграничные впечатления и опыт, что в итоге приводило к осознанию собственной культуры как части мировой. Путешествующая интеллигентная публика, независимо от литературных и художественных пристрастий, уровня образования, стихийно принимала функцию трансферта русской культуры на Запад, превращаясь в переводчиков-любителей и истолкователей русской литературы, поэзии и т. д.

Если в первой половине XIX в. среди посещавших Францию, были, в основном, представители дворянства, помещики, купцы, интеллигенция, то во второй половине XIX в. преобладает последняя категория. Среди русской интеллигенции во Франции можно выделить представителей разных политических взглядов (консерваторы, либералы, социал-демократы), разного социального происхождения. Если к началу 60-х годов XIX века в России насчитывалось лишь 20 тысяч человек с высшим образованием, то в дальнейшем их численность неуклонно возрастала. Во второй половине XIX в. большой вес приобретает разночинная интеллигенция, в том числе выходцы из сословия мещан и крестьян. Возрастанию активности русских путешественников способствовал и рост интереса к географии как страноведения после школьной реформы 1874 г. Русские путешественники были сравнительно молодыми, чаще всего являлись жителями Европейской части России и проживали, как правило, в Москве и Петербурге.

Ф.М. Достоевский писал о том, что у русских две родины: наша страна и Европа:¹ «Нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам

¹ Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Туризм как способ десакрализации мира // Глобальный кризис: метакультурные исследования. В 2 – х тт. Т. I. Иваново, 2006. С. 134.

второе отечество...Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия...»². Русские хорошо знали Европу, «выучивали» ее как свое имение³. Почему выезжающие в Европу чаще всего выбирали целью поездки Францию и Париж? Если Западная Европа всегда была центром притяжения для русских, то Франция своеобразной точкой отсчета, началом начал: «Что Европа для целого мира, то Франция с самого начала новой политической системы, была и есть для Европы, – писал Н.А. Полевой⁴. Она, начиная с XVII в., обобщала все политические, философские, научные, искусствоведческие и другие идеи.

Состав путешественников и цели их поездок во Францию взаимосвязаны. Цели можно определить в зависимости от того, кто туда ехал: «скажи мне, зачем ты здесь и я скажу, кто ты». Русских «парижан» можно разделить на несколько групп, одна из которых заслуживает наибольшего внимания, так как включает большое число лиц творческих профессий, интеллектуалов: ученых, артистов, художников, литераторов, писателей и журналистов, оставивших замечательные произведения, в которых ярко, образно и точно были схвачены наиболее впечатляющие черты Франции, Парижа и французов. Париж был для них местом отдохновения, интеллектуальной и эмоциональной подпиткой, предметом изучения состояния современного общества, и – объектом критики.

Для начинающих ученых, по их признанию, заграничные командировки были «высочайшим моментом в процессе учения». В Париже побывали представители «русской исторической школы» М.Н. Петров, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев и др. М.Н. Петров за 5 месяцев пребывания в Париже достиг той цели, которую ставил перед собой : «Узнать относительную важность, достоинства и недостатки каждого замечательного исторического труда, каждого

¹ Достоевский Ф.М. Из дневника писателя 1876 г. Июнь. Смерть Жорж Занда // Достоевский Ф. М. Искания и размышления. М., 1983. С. 272.

² Достоевский Ф.М. Из «Дневника писателя 1877 г.» Январь. Глава вторая. II. Мы в Европе лишь Стрюцкие // Достоевский Ф. М. Искания и размышления. М., 1983. С. 356.

³ Гончаров И.А. Обломов. М., 1965. С. 207.

⁴ Полевой Н.А. О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах // Полевой Н., Полевой К Литературная критика: Статьи, рецензии 1825-1842 Л., 1990. С. 104.

писателя, имеющего значение в науке...привести отдельные явления в связь...».¹ М.М. Ковалевский, годы своего ученичества в Париже определил как время, когда его «умственная жизнь была особенно деятельна». Именно в Париже он научился приемам самостоятельного исследования, чего не могли дать ему ни Россия, ни Берлин². Н.И. Кареев, по его признанию, интересовался «историей духовной культуры вообще, западноевропейской в особенности...». Он стал первым русским ученым, который занялся в Парижском национальном архиве изучением документов революционной эпохи.

Представители изящных искусств – студенты и выпускники Академии художеств, скульпторы, певцы, русская богема – приезжали в Париж учиться, получать представление о новых направлениях в живописи, ваянии и зодчестве, знакомиться с выдающимися достижениями искусства прошлого и современности. Так же, как и для литераторов, Париж служил для них источником вдохновения. И.Е. Репин писал в связи с этим В.М. Васнецову в 1873 г.: «...только в Париже узнаешь цену и значение всему. Приезжай прямо к нам ...ты все заморское узнаешь сразу и пойдешь смелей и сильнее в 10 раз и не будешь неопределенно предаваться тоске по неизвестному. Нечего и говорить о пользе, которую приносит подобное путешествие: на все открывает глаза. А главное, ты обрадуешься, что Ты русский человек, во многом; а может, и опечалишься, это глядя по вкусам»³.

Особняком стоит категория тех, кто избрал Париж в качестве места политической эмиграции. Причиной их отъезда были негативные черты российской повседневности. Правление Николая I было временем «нравственного душегубства»⁴, и убивало не только рудниками и белыми ремнями жандармерии, но в первую очередь своей удушающей, атмосферой, поэтому наиболее прогрессивно мыслящие, свободолюбивые люди стремились уехать и, прежде всего, во Францию, так как именно на нее с 40-х годов XIX века было обращено всеобщее внимание, как на

¹ Петров М.Н. Отчет о занятиях адъюнкта императорского Харьковского университета. Х., 1861. С. 7-8.

² Ковалевский М. М. Мое научное и литературное скитальчество» // Русская мысль. 1895. № 1. С. 68.

³ Виктор Михайлович Васнецов: Письма, Дневники. Воспоминания. М., 1987. С. 260.

⁴ Герцен А. И. Былое и думы. Части 4-5. М., 1982. С. 468.

«лабораторию, в которой совершались химические опыты над разными современными общественными и политическими вопросами»¹. «Наши помещики продавали своих крепостных крестьян и ехали в Париж издавать социальные журналы, а наши Рудины умирали на баррикадах», – писал Ф.М. Достоевский².

Но чаще всего никаких высоких политических целей русские путешественники не преследовали: ездили завершать образование в европейских университетах, знакомиться с достопримечательностями (это пристрастие сложилось в русском обществе еще в XVIII в., когда отправлялись за материализацией детских и юношеских образов, сформированных книгами и рассказами («Любознательный русский человек по какому-то инстинкту стремится в молодые годы за границу посмотреть свет и людей; одно школьное ученье его не удовлетворяет; ему хочется проверить собственными глазами то, что он узнал из книг, стать лицом к лицу с действительностью»), – писал по этому поводу Д.И. Каченовский)³, а также искать смысл жизни...

Достигали ли путешественники своих целей? Когда как. Если речь шла об удовольствиях, то этого Париж предоставлял в полном объеме, а если о свободе и смысле жизни, то здесь очень часто ниточка надежды обрывалась, и путешественников постигало разочарование. Н.Г. Чернышевский писал, что «путешественники, отправляющиеся в Западную Европу с ожиданием найти там земной рай, возвращаются разочарованными, если ищут, например, в Париже чего-нибудь, кроме пале-рояльских удовольствий и модных портных»⁴.

Заграничные путешествия были связаны с рядом проблем, среди которых необходимо выделить следующие:

- дороговизна путешествий;
- ограничение выезда за рубеж.
- соотношение стереотипов, иллюзий и мечтаний с реальностью и разочарования путешественников.

¹ Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания. М. 1972. С. 134.

² Достоевский Ф. М. Из «Дневника писателя 1877 г.» Январь. Мы в Европе лишь Стрючки. // Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки. Т. 3. С. 355.

³ Каченовский Д. И. Заметки о характере французов и англичан // Русская речь. 1861. 15 янв., № 5. С. 73.

⁴ Чернышевский Н.Г. «Русская беседа» и славянофильство // Чернышевский Н. Г. Сочинения в 2-х т. Т. I. М., 1986. С. 398.

Рассмотрим их более подробно.

1) Времяпрепровождение за рубежом могли себе позволить только обеспеченные люди («Вояж, – это роскошь, – говорил Обломову заядлый путешественник Штольц, – и не все в состоянии и обязаны пользоваться этим средством...»)¹, поэтому многие отправлялись за границу, не имея средств, не зная толком языка. Помещики в этом случае закладывали крестьян (и как пушкинский граф Нулин, проматывали «в вихре моды свои грядущие доходы»), заучивали элементарные французские фразы, необходимые для разговоров с прислугой². Петербургский знакомый И.Панаева, встретившийся ему в Париже, признавался в «страстишке посмотреть на Божий свет и себя показать»: «Я подумал-подумал, заложил имение, да и махнул сюда-с»³. В.Г. Белинский долгое время не мог позволить себе роскошь путешествия и поэтому сетовал: «Счастливы, а нашему брату батраку разве во сне придется видеть Европу!».

2) Правительство, обеспокоенное большим количеством отъезжающих русских, всячески ограничивало этот процесс, конфискуя имущество, если поездка длилась дольше установленного срока. А в 40-х годах XIX в. наложило плату на заграничный паспорт в 500 рублей. От этой платы освобождались только те, кто представлял свидетельство от авторитетных докторов, о том, что болезнь их пациента безотлагательно требует лечения заграничными водами. Богатые люди без затруднений добывали себе такие свидетельства и легко выезжали за рубеж. Французский исследователь Э. Оман отмечал, что с 1848 по 1856 гг. во Франции было мало русских путешественников. Накануне Крымской войны они были отозваны в Россию, им не разрешали выезжать за границу. Но после войны поток русских потянулся в Париж, «чтобы увидеть сфинкса» – Наполеона III, его новый двор, или просто получить удовольствие и развлечься. Этот поток замедлился только в результате восстания в Польше в 1863 г.: «Салоны знатных предместий закрылись для русских, Латинский квартал скорчил хмурую мину... Но это плохое настроение быстро прошло и в 1867 г. на Всемирную выставку прибыло бесчисленное количество посетителей, карманы которых распухли от золота, за выкупленных крепостных. Их было более 20 тысяч,

¹ Гончаров И.А. Обломов. С. 207.

² См.: Панаева А.Я. (Головачева). Воспоминания. М., 1972. С. 115.

³ Панаев И.И. Парижские увеселения. С. 242.

говорят...», – писал Э.Оман¹. В дальнейшем поток русских во Францию только нарастал. Впрочем, архаизм политико-правового режима внешних миграций подданных мало компенсировался оперативно-бюрократическими решениями, которые после принятия в 1872 г. Устава о паспортах все чаще вступали в противоречие, не говоря уже об их несоответствии быстро развивающимся международным нормам.

3) Очень часто представления о Европе, заложенные в детстве «спотыкались» о реальную действительность. Проблема заключалась в том, что в основном русские люди знали Европу «школьно, литературно», судили «*a livre ouvert*», то есть по книжкам и картинкам. А.И. Герцен видел в этом серьезную проблему: «Наше классическое незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения. ...Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не отвечают нашему понятию о них, что они гораздо ниже его»². П.де Жюльвекур (французский романист, женатый на русской, переводчик русских стихов, очень неплохо относившийся к нашей стране) в романе «Русские в Париже» так обрисовал ситуацию: «Русские живут имитацией.... Множество наших современных романов, эти месье и мадам пожирают с жадностью и слепой верой как самое совершенное исследование парижской жизни, которую они почитают за самую фешенебельную, и когда каждый год тучи эмигрантов слетаются к нашим берегам, их уверенность в этих предполагаемых оазисах тает»³. П.де Жюльвекур и А.И. Герцен в XIX в. обозначили проблему национальных стереотипов и культурного шока, которую активно стали разрабатывать в XX в. историки, культурологи, психологи.

Наиболее показательные примеры разрушения стереотипов связаны с поиском русскими смысла жизни, свободы и восприятием Парижа. Отправляясь в поездку, русский интеллигент был уверен, что там ему удастся постичь некое тайное знание, которое просто так не откроешь в средней полосе России, обрести полноту и смысл жизни, вобрать в себя сразу все культурное наследие Запада. Это экзистенциальное стремление обусловлено вечной иллюзией: «там хорошо, где нас нет». «...Но что же там есть, что манит туда? –

¹ Haumant E. La culture française en Russie (1700-1900). Paris, 1913. p. 433-435.

² Герцен А.И. Былое и думы. Части 4-5. С. 308-309.

³ Julvecourt P. de. Les Russes a Paris. Vol. 1-2. Paris, Souverain, 1843. С. 114-115.

спрашивал литератор А.Клеванов в путевых заметках, — Не только памятники и воспоминания незабвенного прошлого, но и настоящее: там жизнь, а у нас... у нас все как-то мертво, все если не во сне, то в дремоте, — у нас нет интересов общественных. Каждый из нас желает быть сам по себе. И движемся мы, и жить хотим, но как-то искусственно. Движение есть, но жизни еще очень мало...»,¹ (у Ф.Тютчева: «Здесь как-то вяло...»).

Скрытой пружиной, которая заставляла нашего человека отправиться за границу, была, как ни странно, вечная русская болезнь — хандра или тоска («дворянская», «благородная»). «Тоскует он и дома, — писал М.Е. Салтыков-Щедрин о нашем соотечественнике, — но не стыдится и в люди свою тоску нести. В надежде, разумеется, что прикосновение нового жизненного строя хоть сколько-нибудь облегчит его измученное сердце. Как бы не так!»² Как правило, поиск смысла жизни не увенчивался успехом. Тогда наступало прозрение и разочарование: никаким тайным знанием европейцы не владели, а если и владели, то не понимали цену этому сокровищу, и разочарованный русский интеллигент уезжал обратно, искать себя в хозяйстве родовой усадьбы или доживать век рука об руку с той же тоской: «— А ведь и то сказать-с, и здесь-то я что такое, при чем я? — говорил И.Панаев русский парижанин, — Конечно, что я ожил здесь, ну просто воскрес... но, признаться, и здесь на меня изредка находит этакая, как бы вам сказать, хандра-с... Ах!»³

Версиров, герой романа «Подросток» говорил: «... Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! ... И вот, друг мой, и вот — это заходящее солнце первого дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас, как я проснулся, наяву, в заходящее солнце последнего дня европейского человечества! Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола»⁴. Персонаж

¹ Клеванов А. Путевые заметки за-границей и по России в 1870 г. М., 1871. С. 378.

² Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. М., 1988. С. 85.

³ Панаев И.И. Парижские увеселения // Петербургский сборник. СПб., 1846. С. 242.

⁴ Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 8. Л., 1990. С. 594.

Ф.М. Достоевского, таким образом, обозначил тему: «Европа – кладбище», характерную для русского самосознания XIX в. и принадлежащую в равной степени и славянофилам, и западникам. Так, основным мотивом в стихотворении А.С. Хомякова «Мечта» (1834) является сожаление о «дальнем Западе», утратившем свое бывшее величие и «задернутом мертвенным покровом». Стихотворение заканчивается призывом «Проснися, дремлющий Восток!»¹

Поиск русскими революционерами и либерально настроенной интеллигенцией свободы за границей также приводил к разрушению стереотипов. Внешне со свободой во Франции все обстояло благополучно, особенно на фоне крепостнической и полукрепостнической России: слуги требуют к себе уважения, женщины эмансипированы, в Парламенте бушуют страсти, депутаты не стесняются в выражениях и как будто бы абсолютно бесконтрольны, в живописи, литературе и других областях кипит работа и каждый самовыражается как хочет. Но все было не столь идеально.

Для революционеров разочарование было тем острее, чем больше они ожидали почерпнуть из европейского источника свободы. Когда они попадали за границу, то чувствовали себя обманутыми Европой, смотрели на нее с упреком, «как будто она не сдержала тех обещаний, какие надавала им втихомолку». Так, «открытие» Европы оканчивалось ее «закрытием». Иллюзорное представление о свободе западного человека рассыпалось, сталкиваясь с ясным пониманием того, что свобода, как и капитал, подвержена инфляции. Париж воспринимали как город-мечту, город развлечений, а ведь в нем существовали свои проблемы: нищета и бедность, самоубийства, проституция, распад семейных связей, разлад между церковью и обществом и др. Париж обманчив для поверхностного наблюдения – таков главный вывод русских иностранцев.

Таким образом, во второй половине XIX в. процессы интенсификации межкультурного, политического, экономического сотрудничества предоставляли больше возможностей для заграничных поездок. Основной целью пребывания русской интеллигенции во Францию являлась реализация духовного, творческого, интеллектуального, гражданско-политического потенциала. Обладая немалым запасом знаний о Франции, русские, тем не менее, открывали

¹ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 103.

для себя неизведанную реальность, что приводило часто к разрушению стереотипов и внутренней дисгармонии в восприятии окружающего мира.

Г.Н. Ланской

**АРХИВНО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Развитие историографии как самостоятельной области научного знания имеет сравнительно недавнюю историю. Это обусловлено сохранявшимся в течение длительного времени отношением к ней как к сфере интерпретации уже созданных описаний минувших событий, которая основывается на подвижных оценочных критериях и напрямую зависит от воздействия социальных и в особенности идеологических факторов.

Между тем в рамках установившегося в XX в. позитивистского подхода к исследованию истории исторической науки историография получила шанс включиться в состав уже сформировавшегося корпуса исторических дисциплин. В рамках теоретического источниковедения сложилось представление о том, что применительно к профессиональным историческим исследованиям можно с некоторой степенью условности (прежде всего, со скидкой на интерпретационную направленность историографических исследований) использовать те же критерии информационной оценки, что и по отношению к другим типам и видам исторических источников. Эта точка зрения, ставшая методологической основой для современного источниковедения историографии, утвердилась в научной литературе, в результате чего постепенно сложилось представление о базовых характеристиках историографии как науки – ее объекте, предмете, факторах и целях развития.

Этот процесс еще нельзя считать завершенным. Так, остается не утвердившимся представление о том, что считать историографическим источником – любое созданное повествование о прошлом, востребованные в обществе описания прошлого или уже сложившиеся самостоятельные историографические концепции. Однако очевидной выглядит возможность перехода на качественно новый этап в изучении истории исторической науки или, как ее допустимо называть, «интеллектуальной истории». Смысл и содержание этого процесса

заключается, на наш взгляд, в формировании эмпирического фундамента для историографии как области научного знания о нарративных памятниках прошлого. Представляется важным очертить ту совокупность информационных ресурсов, которую целесообразно привлекать для оценки сформировавшихся исследовательских подходов к восприятию различных событий прошлого.

Это особенно важно применительно к изучению историографических источников советской эпохи, начальным этапом создания которых стало утверждение большевистского подхода к восприятию российской и всеобщей истории. Достаточно распространенным является представление о том, что историография как область научной интерпретации уже сложившихся представлений о прошлом может опираться в своем развитии, главным образом, на опубликованные источники. К их числу, особенно в советский период, относились как разнообразные монографии, статьи, диссертационные исследования, доклады по различным профессиональным проблемам, так и директивные документы, исходившие от коллегиальных руководящих структур и отдельных государственных деятелей.

Применительно к отдельным, многоаспектным по своему содержанию историографическим источникам важно точно определять, какая цель – нарративная или административная – являлась и стала в массовом сознании определяющей. Характерными примерами можно считать письмо И.В.Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и «Историю ВКП(б). Краткий курс», ставшие для специалистов объектом углубленного исследования¹.

К этому ряду целенаправленно изучавшихся историографических источников можно отнести постановления коммунистической партии и советского правительства 1934-1936 гг., посвященные вопросам развития исторической науки и исторического образования в СССР. Однако их исследование было по сравнению с двумя вышеназванными источниками продиктовано необходимостью решения конкретной общественно-политической задачи – отделения негативной роли

¹ См.: Дунаевский В.А. О письме И.В.Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1991. С. 284-297; Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938-1988 гг. // Советская историография. М., 1996. С. 240-273.

И.В.Сталина в развитии советской историографии от неизменно положительного воздействия на эту же область политики советского государства. По этой причине оценка комплекса этих постановлений не могла быть в силу реалий времени – начала 1960-х гг. – вполне разносторонней. Об этом, в частности, свидетельствует содержание статьи М.В. Нечкиной «Вопрос о М.Н.Покровском в постановлениях 1934-1938 гг. о преподавании истории и исторической науке», автограф которой находится в архиве Российской академии наук¹.

В этой статье, имеющей характерный подзаголовок «Страница из истории советской исторической науки», проводилась характерная для начала 1960-х гг. мысль о том, что исходившие от И.В.Сталина необъективные оценки творчества отдельных авторов – среди них в первую очередь выделялся упоминавшийся в выступлениях руководящих работников партии М.А.Суслова и Л.Ф.Ильичева М.Н.Покровский – ни в коей мере не умаляли значимости решений партийных и государственных органов по вопросам развития исторической науки; что следы такого вмешательства были лишь печальной страницей из общей оптимистической книги о достижениях советских ученых.

Лишь к концу 1990-х гг. стали появляться работы, в которых одновременно в научном и социально-политическом аспектах анализировались значимые явления советской исторической науки, имевшие отчасти продуктивный и в существенной мере трагический характер². Однако очевидно, что число таких работ должно существенно возрасти, поскольку многие аспекты и события развития советской исторической науки еще остаются за рамками объективного и разностороннего осмысления.

Думается, что важным и эффективным ресурсом для перехода к новому качеству исследований по истории советской исторической науки может стать выход их эмпирической основы за рамки опубликованных историографических источников и обращение к тем материалам, которые по различным причинам еще не оказались введенными в научный оборот. Целесообразность такой стратегии исследований обусловлена не столько стремлением внести разнообразие

¹ Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 90.

² См., напр.: Артизов А.Н. Школа М.Н.Покровского и ее влияние на развитие советской исторической науки: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

в массив традиционно исследуемых информационных ресурсов, сколько своеобразием той социокультурной среды, в которой развивалось творчество советских историков. Сущность этого своеобразия заключается, как нам представляется, как минимум, в двух аспектах.

Во-первых, путь создававшихся исследований к изданию шел через исходившие от идеологического аппарата государственной власти цензурные препятствия. Они, как хорошо известно, оказывали воздействие прежде всего на содержание и концептуальную платформу подготовленных учеными монографий и статей. Хотя цензурные ограничения для профессионального историографического творчества существовали в России во все исторические периоды, характер их влияния на результаты исследовательской деятельности не был одинаковым. До событий 1917 г. большинство ученых, как правило, имело относительно независимое материальное положение от государства и их достаток формировался, как правило, из иных источников (например, от педагогической деятельности) помимо издания их трудов. В постсоветской России, когда публикаторская деятельность интегрировалась в рамки рыночной системы хозяйства, содержание научных исследований в плане выдвигаемых историографических концепций стало менее значимым фактором последующего издания рукописи по сравнению с социальной востребованностью тематики и формой стилистического изложения материала.

Таким образом, только в советскую эпоху, когда историческое знание неизбежно становилось компонентом политической идеологии, путь подготовленной монографии или статьи к читателю шел через экспертизу и корректировку ее содержания. Чтобы упростить это движение и сделать его более плодотворным для себя, многие ученые нередко под влиянием собственных, вполне искренних политических убеждений шли по пути самоцензуры, уходя от освещения заведомо дискуссионных проблем и приводя свои теоретико-методологические представления в соответствие с каноническими для официальной идеологии текстами.

Во-вторых, советская историческая наука имела помимо кадровой основы собственную институциональную сферу развития. Речь идет не только о системе учебных заведений, где в дополнение к существовавшим еще в дореволюционный период административным подразделениям возникли структуры политико-идеологического

контроля (партийные комитеты), но и об учреждениях, которые действовали в системе государства и от его лица управляли развитием исторических исследований. В них создавались директивные документы по координации исторических исследований, проводились дискуссии по наиболее значимым и требовавшим однозначного и единодушного решения проблемам, формировалась стратегия научных изысканий.

Продолжая сравнение советских реалий организации интеллектуальной жизни с дореволюционными и постсоветскими условиями, можно заметить, что институциональный контроль практики исторических исследований существовал и во все периоды. Однако в период последних двух десятилетий и накануне событий 1917 г. государство ориентировало свою координирующую деятельность на то, чтобы предотвратить распространение чрезмерно политизированных, экстремистских по содержанию концепций и достаточно толерантно воспринимало умеренно-оппозиционные по отношению к своей идеологической позиции точки зрения на исторические события. Очевиден факт, что именно в советскую эпоху контроль государства за развитием исторических исследований практически по всем периодам отечественной и всемирной истории был наиболее предметным, углубленным и институционально организованным.

Эти аспекты советской исторической науки, связанные, с одной стороны, с организацией личной профессиональной деятельности ученых, с другой стороны, с функционированием контролировавших эту деятельность институциональных структур, можно в семантически разном ключе проследить в документах архива Российской Академии наук. Существуют и другие аспекты интеллектуальной жизни, которые могут быть выявлены по изучении материалов архивных фондов. К ним относится популярный психологический и этический аспект интеллектуальной жизни. Характеризуя его сущность применительно к личному творчеству советских ученых и деятельности институциональных структур развития исторической науки можно отметить идеологическую детерминированность складывавшегося диалога между представителями профессионального сообщества. Также на страницах архивных документах прослеживается постоянное стремление государства разделить слой исследователей на представителей административной элиты, периодически обновлявшуюся группу нуждающихся в духовном перевоспитании специалистов и то

коллегиальное большинство, которое выступало в качестве своеобразной воспитательной машины.

При этом изучение морально-этического аспекта интеллектуальной жизни советских историков, который прослеживается в материалах проводившихся дискуссий по различным проблемам, не представляется нам приоритетной задачей. Во-первых, необходима предварительная реконструкция психологического облика каждого конкретного ученого и источников его внутренней эмоциональной мотивации. Во-вторых, при исследовании данного аспекта важно учитывать очевидный факт, что психологические черты людей имеют вневременной характер, и задачей историографического исследования должно быть определение факторов интеллектуальной жизни, ставших причиной обострения тех или иных психологического коллизий конкретных людей.

В качестве предметного поля историко-научных исследований перспективным представляется параллельное обращение к архивным фондам, где сосредоточены документы учреждений Академии наук СССР и материалы личного происхождения. Такой подход к определению источниковой базы может способствовать формированию целостного представления о профессиональной жизни советских историков, нередко сочетавшей в себе частную и публичную стороны.

Среди фондов научных учреждений наибольший интерес для изучения особенностей организации историографического творчества в СССР представляют фонды Института истории Коммунистической академии¹, Института истории² и Отделения истории³ Академии наук СССР. Сосредоточенные в них документы свидетельствуют не только о содержании предпринимавшихся исследований, но и о том, как происходило планирование их направленности и результатов. Наиболее информативными в этом плане представляются материалы протоколы и стенограммы обсуждений научных докладов и публикаций.

Исследование фондов советских научных учреждений позволяет заключить, что осуществлявшаяся их сотрудниками историографическая деятельность имела два приоритетных тематических направления – демонстрацию научно-практического потенциала теоретических

¹ Архив РАН. Ф. 359.

² Архив РАН. Ф. 457.

³ Архив РАН. Ф. 1577.

положений работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина и, применительно к периоду 1930-х – начала 1950-х гг., И.В.Сталина -для изучения конкретных исторических явлений и обоснование закономерности и прогрессивности социалистической революции. Остальные объекты профессионального изучения имели, как правило, вторичный характер, что и определяло свойственный советской исторической науке творческий климат.

Обращение к личным фондам ученых позволяет, с одной стороны, выявить избиравшиеся ими способы профессиональной самореализации. Как правило, к их числу относилась исследовательская работа над различными актуальными для своего времени темами, педагогическая деятельность и организационная работа. С другой стороны, сосредоточенные в личных фондах автографы статей и монографий, рецензии и комментарии к текстам других авторов, тексты публичных выступлений позволяют во многих случаях создать целостное представление о содержании представлений конкретных ученых по проблемам, представлявшим для них интерес, и, что особенно значимо, об эволюции этих представлений. Среди всего многообразия сосредоточенных в архиве Российской академии наук фондов советских ученых наиболее информационно насыщенными являются фонды М.Н.Покровского¹, М.В.Нечкиной² и других исследователей, оказавших существенное влияние на историографическое творчество многих отечественных авторов XX века.

Изучение сосредоточенных в архиве РАН документальных комплексов личного происхождения дает представление об их типовом составе и соответственно о методике, применявшейся при их комплектовании. Как было установлено, отбор документов на хранение осуществлялся по признаку их информационной, концептуальной значимости. Их последующая пофондовая организация осуществлялась по типам и видам создававшихся историографических источников. В этом случае решающую роль для отбора документов на хранение играла их профессиональная экспертная оценка, в которой естественным образом сочетались историко-научный и идеологический аспекты.

Чтобы выявить и реконструировать использовавшееся соотношение этих аспектов, представляется важным масштабное

¹ Архив РАН. Ф. 1759.

² Архив РАН. Ф. 1820.

обращение к личным фондам советских ученых, исследовавших исторические явления с позиций четко определенного архивоведческого подхода. Использование данного подхода даст возможность реконструировать историю формирования личных фондов ученых, проследить на основе сравнения опубликованной и неопубликованной частей историографического наследия методику их комплектования, сделать вывод о степени репрезентативности созданных к ним архивных справочников.

Такая работа, способная стать частью историографических исследований биографического типа, представляется важной для дальнейшего обогащения эмпирической базы изучения истории советской исторической науки. Ее результаты могут способствовать развитию (в том числе совершенствованию) методики комплектования, организации хранения и описания историографических источников в архивах различного профиля и ранга. Актуальным представляется дальнейшее выявление документов о профессиональной деятельности тех ученых, которые представлены не только в ведомственном архиве РАН, но и в государственных архивах – ГА РФ, РГАЛИ, региональных архивах.

Эти направления архивоведческих исследований представляются нам более важными и продуктивными по сравнению с получившей в постсоветский период большую популярность публикаторской деятельностью. Многочисленные документы, связанные с организацией работы сотрудников советских исследовательских учреждений и коллективным обсуждением результатов их работы по анализу различных аспектов отечественной и зарубежной истории, способны привлечь к себе внимание археографов и затем широкого круга читателей. Среди них большое место занимает такой ценный в научно-информационном и психологическом отношении вид источников, как стенограммы научных конференций, семинаров и организационных собраний. Содержание этих распространенных в составе архивных фондов документов дает представление об атмосфере интеллектуальной жизни профессионального сообщества историков, а во многих случаях – о специфических аспектах мировоззрения конкретных авторов.

Однако несмотря на очевидные информационные достоинства, широкая публикация многих архивных документов по истории советской исторической науки представляется нам преждевременной. В условиях только начавшегося перехода к формированию основанного на духовной

толерантности демократического общественного сознания, а в научно-профессиональной среде к использованию культурно-феноменологического подхода велика вероятность неадекватного восприятия работ и выступлений многих авторитетных и немало сделавших для изучения отечественной истории авторов. В них, как известно, прославлялись советская политическая система, деятельность И.В.Сталина и других руководителей страны; поддерживалось преследование деятелей явной и мнимой оппозиции господствовавшему режиму. Думается, что многим – особенно профессионально неподготовленным современным читателям будет затруднительно глубоко, а не публицистически поверхностно понять черты мировоззрения авторов, которые в течение длительного времени олицетворяли своей деятельностью отечественную историографию.

Чтобы подготовить их к объективной оценке наследия отечественной исторической науки XX века, профессиональному сообществу исследователей важно предварительно определить методологические и практические подходы к оценке неопубликованного или малоизвестного комплекса архивных документов по истории советской исторической науки.

Е. К. Лейбова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ РЕГИОНА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В современной науке нет какого-либо единого или преобладающего способа писать историю. Изучение истории региона в контексте проблематики исторической памяти – одно из новых направлений исследовательских проектов, прежде всего во Франции. Однако с феноменом памяти историк сталкивался всегда, поскольку память представляет собой осмысленное отношение к собственному прошлому, иными словами, это важнейший источник личностного самосознания и самоопределения. Стоит иметь в виду, что «память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции»¹.

¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 20.

В традиционной исторической науке в первую очередь ученых интересовал фактор объективности, т.е. то, насколько хорошо автор исторической хроники или мемуаров запомнил и воспроизвел события. Историк делал необходимую поправку на ошибки памяти, на непредумышленную забывчивость, а затем работал с фактом, а не с особенностями преломления этого факта в памяти. Таким образом, традиционно сведения, отложившиеся в чьей-то памяти, оценивались специалистами критически. В современной исторической науке второй половины XX – начала XXI вв. произошло осознание важности изучения не только фактов, но и их отражения в памяти людей. Актуальными становятся вопросы иного характера: почему люди именно так запомнили прошлое? Что повлияло на различия в восприятии и интерпретации одного и того же события разными его современниками? Какие сюжеты из прошлого вдруг становятся важными спустя время, а какие забываются и почему? и т.д.

Мы знаем, что человеческая память несовершенна: какие-либо даты и события мы помним абсолютно четко, а какие-то постепенно теряют для нас свою актуальность, а потому деформируются, а то и вовсе забываются. Значит, историческая память – это не слепок с реалий прошлого, это стоит учитывать, проводя исследования по местам памяти.

Глобализация, переход к постиндустриальному и информационному обществу – все это ведет к утрате традиционных форм передачи и сохранения памяти, а, следовательно, национальной идентичности. Наши современники повсеместно ностальгируют по ушедшим временам, ощущая пропасть между прошлым и настоящим, пришла мода на старинные вещи. О специфике подобного отношения к прошлому размышляет Дэвид Лоуэнталь, который пишет, что для современного человека прошлое – это «чужая страна». По мнению английского ученого человек стремится в прошлое по многим причинам: 1) объяснить, подтвердить или опровергнуть факты, 2) найти «золотой век», 3) изменить прошлое, чтобы изменить настоящее¹.

Мотивы проникновения в прошлое способствуют формированию определенных образов прошлого в коллективной памяти. Так, историческая память о прошлом разная у разных социальных групп: профессиональных, этнических, любых других. На основе коллективной памяти формируется идентичность членов группы. Один и тот же факт,

¹ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2005. С. 60–62.

одно и то же событие может отражаться в коллективной памяти совершенно по-разному. Мы живем в эпоху постоянных юбилеев и годовщин, акцентирует наше внимание на этом Т. Джадт, повсюду воздвигнуты мемориалы, памятные доски, открыты музеи и исторические центры – все это создано для того, чтобы напомнить нам о нашем наследии¹.

Память живет по своим законам, которые, в сущности, враждебны истории, отмечает исследователь П. Нора. Память меньше всего озабочена выявлением объективной истины, подкрепленной источниками. Научная же история, подвергая прошлое критическому анализу, разрушает, «разоблачает» память. Когда мы изучаем историческую память, мы, по сути, занимаемся историей символического типа².

Таким образом, места памяти – это музеи, архивы, кладбища, памятники, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы и т.д. Они будут утрачены, если их не создавать, не организовывать, не отмечать, не заверять и т.д. Исследование мест памяти в рамках учебных проектов школьников еще один способ их сохранения и актуализации.

При осуществлении школьных исследовательских проектов стоит иметь ввиду, как говорит Пьер Нора, что места памяти являются ими в трех смыслах слова – материальном, символическом и функциональном, – но в очень разной степени, а формируются они за счет игры памяти и истории³. На начальном этапе изучения мест памяти того города, жителем которого ты являешься, необходимо одно – желание помнить. Далее преподаватель поможет выбрать тему исследования, сформулировать цели и задачи исследования, подобрать источники.

На наш взгляд, актуальность подобных исследований не вызывает сомнения. Так, например, работа над поиском в российской провинции сведений об именах и местах захоронения воинов, погибших в годы разных войн, укрепляют локальную и национальную идентичность россиян. Поиск, систематизация и классификация различных городских памятников и другие топографические исследования расширяют

¹ Джадт Т. Места памяти Пьер Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.

² Нора П. Указ. соч. С. 32.

³ Там же. С. 40.

историческую память общества, а также обладают значительным воспитательным потенциалом при условии привлечения к этой работе школьников. В современной России уже не существует шаблонного отношения к событиям, к примеру, Первой мировой войны или революций 1917 г., а также Гражданской войны, поэтому подобные исследовательские проекты способны уточнять, углублять и разнообразить представления молодежи о судьбах «маленьких людей», оказавшихся в эпицентре «больших событий», и ставших их жертвами.

Исследовательские проекты школьников, призванные реконструировать историю тех или иных мест памяти города Новосибирска, уже давно имеют место быть. Этот вывод сделан нами как на основе непосредственной практики руководителя спецкурса во Второй Новосибирской Гимназии, так и наблюдений в качестве члена жюри на районных, городских и региональных научно-практических конференциях школьников по истории и краеведению.

Возможно несколько вариантов изучения исторической памяти в школе:

1. *Изучение конкретных мест памяти в регионе.* Вопросы юного исследователя сначала будут направлены на внешнюю форму изучаемого места памяти (почему то или иное место так выглядит?). Далее школьники задумываются о символическом значении данного места памяти (о чем оно напоминает?). В заключении они исследуют его функциональное значение (как следует вести себя в данном месте?). При выполнении подобных проектов в качестве приложений возможно создание путеводителей, проспектов, карт с пояснениями. Изучать отражение истории страны и региона возможно также по названиям улиц, районов, поселков, т.е. занимаясь топографией.

2. *Моделирование возможных мест памяти.* История России непредсказуема, поэтому по данному направлению можно осуществлять разнообразную работу: от опроса современников до игры в конструирование места исторической памяти с обоснованием его формы и функций.

3. *Исследовательская работа с воспоминаниями.* На первом этапе школьники создают устные источники (собирают и фиксируют их), на втором – изучают (расшифровывают, комментируют, интерпретируют). Особое внимание при анализе текстов воспоминаний следует уделять не только типичному, но также и разночтениям и несовпадениям.

Обозначим этапы работы над исследовательскими проектами, посвященными изучению тем или иным местам памяти. На первом этапе работы над исследовательским проектом школьниками совместно с учителем ставится и решается несколько задач. Так, в начале проекта одновременно с темой продумывается и его проблематика. Главный вопрос исторического исследования, который стоит перед исследователем мест памяти: почему они предаются (или не предаются) забвению потомками? Смысл исследования найти ответ на этот вопрос в рамках заданной темы.

После того, как тема выбрана, ученики при помощи руководителей формулируют ее актуальность на личном и научно-общественном уровнях. Для этого отвечают на следующие вопросы: Почему эта тема интересна лично мне? Почему эта тема будет интересна кому-то еще, кроме меня? В чем новизна моего исследования? Писал ли кто-то до меня об этой проблеме или об этом человеке на основе этих исторических источников? В чем перспективность (польза) подобных исследований для исторической науки? Важно отметить, что школьное историческое исследование не призвано сделать глобальное открытие в исторической науке. Смысл и актуальность подобных учебных проектов состоит в приобщении школьников к практике исторического исследования путем собственного вклада в наличное историческое знание. Зачастую это происходит за счет привлечения школьниками новых исторических источников личного происхождения.

Основной этап любого исторического исследования, в том числе и школьного – это работа с источниками. Под историческим источником школьного исследования мы подразумеваем те вещественные остатки и воплощенные в продуктах человеческой мысли свидетельства, которые содержат в себе (объективное и субъективное) отражение исторических событий и процессов. Именно на данном этапе работы учащиеся могут продемонстрировать свою самостоятельную исследовательскую деятельность, как на этапе сбора источников, так и на этапе их изучения.

Приведем в пример алгоритм поиска исторических источников, апробированный в рамках исследования по военным захоронениям в нашем городе первой половины XX века¹. Поиск данных об этих

¹ Подробнее см.: Лейбова Е. К. Воинские захоронения в Новосибирске первой четверти XX в. как места памяти потомков о павших солдатах в исследовательских проектах старшеклассников / Е. К. Лейбова, Е. И. Красильникова // Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и

захоронениях в Новосибирске возможен в хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области метрических книгах новониколаевских церквей, где фиксировались данные о смерти постоянных жителей города и тех, кто оказался здесь временно (лечился в госпитале, попал в плен и т. п.). Отдельные сведения о павших воинах содержит местная периодическая печать и мемуары новосибирцев. Все эти источники доступны школьникам, но работа с ними требует помощи со стороны педагога, имеющего опыт исследовательской работы. Школьнику непросто научиться прочитывать рукописные метрические книги, искать в массиве газетных источников нужные заметки и критично оценивать обнаруженные сведения.

Однако в результате подобной работы в нашей педагогической практике ученики достигли следующих основных результатов исследования. Они открыли для себя тот факт, что воинские захоронения первой четверти XX в. в Новосибирске в большинстве своем уже утратили функции мест памяти: они никак не маркированы в городском культурном ландшафте; о них почти никто ничего не помнит; о них мало сведений в краеведческой литературе. В центре города на братской могиле жертв Гражданской войны имеется памятник, однако это – единственное место памяти воинов, павших в первой половине XX века в Новониколаевске.

Между тем, воинские захоронения, судя по данным метрических книг, существовали на различных городских кладбищах. По данным краеведов, в 1915 г. городская дума постановила отвести место для кладбища умершим от ран воинам, участникам Первой Мировой войны, с площадкой в центре для установления в будущем памятника. Многие жители нашего города считают, что на месте, отведенном для захоронения русских воинов, сегодня располагается Центральный рынок. Однако инициатива создания памятника так и осталась на бумаге, а могилы воинов быстро забылись и исчезли с уничтожением старых городских кладбищ в советское время. Ученики осознали и то, что далеко не все воинские захоронения изучаемого периода изначально выполняли функции мест памяти. В условиях массовых гибелей людей из-за боевых действий и эпидемии тифа похороны с их духовной

составляющей часто подменялись «ликвидацией трупов», которые наспех закапывались в братские могилы и кремировались.

Гимназистам удалось установить в опоре на источники имена некоторых воинов – жертв Первой Мировой войны и колчаковских солдат, захороненных в братских могилах и кремированных после отступления армии А. В. Колчака. В этих братских могилах покоятся также останки сотрудников военных госпиталей и других мирных граждан. Сведения об этих людях прежде лишь частично фиксировались краеведами. Школьники же создали небольшой воинский некрополь, опираясь на выявленные ими данные, который достоин публикации.

В образовательном отношении значимость этого проекта состоит в том, что школьники расширили свои представления о войнах первой четверти XX века за счет материалов, связанных с историей их родного города, население которого сильно пострадало в эти годы. У учеников сформировалось более конкретное представление о масштабах жертв войн и цене побед, а также о духовном кризисе, разразившемся в этот период, который, кроме прочего, был связан с ломкой традиционных коммеморативных практик и массовым забвением людских потерь.

Ценным результатом проекта является то, что ученики получили опыт творческой исследовательской работы с неопубликованными историческими источниками. Подобные проекты обладают также мощным воспитательным потенциалом, поскольку актуализируют и обогащают личный социальный опыт ученика при реконструкции ими истории захоронений, преданных потомками забвению, расширяют его опыт самоидентификации, особенно при обращении к семейной истории. Таким образом, в процессе написания данной научно-исследовательской работы происходила социализация личности ребенка, под которой мы понимаем процесс становления личности, ее обучения, воспитания и усвоения социальных норм, ценностей, установок, образцов поведения, присущих данному обществу.

**ТЕРРОР И ОБЩЕСТВО: МАССОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ 1937-1938 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ:
(ШТРИХИ К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Проблема классовой борьбы и обострения политического террора второй половины 1930-х гг. является одной из сложнейших. В советской историографии острота классовых противоречий была явно преувеличена. В современной литературе встречные действия оппозиции по отношению к внутривнутриполитическому развитию страны нередко затушевываются. В этом контексте представляется важным выяснение не только субъективного понимания партийно-советскими функционерами форм и методов классовой борьбы и развертывания политического террора, но и анализ массового восприятия населением данных событий. Важным при этом является возможность проследить репрезентативность событий с исторической памятью самого советского общества.

Вне всякого сомнения, методологию, целенаправленность и тон понятия «классовая борьба» в рассматриваемый период определил И.В. Сталин, который еще на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. выдвинул печально знаменитый тезис: « По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться...»¹. В январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) им же вновь было подтверждено положение об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов»². Таким образом, простор для расширенного и субъективного толкования вопросов классовой борьбы в стране был открыт.

Советское общество строилось на допущении, что полной лояльности со стороны населения добиться трудно или невозможно. Поэтому власти сосредоточили внимание не на чувствах, а на поведении: «Все усилия были брошены на то, чтобы так структурировать

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 177.

² Там же. Т. 13. С. 211-212.

жизненную ситуацию советского гражданина то, чтобы он делал то, что от него ожидалось, независимо от его чувств в отношении режима или системы»¹. О многочисленных разоблачениях «врагов народа», «орудовавших» в различных отраслях народного хозяйства, «пробравшихся» на руководящие посты заводов и фабрик, «пролезшие» в Советы, «прокравшиеся» на командные должности в Красной Армии, «протащившие» антисоветские идеи в искусство и т.д. систематически сообщалось в газетах и по радио.

Само слово «троцкизм» в арсенале сталинской пропаганды стало быстро синонимом абсолютного зла², которое попеременно с литературной и изобразительной «обработкой» давал исчерпывающий образ «врага народа». Кстати, именно данное направление внутрипартийной борьбы в рассматриваемый период становится определяющим вектором развития почти всех регионов советского государства. Не исключением стала и Чувашия.

Руководство большинства регионов страны в данной ситуации «вынуждено» было адекватно реализовывать методы и формы борьбы с внутриполитической оппозицией. При этом не каждый первый секретарь местного Обкома отчетливо представлял себе цель этой борьбы и их количественные показатели. Что касается количества предполагаемых «врагов народа», то данную проблему центр решал с помощью оперативных приказов НКВД СССР о борьбе с отдельными «контрреволюционными элементами», приложением к которым шли таблицы лимитов по борьбе «врагами народа» (по первой и второй категории). Касаясь содержания- кто является «врагом народа»?- здесь вопрос был сложнее...

К специфике данного образа в рассматриваемый период стоит отнести качественную переориентацию мифологемы «врага народа». С декабря 1934 г., после убийства С.М. Кирова наглядно прослеживается

¹ Сорин-Чайков Н. Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. С. 33.

² Беленкин Б.И. Репрессированные троцкисты – организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927-1938): борьба как норма жизни. На материалах следственных дел Г.Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: мат. VI Межд. научной конф. Краснодар, 2010. С. 352.

выдвижение на центральное место в идеологических мифологемах образа «политического врага» (вместо бытовавших до этого «церковников» и «кулаков»). Удобству внедрения мифологемы способствовало и проведение московских процессов 1936-1938 гг., в которых политическое руководство страны позиционировало процессы как борьбу с «врагами народа» для создания в стране широкой массовой поддержки своей политики.

Основные черты образа «врага народа» определялись большевистским руководством и транслировались в массы через агитационно-пропагандистский аппарат, многократно тиражировавший образ. Параллельно с этим на местах поднимался «вал народного гнева»: принимались резолюции, наказания постановления, поддерживающие советскую власть, что влекло за собой новые обвинения со стороны центральной власти в адрес «врагов народа». В передовых статьях советских газет этого периода намеренно употреблялся язык символов и трафаретных образов¹. Однако, параллельно с этим, в общественном сознании «рождались» и вполне закономерные вопросы, о которых давалась информация в отчетах агитаторов, как например: «колхозники сидели тихо и слушали, как агитатор рассказывал и временами вычитывал из газеты «Ударник» о подлых преступлениях параллельного центра. Колхозники сидели и ахали. Колхозник Крутов воскликнул: «Вот черти то». Когда рассказывал о целях троцкистского параллельного центра распустил колхозы, некоторые колхозники заявили сразу: «Но этого им не удастся». После беседы задавали вопросы и более характерные из них:

- 1) Где находится в данное время Троцкий?
- 2) Нельзя ли привезти Троцкого в СССР и судить его?
- 3) Как могли они (троцкисты) связаться с Троцким?
- 4) Как мог менять фамилию Арнольд?
- 5) Как поймали троцкистов?
- 6) Что такое диверсанты?

¹ См.: Матюшин П.Н. Феномен образа «врага народа» на страницах местной партийной и периодической печати в годы обострения политического террора в 1937-1938 гг. (по материалам Чувашской АССР) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2011. № 1. Ч. 1. С. 125-130.

5 февраля такую же беседу проводил агитатор Смелов среди колхозников 11 бригады «Муравейник». На нем присутствовало 39 человек и было задано 19 вопросов, вот характерные из них:

1) Почему Троцкого не расстреляли в 1929 году, а выслали?

2) Почему не присудили всех к расстрелу?

3) Как смотрит рабочий класс капиталистических стран на Троцкого? и т.д.»¹.

Московские процессы стали удобным поводом для усиления агитационно-пропагандистского нажима на сознание общества. Повсеместно проводились читки судебных решений и обвинительных заключений по «контрреволюционным делам», мобилизовывалось большое количество агитаторов, которые в своих отчетах стремились отобразить свои успехи. Вот некоторые из них: «Во всех колхозах проведены проработки материала процесса над контрреволюционной бандой, где охвачено 327 человек, задавали вопросы около 60 человек, выступили 32 человека. Терентьев, председатель сельсовета, заявил: «Ах, сволочи, контрреволюционеры, хотели убить нашего любимого вождя народов товарища Сталина и тем самым оставить нас без руководителя. Их всех до одного надо расстрелять как собак». По сообщению парторга Юсь-Касинской парторганизации проработкой материала о контрреволюционной банде охвачено более 230 человек».²

Лейтмотивом принимаемых на митингах и собраниях резолюций стало «дальнейшее разоблачение, выкорчевывание и разгром до конца всех шпионов и вредителей». Усиление подозрительности, одобрение и поощрение доноительства неизбежно вели к росту недоверия между людьми, возникновению страха, всеобщему конформизму.

Рассмотрение данных фактов в современной исторической науке происходит в неразрывной связи с объяснением эффекта социальной мобильности масс. В сталинской модели власти социальная мобилизация являлась универсальным инструментом контроля и управления инициированной режимом общественной активности во всех основных сферах жизнедеятельности социума. Социальная мобилизация имела характер прямого директивного действия и осуществлялась режимом в форме идеолого-пропагандистских и иных кампаний, выполнявших либо

¹ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп 18. Д. 34. Л. 12.

² Там же. Д. 143. Л. 62.

сопутствующую либо самостоятельную роль. Особый вид социальной мобилизации в рассматриваемой проблеме непосредственно представляли судебные политические процессы.

Особенностью формирования общественного представления о политическом терроре стало использование большевиками идеолого-пропагандистских кампаний двух типов – консолидационного (борьба за....) и конфронтационного (борьба против....). В реальности сталинский режим стремился комбинировать оба названных типа мобилизационных кампаний: в частности, борьба против спецвредителей сочеталась с кампанией по повышению производительности труда и ударничества на производстве и т.д. в этом отражается важная черта социальной мобилизации – непрерывность, интенсивность (сосуществование террора и выборов в Верховный Совет)¹.

Требования расстрела были шаблонными и редко выходили на эмоциональный уровень. Одинаково требовали расстрела старики и дети, мужчины и женщины. Политические представления граждан о происходящем показывает и небольшой отчет в Обком ВКП(б) Чувашской АССР, приводимый нами полностью: «В промышленно-транспортный отдел ОК ВКП(б).

В ответ на ваше письмо от 28 января партийная организация Сюктерского лесозавода сообщает следующее: по вопросу процесса антисоветской банды были проведены два митинга на которых присутствовали 105 человек, где чувствовалось полное омерзение к банде фашистов и предателей нашей родины. Характерные выступления товарищей: Т. Захаров: «Наши завоевания гадам и предателям не отдадим, а поэтому всем участникам банды необходимо применить высшую меру наказания. Мы еще крепче сплотим ряды вокруг нашей партии Ленина-Сталина. Мы это докажем на деле, будем еще более бдительным, развернем шире социалистическое соревнование»².

Проведение открытых политических процессов в Москве привело к цепочке аналогичных процессов в регионах СССР. Еще 3 августа 1937 г. региональным партийным органам была отправлена директива об организации «2 – 3 открытых показательных процессов над врагами

¹ Красильников С. Социальная мобильность как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: мат. межд. научной конф. М. 2011. С. 153.

² ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп 18. Д. 148. Л. 191.

народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы..... широко осветив ход судебных процессов в местной печати»¹.

Общество быстро обнаружило, что выражения «враг народа» и «вредитель» имеют магические силу и гарантируют привлечение внимания к самым запущенным проблемам. В череде обвинений и арестов преступники отправляли своих жертв в лагеря только для того, чтобы затем самим стать жертвами новых преступников и испытать ту же участь². Однако, стоит отметить, что формирование общественного восприятия о политическом терроре становился процессом весьма противоречивым и практически неподконтрольным органам власти. В частности, стоит отметить, что создание фасада «всеобщего» осуждения «врагов народа» среди населения позволило органам власти всех уровней выработать формы и методы их контроля. Но именно этот «фасад» позволял индивидуальному восприятию противостоять этим методам. Если обратить внимание на цитаты, приведенные в отчетах районных комитетов в адрес органов НКВД, о проведенных читках и обсуждениях материалов по судебным процессам, то стоит обратить внимание на манеру обобщать образ «врага народа» до «мерзавцев, негодяев, подонков» и т.д. При обсуждении личностей выявлялись персональные отношения «обвинителя» и «обвиняемого», что зачастую приводило к противоречию.

Нередким фактором такого противоречия становилась историческая память целого поколения людей, которые, в качестве оправданий сурового наказания, использовали личностный опыт. Колхозник Александров И., в беседе с источником сказал: «Мои дети погибли в империалистическую и гражданскую войны, а теперь эти наймит Бухарин и др. опять хотят устроить войну и убивать наших детей мы этого теперь не допустим и надо требовать, чтобы всех этих врагов народа расстреляли». Пенсионер Драгункин Н.С. в беседе с источником заявил: «Надо признаться, что Рыкова я раньше жалел за все его проделки и что он намеревался сделать с нашей родиной. Так будь он

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 5. Кн. 1. 1937 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Н. Охотина. М., 2004. С. 394.

² Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий; [пер. с англ. Л.Е. Сидиковой]. М., 2010. С. 213.

проклят и действительно их всех надо перестрелять. Действительно, что с этой нечистью может справиться только стальной человек – Сталин. Если посмотреть весь пройденный путь революции в последние годы – это сплошная борьба и между прочим нам стало жить лучше»¹.

Массовым фактором обсуждения приговора «врагам народа» становилось историческое прошлое страны, а именно, капиталистическое прошлое. Правда, в восприятии большинства населения данный фактор носил весьма расплывчатые формы. Валитов Валиулла (колхозник, 65 лет, д. Острово): Несмотря на мою старость я очень внимательно слушал сообщение о троцкистских бандитах и понял, что бандиты хотели продать нашу страну фашистам и вернуть наше богатство старым хозяевам. Приговор о расстреле их очень обрадовал меня. Если выявятся еще такие, пусть государство не жалеет пуль для таких гадов². Колхозник Макаров из колхоза им. Сталина д. Задние Траки Траковского с/с говорил: «Троцкисты пытались распустить наши колхозы, мы не дадим негодяям посягнуть на советскую землю, распустить наши колхозы. Еще сильнее сплотимся вокруг партии Ленина-Сталина и будем драться за получение в 1937 году 120 пудового урожая с гектара»³.

Некий Калуников, проживающий в д. Синъялах, уроженец Саратовского края, говорил: «В 1927-1929 гг. крестьянам жилось лучше, сейчас на крестьян накладывают непосильные налоги и за неуплату налогов распродают их имущество..... Напрасно расстреливают этих людей из троцкистской группы, они ведь не идут против власти, а они идут за освобождение крестьян. Теперь крестьян сжимают, только рабочим живется хорошо»⁴.

При этом, в выступлениях проскальзывали и «фрагменты» индивидуальной исторической памяти, то, что помнилось людям со страниц газет и выступлений в 1920-е гг. К примеру, «Синельников, кандидат ВКП(б), переведенный из членов в кандидаты комиссией по чистке. Не выступая открыто в защиту троцкистских контрреволюционеров и матерого контрреволюционера иудушки Троцкого, Синельников выступил на профсоюзном собрании работников

¹ Ф.1. Оп. 19. Д. 118. Л. 83.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 33.

⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп 18. Д. 157. Л. 18.

суда по вопросу о судебном процессе над контрреволюционерами-троцкистами. В начале он одобрил приговор Верховного суда над врагами народа, прикрываясь, как полагается всякому изменнику, а потом заявил, что «Троцкий был все же вождем Красной армии, мировой оратор, шел за Лениным. Его называли «Ленинской дубинкой».

Когда на этом же собрании выступили другие товарищи и Синельникова разоблачили, он заявил: «Я думал у вас тут люди грамотные сидят, а они меня не поняли». При этом он настаивал на правильности своих слов. Кроме того, раньше на занятиях кружка истории партии Синельников всегда стремился виде вопросов проташить троцкизм и популяризировать Троцкого»¹. Были случаи разговоров антисоветского характера при обсуждении судебного процесса над троцкистским центром. Техник Ибресинского райисполкома Грошов В.П., ознакомившись с делом судебного процесса, говорил: «Очень сомнительная верность линии партии, так как от нее отошли революционеры и если дать возможность обсуждения верности двух линий всему народу, было бы видно, чья политика верна»².

«Троцкий все равно добьется своего и никогда не перестанет бороться, ведь он первый оратор в мире и у его умная голова. Всех руководителей в Советском Союзе сумел перевернуть на свою сторону. Раньше ЛЕНИНА как не преследовала царская власть он своего добился, так и Троцкий, тем более что он сейчас находится за границей и задержать его нельзя»³. Кризисные ситуации и их использование позволяли сталинскому режиму существовать и воспроизводиться, а сами социальные мобилизации стали существенной чертой режима и способом его существования. Из способа преодоления кризисов социальные мобилизации стали способом конструирования новой реальности, а поэтому и способом создания воспроизводства новых рукотворных кризисов, часть которых режим дозировал и отслеживал.

Репрессии распространялись институционально. Люди участвовали в них и в качестве преступников, и в качестве жертв, а иногда и в качестве тех и других одновременно — на заводах, в профсоюзах, школах, военных организациях и других учреждениях. Все эти и многие другие обстоятельства переплетались, образуя сложную

¹ Там же. Д. 168. Л. 23.

² Там же. Л. 27.

³ Там же. Л. 85.

картину, в которой сливались воедино ложь и правда, реальные трудности жизни, объявленные результатом вредительства, и выходящий за всякие рамки рационального террор, отчаяние и вера в вождей, в советскую власть. Разобраться в этом калейдоскопе человеку 1930-х гг. было очень непросто.

И.И. Музафаров

МИФЫ О ПЕТРЕ I

Проблема исторических мифов и исторической реальности была актуальна во все времена, причем часто мифы рождаются о людях, выделявшихся из общего хода истории. Таким был Петр I. Многие его современники и потомки считали его «вечным тружеником», другие же видели в нем «антихриста», желавшего погубить страну. Несмотря на то, что о Петре I написано множество научных публикаций, художественных произведений, а его биография и деятельность изучаются со школьного возраста, остается место для собственно восприятия его как личности и изучения мифологизации его образа.

Споры о его роли в истории России не закончились поныне. Существуют различные оценки его деятельности. Особый интерес представляет то, как отражают Петра выдающиеся представители художественной и научной литературы VIII-XIX вв. В эти века главным выразителем идеи обновления России под руководством Петра был Ломоносов. В «Оды на пресветлый и торжественный праздник рождения Ея Величества и для всерадостного рождения... великия княжны Анны Петровны... декабря 18 1757 года» он прославляет жизненность политики Петра, а также создает красочный и сжатый портрет Петра, перечислив все основные сферы его деятельности:

Красуйтесь многие народы:
Господь умножил Дом Петров.
Поля, леса, брега и воды!
Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет,
Полки, законы, корабли
Сам строит; правит и предводит,
Натуру духом превосходит —
Герой в морях и на земли.

Просветительская роль Петра в произведениях Ломоносова стоит на первом месте. В известном «Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому...» мы видим значение Петра в наступлении в России света и изгнании тьмы, основании наук и художеств, учреждении посольств и сохранении суверенитета России. Здесь же он показывает Петра как простого человека, не гнушавшегося черной работы и получавшего удовольствие от общения с матросами, купцами, и мастеровыми людьми. Наиболее ярко Ломоносов показал образ труженика в надписи к статуе Петра великого:

Се образ изваян премудрого героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки...

Другой представитель историк, писатель и мыслитель Нового времени Карамзин в начале своего жизненного пути считал, что Петр прославил своих подданных; он, как лучезарный бог света, явился на горизонте человечества и осветил глубокую тьму вокруг себя, привлек в свое государство искусных и полезных чужеземцев. Н.М. Карамзин почитал его как великого мужа, как Героя, как благодетеля человечества, как собственного благодетеля. В связи с собственными первоначальными убеждениями ему пришлось стать оппонентом деятелей отечественной культуры, таких, как И. Н. Болтин и княгиня Е. Р. Дашкова, негативно оценивавших политику «европеизации» нравов россиян.

Однако после французской революции Карамзин начинает усиленно изучать отечественную историографию, и в 1810 из его рук выходит «Записка о древней и новой России», в которой отражается новая личностная оценка Петра. «Записка» была написана специально для Александра I, который начал царствовать, подобно Петру, под знаком реформ, а к реформам Карамзин относился критически.

Карамзин не отрицал исторической заслуги Петра во внутреннем устройстве страны и во внешней политике, новозражал против навязывания европейских обычаев: «Страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости... <...>

Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце». Карамзин считал, что главной ошибкой Петра была попытка ускорить ход истории, в стремлении, во что бы то ни стало уподобить Россию Европе, не считаясь с выработанным веками жизненным укладом своей страны. В перечень ошибок также входили принижение значения церкви и строительство новой столицы, ценой огромных человеческих жертв. Так воспринимали Петра представители художественной литературы XVIII века.

Каким же он представлялся в XIX веке? Появились ли у него какие-то новые черты, какими мифами обросло его имя? Для ответа на эти вопросы обратимся к произведениям самого яркого представителя золотого века русской литературы - А.С. Пушкину. Наиболее красочно образ Петра отражается в произведениях: «Стансы», «Заметки по российской истории 18 века», «Моя родословная», «Медный всадник», «Полтава», «Арап Петра Великого», «История Петра». В начале он, подобно Ломоносову и Державину, восхвалял его, приравнивал к богу в стихотворении «Стансах» похожем на оду:

К тебе я вопию, премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
И полон ревности торопится в восторге дух
Петра Великого гласит вселенной вслух
И показать, как он превыше человека
Понёс труды для нас неслыханны от века...

Но Пушкин, как любой человек, со временем пересматривал образ Петра, что хорошо прослеживается в его творчестве. Например, в «Полтаве» Пушкин восхваляет Петра, наделяя его чертами, не свойственными другим людям. Здесь образ Петра показывает возрождающуюся мощь российского государства и ту силу, объединяющую народ для достижения великих целей. Но в «Медном всаднике» мы уже видим совсем иного Петра: более жестокого, устрашающего и использующего любые средства для достижения своих целей. Царю не было дела до маленького человека, он не считался с его интересами:

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Подводя итоги, мы можем сказать, что каждый человек имеет непосредственное отношение к истории. Ведь все люди из поколения в поколение рассказывали о прошлом своим детям, и их восприятие отражалось на сознании их детей. Так рождались различные мифы о событиях и о конкретных исторических личностях. И имя Петра тоже сопровождалось мифами и загадками, которые тяжело разгадать даже в XXI веке.

Таким образом, под воздействием социально-политической ситуации в стране изображение Петра I обрастало мифами и загадками, передающимися из поколения в поколение. И несмотря на колоссальную работу по исследованию характера и деятельности царя-реформатора, которая была проделана за минувшие столетия выдающимися представителями общественной мысли России, личность Петра Великого остается «загадкой».

Л.А. Мусина

МИФ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

История - это игра ума, коллективная память, высказанная мифами поколений. События жизни бесследно растворяются в той минуте, когда они случились. Но если об одном из них очевидец оповестит других, другие расскажут третьим, третьи – четвертым и т.д – вообще, если случай сохранится в общей памяти, он станет фактом, чтобы, соединившись с другими описываемыми событиями, образовать миф о своей эпохе.

Чем больше таких случаев, тем больше версий произошедшего. Каждый очевидец говорит о своем. Не все рассказчики правдивы: иные лгут для собственного удовольствия или оправдания, другим померещилось, третьим пригрезилось. Но даже если кто-то и соберется рассказать правду-истину, он не сможет этого сделать, потому что всякая правда и любая истина относительно условий их наблюдения и кругозора наблюдателя. Так бесконечно припоминается, пересказывается и переписывается жизнь. Это и есть история.

История – это реальности мифы поколений: повествовательные дубликаты прошедшей жизни. Все человеческое прошлое переплетено

мифами и легендами. Одни из них появились в седой древности, другие – недавно, третьи складываются прямо на глазах растерянных современников. Мифу об Иване Грозном четыреста лет. Четыре столетия его заботливо взращивали на почве страха и ненависти, предательств и подлогов, пока он не покорил весь мир. В школьных учебниках и в исторических трактатах некоторых исследователей миф приобрел вид очевидной истины. Не знать его – стыдно, не соглашаться с ним – невозможно. Еще на школьной скамье мы узнаем, каким деспотом был Иоанн и какими кровавыми преступлениями он вписал свое имя в историю: казни невинных людей, беспричинный разгром Новгорода, убийство своего сына...

Но даже если все преступления, приписываемые Иоанну историками, были им совершены в действительности, чем он выделялся среди правителей XVI века? Нравы его времени были суровы. Казимир Валишевский обращает внимание на то, что происходило в Западной Европе: «Ужасы Красной площади покажутся вам превзойденными. Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками... Все это делалось среди бела дня и никого это ни удивляло, ни поражало»¹.

В 1572 г. во время Варфоломеевской ночи во Франции перебито свыше 30 000 протестантов². В Англии за первую половину XVI века было повешено только за бродяжничество 70.000 человек³. В Германии, при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100 000 человек⁴.

И таких примеров множество. Но символом деспотизма сделали Грозного, чьи «преступления» были рождены буйной фантазией его политических противников. Причем острие обвинений направлено не только на личность царя, но также на Россию и русских. По поводу московского пожара англичанин Д. Горсей пишет: «Бог покарал этих жалких людей, погрязших в своих вожделениях и ничтожестве,

¹ Валишевский К. Иван Грозный. Воронеж, 1992. С. 289

² Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков.- М., 1991. С. 248

³ Там же. С.218

⁴ Там же.с. 234;

вопиющих содомских грехах; заставил их справедливо быть наказанными и терпеть тиранию столь кровавого правителя»¹.

Такое отношение к нашей стране сформировалось именно во время правления Иоанна IV. До конца XV века Россия находилась на положении золотоордынского протектората. На Западе с ней могли не считаться, но в 1480 году Русь поднялась с колен, а при Грозном расправила плечи от Балтики до Сибири.

У первого русского царя было очень трудное и несчастливое детство. Отец, Василий III, умер, когда Ивану было всего три года. Полностью же мальчик осиротел после смерти матери, Елены Васильевны Глинской, умершей в 1538 году, когда ему было восемь лет. Иван рос в обстановке дворцовых переворотов, борьбы за власть враждующих между собой боярских родов Шуйских и Бельских. Убийства, интриги и насилия, окружавшие его, способствовали развитию в нем подозрительности, мстительности и жестокости. Склонность мучить живые существа проявлялась у Ивана уже в детстве, и приближенные одобряли ее. Ребенку трудно было сориентироваться, что хорошо, а что плохо. Как уже было сказано, мальчик рос в обстановке вражды между двумя родами. Каждый род старался переманить юного правителя на свою сторону, не понимая, как это может отразиться на мальчике. По природе он был человеком впечатлительным и восприимчивым. Поэтому окружающая обстановка отпечаталась на нем весьма резко и дала свои плоды. В письмах к Курбскому он пишет: «Нас же питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь... едино вспоминаю: нам бо во юности детства играющее, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем обпершися отца нашего о постелю, ногу положив. Многожды поздно я сдох не по своей воле...»². Все это не могло не запасть в чувствительную душу юного царя и не вызвать в нем отвращения, ожесточения, озлобления и жажды к своевольным боярам. И вместо того чтобы воспитать доброго царя, они поощряли в нем жестокосердие и развивали в нем царя-зверя. Бояре показали свое неуважение к царю и презрение к его величеству. Повторяя домыслы Курбского, историки наперебой старались показать, что Грозный уже в

¹ Горсей Дж. Записки о России. XVI - начало XVI в. М., 1990, С 167

² Первое послание Курбского Ивану Грозному Грамота Курбского царю государю из Литвы.

детстве отличался патологической жестокостью: мучил животных, избивал людей, насиловал женщин прямо на улицах Москвы¹.

Едва ли смерть А. Шуйского может служить примером «врожденной жестокости» юного государя: боярина постигло справедливое возмездие за все беззакония, совершенные во время его правления. Показательно и то, что больше не было жертв ни из клана Шуйских, ни из их многочисленных сторонников.

В марте 1553 года Иоанн неожиданно заболел, причем настолько серьезно, что, придя в сознание после первого приступа болезни, потребовал немедленно принести присягу наследнику. Десять из двенадцати членов верной Боярской Думы присягнули безоговорочно. Однако, «Избранная Рада» высказалась за воцарение двоюродного брата царя - князя Владимира Андреевича Старицкого². Многие бояре, сказавшись больными, вовсе не пришли во дворец, другие прямо отказались присягнуть младенцу-царевичу. Во главе «отказчиков» стоял Владимир Старицкий, и открыто перешедшие на его сторону князя П. Щенятев, И. И. Пронский, С. Лобанов-Ростовский, Д. И. Немой, И. М. Шуйский, П. С. Серебряный, С. Микулинский и братья Булгаковы³.

Умиравший Иоанн с горечью видел, что повторяется трагедия его раннего детства. Как некогда сам Грозный, его сын Дмитрий может остаться сиротой среди враждебного боярского окружения, ему угрожает сильный соперник - князь Владимир, который ни перед чем не остановится в борьбе за престол. Царь обращается за поддержкой к Сильвестру и Адашеву, но тщетно. Временщики, хотя и присягнули законному наследнику, но в боярских спорах у изголовья больного царя соблюдали молчаливый нейтралитет. А мятежники уже строили планы конкретных действий. Сам Старицкий князь и его мать, княгиня Ефросиния, собрали в Москве своих служилых людей и «детей боярских» и начали срочно выплачивать им жалованье, «подкупая вельмож и воинов на измену»⁴.

¹ Валишевский К. Иван Грозный. Воронеж, 1992. С. 139-140

² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996, с. 200

³ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982. С. 71;

⁴ Карамзин Н. М. Предания веков. М., 1989. С. 587.

Верные царю бояре заняли оборону у дверей, за которыми лежал государь. Противостояние достигло апогея. Царь умолял преданных ему князей Мстиславского и Воротынского в случае его смерти спасти наследника любой ценой, даже, если понадобится, бежать с ним за рубеж.

К утру кризис миновал и царь почувствовал себя лучше. Число сторонников маленького царевича сразу заметно увеличилось. Владимир Андреевич прекратил вербовку наемников и поспешил во дворец «все объяснить» брату, Охрана остановила его у дверей. Вчерашние союзники благоразумно молчали, Только старый друг Сильвестр встал на защиту неудачливого претендента на престол. Остальные замерли в ожидании грозы. Но выздоровевший царь всех простил, считая месть чувством, недостойным монарха, а многие отступники вскоре даже получили повышение по службе¹.

Большинство историков считают, что царь затаил в душе злобу и более десяти лет ждал отмщения. На это можно возразить, что у Грозного были поводы для мести намного раньше.

Летом 1554 года попытался бежать в Литву, но был схвачен князь С. Лобанов-Ростовский, активный участник всевозможных политических интриг и видный член «Избранной Рады». Он сам и вся его обширная родня - князья Ростовские. Лобановы и Приемковы - собирались отдаться в подданство польскому королю и вступили с ним в переписку, чтобы обсудить условия измены. Если бы царю нужен был повод, чтобы разделаться с ослушниками, то лучшего и искать не стоило: на следствии были названы все имена и раскрыты все обстоятельства дела. Тем более что незадолго до этого умер при очень загадочных обстоятельствах маленький Димитрий. Потеря первенца могла пробудить в сердце Иоанна «дремлющую» месть. Будучи таким «жестоким тираном», каким пытаются его представить, что сделал бы Грозный со злоумышленниками? Как отомстил бы он изменнику Ростовскому? И даже вообразить невозможно ужасные подробности той казни, какой удостоил бы царь своего коварного брата!

Казнить Лобанова-Ростовского государь имел законное право: боярский суд приговорил перебежчика к смерти².

¹ Кобрин В. В. Иван Грозный. М., 1989. сС 53;

² Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 53.

Но реальный, не книжный Иоанн был милосерден. Он помиловал провинившегося князя и отправил не на плаху, а в Белоозеро - место ссылки знатных особ, где они могли неплохо устроиться, жить с семьями и множеством слуг, как например, жил князь Владимир Воротынский. Остальные участники заговора не испытали никаких неприятностей и остались на своих высоких постах. Двоюродного брата, князя Старицкого, царь не только не покарал, но и в сердце своем не затаил ничего против него, что лучше всего подтверждается следующим фактом: в 1554 году Иоанн составил завещание, по которому Владимир Андреевич назначался, в случае смерти государя, правителем при малолетнем наследнике престола¹.

Мы видим, что прощение было полным и безоговорочным - царь доверял покаявшемуся брату самое ценное из того, что имел: престол и наследника. Но Сильвестр и Адашев уже никогда не вернули расположения государя.

Еще один миф об «убийстве Иваном Грозным своего сына» растиражированы в тысячах экземпляров художниками и кинематографистами, писателями и поэтами.

Валишевский: «Иван будто бы встретил свою невестку во внутренних покоях дворца и заметил, что ее костюм не вполне соответствовал требованиям приличия. Возможно, что при своем положении она не надела пояса на сорочку. Оскорбленный этим царь-игумен ударил ее с такой силой, что в следующую ночь она прежде времени разрешилась от бремени. Естественно, что царевич не воздержался от упреков по адресу царя. Грозный вспылil и замахнулся посохом. Смертельный удар был нанесен царевичу в висок»². Кобрин признает этот рассказ самым правдоподобным: «Похожа на правду, но не может быть ни проверена, не доказана другая версия: царевич заступился перед отцом за свою беременную жену, которую свекор «поучил» палкой...»³.

Только один вопрос: с каких это пор можно признать человека виновным в убийстве на основании версии, которую нельзя «ни проверить, ни доказать», даже если она и «похожа на правду»?

¹ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Указ, соч., с. 71;

² Вапишевский К. Иван Грозный.-Воронеж, ФАКТ, 1992, с. 363;

³ Кобрин В. Б. Иван Грозный.-М., Московский рабочий, 1989, с. 135;

Но самое интересное в этой версии - противоречия в оценке характера царевича. Сначала все авторы утверждают, что Иван Иванович - полное подобие своего отца: «Иван, по-видимому, и физически, и нравственно напоминал отца, делившего с ним занятия и забавы», - писал Валишевский. По «свидетельству» Одерборна, отец с сыном менялись любовницами. Они вместе сластолюбовствовали и губили людей - утверждал Карамзин. Как резюмировал Кобрин, царевич был достойным наследником своего отца¹.

Все лживые мерзости, которые говорились об отце, повторяются в адрес сына. И вдруг, после смерти наследника, все меняется как по взмаху волшебной палочки. Карамзин рисует образ нежно любящего сына, который, умирая, «лобызает руки отца... все оплакивают судьбу державного юноши, который мог бы жить для счастья и добродетели...». У Горсея царевич стал «мудрым и кротким, героем и красавцем, любимым всеми». Валишевский пишет, что царевич пользовался большой популярностью и его смерть стала народным бедствием.

Но если очистить царствование Грозного от клеветы и домыслов, то эпоха Иоанна IV предстанет в своем истинном свете: как время создания могучей Великорусской Православной империи и той национальной идеи, которая на протяжении четырехсот лет объединяла и вдохновляла русский народ. Народ это признавал, и не просто «терпел» Иоанна, но восхищался им и любил его. Ни про какого другого царя не сложено народом столько песен и сказок. До 1917 года на могилу Иоанна в Кремле приходили простые русские люди просить помощи в делах, требующих справедливого суда. Нация видела в царе «выразителя народного единства и символ национальной независимости», что свидетельствует о истинно демократическом характере его власти. В то же время, как самодержец, Иоанн получил власть от Бога и потому не зависел ни от каких авторитетов и политических сил в стране и действовал в общенациональных интересах, ибо других у самодержавного монарха быть не могло. Россия была его отчим домом, и он был в этом доме хозяин, а не временный гость: слуга Богу, отец народу, милосердный к врагам личным и Грозный к врагам Отечества.

¹ Кобрин В. Б. Указ, соч. С. 134

Сегодня политическая карта мира представлена геочивилизациями, которые объединяют государства по исторически сложившимся этнокультурным признакам. Новая глобальная постиндустриальная экономика пока не отводит России какой-либо существенной роли в современном международном разделении. История России конца XX века характеризуется как время углубления системного кризиса и связанного с ним ухода с лидирующих геополитических позиций в мире. В результате произошла глубокая дезинтеграция российского национального самосознания. Речь идет о сохранении традиционных структур ментальности, языка, культуры, религии, общественного устройства и национально-цивилизационной идентичности. Сегодня отчасти удалось преодолеть негативное отношение россиян к самой России. Ощущается насущная необходимость пропагандировать концепцию российской нации, её единства и этнокультурного многообразия. Без этого, в конечном счёте, окажется невыполнимой задача расширения поля культурного влияния России в современном мире, утверждения её позитивного имиджа за рубежом.

Россия по-прежнему остаётся поставщиком ресурсов на мировой рынок. Прогнозируемое десятипроцентное снижение численности населения страны усугубит экономические трудности и приведёт к снижению боеспособности российских вооружённых сил. Фактор значимый для страны, претендующей на роль полюса в многополярном мире - человеческий капитал. Именно человеческий капитал определяет конкурентоспособность государств на мировом рынке. Однако в России доля социальных расходов по-прежнему невелика и проигрывает по сравнению с ведущими державами мира как по качеству средств, так и по структуре их расходования.

Чтобы стать политическим полюсом многополярного мира, необходимо иметь соответствующий геополитический потенциал. В пограничных районах России имеются зоны тлеющих конфликтов и «горячие точки»; интенсивная миграция из районов Сибири и Дальнего Востока в Центральную Россию является симптомом ухудшения на данных рубежах геостратегической ситуации; продвижение НАТО на Восток сужает геополитическое пространство Евразии; присутствие

США в Афганистане, рост их влияния на постсоветском пространстве (в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане) – всё это может привести к ослаблению российского контроля над «хартлендом». С распадом СССР изменилась геополитическая карта мира, исчезли два полюса, которые оказывали доминирующее влияние на мировое сообщество.

Россия вынуждена с огромными усилиями восстанавливать, насколько возможно, статус одной из «сверхдержав». Ситуация в Сирии, где Россия при поддержке Китая сумела повлиять на ход событий, не позволив США и их союзникам в удобном им ключе повторить сценарий на подобие иракского или ливийского, – немаловажное тому подтверждение. Но, к сожалению, в сложных условиях экономической нестабильности, проведения в стране вечной череды реформ, усиления центробежных тенденций на постсоветском пространстве, достижение статуса военного, экономического политического полюса требует огромных финансовых затрат, а также мобилизации организационных и политических ресурсов. Пока экономический, политический и военный потенциалы современной России недостаточны для того, чтобы уверенно претендовать на роль одного из полюсов глобального мира, но определённые подвижки в этом направлении имеются. Модернизационные процессы в вооружённых силах, их переоснащение, значительное улучшение материального и социального положения военнослужащих в последние годы не может вызывать сомнений даже у самого критичного наблюдателя.

Цивилизационный ресурс государства – это достаточно устойчивый, постоянно возобновляющийся, независимый от воли политической элиты и внешнеполитической конъюнктуры ресурс, которым располагает на данный момент наша страна. Российская цивилизация – одна из числа локальных цивилизаций, весьма значительной своей частью входящая в состав славяно-православной гецивилизации. Глобальные процессы современного мира оказывают определяющее влияние на формирование геополитической ситуации, в которой сегодня оказалась Россия. Безусловно, что стратегия развития страны должна строиться на учёте особенностей российской цивилизации. Одной из них является религиозность как основа мировоззрения. Необходим комплекс мер сближения отношений православной церкви с регионами, входящими в зону исламской цивилизации. Процесс взаимодействия культур одновременно расширяет пространство культуры, но

чрезмерность культурных влияний чревата опасностью утраты культурной самобытности¹.

Кавказ всегда был одним из геополитических векторов России. Это и поныне – одна из самых горячих точек планеты. Для Северного Кавказа приоритетами геополитики России являются ликвидация очагов сепаратизма и терроризма, обеспечение территориальной целостности. Многонациональный, поликонфессиональный, с высоким уровнем безработицы, особенно среди молодёжи, регион оказывается зоной распространения социальных и политических конфликтов. Он имеет свои специфические особенности, исторические и культурно-национальные традиции, набор проблем, характерных для политического процесса в целом. Первейшей задачей становится насущная необходимость исключить присущий Северному Кавказу политический регионализм.

Повышенный интерес к ситуации в регионе обусловлен наличием значительного конфликтного потенциала в области межконфессиональных и межнациональных отношений, а также начавшаяся с 90-х годов прошлого века кризисная ситуация в российской политике и экономике. Различия в уровне развития отдельных регионов настоятельно требуют проведения дифференцированной социальной политики с учётом региональной специфики, но на единой общенациональной основе. Сегодня социально-экономическое пространство России очень сильно поляризовано и фрагментировано, а это обусловило многократное увеличение диспропорций развития в течение переходного периода. Экономический рост, связанный с конъюнктурой сырьевого рынка, который наблюдался до пресловутого финансового кризиса, обеспечил значительные преимущества лишь сырьевым регионам и федеральным городам. Это не может, безусловно, не обострять проблему диспропорций развития отдельных частей государства.

Анализ тенденций в области безопасности показывает, что вызовы, угрозы и опасности приобретают комплексный и взаимосвязанный характер. Наблюдается, с одной стороны, тенденция к возрождению религиозности, а с другой – переплетение межэтнических и межрелигиозных противоречий, распространение новых для России

¹ Сеидова Г.Н. Сохранение культурной самобытности России в условиях глобализации: региональный аспект // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 35-41

религиозных движений, что, в конечном счёте, не может не усложнять религиозную ситуацию.¹ Российская государственность исторически складывалась под влиянием геополитических факторов, которые и сегодня не утратили воздействия на формирование внутренней и внешней политики, определение стратегии социально-экономического развития. По мнению некоторых исследователей, пожалуй, нигде, кроме нашей страны, геополитика не была так тесно связана с регионалистикой, а преодоление международной изоляции и усиление внешнеполитического влияния – с необходимостью учёта разнообразия и специфики регионов.²

Пристальное внимание к проблемам религий, традиций, культуры народов Северного Кавказа связано с тем, что именно они на протяжении многих веков представляют собой действенные факторы стабилизации мирной жизни как в регионе, так и стране в целом. Понятие «Каспийский регион» сегодня – это «регион, лежащий на границе Европы и Азии вдоль исторически сложившейся в период «холодной войны» линии Север-Юг, коридор, по которому проходит размежевание двух цивилизаций: христианской и мусульманской».³ С начала же 90-х годов XX века зона Прикаспия стала местом геополитической борьбы многих государств. Объясняется это тем, что Каспийский регион является важным стратегическим рубежом между Россией и Персидским заливом. А запах имеющихся здесь значительных запасов углеводородного сырья неудержимо привлекает западные страны, в особенности США. Начался активный процесс вмешательства в дела прикаспийских государств с момента правления Д.Буша-старшего, а в президентство Б. Клинтона это вообще превратилось в целостную стратегию.⁴ И не похоже, чтобы аппетиты этой страны приуменьшились.

¹ Барышникова И.В., Беликова Е.О., Нестерова А.Г. Религии и религиозные организации в регионе: опыт социологического исследования // Личность. Культура. Общество. М., 2007. Т.9. Спец. вып. 1(35). С.150.

² Трофимова И.Н. Региональное развитие России в геополитическом контексте. Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.В.; отв. ред. Шестова Т.Л. М., 2009. Вып.2. С. 320.

³ Дунаева Е.В. Каспийский регион и Иран // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. М., 1999. С. 129

⁴ Адаева Ю.О., Гольдфейн М.Д. Современные геополитические проблемы Каспийского моря. Глобалистика как область научных исследований и сфера

Это, безусловно, не способствует ослаблению уровня конфликтогенности в регионе.

Безусловно, Северный Кавказ – один из наиболее сложных субъектов российского государства вследствие сочетания общих федеральных и специфических региональных проблем. Игнорирование объективной сложности межнациональных, межконфессиональных отношений и других его особенностей создают реальную почву для возникновения различных локальных конфликтов. Будучи включёнными в структуру массовой коммуникации, они могут обретать характер глобального явления, которое становится мощным фактором воздействия на общественное сознание. Поэтому всегда нужно помнить, что исламская религия, как наиболее распространённая здесь, за многие века стала частью бытия местных народов. События же, происходящие в регионах распространения ислама, привлекают пристальное внимание многих людей во всех странах мира.¹ Ислам на территории бывшей Российской империи и Советского Союза имеет отличительные черты, обусловленные как его собственной спецификой, так и исключительно российскими особенностями. Дагестан в силу значимости своего географического расположения, запасов природных ресурсов и специфики внутреннего развития в составе России, выдвигается на роль одного из центров притяжения региональных интересов мировых держав. Отслеживая динамику конфликтов на Кавказе, в Дагестане, в частности, выявляешь закономерность, что локальные, казалось бы, происшествия, оказывается, связаны с весьма отдалёнными событиями. Нет сомнений в том, что для дестабилизации обстановки в регионе ставка сделана на разжигание религиозного экстремизма и межнациональной розни.

Ислам, сыгравший основополагающую роль в национальном формировании мусульман Кавказа, оказывает серьёзное влияние на общественно-политическую жизнь этих народов и на современном этапе. Правда, разные народности этого региона отличаются друг от друга в степени своей приверженности к нему. Традиционно, север Кавказа был более привержен к этой религии, нежели юг. А потому ислам в истории народностей Дагестана сыграл более значительную

преподавания / под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.И.; отв. ред. Шестова Т.Л. М., 2011. Вып. 5. С.160.

¹ Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989. С.3.

роль, нежели, скажем, соседнего Азербайджана. Ведь исламизация всего региона осуществлялась из Дербента, ставшего опорным пунктом Арабского халифата в его завоеваниях на Кавказе.

Испокон веков на Кавказе очень весомым являлось слово женщины-матери. Было время, когда женщина, бросив свой платок в моменты резни, останавливала кровопролитие. Уважение к женщине, решившейся на крайний шаг – «опростоволоситься» на глазах у людей мгновенно остужало самые горячие головы. Никто не смел перешагнуть через брошенный платок. И об этом адате тоже вспоминали 6 сентября 2009 г. на Республиканском форуме женщин Дагестана, прошедшем в Махачкале, и посвящённом проблемам борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом. В жёстком, принципиальном обсуждении сложной социально-политической ситуации в Дагестане, активнейшее участие приняли президент, председатель правительства, глава Народного собрания, госсекретарь РД, народная поэтесса Фазу Алиева. Сам факт того, что всё руководство республики в полном составе целый день выявляло болевые точки и искало ответы на наболевшие вопросы вместе с женским активом республики, говорит о том, что уровень тревожности ситуации зашкаливал. Выступающие не могли скрыть боли и тревоги за попытки деструктивных сил вновь, в который раз накалить и без того непростую ситуацию в регионе. В обращении, принятом по итогам форума, дагестанские женщины продемонстрировали решимость приложить все усилия, сделать всё возможное и невозможное, чтобы сохранить мир на родной земле. Именно этим вопросам было посвящено и подавляющее большинство докладов на чрезвычайном III Съезде народов Дагестана 15 декабря 2010 года.

Кризисный характер ситуации сильнее всего проявляется не столько в экономической, сколько в культурной сфере. Сегодня отчасти удалось преодолеть негативное отношение россиян к самой России, предпринимаются попытки выработать концепцию российской нации, её единства и этнокультурного многообразия. В конечном счёте, это должно расширить поле культурного влияния страны в современном мире, утверждения её позитивного имиджа за рубежом. У России появился уникальный шанс на изменение своего места и роли в нестабильном мире с возросшими в нём центробежными процессами, т.к. и для Запада, и для Востока она становится привлекательным

партнёром в политических, экономических и культурных сферах глобализирующегося мира.¹

Сегодня Россия, получившая «исламский вопрос» по наследству, только начинает осознавать себя иным, нессоветским государством, и пытается осознать, что значит на деле, быть многонациональным, поликонфессиональным государством и обществом². Процессы, так или иначе связанные с религией, в современном российском обществе сопровождаются полемикой сторонников разных позиций, причём, дискуссии, подчас, крайне политизированы. Однако научное их осмысление требует дистанцироваться, насколько возможно, от политико-идеологической мотивации исследования. В методологическом плане это предполагает отказ от предпочтения нормативного подхода, т.е. выяснения истинности постулатов религии, значимости проповедуемых от её имени ценностей и других подобных аспектов, и перевод исследования в дескриптивное русло. Но при этом, безусловно, трудно обойтись без оценочных характеристик, отражающих личный опыт, пристрастия и убеждения исследователя³.

Сегодня существует настоятельная геополитическая потребность в разработке эффективной стратегии прогрессивного развития, которая в свою очередь необходима для системного обеспечения внешнеполитической деятельности страны. Геополитические факторы оказывают разностороннее и существенное влияние на положение, рейтинг, авторитет и силу государств, а также их позиционирование в многополярном мире. Объективный процесс глобализации также играет здесь не последнюю роль.

На постсоветском пространстве сосредоточены первейшие геостратегические задачи России. В ходе становления государственности в странах СНГ, за несколько десятилетий их автономного плавания постепенно происходило усиление культурных и политических различий между ними; продолжается поиск новых международных партнёров,

¹ Шалаев В.П. Национальные проекты России как технологии антиконфликтного управления: синергетический аспект // Конфликтология. 2007. № 4. С.169.

² Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001. С.438-450.

³ Смирнов М.Ю. Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк. СПб., 2006. С. 7.

реализуется многовекторная внешняя политика. Грузия, Азербайджан, Молдова, Украина не оставляют попыток к сближению с НАТО. Центральнoазиатские страны – члены СНГ для становления своей государственности активно используют потенциал исламского и тюркского мира. Поэтому на сегодняшний день СНГ, к великому сожалению, пока ещё не стало организацией, объединяющей страны-участники вокруг общего интеграционного проекта, регулирующей и совмещающей траектории экономического и политического движения новых государств. Усиление американского влияния в государствах Закавказья, приход к власти прозападного, с антирусским настроем лидера Грузии создали новый геополитический вызов России. Пример грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов позволяют прогнозировать, что Кавказ длительное время будет источником противоборства различных сил. Признание Россией независимого статуса Южной Осетии и Абхазии и американские советники в грузинских вооружённых силах не оставляют места для сомнений в конфликтогенности региона. Однако нашей стране не привыкать разгребать различные завалы.

Э.М. Насибуллина, Р.Н. Масалимов

МОЛОДЁЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ И НА УРАЛЕ НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Историю молодёжного движения в регионе Среднего Поволжья и Урала можно разделить на три периода. Первый – начальный, или докомсомольский период (до конца 1920 г.); второй – собственно комсомольский период (1921-1991 гг.); третий – современный период (с 1991 г.). Начальный период - первые два десятилетия XX столетия – с момента появления разнообразных союзов и кружков молодёжи в 1901-1907 гг. и до установления всевластия РКСМ в среде молодёжи к 1921 г. – не лишним будет заметить, что этот период истории – истории России вообще, и истории молодёжного движения в частности, всё меньше интересует сегодня как специалистов, так и широкой общественности.

Действительно, разъедавший нашу историю в течение семидесяти лет вирус идеологического пристрастия, под действие которого попадало всё несоответствующее «передовому учению», прошёлся и по малозначительному с исторической точки зрения понятию молодёжного движения, оставив после себя выжженное пространство незнания. Для большинства современников история

молодёжного движения в России очевидно представляет собой историю комсомола (разумеется, до его самоизменения в 1991 г.).

Как отмечали современные исследователи, «совершенно справедливо утверждать, что история молодёжного движения - это и история комсомола, но совершенно несправедливо утверждать обратное: что история комсомола – это и есть история, собственно, молодёжного движения». Такое допущение, конечно же, неверно в принципе, ибо оно оставляет «за бортом» истории все остальные объединения молодёжи, создаваемые в России прежде коммунистического союза, действующие помимо его желания и травимые им за неподчинение партии большевиков.

И тем более оказались они замолчаны, что слишком успешно действовали во времена своего «проклятого прошлого», все они - скауты, соколы, молодые студенты-христиане, учащиеся-мусульмане, молодые кадеты, трудовики, осузовцы, анархисты, националисты и пр. Тогда как у большевиков с учреждением своей молодёжной организации было не всё гладко, совсем даже не гладко по сравнению с остальными «конкурентами», опиравшимися не на идеологию диктатуры пролетариата, а на нравственное и физическое саморазвитие молодёжи.

Зознательно создаваемый партийными структурами миф о «проклятом прошлом» России способствовал тому, чтобы стала неизвестной и история молодёжных организаций этого якобы «проклятого» прошлого. Неизвестна сегодня их история, и ничего не знаем мы про них – и всё потому, что уготовилось им судьбой появиться до октября 1917 г., до начала великого эксперимента над ними, над российской государственностью, над российскими народами, над великим русским народом.

Очень важно дать предельно точное определение союзов молодёжи для рассматриваемого периода. Союз молодёжи – это соответствующим образом оформленная организация активной части молодёжи определённой социальной или национальной группы, призванная обеспечить политической партии или движению связь с широкими массами молодого поколения для вовлечения его в социальную и политическую борьбу за интересы данной группы и одновременно за удовлетворение своих специфических возрастных интересов. Под словами «соответствующим образом оформленная организация» имеется в виду наличие программных документов, устава, центральных руководящих органов, местных первичных организаций и,

как правило, печатного органа. Только наличие всех вышеуказанных компонентов позволяет судить о том, является ли та или иная молодёжная организация союзом молодёжи, или кружком, группой, временным объединением. Классическими примерами союзов молодёжи (в масштабе всей страны) в первой трети XX столетия являлись РКСМ (Российский коммунистический союз молодёжи, созданный 29 октября 1918 г.), Коммунистический союз молодёжи Китая (создан 5 мая 1922 г.), Гитлерюгенд (*Bund der Deutschen Arbeiterjugend*, провозглашённый 4 июля 1926 г.).

В странах Северной Европы союзы молодёжи создавались, прежде всего, политическими партиями, которые находились у власти или успешно боролись за власть. Самыми активными были социал-демократы и социалисты, представляющие рабочий класс и близкие к нему социальные группы. В России же в целом преобладала крестьянская, сельская, молодёжь, которая была чрезвычайно неоднородной в социальном, особенно этническом, плане. Значительна была учащаяся молодёжь, плюс к ней ещё молодая интеллигенция и немногочисленное студенчество. Хотя по численности они уступали сельской молодёжи, но представляли самую активную и политически дееспособную силу общества.

Более половины огромного населения Российской империи составляли нерусские народы. Если западные национальности (поляки, евреи, латыши, литовцы, финны и пр.) имели чётко выраженную классовую структуру, то восточные национальности (башкиры, казахи, киргизы, ногайцы, кумыки и т.д.) имели такую структуру, которую ни одна существовавшая тогда социальная теория, включая и марксизм, не могла адекватно интерпретировать и объяснить. Особняком стояли поволжские татары, как бы представлявшие синтез европейского и восточного элементов, у которых формировались современные классы – буржуазия и рабочий класс.

Появившиеся накануне и в годы первой революции в России политические партии повели активную борьбу за влияние на молодёжь. В целом расстановка в молодёжном движении определялись наличием трёх основных направлений в общественно-политической жизни империи: консервативного, или помещичье-монархического; либерально-демократического, или буржуазного; радикально-демократического, или революционного. Правда, на восточных окраинах России общественно-политическая жизнь была более монолитной, но и

там наметилась кое-какая социально-классовая дифференциация. В отличие от европейской России, где социалистические идеи распространились в условиях серьёзных социальных изменений под влиянием развития капитализма, в национальных районах первое знакомство с марксизмом состоялось в начале XX века лишь на интеллектуальном уровне – во время учёбы или работы в русских городах или в результате личных контактов с русскими и другими марксистами. Национальные политические партии на Востоке России были представлены буржуазно-консервативными группами татар (главная из них – мусульманская либерально-демократическая партия «Иттифак»), партия татарских эсеров, социал-демократическими группами тех же татар и башкир (Х. Ямашев и газета «Урал»), азербайджанцев, а также тогдашних «гастарбайтеров» России - турок и персов.

После поражения Первой революции в 1907 г. позиции монархическо-черносотенных партий в среде вузовской молодёжи значительно укрепились, повысилось их влияние на академическое студенческое движение. В марте 1912 г. в Петербурге был проведён Всероссийский академический съезд, в котором приняли участие представители 19 студенческих организаций, находящихся под влиянием монархистов. И всё же, несмотря на это, опрос, проведённый в 1910 г. среди студентов Петербурга и Москвы, показал, что 20-25%% опрошенных симпатизировали кадетам и более 25% - социал-демократам¹.

Национальный состав студенческого движения не поддаётся точному определению из-за отсутствия данных, но в целом оно было почти однородным – великорусским (включая русифицированных представителей нацменьшинств). Представителей нерусских народов среди студентов было крайне мало. Другое дело – организации учащихся средних учебных заведений всех типов. Студенческий съезд ещё в 1893 г. отдельным пунктом своего постановления выделил работу среди гимназистов и учащихся других учебных заведений в целях создания кружков «саморазвития». Первые такие кружки в крупных городах России возникли уже к началу XX в. К тому времени уже в Польше, Финляндии, на Украине, в Среднем Поволжье появились национальные

¹ Масалимов Р.Н. Национальные союзы молодёжи России (1917-1929 гг.). Бирск, 1996. С. 12.

объединения и кружки учащейся и учащей молодёжи. Так в Польше появились «Освят», «Союз польской молодёжи», в Москве – «Еврейский товарищеский союз», в Казани – кружки учащихся-мусульман. В мусульманских регионах России – В Поволжье и на Урале, на Кавказе и в Средней Азии зарождается движение шакирдов и талибов (учащихся медресе и др. учебных заведений). Интересные наблюдения оставил в своих воспоминаниях Ахмет-Заки Валидов, прибывший в 1908 г. в Казань для учёбы. Он пишет, что в Казани существовала «молодёжная организация, стремящаяся провести преобразования в школах. ...Реформаторы выпускали газету под названием «Ислах». Я с ними встречался, но нашёл их деятельность бесплановой, самих их нерешительными, большинство идей беспочвенными»². Здесь оценка татарского союза молодёжи мемуаристом не важна, а ценна информация о наличии у молодых реформаторов довольно чёткой организации и печатного периодического органа – газеты.

До Февральской революции нигде в России организованного движения молодёжи не было, для этого просто не было условий (взрослые партии и то создавались и действовали нелегально или полулегально). Тем не менее, разрозненные союзы и кружки молодёжи и юношества действовали на свой страх и риск.

Весной-летом 1917 г. появились первые настоящие союзы татарской, башкирской, марийской, чувашской молодёжи, самыми известными из которых были союз татарской молодёжи «Берек» (Казань), «Общество мусульманской молодёжи (Оренбург), «Союз учащихся-мусульман» в Уфе, Троицке и в ряде посёлков и селений, марийский «Союз учащихся» в Царёвококшайске и другие. В Казани и Уфе появились центры, координирующие движение шакирдов и талибов - учащихся мусульманских учебных заведений. Наиболее значительной организацией учащейся татарской молодёжи в Казани, пожалуй, и во всём Волго-Уральском регионе был союз татарской молодёжи «Берек» («Единение»).

Первоначально союз «Берек» состоял из представителей учащейся и интеллигентской молодёжи, но затем в союз потянулись и молодые представители среднего класса, а также рабочие и

² Тоған Валиди З. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 77.

ремесленники. Программа и устав союза показывают, что «Берек» являлся отнюдь не безобидным культурно-просветительским объединением молодёжи³. Аналогичны были объединения марийской и чувашской молодёжи. Иначе быть не могло, поскольку национальная молодёжь была ещё далека от политики, она делала свои первые самостоятельные шаги. Возможно, исключением ли «Объединение молодёжи Башкирии», возникшее также летом 1917 г. в Оренбурге. Основной заботой губернских и уездных комиссариатов, а также комитета общественных организаций, состоявших из представителей кадетов и эсеров, было всемерное содействие укреплению власти буржуазии в лице Временного правительства. В целях защиты интересов предпринимателей и собственников кадеты в марте-апреле 1917 г. образовали «Союз торговли и промышленности Уфимского края» и «Союз сельских хозяев и посевщиков Уфимской губернии»⁴.

Национальная буржуазия башкир и татар также стремилась к власти. После Февраля в Уфе был создан «Комитет распространения среди мусульман идей гражданства». Но позже башкирская буржуазия образовала самостоятельную организацию. В июне 1917 г. в Оренбурге оформилось временное бюро «Союза башкирского народа», возглавляемое Сагитом Мерясовым и Ахметзаки Валидовым. В июле 1917 г. в Оренбурге состоялся первый башкирский курултай (съезд), где было избрано Башкирское центральное шуро (Совет), в обязанность которому вменялась также работа среди национальной молодёжи. Союзы молодёжи в городах Башкирии впервые стали возникать ещё в марте 1917 г. В Уфе возникла студенческая организация «Уфимское землячество», которая в основном объединяла учащихся старших классов средних учебных заведений.

В марте же месяце в Уфе организуется «Комитет учащихся мусульман», объединявший башкирскую и татарскую молодёжь. В апреле 1917 г. возник «Союз молодёжи» в Белорецке. В Оренбурге было создано «Башкортостан Йэштэре береге» («Объединение молодёжи Башкирии»). Впоследствии эта организация частично вошла в состав первого всебашкирского союза молодёжи «Тулкын» («Волна»). Она

³ Масалимов Р.Н. Национальные союзы молодёжи России (1917-1929 гг.). С. 16-17.

⁴ Материалы к истории татарского комсомола. Казань, 1927. С. 6 (на татар. яз.); Саяпов Т.Ш. Ленинский комсомол Башкирии. Уфа, 1978. С. 20-21.

издавала свою газету под названием «Туплан» («Объединяйся»). Союз башкирской молодежи «Тулкын» был основан 18 (31) декабря 1917 г. в Оренбурге, в Караван-сараях, в ходе работы III Всебашкирского (Учредительного) курултая. Одними из инициаторов создания и руководителями молодёжного союза «Тулкын» были Шайхзада Бабич, Габдулхай Иркабаев, Нуриагзам Тагирович Тагиров⁵.

В 1917-1918 гг. работу среди марийской, мордовской, удмуртской и чувашской молодёжи вела межнациональная организация «Союз мелких народностей Поволжья», а также «Центральный союз Мари» («Марий Ушем»), «Чувашское национальное общество», «Общество Удмурт», созданные на соответствующих национальных съездах летом-осенью 1917 г. К сожалению, историки не располагают документальными источниками о конкретной ситуации с первыми молодёжными объединениями этих национальностей. Имеются лишь косвенные свидетельства о собраниях и встречах молодёжи, о кружках культурно-просветительского характера.

Ещё на первом съезде РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918 г.) был поднят вопрос о работе среди молодёжи нерусских национальностей, национальных меньшинств, о создании национальных секций в союзе по примеру нацсекций РКП(б). Но обстоятельно разрешить его не удалось, так как на съезде отсутствовали представители основных национальных регионов. Впервые вопрос о национальных секциях в комсомоле был рассмотрен на расширенном заседании пленума ЦК РКСМ 26-28 апреля 1919 г. Учитывая опыт национальных секций партийных комитетов, пленум принял решение создавать секции при местных комитетах РКСМ для работы среди комсомольцев и молодёжи, не владеющих языком общей организации. В то же время, опасаясь национализма и сепаратизма в своих рядах, пленум ЦК комсомола подчеркнул: «Национальные секции РКСМ имеют целью культурно-просветительную работу на родном языке и являются частью Союза (как его местных организаций, так и в центре)»⁶.

В Поволжье и на Урале оформление национальных союзов и объединений молодёжи в комсомольские секции началось в конце лета 1919 г. и завершилось в основном к началу 1920 г. 25 июля 1919 г. было

⁵ Башкирская энциклопедия. Т. 1. Уфа, 2005. С. 267-268; Масалимов Р.Н. Первая Всебашкирская // Истоки. 2012. № 16. С. 14-15.

⁶ Юный коммунист. 1919. 1 августа. № 6/7. С. 19.

положено начало татаро-башкирской секции при Уфимском губкоме РКСМ на основе решения мусульманской секции губкома партии. Чуть раньше была организована чувашская секция при Симбирском комитете РКСМ. К концу года в ней насчитывалось около 80 членов, и в начале 1920 г. ЦК РКСМ отмечал её успешную деятельность⁷. 25 августа 1919 г. при Казанском губкоме РКСМ организуется бюро татарских секций. На первом же заседании было решено приступить к созданию татарских секций при уездных комитетах РКСМ⁸. В сентябре-октябре 1919 г. при Краснококшайском уездном комитете РКСМ была создана марийская секция в составе Д. Китаева, С. Юшкана, С. Смирнова. 27 декабря на заседании Казанского губкома РКСМ был заслушан вопрос об организации губернского бюро марийских секций⁹. Значительные успехи в комсомольской работе среди марийской молодёжи отметило I Всероссийское совещание активных работников мари, состоявшееся в Казани 7-15 февраля 1920 г. В Краснококшайской уездной организации РКСМ из 21 ячейки с 212 комсомольцами 7 ячеек объединяли 50 марийских девушек и юношей. В сентябре 1919 г. I Самарская губернская конференция РКСМ рассмотрела вопрос о национальных секциях. В конце года в Самаре состоялось губернское совещание представителей мусульманской (татаро-башкирской) молодёжи, и, по решению губкома РКСМ, было создано губбюро восточных секций, то есть бюро татаро-башкирских секций¹⁰. В Астрахани решение об образовании мусульманской секции РКСМ было принято 4 августа 1919 года, а в октябре 1919 года она окончательно оформилась. И т.д.

III съезд РКСМ (2-10 октября 1920 г.) обсудил вопрос о нацсекциях и о работе среди национальной молодёжи и принял специальное решение по нему. Съезд закрепил сложившуюся практику формирования нацсекций по национальностям в отдельности, исключив создание совместных секций (типа татаро-башкирских, марийско-удмуртских). Съезд признал необходимым для координации и руководства работой в губернском масштабе создать бюро отдельных национальностей при губкомах РКСМ, но предупредив, чтобы они не являлись самостоятельными, отдельными организациями, а были лишь

⁷ Юный коммунист. 1920. 25 января. № 2. С. 15.

⁸ Юность Татарстана: Очерки истории комсомола Татарии. Казань, 1978. С. 52.

⁹ Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ. Йошкар-Ола, 1984. С. 26.

¹⁰ Известия Самарского губернского комитета РКСМ. 1920. № 2. С. 2.

подсобными органами комитета и вели работу среди национальной молодёжи «через общий аппарат Союза»¹¹. В то же время на съезде отмечалась слабая работа отдела (бюро) национальных меньшинств при ЦК РКСМ и нацсекций и комиссий местных комитетов.

После третьего съезда РКСМ усилилась работа по формированию губернских, областных и региональных органов нацсекций. ЦК РКСМ утверждает Центральное бюро секций восточных народов, избранное на I Всероссийской конференции секций и организаций РКСМ восточных национальностей (12-18 сентября 1920 г.), ЦБ еврейских и латышских секций, рассматривает вопрос о создании Центральных бюро марийских и мордовских секций. Формируются в это же время областные бюро РКСМ в Башкирской АССР, Киргизской (Казахской) АССР, Татарской АССР, Чувашской автономной области. Естественно, все эти органы и организации начали работу под непосредственным руководством и бдительным надзором ЦК РКСМ, над которым стоял невероятно бескомпромиссный ЦК партии. Для этого и был создан Отдел национальных меньшинств ЦК комсомола.

Комсомол, используя право сильнейшего, был не очень разборчив в средствах борьбы против конкурентов как слева, так и справа. При поддержке и всемерной помощи партии большевиков РКСМ добил национальные некоммунистические союзы и объединения молодёжи, то оказывая давление на партийные и государственные органы с целью лишения национальных союзов материальной и иной поддержки, то прибегая к помощи ЧК, то непосредственно участвуя в прямом разгроме их помещений и физической расправе. В советской литературе примеров такого рода искать было бы бесполезно. Но зато в архивах сохранились недвусмысленные свидетельства комсомольской «красногвардейской атаки» на «контру». Так, в конце 1919 г. татаро-башкирская секция Уфимского губкома РКСМ занималась разгромом союза учащихся-мусульман. В результате совместных с партийной нацсекцией мусульманский союз был ликвидирован и его имущество, движимое и недвижимое, было конфисковано (т.е. разграблено)¹². Почти таким же способом расправились комсомольцы с челябинским союзом

¹¹ Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и пленумов ЦК ВЛКСМ. 1918 – 1968. Том I. М., 1969. С. 40.

¹² ЦГАОО РБ. Ф. 6617. Оп. 1. Д. 1. Л. 15; Известия Уфимского губревкома. 1919. 25 ноября.

учащихся-мусульман и его женским филиалом осенью 1919 г. В Астраханской губернии большевикам пришлось «исправлять» организации татарской и казахской молодёжи. Комитет РКП(Б) отмечал, что мусульманские секции РКСМ вели совершенно неподобающую, «контрреволюционно-националистическую» работу, видя причины этого в продолжительной оторванности края от центра.

Усиление давления на национальные союзы и национальные секции комсомола, вообще на молодёжь национальных окраин и центра, оправдывалось борьбой за «классовое освобождение» против «буржуазного национализма», как великорусского, так и других народов. Завоевание большевиками молодёжи многонациональной страны и создание единого коммунистического союза молодёжи со всем его аппаратом в центре и на местах было одним из путей формирования однопартийной, по сути, бюрократической политической системы, прикрывающейся левой фразеологией, лозунгами революционаристского характера о «рабоче-крестьянской власти» и «диктатуры пролетариата».

Для непролетарских национальных союзов молодёжи, за редким исключением, был характерен чрезвычайно пёстрый социальный состав. В них входили представители различных слоёв населения, но больше всех было учащихся, молодых представителей крестьянства и рабочих. «Рабоче-крестьянская» советская власть и «рабочая» партия коммунистов беспощадно расправились с этими союзами и объединениями молодёжи. Национальные секции комсомола, которые были вынуждены создавать коммунисты в районах, где компактно проживали нерусские народы, не являлись самостоятельными союзами. Они полностью и во всём подчинялись партийным и комсомольским комитетам. Очевидно, что они служили лишь средством постепенного разложения и ликвидации национальных (и националистических) союзов молодёжи, централизации и унификации молодёжного движения в стране в ходе возведения нового строя.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕБУСЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война по людским потерям и разрушению материальных ценностей была самым страшным потрясением за всю историю человечества. Она оказала влияние на ход всемирной истории во второй половине XX века, на судьбы многих стран и народов. Эта война явилась серьезным испытанием для политики ведущих мировых держав, которое они практически не выдержали. Их политика была во многом беспринципной и двуличной, откровенно попирала элементарные принципы международного права и нормы морали, выдавала желаемое за действительное или официально провозглашала одно, а на деле проводила совершенно другое.

Политические маневры, зигзаги и переплетения сплошь и рядом напоминали трудноразрешимые ребусы. Наша цель обозначить, а может быть попытаться решить некоторые из них, внести определенную лепту в дискуссию по актуальным политическим проблемам Второй мировой войны.

Ребус первый: почему не удалось предотвратить войну?

Для предотвращения Второй мировой войны существовали благоприятные возможности. В середине 30-х годов XX века перевес в соотношении экономических и военных сил явно был на стороне тех капиталистических стран Запада, которые впоследствии составили ядро антигитлеровской коалиции.

Эти страны, например, располагали населением в три раза больше, чем блок фашистских агрессоров, производили стали в 1,5-2 раза больше, вырабатывали в два раза больше электроэнергии, выпускали в четырнадцать раз больше автомобилей, добывали в пятьдесят раз больше жидкого топлива, в девять раз больше текстильного сырья, в четыре раза больше продовольствия. Они обладали золотыми запасами, в сорок девять раз превосходящими золотые резервы фашистских государств. Их производственные возможности в самолетостроении, моторизации армии, ее военнотехническом оснащении намного превосходили аналогичные возможности фашистского блока.

Морской флот США, Великобритании и Франции был в два раза сильнее, чем Германии, Италии и Японии¹. К этому следует добавить, что на суше самой сильной армией в Европе по численности живой силы и техники была в то время армия СССР, превосходящая сухопутные силы, например, США в 11 раз. В 1939 г. Советский Союз имел в составе своих вооруженных сил 147 дивизий, 55,8 тысячи орудий и минометов, 21 тысячу танков и 11 тысяч самолетов против 52,5 дивизий, 30,6 тысяч орудий и минометов, 3,4 тысяч танков и 4,3 тысяч самолетов Германии². Тогда твердая политика отпора фашистским агрессорам, комбинированная с экономическим давлением была бы достаточно действенным средством для того, чтобы заставить их отступить.

Однако, отмеченные выше благоприятные возможности, к сожалению, не были реализованы. Основной причиной явился раскол европейского континента на государства с различным социальным строем. Политические противоречия и идеологическое противоборство западных держав (Великобритании и Франции) и Советского Союза оказались сильнее, чем совместная борьба за обуздание фашистских агрессоров.

Причем каждая из сторон преследовала свои корыстные цели, руководствовалась в своей политике не общенациональными интересами, а классовыми интересами правящих кругов. Великобритания и Франция встали на путь проведения политики умиротворения фашистской Германии, стремясь направить ее агрессию на восток против Советского Союза. Они последовательно сдавали Гитлеру целый ряд европейских стран или составных частей этих стран. Своего рода апофеозом политики умиротворения явился мюнхенский сговор 29-30 сентября 1938 г., в результате которого населенная немцами Судетская область Чехословакии отошла к Германии, а ее некоторые восточные районы – к Польше и Венгрии. Через полгода Гитлер уже без чьего-либо согласия оккупировал всю страну. «Вы думаете, я сам полгода назад считал возможным, – заметил он, – что Чехословакия будет выдана на блюде ее друзьями? То, что произошло, может произойти лишь раз в истории».

¹ См. Мануильский Д. Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б). М., 1939. С.25-26.

² См.: История России. XX век: 1939-2007. М., 2009. С.4, 11.

Затем Германия приступила к военным приготовлениям против Польши, предъявив ей ряд ультимативных требований. Польское правительство, тем не менее, довольно решительно отвергло их. Великобритания и Франция наконец-то были вынуждены дать гарантии военной помощи Польше и некоторым другим западным соседям Германии. 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Великобритания и Франция сами стали жертвами своей политики.

Своеобразной в тот период была политика Советского Союза. У Сталина идея мировой революции трансформировалась в попытки любыми средствами, в том числе и войной, как говорилось на XVIII съезде ВКП (б), «умножить число советских республик»¹. Развитие этой принципиальной установки содержались в речи Сталина на секретном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 19 августа и беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г.²

По словам И. Сталина, если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный для СССР характер. В интересах СССР, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком и длилась как можно дольше с целью изнурения двух сторон. Мы можем маневрировать, подталкивать одну из сторон против другой, чтобы лучше разодрались. Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши, мы распространили социалистическую систему на новые территории и население. И. Сталин рассчитывал «бросить решающую гирию на чашу весов» ослабленной войной Европы, добиться дальнейшего приращения «советских республик» от Британии до Эстонии.

Предложение И. Сталина Великобритании и Франции о заключении договора о взаимопомощи скорее напоминало своеобразную дипломатическую игру, чем желание добиться конкретных результатов. Этот договор предусматривал немедленное оказание помощи друг другу в случае германской агрессии, направленной как непосредственно

¹ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С.273.

² См. История России. XX век: 1939-2007. С.9; Свободная мысль. 1995. №2. С.15.

против них, так и против всех западных соседей СССР. Объективным условием реализации этого договора явилось согласие прибалтийских государств, Польши и Румынии на проход советских войск через их территории.

Поэтому И. Сталин требовал занятия Красной армией «буферной зоны» – Польши, Румынии, Латвии, Эстонии, Литвы и Финляндии. Поскольку все «буферные» между Советским Союзом и Германией государства опасались последующей «советизации», они наотрез отказывались принять советскую «помощь». Практическая реализация СССР секретного протокола к пакту «Молотова-Риббентропа» и спровоцированная им в 1939 г. война с Финляндией подтвердили справедливость этих опасений.

Тогда И. Сталин поворачивает руль советской внешней политики в сторону Германии, заключив с ней 23 августа 1939 г. договор о ненападении, вошедший в историю как пакт «Молотова-Риббентропа». Однако он просчитался. Обеспечив себе тыл на востоке, Гитлер в кратчайшие сроки завоевал практически почти всю континентальную Европу, укрепил военный потенциал своей армии, а затем развязал войну против Советского Союза. Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу, стала реальным фактом. Свою долю вины за ее возникновение несут все ведущие европейские страны, в том числе СССР и И. Сталин.

Весь трагизм происшедшего и его далеко идущие возможные последствия, реальная угроза утраты национальной независимости и фашистского порабощения целых народов были осознаны, когда полномасштабные военные действия уже начались. И в этот ответственный момент бесспорная заслуга руководителей США, Великобритании и СССР состояла в том, что государства с различным социальным строем поднялись над политическими и идеологическими разногласиями, прежними ошибками и сплотились со многими другими странами в единую антигитлеровскую коалицию. Эта коалиция была беспрецедентным явлением, одним из крупнейших, определяющих событий XX века. Она не только обеспечила разгром фашистских агрессоров, но и заложила основы послевоенного устройства мира, включая совместные меры по искоренению нацизма и милитаризма в Германии, формирование международных механизмов для обсуждения послевоенных экономических и политических проблем.

Особо важное значение имело создание Организации Объединенных Наций, которая до сих пор является единственной всеохватывающей международной организацией, реально содействующей разблокированию и мирному урегулированию конфликтных ситуаций в различных регионах земного шара. К сожалению, после окончания войны реанимировались старые противоречия между социализмом и капитализмом и добавились новые, связанные борьбой за сферы влияния в Европе и других регионах. Начался длительный период опасного противостояния государств с различным социальным строем, получивший название «холодной войны», который уже остался в прошлом.

Великая Отечественная война Советского Союза была неотъемлемой составной частью Второй мировой войны. Поэтому неуместно как преувеличение, так и преуменьшение роли советско-германского фронта. Совершенно очевидно, что ни один объективный историк и политик не может отрицать вклада СССР в разгром основных вооруженных сил гитлеровской Германии. Поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразно пригласить для участия в военном параде на Красной площади в Москве, посвященному 65-летию Победы, представителей вооруженных сил США, Великобритании и Франции. Их участие стало бы еще одним символом нашей общей Победы.

Ребус второй: когда в войну вступил Советский Союз?

Для его решения необходимо обратиться к секретным протоколам к пакту «Молотова-Риббентропа», которые были включены в него по настойчивому требованию советской стороны¹. По существу Сталин вступил в сделку с Гитлером о разделе «сфер влияния» в Европе за счет суверенных государств. В соответствии с ним Советский Союз присоединил к себе часть Польши (Западную Украину и Западную Белоруссию), Латвию, Литву и Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину, Карельский перешеек. Эта сделка была проявлением империалистической внешней политики разделов и переделов мира. Она шла вразрез с теми внешнеполитическими принципами, которые пусть и чисто формально, но все же провозглашал Советский Союз, означала отказ от сплочения всех левых сил в борьбе против фашизма и войны.

¹ См.: Год кризиса. 1938-1939: документы и материалы. Т.2. М., 1990. С.321.

Как записал в своем дневнике временный поверенный в делах СССР в Германии Н.В. Иванов после заключения советско-германского договора, звонки в полпредство не прекращались, начали поступать письма, в том числе и «возмущенные» от так называемых «обманутых коммунистов»¹. «Свою задачу как министр иностранных дел, – вспоминал впоследствии Молотов, – я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей».

Впервые о секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении упоминалось на Нюрнбергском процессе. Затем протокол был опубликован 23 мая 1946 г. в американской газете «Сан-Луи пост диспетч» и в изданной в 1948 г. в США книге «Национал-социалистическая партия Германии и Советский Союз. 1939-1941 гг.». Его текст был запечатлен на фото пленке, на которую в конце войны были пересняты некоторые документы, хранившиеся в бюро Риббентропа. Понимая, что они совершили нечто преступное, противоправное и аморальное, И. Сталин и его окружение, последующие советские руководители, а также историческая наука того времени длительное время отрицали само существование этого протокола на том основании, что в архивах СССР и Германии не был найден его подлинник. И только при М. Горбачеве советское руководство впервые признало наличие секретных протоколов пакта «Риббентропа-Молотова». Как отмечалось на заседании Политбюро ЦК КПСС 5 мая 1988 г., «их отрицание и тем более квалификация как фальшивки никого не убеждает. Оригиналов нет, но имеющиеся копии и с той, и с другой стороны совпадают. Реальность протоколов подтверждается и самим ходом событий, которые развивались в точном соответствии с зафиксированных в протоколах линии раздела сфер влияния...»¹.

В декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР подчеркнул, что предпринятые в советских секретных протоколах 1939-1941 гг. «разграничения сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Съезд осудил сам факт подписания секретного дополнительного протокола и признал «секретные протоколы юридически несостоятельными и

¹ Там же. С.323.

¹ Там же.

недействительными с момента их подписания»². И наконец-то в октябре 1992 г. в президентском архиве в Кремле были обнаружены оригиналы секретных протоколов к пакту «Молотова-Риббентропа»³.

1 сентября 1939 г. началось вторжение немецких войск в Польшу. 17 сентября в Польшу вступила Красная Армия и с боями начала «освобождение» Западной Украины и Западной Белоруссии «от польской фашистской оккупации». Поэтому ряд отечественных историков считают, что именно в этот день СССР вступил во Вторую Мировую войну на стороне гитлеровской Германии.

С такими утверждениями трудно согласиться. Да, было немало совместных военных операций немецких и советских войск по подавлению очагов сопротивления поляков, был их совместный парад в Бресте по случаю передачи Вермахтом этого города Красной Армии. Тем не менее, в целом военные действия СССР в Западной Украине и Западной Белоруссии были частным, локальным эпизодом по реализации предыдущих договоренностей и не переросли в полномасштабную войну Германии и СССР против Великобритании, Франции и других западных стран.

С момента начала войны Советский Союз официально придерживался нейтралитета, который во многом имел прогерманский крен. Однако Сталин с позиции «третьего радующегося» помогая Германии, рассматривал эту помощь, прежде всего, в качестве средства затягивающего войну, изматывающую и Германию, и Англию. В июле-августе 1940 г. в противовес усиливающейся Германии СССР активизировал усилия по созданию советской зоны влияния на Балканах, в регионе Черного моря и Босфора. Готовясь к возможному военному столкновению с Турцией и Ираном, Сталин выселил из Закавказья всех турок-месхетинцев, персов и черноморских греков. На Балканах интересы СССР и Германии пересеклись, и начинается охлаждение отношений между двумя странами.

В октябре 1939 г. в генеральном штабе РККА началась разработка первого варианта плана наступательных действий против Германии, а всего до июня 1941 г. таких вариантов было рассмотрено пять, каждый из которых совершенствовался по сравнению с предыдущим. 6 мая 1940 г. на ужине в узком кругу командиров охраны

² Огонек. 2010. №11 (5120). С.22.

³ См.: 1939 год: уроки истории. М., 1990. С.497.

Сталин объяснял: «Воевать с Америкой мы не будем. Воевать мы будем с Германией. Англия и Америка будут нашими союзниками»¹. В действительности Советский Союз вступил во Вторую мировую войну 22 июня 1941 г.

Ребус третий: в чем состоит главный итог войны?

Прошло 65 лет после окончания Второй мировой войны. За это время в мире произошли кардинальные сдвиги. Советский Союз не только потерял почти все социально-политические преференции и территориальные приобретения, которые он получил после войны, но и распался сам. Сейчас Россия, как правопреемница СССР и нашей Победы, США и другие западные страны перестали относиться к противоположным общественным системам и развиваются по одинаковому вектору социально-экономического и политического развития.

На Западе за последнее время активизировались круги, которые, спекулируя на крушении Советского Союза, рассматривают Вторую Мировую войну как борьбу одного тоталитаризма (фашизма) с другим (коммунизмом). Причем победителем в этой войне вышла «третья сила» - западные демократы. В июле 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ предложила учредить общеевропейский День памяти «жертв сталинизма и нацизма», приурочив его ко дню подписания пакта «Молотова-Риббентропа».

Между тем никому не удастся лишить нас нашей Победы, забыть о многомиллионных жертвах, положенных на ее алтарь, о выдающейся Сталинградской битве и других крупных сражениях, положивших начало коренному перелому и стратегическому поражению Германии в войне. Главный итог войны связан не с расширением территорий и сфер влияния. Он состоит в том, что Советский Союз отстоял независимость своей страны, спас ее народы от фашистского порабощения и уничтожения. Советские войска, несмотря на все последующие политические коллизии, освободили от немецкой оккупации страны Восточной Европы. В результате войны потерпела сокрушительное военное и моральное поражение самая милитаристская и агрессивная сила XX века – блок фашистских государств во главе с гитлеровской Германией.

¹ См.: История России. XX век: 1939-2007. С.27-28.

Итоги войны также подтвердили, что, как и экспорт революции, невозможен экспорт авторитаризма и тоталитаризма. В исторической перспективе сталинские попытки «умножить» число советских республик потерпели полный крах. Все страны и территории, присоединенные к СССР по секретному протоколу пакта «Молотова-Риббентропа» стали, пожалуй, за исключением Карельского перешейка независимыми государствами или составными частями таких государств. Точно также независимыми стали все страны Восточной Европы, над которыми после Второй мировой войны Советский Союз установил свой контроль. К тому же, если бы этим странам не была навязана советская модель развития, то сейчас Россия по периметру своих западных границ имела бы «надежный пояс добрососедства и безопасности» дружественных стран типа Финляндии и Австрии.

А.Л. Никифоров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Память обычно определяют как способность человека хранить и воспроизводить информацию о событиях прошлого. Психологи выделяют различные виды памяти: произвольную и произвольную, кратковременную и долговременную и т.д. Они различают память чувств, память образов и вербальную память. Историки, социологи, публицисты часто говорят о памяти общества, о национальной или исторической памяти. Многие видят в такой памяти важнейшую опору национального самосознания и одну из основ национальной идентичности.

«Историческая память, – пишут А.С. Сеньявский и Е.С. Сеньявская, – является ценностной опорой национального самосознания, источником самооценки народа, его самоуважения, а во многом – ценностей и идеалов, определяющих силу нации, ее способность выдерживать исторические испытания, а значит, способность к развитию. В этом смысле прошлое... в решающей степени предопределяет настоящее и будущее»¹. Действительно, когда я сегодня читаю книгу современного монгольского историка о походе Батыя на Русь – книгу, в которой историк с восхищением описывает, как татаро-монголы жгли и грабили

¹ Сеньявский А.С., Сеньявская Е.С. Память о Великой Отечественной войне // Народ и война 1941 – 1945 гг. М., 2010. С. 671.

города Руси, как угоняли в неволю тысячи женщин и детей, засекая плетью ослабевших и отставших, то почему в душе моей пробуждается скорбь и вспыхивает ненависть? Какое мне, в конце концов, дело до этих людей и событий, происходивших почти восемь веков тому назад? Почему я гораздо спокойнее читаю о завоевании Англии нормандским герцогом Вильгельмом или о бедствиях французов в период Столетней войны? По-видимому, в этом случае «работает» то, что называют исторической памятью. Что же это такое, историческая память?

Французский социолог Морис Хальбвакс одним из первых обратил внимание на то, что память различных социальных групп, из которых складывается общество, может в большей или меньшей степени отличаться от исторической памяти общества. Харальд Вельцер, директор Центра междисциплинарного исследования памяти в Эссене (Германия) подчеркивает серьезные расхождения между «приватной» памятью – той памятью о прошлых событиях, которая сохраняется в семьях или небольших социальных группах, и «официальной» памятью – той памятью, которая поддерживается и пропагандируется государством и его институтами. Большинство авторов, писавших на эту тему, исходит из того, что память – это некий «след», который события прошлого оставили в сознании людей.

Итальянский историк Мария Ферретти отрицает существование какой-либо памяти, трактуемой в этом смысле. «Часто говорят о коллективной памяти, о социальной памяти, о групповой памяти, о национальной памяти или о памяти общества – пишет она, – проблема заключается в том, что памяти самой по себе, так же как и прошлого, не существует. Это всегда конструкция, результат непрерывной и неслышной активности, порой сознательного, а порой бессознательного взаимодействия многочисленных людей и разнонаправленных сил, которые снова и снова ткут воздушное покрывало прошлого... И тем не менее можно без труда наблюдать нечто, что естественным образом называется памятью, а именно... ту совокупность представлений о прошлом, которая в данном обществе, в данный исторический момент становится доминирующей и образует нечто вроде разделяемого большинством «здорового смысла». Понимаемая в таком значении, память предстает как один из источников национальной идентичности, то есть того чувства причастности к определенному сообществу, которое, как раз благодаря характерным для него общим местам и мифам, узнает себя в общем прошлом – и, следовательно, общем

настоящем»¹. Прошу прощения за длинную цитату, но нам важно обратить внимание на то, что для Ферретти память – это не «отпечаток», не «след» событий прошлого в сознании людей, а то, что конструируется и внушается населению государством, средствами массовой информации, искусством и т.п. Эта очень важная мысль, на мой взгляд, не совсем верна.

Резюмируя разнообразные подходы к истолкованию понятия исторической памяти, мы могли бы сказать следующее. *Историческая память есть сохранение и воспроизведение чувств, образов и представлений общества о своем прошлом.* Важно иметь в виду, что эти представления формируются не просто языком, т.е. прочитанным и услышанным, а соединены с эмоциями, переживаниями и наглядно-чувственными образами.

Подобно памяти отдельного индивида, историческая память носит *избирательный* характер: общество сохраняет в своей памяти не все, а лишь немногие события, которые оказали влияние на жизнь всего общества или его значительной части, помнит лишь о некоторых лицах, деятельность или поступок которых вызвал отклик в сознании множества людей. Сохраненные в исторической памяти события и лица часто приобретают *символическое* значение: они в концентрированном виде воплощают в себе множество похожих событий или поступок отдельного индивида, которому память придает значение нравственного идеала, образца для подражания. Так, историческая память нашего народа сохранила подвиг Александра Матросова. С одной стороны, это сохранение памяти о множестве героев, совершивших аналогичный подвиг, с другой стороны, память о поступке Александра Матросова выражает нравственный образец самопожертвования во имя защиты Родины.

Хочу обратить внимание на одно существенное отличие коллективной исторической памяти от памяти индивида о своем прошлом. В отличие от индивидуальной памяти, которая в принципе не меняется на протяжении жизни, историческая память с течением времени изменяется. Какого же рода эти изменения?

У поколения людей, которое пережило некоторое крупное историческое событие, затронувшее судьбы миллионов людей, память об

¹ Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Народ и война 1941 – 1945 гг. М., 2010. С.135 – 136.

этом событии сопряжена с эмоциональными переживаниями и чувственными образами. Скажем, люди, которые были свидетелями запуска первых советских спутников, до сих пор помнят о том, как сотни людей на улицах напряженно вглядывались в вечернее небо, стараясь разглядеть быстро скользящую звездочку. Для них фраза «В 1957 г. в СССР был запущен первый искусственный спутник» соединена с образом этих людей и радостным подъемом, который тогда переживали все советские люди.

Следующее поколение, которое само уже не было свидетелем и участником события, а только слышало о нем от родителей, будет вспоминать об этом событии уже гораздо менее эмоционально. Для третьего поколения приведенная выше фраза будет уже только неким утверждением о прошлом, которое нужно проверять, обосновывать или даже подвергнуть сомнению. Память этого поколения будет чисто вербальной – почерпнутой из письменных источников, из мемуаров, учебников, СМИ. Она действительно станет, как говорит М.Ферретти, конструируемой системой представлений о прошлом.

Таким образом, итальянский историк утверждает: чем дальше в прошлое уходит событие, тем больше утрачивает память о нем эмоционально-образную составляющую и становится чисто вербальной, т.е. памятью утверждений¹. Следовательно, тем легче конструировать такую память и манипулировать ею.

Я хотел бы проиллюстрировать это утверждение, сопоставив историческую память о Второй мировой войне в Германии и России.

Для большей части населения Германии война, начавшаяся осенью 1939 г., была чем-то далеким, основные сражения разворачивались в тысячах километров от ее территории – в степях и лесах России, а песках Северной Африки. Правда, с середины 1943 г. население стало страдать от бомбардировок англо-американской авиации. Вот какую картину рисует нам одна из записей в дневнике Геббельса: «29 июля. В течение ночи мы пережили самый сильный налет из всех, что были совершены на Гамбург...от 800 до 1000 бомбардировщиков...Кауфман (местный гаулейтер) прислал мне первое донесение...Он пишет о катастрофе, размах которой потрясает воображение. Город с миллионным населением был уничтожен беспрецедентным в истории способом.

¹ Это утверждение не является вполне верным и требует коррекции, однако здесь я не стану на этом останавливаться.

Перед нами стоят проблемы, которые почти не поддаются решению. Население в миллион человек необходимо снабдить продовольствием, обеспечить одеждой и жильем и как можно скорее эвакуировать. Короче говоря, мы столкнулись здесь с проблемами, в существование которых не верилось всего лишь несколько недель назад...Кауфман говорит примерно о 800 тысячах бездомных, которые бродят по улицам, не зная, что предпринять...»¹.

Как должно было население Германии относиться к этим варварским бомбардировкам? Они могли лишь вызвать ненависть населения к врагам, способным на такие методы ведения войны, и подогреть надежду на «оружие возмездия», которое обещал Гитлер. С приближением 1945 г. началось бегство населения из восточных районов страны от наступающих советских войск, разгорелись сражения уже на самой немецкой земле, вражеские войска со всех сторон вторглись в Германию, началась оккупация. В сознании немцев от войны осталось именно то, что им пришлось пережить, прочувствовать, вынести. Это то, что осталось в памяти поколения, пережившего войну. О лагерях смерти – Освенциме, Майданеке, Заксенхаузене, Бухенвальде, об «окончательном решении» еврейского вопроса, о зверствах вермахта на оккупированных территориях СССР, в Польше, в Югославии большинство немцев практически не знало. Солдаты, приезжавшие в отпуск с Восточного фронта, рассказывали в семьях о своих подвигах на полях сражений, а не о том, как они убивали стариков, женщин, детей, сжигали деревни, разрушали города. Поэтому немцы считали, что Германия ведет обычную войну, каких в истории было немало, что вермахт доблестно сражается, а конечное поражение было обусловлено громадным превосходством противника в людских и материальных ресурсах. Немцы помнили о *своих* страданиях, а о страданиях *других* народов, причиненных войной, которую развязала Германия, они не знали и знать *не хотели*.

Поэтому все усилия оккупационных властей и послевоенного правительства Германии (ФРГ) раскрыть населению глаза на злодеяния фашизма в первые послевоенные десятилетия имели очень слабый эффект. «Все более и более заметной, - пишет Х. Вельцер, - становится разница между публичной культурой памяти, создаваемой школой, политикой и дидактикой мемориальных комплексов, с одной стороны, и

¹ Цит. по: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 400.

приватной памятью, сохраняемой, например, в семьях, с другой; в то время как в Германии публичная культура коммеморации и памяти сфокусирована на преступлениях нацизма и на Холокосте, в центре семейных воспоминаний стоят страдания немцев, связанные с войной и изгнанием, бомбежками и пленом. Преследования и истребление еврейского населения практически не обсуждаются»¹. Да, память поколения, пережившего некоторое событие, настолько насыщена эмоционально-образным содержанием, что ее почти невозможно изменить.

Однако по мере того, как у последующих поколений немцев эмоционально-образная память ослабевала их историческая память о Второй мировой войне, все более поддаваясь воздействию средств массовой информации. В январе 1979 г. по телевизионной программе ARD прошла трансляция американского художественного сериала «Холокост». У экранов телевизоров собралось более 20 миллионов зрителей, которые впервые (!) осознали страшную правду о трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» и задумались о молчании или бездействии миллионов равнодушных сограждан. По мере того, как собственные страдания стали забываться, можно было начать осознавать страдания других. И лишь в последние два десятилетия историки Германии стали говорить о том, что творила фашистская армия на территории СССР. Но сознание немцев до сих пор отторгает эту правду. «Для историков, для общественного мнения ФРГ обращение к криминальной роли германской армии играет особую роль. Слова «Освенцим» и «Холокост» давно уже стали предостережением для большинства немцев, однако признание «Другого Холокоста» - злодеяний по отношению к народам СССР – отторгалось массовым сознанием. Восприятие ужасающей картины «войны на Востоке» вызывало аллергию и у историков, и у большинства граждан Федеративной республики»².

И это следует признать вполне естественным! Мы начали с констатации того, что историческая память является опорой

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 52.

² Борзняк А. ФРГ: Волны исторической памяти. Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 111.

национального самосознания, источником самооценки народа. Народная память хранит только то, чем можно гордиться, она может сохранить воспоминание о трагедии, но только как о героической трагедии. Историческая память вытесняет, отторгает или оправдывает воспоминания о злодеяниях, совершенных нацией. Трудно жить, постоянно помня о совершенном преступлении. Трудно жить, считая своего отца преступником и злодеем. Хочется переложить вину на кого-то другого, найти смягчающие и оправдывающие обстоятельства или, по крайней мере, сослаться на то, что другие были еще хуже. Именно это и происходило с исторической памятью немцев в послевоенные десятилетия.

Иллюстрацией этого может служить немецкий фильм «Сталинград», выпущенный на экраны в 1992 г. – к 50-летию Сталинградской битвы. Казалось бы, это весьма постыдная страница в истории вермахта – окружение и гибель почти 300-тысячной армии, к тому же почему-то оказавшейся за 3 тысячи километров от границ своего государства. Что делала там эта армия? Зачем она туда пришла? Авторы фильма не ставят таких «неудобных» вопросов. Они создают образ героев, скрепленных братской дружбой, готовых на самопожертвование, до конца выполнивших свой воинский долг. Этот фильм показывает, как немцы, спустя полвека, помнят о Сталинграде и как они *хотят* о нем помнить. Финал фильма внушает чувство гордости за солдат, которые погибают, но не сдаются. Их победил не противник, их победил мороз. Так даже смертельное для вермахта поражение кинематографисты и память немцев сумели превратить в нечто такое, чем можно гордиться.

А что же у нас?

Для народов России Вторая Мировая война была действительно *Отечественной* войной. Мы сражались за свое физическое существование в качестве нации с армией, представители которой считали нас недочеловеками, заслуживающими поголовного истребления или обращения в рабство. Мы отстаивали свое право на существование, мы отстаивали свою культуру, свой язык, свою свободу... Война стоила нашей многонациональной стране 27 миллионов жизней – погибших на фронте солдат, пленных, мирных жителей. Война так или иначе сказалась на жизни каждой семьи, она была громадной трагедией для всего советского народа, как бы ни трактовали это явление (советский народ) эквилибристы метаморфоз... Мы выстояли. Победили! И Победа в Великой Отечественной войне вошла в

историческую память народов нашей страны как символ жертвенности, героизма и нравственного величия всех народов России и, прежде всего, русского народа. Прошло 67 лет со дня окончания Войны, но память о ней и о великой Победе остается одной из важнейших опор национального самосознания. Согласно исследованиям социологов из Левада-центра, на вопрос «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» 87% опрошенных в 2003 г. ответили: Победа в Великой Отечественной войне¹.

Хотелось бы обратить внимание на одно характерное обстоятельство. Социолог и философ Лев Гудков, на данные которого мы ссылались, полагает, что память нашего народа о Великой Отечественной войне была целиком сконструирована и внедрена в общественное сознание средствами пропаганды: «Структурообразующей для коллективной памяти ролью, - пишет он, - Победу в войне наделила многолетняя работа официальных социальных институтов в СССР – школы, армии, СМИ, системы пропаганды и идеологического воспитания. По существу, сегодня мы имеем дело с более или менее выраженной сталинской версией войны и всей истории советского времени, а значит – всей истории XX века. Такая интерпретация войны создана сталинским Генштабом и агитпропом ЦК КПСС»². В свете сказанного выше совершенно очевидна ошибочность этого утверждения. Официальная советская интерпретация войны вполне согласовалась с тем, что пришлось пережить советским людям в оккупации, на фронте и в тылу, поэтому она была принята общественным сознанием и прочно закрепилась в исторической памяти народа. Закрепилась настолько глубоко и прочно, что, несмотря на многолетние усилия поколебать ее, она поныне сохраняется в сознании подавляющего большинства населения.

Я не буду приводить примеров атаки на историческую память о Великой Отечественной войне, на значение нашей Победы – они слишком многочисленны и потребовали бы еще одного доклада. Динамику исторической памяти о Великой Отечественной войне в нашей стране я проиллюстрирую очень простой историей, которая могла бы произойти с каждым из нас.

¹ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 89.

² Там же. С. 96.

Как-то, когда я прогуливался по дороге возле своей дачи, меня укусила собака. Я до сих пор отчетливо помню свой страх и свою злость, помню, как я отбивался от нее ногами, как она вцепилась в мою ногу. Если кто-то попытается убедить меня в том, что этого не было или было не так, я и слушать его не буду. Мою память об этом событии изменить невозможно. Я не один раз рассказывал своим детям об этой неприятной истории и тех чувствах, которые тогда испытал. Дети помнят о том, что их отца укусила собака, и если кто-то попытается внушить им, что этого не было, вряд ли он достигнет успеха. Но вот мои внуки слышали об этом лишь краем уха, и память их об этом событии является для них сугубо вербальной: «Вроде бы когда-то дедушку укусила собака». И вот на их память уже можно влиять. Появляются люди, якобы восстанавливающие историческую «правду»: собака-то не виновата, ведь хвост ее Никифорова не кусал, лапы – не кусали, уши – не кусали, виновата пасть собаки, а сама собака хорошая! Да, верхушка нацистской партии, СС, гестапо плохие, а немецкий народ не причем...

Другой автор делает новое «открытие»: оказывается, это Никифоров хотел укусить хозяйку собаки, а собака, защищая хозяйку, вынуждена была укусить его. И появляется масса публикаций, доказывающих, что Никифоров всегда был кусачим, что еще в детском саду он пытался укусить мальчика, отнимавшего у него игрушку, а вот фотография, на которой он кусает бутерброд с колбасой... (Это об агрессивности большевизма, о его стремлении к мировой революции и т.п.). Наконец, появляется автор, добывший доселе засекреченные документы, неопровержимо свидетельствующие о том, что не собака укусила Никифорова, а, напротив, это Никифоров укусил собаку! Немедленно откуда-то появились родственники не то собаки, не то ее хозяйки, которые стали громко требовать от внуков Никифорова компенсации и возмещения ущерба! Естественно, мои внуки в растерянности, к тому же среди них нашлись такие, которые – кто искренне, а кто из корыстных или политических побуждений – призывают признать грех дедушки и покаяться.

Вот такая сейчас ведется борьба вокруг исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем если творческая интеллигенция Германии стремится подчеркнуть героические стороны действий вермахта в боевых действиях и не упоминать о жестокостях, творимых немецкими войсками на оккупированных территориях или как-то оправдать их, то значительная часть нашей отечественной

интеллигенции ведет себя прямо противоположным образом. Однако с течением времени становится все более ясно, что это была величайшая война в истории человечества и такого рода войн уже не будет. Сталинградская битва была самой грандиозной битвой в мировой истории – битвой, в которой в течение полугода сражались миллионные армии, и таких битв уже никогда не будет. И я уверен, что несмотря на все усилия замолчать или переписать историю Второй мировой и Великой Отечественной войны память о жертвенном подвиге того поколения, которое вынесло на своих плечах смертельную тяжесть войны и одержало великую Победу, и через тысячу лет будет наполнять гордостью сердца наших далеких потомков – как наполняют гордостью наши сердца воспоминания о Куликовом поле, о Полтаве, о Бородинском сражении.

Р.Ш. Ниуму

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ СОХРАНЕНИЯ В КОНГО

Конго по численности населения – страна сравнительно небольшая. Ее история достаточно драматична. Издавна государство представляли крупные царства. В сентябре 1958 г. Конго стало автономным государством в составе Французского сообщества (позднее официальным языком является французский. Два языка провозглашены национальными: лингала мунукутуба (китуба и ликиконго). Государство Конго стало членом ООН.

В сложной политической обстановке менялись лидеры. При Альфонсе Массамбате (1964-1968) Конго выбрало социалистическую ориентацию. После военного переворота 31 июля 1968 г. капитан Нгуаби возглавил Национальный Революционный совет, чуть позже возглавил и государство. Возникла марксистская партия Конголезская партия труда. Президент Нгуаби был убит в 1977 г. Во главе государства встает полковник Иохим Йомби-Опанго, но и его сменил полковник Дени Сассу-Нгесо. В 1990 г. партия отреклась от марксизма-ленинизма, был взят курс на многопартийность. Последовала череда парламентских выборов, смена лидеров государства.

Эти политические пертурбации не могли и не смогли изменить менталитета и культуры. Это наследие хранят различные институты. Назовем некоторые. Школа Пото-Пото. Живопись Пото-Пото - свидетельство богатства конголезской культуры и современной

станковой живописи. Общение художников проявляется в совместных выставках. Так, в 1990 г. совместно выставляли свои произведения французский скульптор Фридерик Поллет, художник из Бенина Пьер Лелу, Милен Бессон и Вэника Лобретон. Был представлен и Бразавиль - художником Йоки Мангадза.

Музыке и рисованию обучают в школе изящных искусств. Ее выпускники работают в средних школах и колледжах. Конечно, экономический кризис затрудняет наем на государственную службу... За подготовку художников и актеров отвечает Центр драматического искусства. Несмотря на финансовый кризис, африканская и конголезская музыка очень популярна в конголезском обществе.

В честь великого писателя Конго Сони Лабу Танси (ум. в 1995 г.) создан культурный центр.

Национальная библиотека не играет роли истинного хранилища памяти конголезского народа. Посещаемость практически отсутствует, конголезцы предпочитают Французский культурный центр Американский культурный центр, в которых и «выращены». Конечно, Конго имеет несколько галерей и частных студий художников в Бразавиле, Пуэнт-Нуаре и др. городах. Некоторые художники Конго добились популярности и работают за рубежом. Это Ги Леон Фалла, Марсель Готин, Мишель Хенго, Эмиль Мококо и др.

Историческое и культурное наследие как термин и понятие предполагают чрезвычайное разнообразие прочтений. О концепции наследия пишут Жан-Пьер Бабелонь и Андре Шастель. Наследие прошлого нужно не просто хранить, но и передавать потомкам. Огромную роль в решении этой задачи призваны играть музеи. В Конго существует Национальный музей и четыре региональных музея. Фактически музеем стал и открытый для посещения публики мавзолей Нгуаби.

Создание музеев связано с заботой правительства возродить культуру и искусство страны, длительное время бывшей колонией, что не могло не сказаться на состоянии культуры национальной. Закон от 15 августа 1965 позволяет создавать организации, способствующие развитию культуры и искусства. Таким образом, появилась правовая база. В соответствии с этим законом 7 сентября 1965 г. был открыт Национальный музей. В развитие этого начинания в соответствии с Указом правительства Конго от 19 февраля 1968 г. возникли региональные музеи, целью которых стало сохранение исчезающих

культур. Краеведческие региональные музеи –это музей Кинкале Андре Гренар Мацуа(префектура Pool); Областной музей Лоанго Диоссо (префектура Квилу); Краеведческий музей Овондо (префектура Восточного бассейна); Музей Siditi (префектура Лекуму).

Создание музеев стало закономерным после обретения независимости страны. Национальный музей является своеобразным символом национального единства. Но существуют тревожные тенденции. По данным инвентаризации музеев, проведенной по просьбе ЮНЕСКО Жаном Жюль Гильбертом Кулуфуа, медленно, но верно снижается потенциал и артефакты конголезского культурного наследия. Это обусловлено отсутствием необходимого для музеев оборудования и низкой подготовкой кадров работников. В связи с трудностями бюджетного порядка региональные музеи, удаленные от городов, не электрифицированы. Это отягощает круг проблем, без решения которых не будет расти динамика спроса на музеи, нарушится связь школы, учреждений, сохраняющих культурное наследие и самого этого культурного наследия.

Такая ситуация опасна, как бы ни объяснялась она финансовыми причинами и человеческим фактором. Ведь система образования не просто готовит молодых конголезцев к жизни в разных ее проявлениях. Школа должна не только обучать, но и образовывать. К сожалению, учебные программы не нацелены на освоение культурного наследия, его реалий и социальной среды. Система преподавания в Конго наследует ориентиры прошлого- готовить колониальную администрацию. В результате нынешняя школа стала в Конго фабрикой выпуска безработных, кадров, оторванных от реальности. Ибо школа не поддерживает местную культуру и не укоренена в ней.

Итак, отсутствует связь между школой и конголезским культурным наследием. Ребенок не получает соответствующую пищу для ума и сердца, он не готов стать гражданином. Такие школьные дисциплины, как французский язык, философия, история, география не выполняют задачи занять достойное место в процессе и системе образования. Ребенок, пришедший из семьи, где говорят на национальном языке, воспринимает французский язык как инородному телу. Это, естественно, затрудняет изучение французского языка. Обучение рисованию в школах и колледжах также воспроизводит французскую модель. Школьное образование направлено на формирование индивидуализма и интеллектуализма, что противоречит

коллективной солидарности общества, в котором молодой человек находится. Некоторые не в состоянии общаться в своей деревне на родном языке, чувствуют интеллектуальный комплекс превосходства. Такой человек, ощущающий отчуждение от общества, социально, эмоционально, умственно культурно дезориентирован.

Вывод: недостаточно прививать детям научную грамотность, математику, литературу навыки ремесла и искусства, занятий фитнесом. Необходимо создать синергию между школой и конголезским национальным культурным наследием, некий динамический школьный музей¹.

Отсутствие гармонии между школой, образованием и национальным культурным наследием препятствует развитию Конго. Судьба детей этой страны трагична: они находятся между двумя мирами, оба из которых- иностранные. Это культура и школа.

А.В. Овчинников

ОБРАЗЫ И ПОНЯТИЯ «ПРОШЛОГО»: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Историческая память – изначально конструируемый профессиональными историками и меняющийся в процессе трансляции и восприятия, имеющийся на данный момент в сознании индивида (в том числе историка) набор образов, представлений и понятий о «прошлом». «Прошрое» существует не «до» настоящего, а в нём самом. Исходным материалом для строительства минувшего являются данные «исторических» источников. И средневековая летопись, и археологический памятник – часть настоящего, создающие вместе с другими знаками символическое осознание данного мгновения. Конкретные ряды образов исторической памяти формируются как «слепок-сцепление» источника с другими образами сиюминутной реальности. Припоминание этих образов рождает исторические представления.

¹ Contribution du Patrimoine Culturel au Developpement du Systeme Educatif de la Republique du Congo :Enseignement des Arts et de l'Artisanat au Musee. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.memoireonline.com/02/08/907/m_contribution-patrimoine-culturel-developpement-systeme-educatif-congo7.html

Статичным образам трудно угнаться за постоянно меняющейся реальностью, что обуславливает постоянное недовольство прошлым как профессионального историка, так и обывателя. Систематическое «переписывание истории» (вернее, изменение комбинаций содержащихся в историческом нарративе образов), объясняемое как «успехи исторической науки», явление закономерное и положительное, т.к. приближает к познанию и пониманию реального настоящего. Формально не любимая историками-специалистами модернизация истории и сделанные на основании этого практические выводы есть более эффективный способ преобразования действительности, чем принятие во внимание не актуальных для сегодняшнего дня застывших исторических образов. Вместе с тем, лишённое формально-логической основы мифологическое жонглирование фактами «прошлого» может повредить остальному настоящему, т.к. не будет способствовать его максимальному развитию, которое возможно только по законам логики. Отсюда следует, что повествование о прошлом должно начинаться с настоящего и им же заканчиваться, иначе мы получим «диктат» бесконечно малого сегмента реальности над остальными процессами и явлениями.

В эпоху постмодерна исторический текст призван не «закабалить» человека, обслуживать его реальные потребности. Профессиональные историки должны поставлять не оценочные суждения, а конкретные образы для их последующего осмысления потребителем. Приближение к этому идеалу во многом зависит от когнитивных способностей индивида. Например, сознание живущих в постиндустриальных странах людей относительно рационально и индивидуалистично, исторические образы трансформируются в «рациональные мифы», когда человек осознаёт всю условность собственных представлений о прошлом, которое не мешает настоящему, а если и входит с ним в противоречие, то результат столкновения предрешён. Например, британцы гордятся историей своего острова, материализованной частью которой является королевская семья. Однако в обществе не прекращается дискуссия о целесообразности сохранения монархии¹. В США мало кому из серьёзных исследователей придёт в

¹ New Statesman предложил упразднить институт британской монархии или выбирать королеву. Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/12jul2009/korol.html> (дата обращения 19.08.2012).

голову писать о «логике исторического противостояния» афроамериканцев и белых. Память о гражданской войне является хорошо продаваемым товаром и предлогом для проведения познавательного досуга¹.

Подобное осмысление исторических образов не позволяет относить их к классическим мифам, т.к. последние призваны объяснять окружающую действительность и давать практические советы. Использованное выше понятие «рациональный миф» – антипод концепта «миф». Если миф – замещающий настоящее набор образов, то в рациональном сознании осмысление «прошлого» происходит при помощи понятий. Мы видим пример преодоления мифического мышления, когда субъект «способен мысленно выйти за пределы той конкретной, локальной «системы познавательных координат», которую он занимает, к более общей «системе отсчета», по отношению к которой его исходная локальная позиция является частным, вариативным моментом»². Таким образом, использование терминов «исторический образ» и «представление о прошлом» здесь условно, более корректно оперировать концептом «историческое понятие».

Можно предположить, что рациональное восприятие прошлого, связано с особенностями социально-экономических отношений. Основанные на законах рынка безличные связи, неприкосновенность частной собственности, «атомизм» общества, протестантская этика – реальная основа, отражением которой являются, в том числе, исторические понятия. По мнению социального психолога Р. Нисбетт и его коллег, особенности мышления людей, их когнитивные способности во многом зависят от окружающих индивида социальных связей. «Западный человек»³ в своих рассуждениях ориентирован на конкретный объект, а не окружающее его «поле», стремится выявить закономерности функционирования объекта на основе отвлечённых формально-логических схем (аналитический тип мышления). Для «восточного человека»⁴, благодаря коллективистскому характеру социальных связей,

¹ Колоницкий Б. Преодоление гражданской войны: случай Америки // Звезда. 2007. №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/1/ko11.html> (дата обращения 19.08. 2012).

² Найдыш В.М. Мифология. М., 2010. С. 409.

³ Авторы имеют в виду европейцев и жителей США.

⁴ Исследовались жители Китая и Восточной Азии в целом.

в основном характерен холистический тип мышления – ориентация «на контекст или поле как целое, включая внимание к взаимоотношениям между объектом и полем (фоном, средой) и стремление объяснять и предвидеть события на основе этих взаимоотношений».¹

Различия между двумя типами мышления существенны. Так, «холистические подходы опираются скорее на знания, почерпнутые из опыта, нежели на формальную логику, и являются диалектическими, т.е. делают акцент на изменении, признают противоречия, необходимость принимать во внимание разные точки зрения и искать некий «средний путь» (золотую середину) между противоположными утверждениями. Для аналитического же мышления характерны тенденция отделения объекта от контекста, фокусирования внимания на свойствах (атрибутах) объекта в целях последующего отнесения его к тем или иным категориям, а также стремление использовать правила, характеризующие эти категории, с тем, чтобы объяснить и предсказать поведение объекта»². Различные типы мышления «не передаются по крови», не скрыты в неких «культурных кодах» или «траекториях исторического пути», а являются следствием окружающих человека «здесь и сейчас» социальных практик. «Восточный» и «западный» – термины не географические или политические, а социальные, обозначающие соответственно коллективистский и индивидуалистический типы отношений между людьми.

Холистическое мышление во многом схоже с подробно изученным антропологами мышлением мифическим. Сходства проявляются в ассоциативности, образности, ориентации в рассуждениях на память, а не на логику. Фактически перед нами один и тот же, но описываемый в разных категориях, феномен. Мифическое мышление в целом характерно для людей традиционного общества. «Традиционность» заключается в специфических коллективистских социальных связях, которые в условиях глобализации и вестернизации не перестают удивлять устойчивостью и способностью, сохраняя свою суть, маскироваться под что угодно.

¹ Нисбетт Р. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / Р. Нисбетт, К. Пенг, И. Чой, А. Норензаян; пер. с англ. М.С. Жамкобян; под ред. В.С. Магуна. М., 2011. С. 12.

² Там же. – С. 12, 13.

Современное российское общество, несмотря на поверхностные успехи технической модернизации, продолжает в основе своей оставаться традиционным. Видимо, это связано с сохранением корпоративных (постобщинных) форм социальных отношений. На протяжении жизни обычный россиянин находится в нескольких замкнутых по отношению к остальному миру коллективах: семье, школьном классе, молодёжной компании, армейской роте, трудовом коллективе. Результаты упомянутого выше исследования социальных психологов позволяют утверждать, что в таких условиях вероятность развития аналитического мышления крайне мала. Вместе с тем, современные отечественные коллективы являются «питательной средой» для формирования мифического миропонимания.

Базу образов, из которых в обыденном сознании формируются мифы, ежедневно пополняют публицистика, труды историков, художественные и документальные фильмы, визуальные эффекты от связанных с «оживлением мифа» ритуалов (например, парад Победы). Нельзя утверждать, что в результате комбинации образов складывается некая «единая картина прошлого». На её месте мы видим несколько «непересекающихся» ассоциативных рядов, воспроизведение которых, как и в случае с детьми и подростками, связано с конкретной ситуацией. На официальном митинге по случаю Дня Победы человек может выступать с пламенной речью о «великом подвиге отцов и дедов» и недопустимости современных фальсификаций истории Великой Отечественной, затем в дружеской компании заявить, что не такой уж это и подвиг «завалить немца трупами», и вообще, он «где-то читал, что без помощи США и Англии войну бы проиграли», а дома в приватной обстановке и вовсе «поделиться сокровенным» – «войну лучше было проиграть, и жили бы сейчас как в Германии». Самое интересное, что человек нигде не лицемерил – и на митинге, и с друзьями, и дома он был искренен. Всё зависело от окружающей обстановки. Дружеский круг и семья – ниши, в которых в большей мере сохраняются архаические отношения. Митинг – явление культуры, на нём нужно играть по чётким правилам, и высказывания человека после митинга, часто в приватной обстановке застолья, являются «освобождением» от культурной нормы. Необходимость оценки войны играет второстепенное значение, главное здесь – сам факт приближения к «весёлому хаосу», празднику. Перед нами пример ситуативного восприятия исторических образов, отличный от аналитического «западного» варианта.

Если обыденное историческое сознание россиян мифично и «неисторично», то, может быть, отечественная историческая наука должна создавать образцы аналитически-адекватного восприятия «прошлого» и транслировать его в «массы»? Ожидания не оправдываются – предлагаемые «научные» тексты в массе своей содержат мифы, искусно подстраивающиеся под политическую конъюнктуру (также как ассоциативные ряды образов в обыденном сознании под конкретную ситуацию). Отличительной чертой дискурса является доминирование социализма – рассмотрение любого действия как группового, т.е. совершаемого кастой, религиозной или сельской общиной, языковой группой, кланом, классом, нацией-народом-этносом. *«Индивидуальные же поступки оцениваются как исключительные»*.¹ В реальности, любые стоящие «над человеком» категории, воображаемы и виртуальны, и представляют собой методологический инструментарий для познания сложных межчеловеческих отношений. В большинстве «постсоветских» гуманитарных текстов этот гносеологический феномен онтологизируется и «удостаивается» не только реальности существования, но и нередко правовой субъектности. Данную метаморфозу можно объяснить особенностями мифического мышления, как известно, не различающего образы в сознании субъекта от окружающей его реальности. Следствием этой ошибки является укоренённость в текстах отечественных гуманитариев давно отвергнутых в развитых странах и логически «разгромленных» сомнительных концепций, типа культурного расизма. Согласно этой доктрине, человечество состоит из «народов» («национальностей», «наций», «этносов»), обладающих собственными языком, религией, характером, генотипом (!), физическим типом (!) (наследие классического биологического расизма), по возможности, и государством, а также собственной исторической памятью, которая может хранить «обиды» к другим «национальностям». Каждый человек обязательно с рождения принадлежит к какому-либо «этносу», и сменить последний, как, например, вероисповедание, невозможно. Культурный расизм заключается не в попытках доказательства превосходства одной «национальности» над другой, а в факте признания естественности

¹ Топычканов П.В. Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI веков (на примере Индии и Пакистана): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 55.

деления человечества гомогенные группы по национально-культурному принципу¹. Опыт множества случившихся на постсоветском пространстве конфликтов показывает, что они идеологически обосновывались не признанием превосходства «одного народа над другим», а стремлением сохранить и защитить национальную культуру (созданный не всегда местными интеллектуалами символичный конструкт) от разного рода посягательств со стороны «чужаков» с иными «культурными ценностями».

Захлестнувший постсоветское пространство вал текстов по «диалогу культур», «толерантным этноконфессиональным отношениям», «межцивилизационному взаимодействию», «евразийству» и т.п. выполнен в духе культурного расизма, причём многие авторы этих произведений искренне считают свои работы научными, а себя признают «сынами» («дочерьми») своего «народа», работающими на его благо и борющимися против всех форм «расизма» и «национализма». «Сдобренные» большим количеством исторических образов расистские положения оказываются на страницах учебников, их преподают в вузах, они становятся частью официальных государственных идеологий. Создаётся впечатление, что, пренебрегая законами логики, словно по чьей-то команде, историки на постсоветском пространстве, не воспринимая критику западных коллег², в большинстве своём, создают структурно единые, наполненные множеством сюрреалистических образов повествования, нарекаемые «исторической памятью народа».

¹ Подробнее см. в капитальном труде: Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М., 2011. Т. 1-2.

² Ч. Тили, используя этнонационалистический дискурс, иронично сравнил «Республику Нью-Йорк» и Республику Дагестан. Резюме: в Нью-Йорке «преобладает резкое разделение труда по этническому и религиозному принципу. Например, гуджараты из Индии владеют большинством отелей республики, ортодоксальные евреи доминируют в торговле бриллиантами и если вы покупаете цветы в центральной части города, то почти наверняка вы покупаете их у мексиканца, который работает на корейца из Южной Азии. Очень вероятно, что вы покупаете свою утреннюю газету у коренного бангладешца. Но не все эти специализации различаются между поколениями. В больницах, в банке или в школе вы встретите молодых служащих или среди руководителей кого-то из тех же самых национальностей» (Тили Ч. Моя республика и Ваша // Антропология социальных перемен: сборник статей / Ин-т этнологии и антропологии; [отв. ред. Эльза-Баир Гучинова, Галина Комарова]. М., 2011. С. 750).

Выражением последней якобы являются т.н. «национальные истории» - «линейный «большой нарратив», плотно «упакованный» подвергнутыми сознательной селекцией «фактами», не оставляющий места для конкурентных версий и критического разбирательства»¹.

Ожидания от местной исторической науки примеров аналитического видения прошлого не оправдываются потому, что тот социальный институт, который мы по аналогии с западным образцом именуем «наукой» таковым вряд ли является. Возникновение науки, в современном понимании этого слова, неразрывно связано со становлением западной техногенной цивилизации². Базирующееся на абстрактных законах логики научное исследование чуждо для традиционного сознания (построенного на ассоциативной игре образами и испытывающего «неприязнь к дискурсивным операциям мышления»³). Например, китайские мудрецы в первое время иронично реагировали на рассказы о европейской науке.⁴ Однако в дальнейшем политическая элита вестернизируемых обществ стала осознавать предоставляемые научными изысканиями возможности, что послужило причиной внедрения, иногда принудительного, различных форм научной деятельности на «местную почву». Видимо, и создаваемые по «западному» образцу научные учреждения представляли собой типичные для традиционных обществ сложно устроенные корпорации, главной функцией которых была «престижно-научная» легитимизация социально-политического строя. Подобные образования напоминают известные ещё на Древнем Востоке идеологические институты типа жречества.

В «незападных» странах наука разительно отличается от исходного западного образца, её функционирование нельзя изучать с позиций предложенных К.Поппером, Т.Куном, И. Лакатосом и др. законов научного познания. Главное отличие заключается в социальной

¹ Репина Л. П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010. С. 78.

² Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2006. С. 91-104.

³ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. С. 13.

⁴ Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2006. С. 97.

организации местных учёных, сгруппированных государством в корпорации (постобщины). Если в характерной для Запада научной ассоциации (т.е. независимой от государства добровольной и самоуправляющейся организации) главной производственной единицей является отдельно взятый исследователь, то в корпорации его место занимает коллектив, что воспроизводит обычные для традиционного общества социальные практики коллективизма и авторитаризма, а, следовательно, и холистический тип мышления. Можно констатировать преобладание коллективной интеллектуальной собственности, при которой результаты работы исследователя известны заранее и призваны подтвердить «разделяемую всеми» точку зрения. Попытки увидеть в жизнедеятельности «учёной корпорации» смену парадигм, наличие и борьбу научных школ, научные революции являются или заблуждением, или целенаправленной работой над ростом престижа. Необходимо осторожно относиться к термину «крупный учёный», потому что последним обычно считается крупный администратор, имеющий право на большую часть коллективной интеллектуальной собственности. Именно административный пост определяет научный авторитет, а не наоборот.

Заимствованный характер науки, невозможность её самостоятельного возникновения в рамках существующих социальных отношений обуславливают постоянное копирование генерируемых на Западе автономными исследователями идей, которые иногда до неузнаваемости «перерабатываются», но при этом сохраняют внешнее сходство с оригиналом. Данная манипуляция позволяет превращать построенные на логике тексты в подобие магических заклинаний и, используя престиж образца, изменять при их помощи действительность. Отличительной чертой таких повествований является огромное количество фактов, скреплённых не поддающимися анализу «теоретическими» основаниями (примером может быть обязательная в недавнем времени для отечественных историков «подгонка» всех имеющихся фактов под формационную теорию, сегодня это основание сменил более вариативный и зависимый от конъюнктуры этнонационализм). Согласно терминологии К. Леви-Строса данный феномен можно назвать интеллектуальным бриколажем, активностью в «пределах тех средств и возможностей, которые определяются

ситуацией, а не самим субъектом с его целенаправленными, проверенными на опыте регулятивами и установками деятельности»¹.

Само положение о существовании в незападных обществах настоящей науки основано на свойственной традиционному мышлению логической ошибке. Если это так, то открываются серьёзные перспективы по изучению циркулирующей в вестернизирующихся обществах гуманитарной научной продукции как обычной гомеопатической (имитативной) (по Дж. Фрэзеру) магии. Её сущность заключается в экстраполяции содержащихся в мифическом сознании ложных ассоциаций на окружающую действительность с целью использования ресурсов последней². Дж. Фрэзер отмечал много сходного между наукой и магией, в частности, обе «открывают перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в действие огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными. Отсюда та притягательность, которой обе обладают для человеческого ума, и тот мощный стимул, который она дала накоплению знаний»³. Наука, в отличие от магии, стремится объяснить сами принципы познания мира, признавая тем самым их объективный характер.

Современная наука во многом является следствием развития магической алхимии средневековья, и достаточно лишь небольшого смещения акцентов, а именно пренебрежения принципами гносеологии, чтобы наука проделала обратный путь к магии. Скомпилированные западные научные теории, используемые в иных социальных условиях, превращаются в оторванный от реальности набор образов, совокупность магических заклинаний, лежащих в основе принятия важнейших для жизни людей решений.

В текстах «национальных историй» ошибка «подобное производит подобное» обнаруживается уже при анализе терминов: нация, в исходном западном понимании, разнорелигиозное, разноязыковое, разнокультурное и разнотническое согражданство, в текстах национальных историй превращается в обозначение религиозного, языкового, культурного и этнического единства. Формируется центральный для нарратива образ «нации» (она же

¹ Цит. по: Найдыш В.М. Мифология: учебное пособие. М., 2010. С. 373.

² Там же. См. главу LXIX.

³ Там же. С. 53, 54.

«народ», она же «этнос»). Осмысление этого образа, т.е. обязательный для настоящей науки анализ основных понятий, не производится, в лучшем случае, дело ограничивается констатацией разных точек зрения или, по законам холистического мышления, их механическим синтезом¹.

Используемый в текстах «национальных историй» образ нации-народа-этноса является именно образом, а не научным абстрактным понятием. Он специфичен своей антииндивидуальностью и, скорее всего, отражает реально существующее корпоративное устройство социума, в том числе и «учёного мира» (кафедра, отдел, факультет, институт и т.д.). В свою очередь, корпоративность социальных связей унаследована от крестьянской общины, что объясняет угадывание черт последней в образе нации-народа-этноса. Община была дискретна, состояла из семей, дискретны и современные корпорации-постобщины, «народ» также представляется состоящим из частей, иногда именуемых «субэтносами». Если сравнить наглядную схему устройства любой постсоветской Академии наук со схемой «подразделений» изучаемого ей «народа», увидим сходство, основанное более чем на внешнем совпадении. Можно сделать вывод, что ключевой для национальных историй концепт нации-народа-этноса является результатом превращения под влиянием местной социальной среды западного понятия-абстракции в наглядный образ, основной характеристикой которого является оторванность от реального человека. В случае с национальными историями воспроизводится описанная выше ситуация отклонения в обыденном сознании ассоциативного ряда исторических образов от предлагаемого образца (культурной нормы). Однако в этом случае «весёлым хаосом» выступает сам официальный миф, но только по отношению к научной норме.

Если в качестве системы координат выбрать законы логики, то наборы исторических образов «национальных историй» и обыденного сознания окажутся явлениями одного порядка, следовательно, и изучать их можно по одной методике. Например, как было показано, историческое сознание взрослого россиянина находится на том же уровне, что и у ребёнка, поэтому неудивительно, что основные характеристики национальных историй схожи с детским восприятием прошлого. Специалисты отмечают, что «факторы времени и места в

¹ См., например: Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 10, 11.

детском сознании слабо связываются с друг другом, а также с определённым характером исторических событий»¹. Этим же отличаются и «национальные истории», в которых разделённые друг от друга веками или даже тысячелетиями события спрессованы в одно мифическое время и разворачиваются на широких пространствах Евразии. Как и в детском сознании, само географическое пространство не является таковым, это феномен карты, визуальный образ, на которые накладываются образы событий. Детское сознание «запоминает» из исторического повествования яркие, эмоционально выдающиеся образы, что характерно и для «национальных историй» с их образами великих событий и героев-предков.

Структуры юмора, мифического мышления, социетальных воззрений на прошлое (включая «национальные истории») имеют много общего с проявлениями шизофрении. Специалист в этой области А. Кемпинский отмечал, что существуют «между диссоциированной речью и языковой магией так называемых примитивных обществ или некоторых средневековых текстов и формул, так же как и с сознательными литературными приемами, касающимися языковых структур, морфологически подобных шизофрении»². В основе этих явлений лежит своеобразное семиотическое расстройство, при котором нарушается связь между знаком и его значением. Определяет данный процесс, видимо, некий механизм, единый для юмора, ложных принципов мифического познания мира, сверхценных идей бреда и установок «национальных историй».

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о значительном влиянии социальных отношений между людьми на способы их восприятия «прошлого». Атомистический характер общества обуславливает рациональное осмысление «минувшего», его встраивание в системы отношений настоящего. Коллективистский тип социальных связей определяет мифический (холистический) тип мышления, при котором «прошлое» – это ассоциативный набор образов и представлений, плавно переходящих в настоящее и его подменяющих.

¹ Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. С. 111.

² Кемпинский А. Психология шизофрении. СПб., 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://book.invlad.ru/book/nauka_ucheba/17923-psikhologija-shizofrenii.-kempinskij-a.html (дата обращения: 19.08.2012).

На базе сюрреалистических образов могут конструироваться легко воспринимаемые обыденным сознанием «единственно верные учения» и «всё объясняющие теории», служащие оправданием авторитаризма и тоталитаризма.

А.С. Орлов

М.О. МЕНЬШИКОВ: ДВА МИФА ОБ ОДНОЙ ЛИЧНОСТИ

«Выдающийся русский литератор, христианско-либеральный публицист, мыслитель и философ»¹. «Весьма путанный и противоречивый публицист, эпигонски следовавший модным западным течениям конца XIX в... Его мировоззрение определяет не христианство, а скорее пессимистическая философия Шопенгауэра, с ее «волей к жизни» и обоснованием «войны всех против всех». ²Приведенные характеристики даны одному человеку – Михаилу Осиповичу Меньшикову. На мой взгляд, они наиболее наглядно отражают две сложившиеся, в современной отечественной историографии тенденции в отношении к этому, некогда известному, публицисту – представление его в исключительно позитивном или негативном свете.

Имя и творчество Меньшикова в последние десятилетия стараниями историков и литературоведов стали выходить из забвения. Постепенно переиздаются его статьи³, увидела свет часть из его обширнейшего архива⁴, состоящего из дневников, писем и набросков для будущих статей. К сожалению, публицистика Меньшикова переиздается без научных комментариев, подбор работ осуществляется весьма тенденциозно, что уже само по себе способствует формированию достаточно предвзятого представления об их авторе. Счастливым

¹ Филаткина Н. А. Меньшиков М.О. Проповеди отца Михаила // Московский архив. Вып. 4. М., 2006. С. 9.

² Рейтблат А. «Котел фельетонных обьедков». Случай с М. О. Меньшиковым // Неприкосновенный запас. 1999. № 2(4). С. 6.

³ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 2000; Он же. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). М., 2003; Он же. Национальная империя. М., 2004; Он же. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб., 2007; Он же. Великорусская идея. М., 2012. В 2-х т.

⁴ Меньшиков М. О. Материалы к биографии // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 4. М., 1993; Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков. Проповеди отца Михаила. Указ. изд.

исключением является издание материалов, посвященных взаимоотношениям М. О. Меньшикова и А. П. Чехова, подготовленное А. С. Мелковой¹. И именно в этой работе Меньшиков впервые для современного читателя предстает в своей эволюции как по внутренним убеждениям, так и во взаимоотношениях с друзьями и близкими. Здесь же впервые представлена часть противоречивых отзывов о Меньшикове современников, знавших его лично.

Справедливости ради, следует отметить, что в настоящее время в отечественной исторической науке формируется взвешенная и разносторонняя оценка личности и взглядов Меньшикова, что связано, в первую очередь с изучением национально-консервативной составляющей политической жизни России начала XX в.² Однако для широкого круга читателей сугубо научные работы малодоступны из-за небольших тиражей научных изданий. В результате современное поколение открывает Меньшикова преимущественно по научно-популярным и публицистическим работам, широко представленным в интернете. Именно в таких изданиях в процессе «воскрешения» Меньшикова была невольнo воссоздана ситуация имевшая место при его жизни: крайние противоположности в оценках его публицистики.

Вся противоречивость положения Меньшикова и отношения к нему современников отражена в воспоминаниях великого князя Александра Михайловича: «Меньшиков всю жизнь прожил в полнейшей изоляции, подобно прокаженному, которого поносили все современные авторитеты и избегали сотрудники его же газеты «Новое время». Имя этого величайшего русского журналиста являлось символом всего самого низкого, подлого и презренного». Под «современными авторитетами» Александр Михайлович имел в виду либерально-ориентированную интеллигенцию, в то время как он сам и Николай II

¹ Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / сост. А. С. Мелкова. М., 2005.

² См., например: Репников А. В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 93 – 100. Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011; Стукалов П. Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологии. Воронеж, 2011.

очень высоко ценили творчество Меньшикова. «Тирания самочинных цензоров российского общественного мнения, - отмечал Александр Михайлович, - была настолько сильна, что в сорокалетний юбилей писательской деятельности Меньшикова ни один писатель не решился послать ему поздравительной телеграммы из боязни, что этот поступок станет известным публике»¹. При этом у Меньшикова помимо августейших поклонников были друзья и почитатели таланта и среди обывателей, составлявших подавляющее большинство читателей «Нового времени» (в противном случае рачительный Суворин не стал бы держать его в штате своей газеты и платить высокие гонорары), и среди писателей, но таких, каких принято называть авторами второго эшелона. Долгие годы крепкая дружба связывала Меньшикова с переводчицей Л. И. Веселитской, другим другом была писательница О. А. Фрибес, взявшая позднее к себе на воспитание одну из дочерей публициста после его трагической гибели.

Заблуждался Александр Михайлович и относительно того, что Меньшиков был изгоем в своей же газете. К примеру, секретарь редакции «Нового времени» Н. И. Афанасьев, включивший Меньшикова в справочное издание «Современники. Альбом биографий», вышедшее в 1909 г., не побоялся дать публицисту очень лестную характеристику: «Многие статьи М. О. тот час после появления передаются целиком или в выдержках в разные иностранные издания, многие перепечатываются русскими газетами. Статьи и фельетоны Меньшикова вообще пользуются крупным успехом. В них сказывается талантливый писатель и замечательный аналитик всего, что совершается в нашей политической и культурной жизни»². Чем же объясняется такая устойчивая поляризация взглядов на Меньшикова, и какая из сторон (восхваляющаяся или обличающая) ближе к подлинному образу публициста? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной работе.

Мне представляется что, любые крайние оценки той или иной исторической личности с неизбежностью ведут к формированию своеобразного мифа. В случае с Меньшиковым мы имеем дело с ситуацией существования двух противоположных мифов. Но так как каждый миф имеет определенную историческую основу, очевидно, что в

¹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2004. С. 192.

² Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. СПб., 1909. С. 174.

нашем случае именно соединение двух мифов может дать полный и разносторонний реальный портрет.

Итак, поляризация оценок творчества и личности Меньшикова началась еще при его жизни, этому способствовал ряд обстоятельств: Популярность, основанная на безусловном публицистическом таланте; частая переменчивость в своих взглядах; переход из народнической «Недели» в националистическое и близкое к правительству «Новое время»; национализм и антисемитизм Меньшикова, проявившийся не только в его статьях, но и в участии в создании националистической партии Всероссийский национальный союз. Остановимся подробнее на каждом из названных обстоятельств.

Меньшиков имел широкую популярность у читающей публики (в первую очередь у зарождающегося среднего класса) особенно с момента перехода в Новое время. Эта популярность пришла к нему вполне заслуженно, благодаря трудолюбию и несомненному таланту, которые признавали многие выдающиеся писатели того времени, такие как Н. С. Лесков, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой¹. При этом признание таланта в форме изложения не всегда совпадало с оценкой содержания статей Меньшикова. Как отмечал уже упоминавшийся нами Н. И. Афанасьев: «С выводами М. О. можно не соглашаться, но не возможно не считаться с его доводами, всегда достаточной обоснованными»².

Кого-то талант убеждал принять изложенные идеи, кого-то напротив еще больше раздражало, то, что неприемлемые для них идеи облачаются в красивую форму. К последним можно отнести, в частности, современно историка Ярослава Добролюбова, отмечающего: «М. О. Меньшиков – бывший толстовец, с горячностью перешедший на сторону русского национального дела, но в походе к этому делу так и оставшийся толстовцем – все упрощающим, страстным, по-сектантски романтичным. Первый раз встретив на меньшиковских страницах слово «евреи», наш мысленный неоконсерватор либо закроет книгу и дальше читать и разбираться не захочет, либо не закроет, а напротив увлечется («наконец то про Главное» и, если его вовремя не остановить, дочитается

¹ Мелкова А. С. Приложения // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 359 – 436.

² Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. СПб., 1909. С. 174.

до белых чертиков, еще раз убедившись, что нет патриота кроме Проханова и нет Корана кроме «Господина Гексогена»¹.

Впрочем, находились и те, кто никогда не признавал за Меньшиковым литературного таланта. В основном это были собратья по цеху, газетчики и журналисты, то есть потенциальные конкуренты. Последнее обстоятельство не могло не влиять на их оценки. Современный историограф Меньшикова С. М. Санькова отмечает в своей монографии, что стиль его статей нередко считали незамысловатым: «Легальный марксист П. М. Миклашевский, выступавший под псевдонимом М. Неведомский, характеризовал стиль его статей как "необычайно пространный, хотя и с напряженно-короткими фразами, деланно-простой, с массой курсивных словечек, которые г. Меньшиков как бы выдавливает из себя, мучительно тужась, а выдавивши – с видимым огромным наслаждением подчеркивает и повторяет неисчислимое количество раз"»².

Второе обстоятельство, приводящее к поляризации оценок Меньшикова заключается в том, что он сам был склонен часто менять свои взгляды на противоположные. Эта особенность публициста отмечалась как современниками, так и последующими историками. В частности, сотрудник «Биржевых ведомостей» А. Бессонов характеризовал Меньшикова как «настоящего хамелеона», потому что «он способен писать все и обо всем, в каком потребно в каждую минуту духе»³. А публицист М. А. Протопопов и вовсе находил, что Меньшиков сам себе противоречит даже в одной и той же статье: «Одной рукой г. Меньшиков напишет, а другой рукой написанное – сотрет; почти каждому его утверждению можно противопоставить его же собственное отрицание...»⁴.

В результате складывалась ситуация, когда за разные мысли, изложенные в разных статьях к нему формировалось разное отношение. Кого-то возмущала эта непоследовательность сама по себе, а ее причины

¹ Добролюбов Я. Как делать реакцию. Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002 // Отечественные записки. №. 4-5. 2002. С. 369-370.

² Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011. С.129.

³ Бессонов А. Рецензия на статью М.О. Меньшикова «Орлы и вороны» // Биржевые ведомости. 1915. 24 июля.

⁴ Протопопов М. Публицист-идиллик // Русская мысль. 1889. № 11. С. 171.

искали в политической ангажированности автора, что добавляло неприглядность его образу. Кому-то напротив импонировала эта гибкость во взглядах, умение почувствовать веяние времени. Данное обстоятельство так же разделило читателей на сторонников и противников Меньшикова. В качестве примера первого отношения можно привести отзыв право-монархического деятеля Б. Г. Юзефовича, который так описывал метаморфозы Меньшикова периода первой русской революции и третьеиюньской монархии: «Пока торжествовал террор и революция, г. Меньшиков не находил своевременным переходить слева на право и довольно недвусмысленно выражал свое сочувствие Государственной Думе первого созыва. Но времена изменчивы, а с ними изменчив и г. Меньшиков, и вот, в один прекрасный день, наши доверчивые монархисты и союзники стали восторженно зачитываться словообильными статьями этого нововременского публициста, в котором, по полтине за строчку, он стал поносить гг. «освободителей» и революционеров, которым, незадолго до того, льстиво воздавал хвалу и поклонение»¹.

Полемизируя заочно с представителями дореволюционной либеральной печати и советской историографии относительно ангажированности Меньшикова, один из первых исследователей творчества Меньшикова в постсоветский период Шлемин писал: «искал ли Меньшиков каких-то материальных или иных выгод от своей работы – вопрос непростой, равно как и вопрос – не являлся ли он сам агентом чьих-то интересов. Попыток «приручить» влиятельного обозревателя не могло не быть. Вместе с тем не было и речи о прямом подкупе. В своих пристрастиях Меньшиков оставался если не всегда постоянен, то уж наверняка автономен»².

Третьим обстоятельством, повлиявшим на оценки Меньшикова, стал его переход из умеренной народнической «Недели» в одиозное «Новое время». Редактор, которого в легкой руки М.Е. Салтыкова – Щедрина получил прозвище «флюгер». «Морячок» периода «Недели» и Меньшиков – нововременец сильно отличаются друг от друга. Поэтому противоречат друг другу и отзывы современников, знавших Меньшикова. Одни говорили, что «Новое время» погубило Меньшикова,

¹ Юзефович Б. Г. Меньшиков о гр. Витте. Б. г. и места издания. С. 1.

² Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. Монография. М., 1997. С.

другие, считали, что именно там, во всей полноте раскрылся его талант. К числу первых относился современник Меньшикова Абрамович, полагавший, что «резко переломив свой путь и сделав "любопытный опыт" подчинения мысли и слова чуждому железному внушению, он не сумел "выдержать роль" и достойно носить маску русского Бланша или де-Местра, философа реакции, теоретика монархии...»¹.

Еще одним обстоятельством, разделяющим большинство тех, кто знакомится с публицистикой Меньшикова на его поклонников и противников, являются его статьи по национальному вопросу, вызывавшие и вызывающие наибольший резонанс. Среди огромного наследия публициста по национальной тематике есть работы, представляющие его как патриота, обеспокоенного судьбой своей Родины. Именно такие статьи в первую очередь включаются в современные переиздания работ Меньшикова. Можно отметить целый ряд работ, в которых авторы, основываясь только на этих переизданиях, позиционируют Меньшикова как философа «русской идеи»², чей смысл жизни « заключался в неотступной думе о Родине»³, а самым ценным качеством его философии является «сочетание национализма и имперского патриотизма»⁴.

Но есть и работы, дающие основание характеризовать национализм Меньшикова как «зоологический» и в последние годы все больше исследователей обращают внимание именно на эту сторону его публицистики. Отмечается, что М.О.Меньшиков стал первым в России пропагандистом расистских теорий и теоретиком русского этнического национализма»⁵. Более детальное изучение публицистики Меньшикова периода сотрудничества в «Новом времени» дало основание

¹ Абрамович Н. Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916. С. 29.

² Камнев В. М. «Национальная империя» М. О. Меньшикова // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. История философии 2009. № 4(70). С. 84.

³ Жилкин В. С. Верный сын России // Русский дом. 2003. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russsdom.ru/oldsayte/2003/200309i/20030914.html>

⁴ Елисеев А. Михаил Осипович Меньшиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-mon.narod.ru/bio/menshikov.html>

⁵ Размолодин М. Л. Отношение черной сотни к этническому национализму // Научный журнал КубГАУ. 2011. №03(67). С. 315. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/21.pdf>

рассматривать его как «видного представителя биологического детерминизма»¹.

Меньшиков, действительно в национальном вопросе, как и во многих других своих взглядах, был непоследователен. Эта противоречивость проявилась даже в его личной жизни. Меньшиков-антисемит, отравленный, по мнению сотрудника кадетской «Речи» А. Е. Кауфмана, духом Суворинской газеты и ставший «зажаривать» ежедневно «свежего жида»², в молодости был влюблен в Е. А. Фальк, и растил сына Яшу – от гражданской жены Е. А. Шапиро, сбежавшей от них в Америку.

Современные сторонники и активные создатели двух мифов о Меньшикове одинаково пристрастны в подборе отзывов о нем современников. В данном случае нам представляется, что, как мы показали выше, к Меньшикову в полной мере применимо замечание Честертона, написанное им о предтече импрессионизма художнике Джеймсе Уистлере, чье творчество неоднозначно воспринималось современниками: «Разные люди говорили об Уистлере по-разному»³. К сожалению, биография Меньшикова до сих пор не написана, но его будущим биографам можно пожелать смело привлекать все противоречивые свидетельства современников о нем. Чем богаче будет мозаика характеристик, тем полнее и достовернее будет воссоздан реальный образ Меньшикова, что само по себе развенчает мифы о нем.

Кто же такой Меньшиков? Великий провидец или продажный публицист? Жизнь показала, что ни то и не другое. «Продажный публицист» не нажил тех капиталов, которые могли бы обеспечить ему с семейством безбедную жизнь за границей, а «провидец» не сумел распорядиться и тем немногим, что откладывал «на черный день». В начале Первой мировой войны он по призыву правительства поменял свой «золотой запас» на облигации государственного займа, которые вскоре обесценились. И именно этот реальный, а не придуманный факт характеризует Меньшикова точнее всего.

¹ Т. Соловей, В. Соловей. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 100.

² Друзья и враги евреев. А.С. Суворин («Новое время»). (К юбилею его литературно-издательской деятельности) / сост. А. Е. Кауфман. СПб., 1908. С. 56.

³ Честертон Г. К. Писатель в газете: Худож. публицистика. М., 1984. С. 239.

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА П.А. СТОЛЫПИНА И ЕГО РЕФОРМ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Современные динамично меняющиеся общества актуализируют проблемы накопления и использования социального опыта. Конструирующая роль социального знания с неизбежностью ставит вопрос о способах его формирования, передачи и усвоения, а также о возможностях и пределах использования социального знания в процессе сознательного управления социальной реальностью. Модернизация современного российского общества, процессы перемен в экономической, политической и идеологической жизни страны стали причиной переосмысления исторического прошлого России.

Общечеловеческой является неспособность сразу и верно оценить реформаторов и реформаторские усилия. Во всех странах у преобразователей нелегкая жизнь; их критикуют и в них разочаровываются. Успешность преобразований была всегда неочевидной, поскольку появлялись непредвиденные и неприятные побочные результаты, чьи-то интересы болезненно реформами задевались, обществу приходилось нести жертвы и т.п. Но в России отчуждение общества от власти носило более масштабный характер, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, сказывалась такая известная черта русского общества, как склонность к конформизму. Во-вторых, обществу была присуща черта, французский посол в дореволюционной России Морис Палеолог характеризовал как склонность «мгновенно верить плохому о своих вчерашних кумирах. Причем неправдоподобно плохому»¹. В х причин можно также отметить громадное сопротивление незаинтересованных в преобразованиях сил; инертность, безразличие значительной части общества; неспособность реформаторов объединяться с умеренными силами в противостоянии консерваторам и пр.

Изучение исторической памяти пока не привело исследователей к выработке относительно бесспорного аппарата дефиниции. Наиболее удачной попыткой определения данного термина следует, видимо, считать мнение одного из авторитетнейших специалистов по этой проблеме Л.П. Репиной. Историческая память, по ее мнению – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 158.

и массовых представлений социума об общем прошлом. При этом исследователь обращает внимание на то, что историческая память, будучи одним из измерений социальной памяти, является не воспроизведением прошлого, но его «символической репрезентацией»; содержанием памяти, таким образом, «являются не события прошлого, а их конвенциональные и упрощенные образы»¹. Коллективный образ истории, полагают исследователи, «можно определить как упрощенное толкование прошлого из перспективы настоящего»².

Изучение исторической памяти открывает новые перспективы для изучения персональной, биографической истории. В исторической памяти образ Петра Аркадьевича Столыпина имеет неоднозначный характер. Ныне это имя окружено уважением и безусловным признанием. Однако такие оценки деятельности П.А. Столыпина не всегда были таковыми.

Многие современники П.А. Столыпина очень жестко осуждали его реформы. Брань со всех сторон была постоянным аккомпанементом его деятельности. Для монархистов П.А. Столыпин был «дьяволом во плоти»³, они полагали, что своей земельной реформой он рушит традиционную Русь, дополнительно впускает язву частного предпринимательства, а с ним и «западный дух», который все погубит в России.

Для противников самодержавия революционного либо конституционного толка П.А. Столыпин был а политическим противником: ведь он работал на укрепление монархической власти. Так, кадеты А.И. Чупров и А.А. Кауфман, сторонники частной собственности на землю, высказывались против поспешного разрушения крестьянской общины, усматривая в этом продукт бюрократического творчества, способный породить лишь революцию⁴. Другой член

¹ Репина Л.П. Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 23–24; Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 40.

² Арнаутова Ю.А. Образ истории и историческое сознание в латинской историографии X – XIII вв. // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 278.

³ Ильин В.В. Философия истории. М., 2003. С. 107.

⁴ Кауфман А.А. К вопросу о происхождении в России общины. М., 1906; Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1918; Егоров Ю. Чупров против

кадетской партии А.П. Изгоев в очерке, посвященном жизни и деятельности П.А. Столыпина, обвинил его в стремлении держаться за власть даже ценой отказа от собственной программы. Это, по его мнению, и привело к краху преобразований¹.

Даже гибель П.А. Столыпина почти никого из оппонентов не опечалила. Не опечалила она и императора. При назначении В.Н. Коковцова председателем Совета министров, последовавшего в день смерти Петра Аркадьевича, Николай II произнес: «Надеюсь, что Вы не будете заслонять меня, как Столыпин». А императрица добавила: «Вы очень чтите память Столыпина и придаете слишком много значения его деятельности, его личности. Не надо жалеть так тех, кого не стало... Он уже окончил свою роль и ему нечего уже было более исполнять. Опирайтесь на доверие государя... Столыпин умер, чтобы уступить место вам, и это – для блага России»². Радовались не только в придворных кругах, но и общественность также считала, что «сгинул еще один сатрап»³.

Только для октябристов убийство Столыпина в сентябре 1911 г. стало своеобразным шоком. Их и без того пошатнувшаяся надежда на возможность проведения через Думу либеральных реформ, опираясь на «договор» с властью, исчезла окончательно.

Осуждая убийство П.А. Столыпина, октябристы провозглашали свой «Союз 17 октября» «непримиримым противником революционных насилий»⁴. Получив известие о смерти П.А. Столыпина, ЦК партии выпустил воззвание, резко осуждавшее подобный террористический акт: «Презренные убийцы отняли у России одного из лучших сынов ее, Петра Аркадьевича Столыпина... Левые партии, вдохновляемые ненавистью врагов России, усердно раздували вражду к П.А. Столыпину и не остановились перед ролью палача, чтобы нанести смертельный удар

Столыпина. Аграрные преобразования в России // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 82-83.

¹ Изгоев А.П. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 3-4, 127-130.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Т. 2. С. 66.

³ Гучков А.И. Речь, произнесенная 3 октября 1911 г. в Петербургском Клубе Общественных деятелей // Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Рига, 1990. С. 284-285.

⁴ Голос Москвы. 1911. 3 сентября. №203 // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907-1915 гг. М., 2000. С. 330-331.

человеку, в том и неустанною честною работою на счастье родины. Но даже и такие яркие качества его не спасли от смертельного удара революционных безумцев...»¹.

Апологетика П.А.Столыпина началась только после убийства реформатора. Она звучит в речи Н.П. Шубинского, в воспоминаниях В.А. Скрипицына². По мнению выдающегося русского философа В.В. Розанова, статья которого опубликована в газете «Новое время», Столыпин сыграл огромную роль в оздоровлении России³. Прореформистские силы и круги в обществе оказывались ненадежными в поддержке реформ. Не было прочной опоры для реформ даже в либеральной части общества. Реформаторский фланг де-факто «сдавал» реформы. Да и уходу с политической сцены П.А. Столыпина очень поспособствовала его травля либералами-реформистами.

Точка зрения, что революционеры убили П.А. Столыпина за то, что предвидели стабилизирующее воздействие реформы на общество, не вызывает доверия. Ведь аграрная реформа поначалу шла так плохо, что выглядела скорее как дестабилизация, нежели стабилизация. Его убили, вероятнее всего, за то, что своими последовательными преобразованиями он изолировал террористов от общества⁴.

Реформизм – это очень тяжелая, очень трудная политика, в которую входят и неудачи, отступления, повороты назад, сдача некоторых позиций как ее неизбежная составная часть. Российское общественное мнение тяжелый, несовершенный ход реформы неизменно принимало за отсутствие реформы или отказ от нее. Жаждавшее реформ, это мнение просто не узнавало их в их реальном виде.

Самодержавие не могло реформировать общество, опираясь на традиционные его сословия - крестьянство как класс, стоявший вне политики, и дворянство как класс, органически связанный с данной

¹ Голос Москвы. 1911. 7 сентября. №206 // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907-1915 гг. М., 2000. С. 331-332.

² Шубинский, Н.П. Памяти П.А.Столыпина. Речь, произнесенная 5 сентября 1913 в Центральном Комитете Союза 17 октября в Москве. М., 1913; Памяти П.А. Столыпина. М., 2003.

³ Розанов В. Историческая роль Столыпина // Наш современник. 1991. №3. С. 152-155.

⁴ Леонов М.И. П.А. Столыпин: среда реформ // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Самара, 2011.

системой. Основной причиной срыва всех попыток реформ, начиная с 1861 г. и кончая преобразованиями С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, была общая неготовность к их восприятию. Поэтому реформы оказались невостребованными обществом, что также повлекло за собой резко негативное отношение к личности их автора у основных социальных групп, которые так и не смогли интегрироваться в новые социальные и правовые структуры¹.

Для советских историков ругательный тон вплоть до оскорбления личности реформатора задал В.И. Ленин. П.А. Столыпин клеймился как вешатель, крепостник, реакционер, слепой и послушный слуга самодержавия и т.п.² Данные оценки легли в основу советской историографии столыпинской реформы. В работах В.С. Дякина, К.Ф. Шацилло, А.Я. Авреха и других указывалось на пороки реформаторского курса. Исследователи обвиняли реформатора в стремлении проводить политику вне демократии и вопреки ей, сохраняя самодержавие и помещичье землевладение³.

Академик И.Д. Ковальченко утверждал, что столыпинская земельная реформа провалилась еще до Первой Мировой войны⁴. В советских вузовских учебниках о П.А. Столыпине писали как о «главаре помещиков», правительство которого, совершив государственный переворот 3 июня 1907 г., «вступило на путь открытой и безудержной реакции», а политика правительства Столыпина в сфере межнациональных отношений оценивалась как «грубо националистическая»⁵.

В кризисных ситуациях историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о

¹ Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2. С. 15.

² Ленин В.И. Столыпин и революция // Полн. СОБР. соч. Т. 20. С. 324-333.

³ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. 1907-1911. Л., 1978. С. 19; Аврех А.Я. Петр Аркадьевич Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 265; Шацилло К.Ф. Николай II // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России. IX – начала XX в. М., 1991. С. 360.

⁴ Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. №2. С.52-72.

⁵ История СССР: учебник для студентов ист. фак. пед. ин-тов. Ч. 2. 1861-1917 / под ред. П.И. Кабанова и Н.Д. Кузнецова. М., 1978. С. 339, 355.

том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения людей в данный период времени. Концепт социальной памяти вновь актуализировался в 1980-е гг., что было связано с формированием и функционированием нового современного общества и новой роли знания в этом процессе. Поэтому-то в конце перестройки традиционный для советской историографии образ «Столыпина-вешателя» уступил место взгляду на него как на мудрого государственного деятеля, девизом которого были: сильная власть, разумные реформы, мощная имперская Россия, национальные приоритеты, зажиточный народ¹. Особую точку зрения высказал А.И. Солженицын. Он превратил П.А. Столыпина в символ потерянных возможностей страны, героизировал его образ².

Повышенный интерес к аграрным реформам П.А. Столыпина 1906-1911 гг. наблюдался в обществе эпохи перестройки, что было связано с поиском альтернативных форм развития сельского хозяйства страны. Исследователи отмечали, что благодаря усилиям П.А. Столыпина план аграрной реформы приобрел логическую стройность³.

Достаточно сбалансированный подход к оценке Столыпина-политика, твердой рукой пресекавшего любую крамолу и вместе с тем убежденного в необходимости скорейшего проведения целого комплекса экономических, социальных и политических реформ, нашел отражение в серии работ П.Н. Зырянова⁴. Исследователь довольно подробно осветил и деятельность П.А. Столыпина сначала на посту саратовского губернатора, а потом министра внутренних дел и председателя Совета министров в период первой российской революции. Среди исследований научного характера, по-новому трактующих аграрную реформу, стоит отметить исследования самарского историка П.С. Кабытова⁵. В

¹ Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. 1996. №4. С.72-80.

² Солженицын А.И. Красное колесо: повествование в отмеренных строках. Узел 1. Август Четырнадцатого. М., 1990. С. 198, 223.

³ Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991.

⁴ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М., 1992; Он же. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992.

⁵ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Он же. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.

монографии, специально посвященной П.А. Столыпину П.С. Кабытов исследует социокультурный облик этого государственного деятеля¹.

Проблема реформ Столыпина освещалась в монографиях И.В. Островского и В.В. Казарезова, причем через призму «история-современность». И.В. Островский попытался проследить внутреннюю политику Столыпина, которая играла роль «своеобразного буфера между крайними политическими группировками»². В.В. Казарезов заметил, что советские историки, не приемля даже мысли об успехе реформ сверху между двумя революциями, намеренно исказили идеи, дела и намерения П.А. Столыпина и его образ как человека и государственного деятеля³.

В начале 1990-х гг. начинается новая эпоха в развитии отечественной исторической мысли. Рыночные реформы заставили пересмотреть господствовавшие прежде оценки аграрных преобразований⁴. В современной России значительно возрос общественный интерес к личности и программе П.А. Столыпина, что нашло свое выражение в издании монографий, научных статей, посвященных данной проблематики⁵.

В конце 1990-х гг. – начале XXI в. в публицистической, реже в научной литературе получили распространение положительные оценки столыпинской политики⁶. Сторонников П.А. Столыпина привлекают три аспекта его деятельности, актуальных, по их мнению, и для нынешней России: во-первых, попытка создания рыночной экономики и насаждение частной собственности на землю; во-вторых, опора на порядок и диктатуру в осуществлении целей и реформ; в-третьих, создание «великой России». Конечно, имеются в научной литературе и

¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.

² Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск, 1992.

³ Казарезов В.В. П.А. Столыпин: история и современность. Новосибирск, 1991.

⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

⁵ Корелин А.П. Петр Аркадьевич Столыпин // Российские реформаторы: XIX – начало XX в. М., 1995. С. 259-305; Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996; Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? Сб. статей. СПб., 2002; Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004; Пожигайло П.А., Шелохаяев В.В. Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М., 2005.

⁶ Напр.: Сытин А. Петр Аркадьевич Столыпин // Московский журнал. 1993. №12.

критические оценки. Так, С.С. Секиринский отмечает, что, будучи «в научно-экономическом плане» вполне реальной и прогрессивной, являя по своей основной идее образец именно либеральной политики, аграрная реформа Столыпина тем не менее не нашла поддержки даже со стороны ведущей либеральной партии России — кадетов¹.

Деятельность П.А. Столыпина привлекала внимание и зарубежных историков. Как правило, при оценке личности и государственных деяний основное внимание они уделяют реализации реформ начала XX в. Многие ученые подчеркивают его твердость в отстаивании своего мнения, жесткость политических решений. При этом утверждают, что цель проводимой Столыпиным реформаторской политики была практически недостижима².

Полемика вокруг преобразований П.А. Столыпина настолько политизирована, что и в наши дни это находит отражение даже в учебной литературе. В 1990-е гг. в работах многих авторов в качестве антипода советскому периоду рассматривалась дореволюционная Российская империя. Характерные для советского времени однозначно негативные оценки многих деятелей той эпохи сменились апологетикой. Во многих школьных учебниках образ П.А. Столыпина был идеализирован. Так, А.И. Уткин и В.П. Островский назвали параграф о Столыпине «Русское чудо», а о столыпинской политике заявляли в исключительно в пафосных выражениях: «Конечной ее [столыпинской политики] целью было укрепление, возвеличивание России при росте гражданских свобод в стране на основе ответственного экономического и политического поведения ее граждан»³. Сугубо позитивные результаты аграрных реформ П.А. Столыпина представлены в учебнике под редакцией А.Ф. Киселева и Э.М. Шагина⁴.

¹ Секиринский С.С. Российские реформаторы: сюжет и книга в контексте научной литературы последних лет // Отечественная история. 1997. №3.

² См.: Мэйси Д. Земельная реформа и политические перемены: Феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. №4; Верт Н. История Советского государства. М., 1994; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 – 1917-1922 гг. М., 1997.

³ Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 кл. М., 2002. С. 86.

⁴ Новейшая история Отечества. XX век. Ч. I. / Под ред. А.Ф. Киселева и Э.М. Шагина. М., 2002. С. 53-63.

По критерию глубины, масштабности, системности, содержательности и последствиям проект реформы, осуществленный Столыпиным, авторы многих учебников ставят его в один ряд с начинаниями Петра I, Александра II, революцией 1917 г. Одни авторы выступают как «государственники» и «державники» и оценивают П.А. Столыпина как выдающегося государственного деятеля и крупного реформатора¹, убежденного монархиста, последовательного сторонника и активного защитника «твердой власти»², «кумира контрреволюции»³. Другие видят в П.А. Столыпине «либерала», своеобразного М.М. Сперанского начала XX в.⁴ Анализ учебной литературы показывает, что события, связанные с деятельностью П.А. Столыпина, рассматриваются в контексте модернизации России в начале XX в.⁵

Отметим, что в 1991 г. издательство «Молодая гвардия», учитывая возрастающий интерес к Столыпину со стороны ученых и политической элиты, издало его речи. Эту документальную публикацию предваряет «Предисловие», написанное видным российским историком К.Ф. Шацилло⁶. Публикация документов о П.А. Столыпине активизировалась со второй половины 1990-х гг. Так, был издан сборник документов и материалов, в который вошли воспоминания его брата Александра, дочери Марии, А. Гирса, А. Гучкова, А. Зеньковского, М. Меньшикова, П. Милюкова, В. Коковцова, П. Струве, Л. Тихомирова и др.⁷

Публицистика также по-прежнему представлена полярными оценками. Известный публицист Сергей Кара-Мурза даже назвал П.А. Столыпина отцом русской революции⁸. Прямо противоположных

¹ История России: учебник / Орлов А.С. [и др.]. М., 2010. С. 424; Новейшая история Отечества. XX век. Ч. I. / под ред. А.Ф. Киселева и Э.М. Шагина. М., 2002. С. 53.

² История России: учеб. для вузов / А.А. Чернобаев [и др.]. М., 2002. С. 269.

³ Зуев М.Н. История России: учебник для вузов. – М., 1998. – С. 329.

⁴ Отечественная история / под ред. Р.В. Дегтяревой и С.Н. Полторака. М., 2004. С. 213.

⁵ История России XX – начала XXI века / под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 148-159; Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М., 2002. С. 205.

⁶ Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911: Нам нужна Великая Россия. М., 1991.

⁷ Петр Столыпин. Сборник / сост. Г.И. Лысцов. М., 1997.

⁸ Кара-Мурза С. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.

оценок придерживается кинорежиссер Н.С. Михалков, который в своем «Манифесте Просвещенного Консерватизма» отмечает, что «просвещенно-консервативных взглядов в политической и государственной деятельности придерживался величайший реформатор начала XX века – Петр Аркадьевич Столыпин»¹.

По итогам проводившегося в 2008 г. всероссийского интернет-опроса «Имя Россия. Исторический выбор-2008» Столыпин занял второе место, набрав 523 766 голосов, что на 809 голосов меньше, чем победитель – Александр Невский², что свидетельствует о формировании в общественном мнении положительных оценок деятельности реформатора. Новый всплеск к деятельности П.А. Столыпина был связан со 150-летием со дня рождения (2012 г.), а также 100-летней годовщиной со дня гибели. Проводились многочисленные конференции, выставки, выпуск исследований, связанных с деятельностью П.А. Столыпина. Но был и «предъюбилейный» всплеск, связанный с 90-летней годовщиной его гибели в 2001 г., а позже — со столетием начала реформаторской деятельности (2006 г.) Именно тогда вышла подробная биография Столыпина, написанная бывшим министром финансов РФ Б.Г. Федоровым³.

Примерно в эти же годы начал воплощаться в жизнь и обширный публикаторский проект, нацеленный на воссоздание полной и объективной картины как самих реформ, так и состояния России того времени. С 2003 г. в рамках проекта выпущено несколько книг, в том числе и фундаментальный двухтомник «П.А. Столыпин Программа реформ. Документы и материалы», издания переписки Столыпина, а также биографическая хроника⁴. В 2000-е гг. образ Столыпина неоднократно использовался политиками (например, В.В. Путин, Д.А. Медведев), которые подчеркивали успех его реформ для улучшения

¹ Михалков Н.С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма // <http://www.polit.ru/article/2010/10/26/manifest/>

² Имя России // <http://www.nameofrussia.ru/>

³ Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: в 2 т. СПб., 2002.

⁴ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. М., 2003; Столыпин П.А. Переписка. М., 2004.; Столыпин П.А. Биохроника. М., 2006.

своего имиджа¹. Примечательно, что в июле 2011 г. В.В. Путин участвовал в церемонии закладки памятника П.А. Столыпину в Москве.

Стоит отметить, что высказывались не только позитивные оценки деятельности П.А. Столыпина, но и резко негативные. Например, И.Я. Фроянов в одном из своих интервью обозначил свое отношении к столыпинским реформам так: «Своей деятельностью Столыпин больше навредил России, нежели принес ей пользу. Он замахнулся на вековые устои русской жизни – на крестьянскую общину»².

Немногие из проблем дореволюционной истории вызывают столь острые споры, как столыпинская модернизация. Подводя итоги анализа, хочется подчеркнуть, что и ныне среди исследователей и в обществе есть как панегиристы, так и критики преобразователя. Но, давая противоречивую оценку его реформам, практически все сходятся в главном: в признании за П.А. Столыпиным таких характеристик, как знания, воля, твердость, личная порядочность и смелость – качеств, без которых он не состоялся бы как реформатор.

А.А. Поддубная

**РЕЖИМ ВИШИ: ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ**

Порой свершаются события, чьи трагические отголоски невозможно вытеснить из памяти нации, отдельных групп населения и индивидов. Подобными для Франции можно считать события «черных лет» 1940-1944 годов, т.е. события режима Виши. Сразу после Освобождения Виши стал незаконен, нелегитимен, неправиомерен. Де Голль заявил, что Республика была всегда, в его лице и лице Сопротивления существовала всегда, и только она есть законная форма правления. 50-60 – г.г. стали эрой забвения Виши, но уже в 70-е г.г. о нем пришлось заговорить вновь.

¹ Юбилей Столыпина // <http://www.newsru.com/russia/14apr2012/stolypin.html>;
Указ Президента РФ «О праздновании 150-летия со дня рождения П.А.Столыпина»
// <http://stolypinclub.com/category/stolypin>

² Фроянов И.Я. Великан Сталин и пигмей Столыпин // http://ruskline.ru/news_rl/2011/07/14/velikan_stalin_i_pigmej_stolypin/?p=0#329570

Так как изменения коллективной памяти тесно связаны с процессом развития исторической науки, своеобразным «маркером» Ее динамики может стать французская и англосаксонская историография режима Виши. Можно выделить несколько этапов развития этой историографии: середина 40-х – середина 50-х и труд Робера Арона «История Виши»; середина 50-х – 70-е гг. – зарождение и развитие ревизионизма, воплощение его идей в работе Пакстона «Виши: Старая гвардия и Новый порядок»; 80-е – 90-е гг. – появление работ учеников Пакстона, в частности, Анри Руссо и концепции «Синдрома Виши»; середина 90-х годов XX века – начало XXI – под влиянием идей Руссо развитие новых направлений исследований в русле социальной истории и истории постколониализма.

Первый этап развития историографии был тесно связан с политической обстановкой: установлением новой власти, борьбой за гегемонию между коммунистами и голлистами, восстановлением экономики и администрации страны, а также ее внешнеполитического влияния в контексте новой системы международных отношений. Власть развернула двойственный процесс чисток – амнистии, что обеспечило существование так называемого «голлистского консенсуса», т.е. интеграции бывших элементов режима Виши в новую социальную реальность при отказе от традиций прошлого и признании легитимности новой власти¹.

Воплощение «голлистский консенсус» нашел в труде Робера Арона «История Виши» (1954). Его монография создала практически «канонические» постулаты о Виши в концепции «Щита и меча»²: Петэн

¹ Как отмечает Тимоти Гартон Эш, «...Послевоенная Французская республика была построена когда завершился первоначальный период безудержного "очищения", *épuration*, - на основе более или менее целенаправленной политики вытеснения болезненных воспоминаний о коллаборационизме вишистского правительства и оккупации страны, сознательного замещения их в сознании нации деголлевским объединяющим мифом о неразделенной, непокорившейся, сражавшейся Франции». – Эш Т.Г. Расчеты с прошлым: судить нельзя помиловать // Интеллектуальный Форум. 2001. вып.7. [Электронный ресурс] / URL: if.russ.ru/2001/7/20011205_e.html (дата обращения: 03.05.12)

² Рубинский Ю. И Р. Арон. История Виши. 1940 - 1944 // Вопросы истории. 1957. №4. с.179-183; Williams P. L. Robert Aron's History of Vichy// Yale French Studies. Social and Political France. 1955. No. 15. p. 115-119.

спасал Францию изнутри, пытаясь вести разумную внутреннюю политику и поиски шанса для высадки союзного десанта за спиной у Гитлера. Де Голль спасал Францию открытым военным путем, правда, мешали этим деятелям нацисты и коллаборационисты во главе с Лавалем¹.

Постепенно начинается процесс ревизии концепции Арона в иностранной историографии: в середине 50-х вышла в свет, правда, осталась незамеченной довольно удачная монография Пола Фармера. В 1968 г. выходят работы немецкого ученого Эберхарда Екеля и статьи Стэнли Хоффмана. Однако возникающая тенденция ревизионизма взяла на вооружение и часть идей Арона: есть четкое разграничение между фашистами и петэнистами, Виши – это не конгломерат злостных коллаборационистов или сборище антагонистов Соппротивления, это нечто «другое». Выводы данных работ можно свести к следующим пунктам: не стоит думать о «двойной игре» Маршала и попытке смены стратегии при смене руководства, политика Виши, скорее, была последовательной от начала и до конца. Виши предполагал реванш «естественных элит», к власти в стране пришли элементы с довольно высоким общественным положением и материальным состоянием, которые по ряду причин были аутсайдерами во времена Третьей республики.

¹ Стоит упомянуть о специфичности источниковой базы исследований: до 1979 года действовал закон об архивах, по которому историкам не разрешался доступ к документам менее полувековой давности. Ссылаясь на этот закон, французские университеты отказывались принимать к защите диссертации по новейшей истории, в которых невозможно было использовать архивные документы, считавшиеся обязательной основой диссертации. Это давало возможность исследователям опираться на сугубо французский материал: дневники, письма, мемуары, публикации в газетах и пр. Одним из самых важных элементов для источниковой базы стали материалы политических процессов 40-х и информация, полученная от подсудимых. Стенографический отчет о процессе Петэна был опубликован 23 июля 1945 г. в серии «Великие процессы современности», позже появился отчет о процессе Лаваля и пр. Эти показания, поданные в свете стратегии защитника, легли в основу первых трудов о деятелях Виши, представленных адвокатом Жаком Изорни. В 1946 г. изданы публикация материалов процесса Бразильяка; «После процесса Маршала Петэна: документы для пересмотра» в 1948, и еще ряд публикаций, посвященных Маршалу – «Ходатайство о пересмотре дела Петэна», 1950; «Страдания и смерть Маршала», 1951; 1964 – «Петэн, спаситель Франции».

Кроме этой опоры режим притягивал к себе элементы разного рода, уверовавшие в национальное обновление. Каждая из этих политических сил преследовала и свои цели, поэтому, трудно было определить, в какой степени и по какой причине она стремится к коллаборационизму, или наоборот, избегает его. (Как отмечает Хоффман, в интеллектуальной сфере коллаборационизм даже был полезен и продуктивен). Таким образом, была подготовлена теоретическая база для смены концепции, не хватало иллюстраций из фактологического материала. Дух ревизионизма нашел воплощение в монографии Роберта Пакстона «Виши: старая Гвардия и Новый порядок»¹, где автор подверг пересмотру большинство из традиционных постулатов концепции Арона.

С другой стороны, точка зрения «молодого американского ученого» резко отличалась и от историков Сопротивления: Виши это не абсолютное зло и не тотальный реванш патриархально-консервативных элементов, это попытка модернизации Франции, причем она нашла поддержку и «сверху», и «снизу». Вопрос стоял в том, кто и как ее будет осуществлять – поэтому Пакстон так подробно остановился на личностях деятелей нового государства. И в области элиты, и в области административных и экономических структур Виши выступало законным преемником Третьей Республики, при этом преемницей самого Виши становилась Четвертая Республика: все было органично и никакого искажения исконно французского пути развития не было. Как особую заслугу Пакстона стоит отметить расширение источниковой базы и введение в научный оборот не только французских, но и немецких материалов. Монография Пакстона стала первым серьезным комплексным и всесторонним исследованием, которое соединило в себе все пункты разрозненных попыток ревизии².

Обстановка способствовала развитию новых тенденций: в 1970-х.г.г. начинается эрозия голлистского консенсуса, Шарль Де Голль с 1958 по 1969 последний раз занимает пост главы государства, а

¹ Paxton R. O. Vichy France: Old Guard and New Order, 1940-1944. London, 1973

² Evans M. Robert Paxton: The Outsider // History Today. 2001. Vol. 51. Issue 9. [Electronic resource] // URL: <http://www.historytoday.com/martin-evans/robert-paxton-outsider>(дата обращения: 08.04.12); Temkin. M. 'Avec un certain malaise': The Paxtonian. Trauma in France, 1973-74 // Journal of Contemporary History. 2003. April. P. 291-294.

общественность в самой Франции и на Западе вновь обращается к режиму Виши. Происходит смена поколения научной элиты, теперь она задает вопрос своим предшественникам, почему же случилась так, что Франция пошла на сотрудничество с нацистской Германией?

С 1970-х гг. французская и англосаксонская историография предлагают разные версии интерпретации событий режима Виши. Американцы претендуют на возможность объективного осмысления французской истории, прибегая к введению в оборот все новых исторических источников. Французы парируют и стремятся доказать, что нужно быть очевидцем этих событий, чтоб делать какую-то заявку на осмысление «черных лет». Все американские рецензии на работу Пакстона выдвигают тезис о том, что это проблема – столкновение позиций памяти и позиций историка, для адекватной трактовки нужно убирать эмоции, поэтому таковой могут заниматься только иностранцы. Дело в том, что для Франции такое положение довольно опасно: официальная версия истории, залог национального единства, может быть разрушена, если эти новые версии проникнут в СМИ. Общество продолжает существовать в системе негласного консенсуса, и если режим Виши получит право на то, чтоб стать легитимным, то каждый из французов должен будет взглянуть на себя и свое окружение совсем другими глазами.

Несмотря на это, целая плеяда молодых ученых восприняла новые веяния: у Пакстона появилось множество учеников, среди которых Ж.-П. Айзема, Ж.-П. Руа, П.Ори, А. Руссо, С. Фишман и пр., которые продолжили свои исследования в духе новой концепции. Пакстон, безусловно, совершил своего рода революцию в изучении Виши, как определил Ж.-П. Айзема, это *Paxtonian revolution*¹ (Революция Пакстона). В конце 80-х скандально известным новатором становится один из этой когорты, Анри Руссо.

Его произведения «Синдром Виши» (1989) и «Прошлое, которое не проходит» (1994) стали новаторскими в области объекта исследования: теперь Руссо имел дело с исторической памятью, которая прошла ряд стадий развития. В основу своего концепта он кладет метафору из сферы психоанализа, представляющую прошлое как коллективный невроз или навязчивую идею. Автор показывает, что в

¹ France at War: Vichy and the Historians / edit.: Fishman S., Downs L., Sinanoglou I., Smith . L V., Zaretsky R. N. Y., 2000. P.14-15.

этом контексте Виши предстает как коллективный невроз, навязчивая идея трагичного прошлого¹. В этом контексте Руссо выделяет проблему: зачастую подобные трудные моменты прошлого являются объектами политического манипулирования. «Долг памяти» трансформировался в «светскую религию», стал систематическим предприятием социального самоутверждения меньшинств (сексуальных, религиозных или этнических) и обвинений в адрес историков. Исследователь пытается четко определить, где же пролегает грань между профессиональным ученым, старающимся критически осмыслить события и теми трактовками, которые предлагаются обществу под воздействием политических, личностных и прочих факторов.

Руссо анализирует различные формы выражения и векторы коллективной памяти Виши и предлагает периодизацию с 1944 г., с выделением четырех основных фаз; «Неоконченная скорбь» (1944-1954); «Вытеснения» (голлистского экзорцизма) (1954-1971); «Расколотое зеркало» (или «Возвращение вытесненного») (1971-1974) и «Одержимость» после 1974 года до наших дней². Виши был гражданской войной, раздробившей все общество, практически атомизировавшей его. Чтобы собрать нацию воедино, де Голль объявляет его нелегитимным, его решения несостоятельными. Начинаются судебные процессы над различного рода нацистскими пособниками и преступниками, но они, скорее, в большей степени декоративны. Безусловно, наказания реальны и очень серьезны, но страну необходимо восстанавливать, не хватает компетентных кадров, поэтому в 1951 и 1953 гг. начинаются амнистии. Власть совершает сделку с обществом: оно негласно забывает о Виши и признает легитимность новых республиканских сил, взамен получает свободу, прощение и интеграцию в новую реальность. Амнистии позволили восстановить целостность нации, с одной стороны, с другой, чистки показали, что Франция отреклась от политики Виши и на внешнеполитической арене представляет собой союзницу держав-победительниц. Это стало гарантией законного существования новой

¹ Трубникова Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков [Электронный ресурс] / URL: www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (дата обращения: 26.03.2012)

² Трубникова Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков. [Электронный ресурс] / URL: www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (дата обращения: 26.03.11)

Франции как сильного игрока в международной политике, обладающего правом вето в ООН.

До определенного момента консенсус сохранялся, но всему приходит конец, и как отмечает Руссо, начинается постепенное возвращение прошлого: некогда вытесненные или подавленные воспоминания о трагичном прошлом воскресают¹. Активными становятся те элементы, которые не вписались в типовые модели «героических» судеб: евреи, военнопленные и пр. Затем прошлое буквально «взрывается», возвращается, наступает этап одержимости. Теперь каждый должен взглянуть на историю своей судьбы и своей семьи иными глазами: в процесс разоблачения прошлого вовлечены СМИ, масс-медиа, дня не проходит без какой-то сенсаций². Таким образом, описанный Руссо «Синдром» становится руководящей методологией и идеей многих исследований, задающих вопрос, в чем и отчего трагедия? В 2010 г. психолог Энтони М. Дэниэлс, скорее известный как Теодор Дрампл, вывел исследования Руссо на новый уровень. «Прогнило что-то в европейском государстве, но не просто сказать, что и где...»³.

В монографии «Новый Синдром Виши»⁴ «старушка» Европа страдает от тревоги, причина которой – бессилие перед азиатскими странами: будь то военная сфера или же соревнование в качестве и количестве рабочей силы. Причины этого кроются в прошлом – колониальная экспансия и эксплуатация азиатских и африканских стран рождает чувство вины. Европейская наука развила то, что Дрампл называет «депрессивной историографией»⁵, она смотрит на прошлое сквозь призму вины, которую считает подтверждением собственной добродетели. В культурной жизни европейцев наступает некий вакуум: постепенно, с отсутствием оптимизма приходит упадок в науке,

¹ Rousso H. Le syndrome de Vichy de 1944 à nos jours. Paris: Le Seuil, 1990. p 34 - 105.

² Rousso H., Conan E. Vichy: An Ever-Present Past. -Hanover, NH: University Press of New England, 1998. p 4 - 30

³ Drumple T. The New Vichy Syndrome: Why European Intellectuals Surrender to Barbarism. L., 2010. p. 1.

⁴ Drumple T. The New Vichy Syndrome New Vichy Syndrome: Why European Intellectuals Surrender to Barbarism L., 2010 – 256 p.

⁵ «miserabilist historiography»

искусстве и пр. Поэтому индивиды гонятся за гедонизмом, который, увы, не спасает. Скорее всего, агрессивный исламизм может заполнить этот вакуум, правда, виноваты будут, опять же, сами европейцы¹. Таким образом, пользуясь введенной Руссо терминологией «болезненного прошлого», Дрампл прекрасно оперирует, анализируя общеевропейскую тенденцию в науке. Теперь чувство вины доведено до инструмента, который способен разрушить всю западную цивилизацию.

У концепции Руссо появились и оппоненты, которые утверждают, что никакого «Синдрома» нет, а наиболее трагичные моменты режима Виши связаны с особенностями истории Франции и распространением такого явления, как коллаборационизм, в частности, и в странах соцлагеря до 1991 г. Францию нужно изучать, сравнивая с этими примерами, а не выводить из контекста как уникальный феномен².

Исследования Руссо указывают на трагичность и болезненность прошлого Франции, а также на неоднородность памяти о прошлом различных групп населения. Это становится ключом к новому этапу осмысления феномена Виши. С 1990-х гг. начинаются разработки проблем, связанных с единичной человеческой судьбой и историей, либо с судьбой определенного региона или слоя населения. В связи с этим на первый план выходят методы социальной истории, локальной истории, методом сбора информации при отсутствии письменных источников становится устная история. «Нулевые» ознаменовались исследованием отдельных проблем: повседневной жизни в оккупации, травматического опыта определенных регионов, репрессий в отношении отдельных групп населения и историями единичных человеческих судеб. Появляется целая плеяда англоязычных авторов: Кармен Калил³, Линн Тейлор¹,

¹ Pryce D. Book Review [Electronic resource] / URL: <http://www.nationalreview.com/david-pryce-jones/3938/surrendering-barbarism>; (дата обращения: 19.05.2012); Hays C. Book Review. The New Vichy Syndrome: Why European Intellectuals Surrender to Barbarism [Electronic resource] / URL: <http://www.orthodoxytoday.org/OT/view/book-review.-the-new-vichy-syndrome-why-european-intellectuals-surrender-to>(дата обращения: 19.05.2012)

² Подробнее об этом Gordon B. M. The "Vichy Syndrome" Problem in History // French Historical Studies. 1995. Vol. 19. No 2. p. 495-518. [Electronic resource] // URL: <http://www.jstor.org/stable/286785> (дата обращения: 05.06.2012)

³ Callil C. Bad Faith: A Forgotten History of Family and Fatherland, Jonathan Cape. London, 2006.

Ханна Даймонд, Ричард Винен², Джулиан Джексон и пр³. Такой способ работы с историческим материалам позволил установить, что Виши было временем испытаний, где все зависело от выбора личности⁴. Что делать, сотрудничать или бороться? Это решение могло быть продиктовано, как идейными соображениями, так и просто необходимостью выживания. Тем не менее, в каждом отдельном случае этот самый выбор был сделан, что вызвало несовпадение между официальной версией истории и памятью отдельных индивидов и групп населения⁵.

С середины десятилетия следует изменение взгляда на сущность периода 1940-1944 гг.: Виши рассматривается как прелюдия к деколонизации, к распаду Французской империи. Воплощение такой точки зрения – работы Р.Джинио⁶, Э.Дженнингса¹, М.Томаса² и пр. Это

¹ Diamond H. *Women and the Second World War in France 1939–1948: Choices and Constraints*. Harlow, 1999.

² Vinen R. *The unfree French: life under the Occupation*. New Haven, 2006.

³ Watkins G. Review Article: Recent work on France and the Second World War // *Journal of Contemporary History*. 2002. № 4. p. 637 – 647; Reid D. Still Preoccupied After All These Years: Recent Works on the Occupation of France in World War Two // *European History Quarterly*. 2009. № 6. p. 287 – 297.

⁴ Подробнее об этом в монографиях Sweets J.F. *Choices in Vichy France: the French under Nazi occupation*. Oxford, 1986, и Jackson J. *France: The Dark Years, 1940-1944*. Oxford, 2001.

⁵ Как пишет Руссо, на этапе «Вытеснения» или голлистского экзорцизма доминирующие коллективные памяти (коммунистов и голлистов) занимались формированием коллективных памятей прочих слоев населения. Специально для этого создавались типовые модели героического прошлого. Каждый индивид должен пересмотреть свой личный опыт в Виши в связи с ними. Но «за бортом» остались те, чья судьба не писывалась в героические модели – к примеру, военнопленные, узники концентрационных лагерей, да и прочие слои населения, те, кто просто не хотел выделяться среди нации, либо не удостоился особой судьбы. В основном, воспоминаниях таких элементов были подавлены, а частично и вовсе вытеснены. Позднее это станет причиной конфликта между общенациональной памятью и памятью индивида, что вызовет своего рода мемориальный взрыв или фазу «Разбитого зеркала». Новая социальная история и локальная история позволяют обратиться к проблеме диссенсуса коллективной и индивидуальной памяти и проработать ее.

⁶ Ginio R. *French Colonialism Unmasked: The Vichy Years in French West Africa*. Lincoln, 2006.

объясняется обострением национальной проблемы во Франции. В итоге, к началу 2010-2011 гг. рефлексия по поводу памяти переходит в иное русло – в войну за Алжир. Тем не менее, сравнение с Виши, особенно с идеей его национальной политики, сейчас активно применяется по отношению к политическому курсу Н. Саркози.

Ю.А. Проценко

ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Постмодернистская культура во многом строится на «мозаике моментов». Эклектичное нагромождение обломков прошлого в сочетании с неявно осознаваемым настоящим заставляют нас с равнодушием произвольно отбирать одни элементы исторического, отбрасывая со Шлимановской одержимостью другие. Это ведет неизбежно к утрате подлинного интереса к прошлому и превращению истории в шоу, зрелище, достойное разве что голливудских блокбастеров, в роде недавних «300 спартанцев» или многочисленных псевдоисторий фэнтезийного характера.

Поиски культурной идентификации и персональной и общекультурной легитимации настоящего, стремление к самоидентичности приводит к осознанию необходимости конструкции и деконструкции исторической и культурной памяти. Во многом это основывается на обращении к прошлому, прежде всего как к культурному ресурсу, с помощью которого можно оценивать и переоценивать настоящее, практике, конструирующей социокультурное пространство и время, но и на механизмах манипуляции человеческими воспоминаниями в целях ограничения доступа к прошлому.

Посредством забвения или «утаивания» память делается недоступной, либо открываются новые пласты и факты прошлого,

¹ Jennings E. Vichy in the Tropics: Petain's National Revolution in Madagascar, Guadeloupe, and Indochina, 1940-44. Stanford, 2004.

² Thomas M. The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940-1944 // French Historical Studies. vol. 25. no. 4. 2002. p. 657-692; Thomas M. The French Empire at War, 1940-45. Manchester, 1998.

которые могут подвергаться проработке, иметь иную интерпретацию. Таким образом, происходит то, что называют «злоупотреблением забвением». Эти манипуляции оказывают большое влияние на формирование как личности, так и общества в целом.

Особенность современной ситуации состоит в том, что социальные группы пережили глубокий системный кризис исторического сознания, при котором произошло изменение традиционного отношения к прошлому. В итоге социальная память перестала мыслиться как целостное образование. Появилось множество форм ее восприятия и формализации (историческая память, культурная память, коллективная память и т. д.).

Об исторической памяти рассуждал Пьер Нора, который писал: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти». По его мнению, мировое господство памяти связано, в первую очередь, с «ускорением истории», разрушающим единство исторического времени, соединявшего прошлое, настоящее и будущее, что для организации памяти имеет первостепенное значение. Во-вторых, расцвет памяти связан с большей доступностью – «демократизацией» истории. Под этим Нора подразумевает быстрое возникновение разнообразных форм памяти этнических меньшинств, связанное с мощным движением освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности¹.

Историческая, коллективная и культурная память ориентированы на изучение этого феномена как механизма, функционирующего по своим собственным законам и включающего в себя индивидов, их память и деятельность. Впервые об этом стал говорить Морис Хальбвакс, когда разграничил понятия исторической и коллективной памяти. Хальбвакс рассматривал память и воспоминания «как коллективный социальный феномен, необходимый для жизни и выживания общества, будучи тем общим, что конституирует общество как таковое, является залогом его идентичности»². По его мнению,

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40–41). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru:81/nz/2005/2/nora22.html>.

² Арнаутова Ю.А. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 47.

носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени. Такая память сохраняет из прошлого только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает. Коллективных памяти много, так как большинство таких групп, пусть даже они в настоящее время не разделены, представляют собой своего рода бесконечно и самыми разными способами делимую социальную материю. И у каждой из этих групп - своя история, в которой можно различить фигуры и события. История же стремится к единой картине и дает сжатое представление о прошлом, объединяя народы и личности¹.

Исследования культурной памяти широко представлены в трудах Яна и Алейды Ассман. Они рассматривали феномен культурной памяти как форму передачи и актуализации смысла культуры, в связи с практиками конструирования прошлого. Культурная память, или «история памяти» как называл её Я. Ассан, характеризуется в этом случае как хранительница ценностей и смыслов культуры, представляет собой отложенные, не стертые прогрессом знания и умения прошлого, лежащие в основе современного уровня развития или, при необходимости, извлекаемые из забвения. Одновременно это и обобщающее название для всего «знания», которое управляет переживаниями и действиями людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом. Культурная память, как и историческая, служит связующим компонентом общества и необходимым условием самоидентификации социальных групп².

Каждая культура определяет свою модель того, что следует помнить и того что подвергнуть забвению. Вследствие чего «ненужная» информация вычеркивается из общественной памяти и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым³. Эту идею поддерживает и Ян Ассман: «Только значимое

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40–41). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

² Арнаутова Ю.А. Указ.соч. С. 50.

³ Лотман. Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С.201.

прошлое вспоминается, и только вспомненное прошлое становится значимым»¹. Можно сказать, что традиция памяти-забвения является нормой не только для традиционного общества, но и современного.

Усиленному вниманию к забвению может способствовать обилие травматических событий в современной истории. Американский философ Доминик Ла Капра объясняет ситуацию так: «Их особенность в том, что многие предпочитают их не помнить. Жертвы этих событий страдают от расщепления памяти, которая разрушает общность с прошлым, разрушает их идентичность»². Память об исторических событиях и явлениях прошлого является мощным источником для общественных настроений. Знание травматических событий прошлого имеет неоднозначное последствие. Оно может быть как частью конструкта патриотической идеологии, так и причиной дестабилизации психологического состояния общества, выступать разрушителем культурных стереотипов, а также подрывать доверие к власти³.

Гибкость и подвижность культурной памяти позволяют различным народам забывать взаимные обиды и акцентировать внимание на позитивных моментах в их общей истории. Культурная память также становится средством манипуляции общественным сознанием власти, которая определяет фактографию и транскрипцию тех событий, идей или биографий личностей, которые следует хранить в памяти⁴. В современном обществе историческая и культурная память оказывается весьма существенной характеристикой образа жизни людей, во многом определяет их намерения, настроения, поведения и мировоззрение.

Возможности манипулирования культурной и исторической памятью еще более увеличились в современную информационную эпоху. Новейшие политические и психологические технологии позволяют

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Перевод с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С.81.

² Трубина Е. Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 1995. С. 267.

³ Куликов Д. К. Ситуация «память»: исследования нового феномена гуманитарных наук // Актуальные проблемы философии социально-гуманитарных наук. Ростов на Дону, 2008. С. 82.

⁴ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 30.

направленно формировать общественное мнение, манипулировать общественным сознанием с помощью исторического знания и исторической памяти, сконструированными с заранее заданной стратегической целью и с использованием алгоритмически отобранной информации, влияющей на эмоции, мышление и поведенческие техники публики, населения. Таким образом, историческая память есть мощное средство социального влияния, поскольку может быть использована как для поддержания стабильности в обществе так и для его дестабилизации.

По мере ухода из жизни поколений, обладающих «живой» памятью, в обществе вырабатывается абстрактная, обезличенная форма признания прошлого. Приходит понимание необходимости, во имя общей пользы, коррекции культурной и исторической памяти, ее приведения в соответствие с требованиями современности. Так прошлое посредством неверных, отрывочных или преднамеренно созданных воспоминаний и фактов становится искусственным продуктом современной реальности, в котором становится затруднительным выявить историческую правду. Историческая память в таких условиях становится постоянно обновляемой идеальной реальностью, которая является не менее значимой, нежели реальность актуальная.

Здесь важно понять, что культурная память не имеет ничего общего с научной историей. Она определенным образом соотносится с исторической памятью, выступает ее смысловым фильтром, задает определенные рамки рассмотрения прошлого опыта. Культурная память выступает как средство преобразования прошлого в миф. «Прошрое, закрепленное и интериоризированное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно не зависимо от того, фиктивно оно или действительно»¹. Исследуя механизмы памяти Я. Ассман, пришел к выводу о том, что уже в древних традиционных обществах Египта, Греции, Израйля были выработаны осознанные социальные инструменты, которые участвовали в формировании идентичности социальной общности посредством передачи из поколения в поколение «идентифицирующих смыслов»².

Мифологическая составляющая, увиденная Ассманом в механизмах «истории памяти», формирует и сознание индивида и общества, когда встает вопрос о легитимации государственных

¹ Ассман Я. Указ.соч.. С.80.

² Куликов Д. К. Указ.соч. С.80.

институций и проектов. Прошлое увековечивается и прославляется в публичных памятниках и поминальных действиях национального характера, изучается в школах и тем самым принадлежит к «движущим мифам» государства. Героические события прошлого начинают мыслиться не как невозвратимая эпоха, а как политическая и социальная утопия, которую следует воплотить в жизнь. Так память о прошлом превращается в ожидание, время под воздействием мифомоторики приобретает иной характер¹.

Историки сегодня говорят не столько о пробуждении прошлого, сколько, по сути, используют его. Память как феномен сознания имеет дело не только с воспоминанием образов, но также и со способами их репрезентации. Особую актуальность эти мотивы приобретают в наши дни, когда понимание истории компрометируется именно своей политической и идеологической заданностью. Тем не менее, историческая и культурная память, с одной стороны, представляют условие культуры, обеспечивающее трансляцию социально значимого опыта, с другой стороны, они трансформируют этот социальный опыт в процессе трансляции.

Воспроизведение истории, как любое интеллектуальное концептуальное построение мифологично². Манипуляционные технологии заключаются в возможности неоднозначных интерпретаций исторических явлений. Зачастую исторические мифы создаются посредством наделения ситуаций и лиц мифологическими чертами, преднамеренной подмены содержания или смысла явления, что усиливает влияние на область бессознательного, и, в результате, на общественное сознание и поведение. «В отличие от древнего мифа, обладавшего онтологическим статусом, современный миф — это социальное производное, чья жизнь и смерть инспирированы надеждами и фрустрациями общественного сознания»³.

Позитивный образ прошлого способен оказать значительное воздействие на формирование культуры, на содержание и развитие жизненных позиций общества, стать ведущей движущей силой всего

¹ Ассман Я. Указ соч. С.85.

² Лосев А.Ф. Миф – развернутое логическое имя // Миф – число – Сущность. М., 1994. С. 232.

³ Игнатьева М. Н. Социально-философский анализ гендерного мифотворчества: дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2006. С. 205.

цивилизационного развития. С помощью исторических мифов государственные структуры поддерживают образ врага, стимулируют патриотические чувства народа и могут способствовать национальному единению. С другой стороны исторические мифы могут являться «орудием» информационной войны, компрометирующим национальную историю и деструктирующим сознание населения, что значительно облегчает «имплантацию» в массовое сознание чуждых ему аксиологических систем¹.

Отношение к историческим мифам и образу прошлого зависит от культурной установки по отношению к ним. Однако радикальная новизна современности и изменения, происходящие в мире, настолько значительны, что опыт прошлого зачастую не только не может помочь решить проблемы новых поколений, но воспринимается как препятствие, которое необходимо преодолеть².

Оптимальным является тот вариант, когда мифопоэтическая составляющая культурной и исторической памяти ограничивается выработкой идеалов. Но зачастую она лишь дает иллюзию возможности нахождения простого решения сложных социально-культурных проблем, так как изначально предлагает готовый проект культурного развития, при этом не учитывая все реалии современного культурного пространства. Перемещаясь из ментального пространства культурной или исторической памяти в сферу общественной практики, исторические мифы приобретают реалистические контуры, отказываясь от своей утопической составляющей, что неизбежно сопровождается культурным шоком³.

В современной культуре, несмотря на релятивизацию образов прошлого, накопленный опыт, тем не менее, сохраняется, как это было и прежде. Обращение к культурной и исторической памяти становится

¹ Колин Ю.В. Преемственность исторической памяти как фундамент демократических ценностей. Теоретический журнал «Credo», № 2, 2006. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/554/58/>

² Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. Под ред.: Шляпентоха В., Шубкина В., Ядова В. (по материалам международных исследований). 2007. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/08.php

³ Синицина Н. А. Утопическая составляющая исторической памяти. (по материалам заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории», 2011).

неким свидетельством освобождения и преодоления традиций, умения прочитать прошлое рефлексивно, способности отнестись к нему критически. В целом же культурная и историческая память способствует «встраиванию» прошлого в современность, чем усиливает значимость настоящего, так как заставляет видеть в прошлом ушедшее «настоящее»¹.

З.Х. Сергеева, С.А. Сергеев

ТРУДОВАЯ ЭТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Любое общество в процессе своего существования вырабатывает определенную модель отношения к труду как к процессу производства материальных благ. Содержательные принципы этой модели можно назвать трудовой этикой. Модель отношения к труду является важной составляющей исторической памяти, под которой мы понимаем передаваемые в процессе социализации опыт, практики и мировосприятие предыдущих поколений, воспроизводимые нашими современниками. Важно подчеркнуть, что императивы трудовой этики – как позитивные («Воля и труд человека дивные дива творят») – так и негативные («От работы кони дохнут», «Государство все равно обманет простого человека») – обусловлены не какой-то биологической или генетической склонностью к труду или, наоборот, лени, а вырабатываются в качестве функционального приспособления к тем или иным социальным и политическим условиям. Изменяются эти условия – изменяются и императивы трудовой этики, подчас в течение одного поколения. Так, А. Солженицын подробно описал, как в течение длительного времени царское правительство прилагало значительные усилия, чтобы приучить еврейское население империи к крестьянскому труду и военной службе, и как все эти усилия шли прахом благодаря

¹ Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. Под редакцией: Шляпентоха В., Шубкина В., Ядова В. (по материалам международных исследований) 2007. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/08.php

тихому саботажу со стороны «благодетельствуемых» евреев¹. Однако пример государства Израиль опровергает любые предположения о какой-то «органической неспособности» евреев к этим занятиям. Таким образом, каждое поколение может вносить в историческую память свой собственный опыт, который включается в историческую память последующих поколений.

В данной работе хотелось бы обратить внимание на особенности советской трудовой этики, ставшие, в конечном итоге, причинами ее фиаско и фиаско самого советского строя. Авторы не претендуют на всесторонний анализ поставленной проблемы, и статья носит во многом постановочный характер.

Хронологические рамки работы охватывают весь период «советского эксперимента», но ограниченный объем заставляет нас отказаться от анализа опыта периода «военного коммунизма» и НЭПа и сосредоточиться на периоде конца 1920-х гг. – 1980-х гг., в течение которого различные практики, связанные с бесплатным трудом, а также трудом, оплачиваемым по заведомо заниженным расценкам, получили широкое распространение.

Наиболее ярким примером использования бесплатного труда (или труда за символическую плату) был, конечно, ГУЛАГ. 11 июля 1929 г. СНК СССР принял специальное постановление об использовании труда заключенных. В начале 1930-х гг. главным объектом эксплуатации со стороны государства были не заключенные, а спецпереселенцы. Лишь за 1930-1931 гг. на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека (в подавляющем большинстве крестьян), в то время как в лагерях ОГПУ на 1 января 1932 г. содержалось 268 700 человек². К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% товарной продукции ГУЛАГа) и лесозаготовки (16,3%). Зеки добывали 76 % всего олова, добываемого в СССР накануне Великой отечественной войны, 60 % золота, 46,5% никеля, 40 % кобальта, 25 % лесоматериалов³. На 1 января 1949 г. в 67 исправительно-трудовых лагерях и 1734

¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995). В 2-х ч. Ч.1. М., 2001. С. 71-115.

² Гулаг, его строители, обитатели и герои / под ред. И.В. Добровольского. Франкфурт / М. – М., 2001. С. 41-42.

³ Там же. С. 45.

колониях содержалось 2 356 685 заключенных, на 1 января 1953 г. – 2,6 млн. человек¹. Главной пищей был хлеб (рабочая пайка составляла от 650 до 1220 г), но при 12-часовом рабочем дне этого питания не хватало, чтобы возместить затраты сил на тяжелую работу и борьбу с холодом. Поэтому стратегией выживания зеков было увиливание от тяжелого физического труда: «Губит не маленькая пайка, а большая».

Положение колхозников в 1930 – 1940-е гг. можно назвать лучшим только по сравнению с положением заключенных (хотя существует апокрифический рассказ о колхознике, попавшем в лагерь и обрадовавшемся тому, что в лагере регулярно выдают пайку). Колхозное крестьянство несло ряд повинностей, отмененных или облегченных лишь во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Каждый колхозник был обязан отработать в колхозе определенный минимум трудодней (единица учета рабочего времени). В 1939 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР был определен обязательный годовой минимум трудодней для взрослых колхозников: 60-100 в год. Впоследствии он был увеличен, и к моменту смерти Сталина составлял около 150 трудодней в год для женщин и 200 – для мужчин. За трудодни полагалось, конечно, некоторое вознаграждение, однако его размер обычно был невысоким, а нередко они вовсе не оплачивались (работа «за палочки», т.е. за отметку в тетради колхозного бригадира или учетчика). Как отмечалось американской исследовательницей сталинизма Ш. Фицпатрик, проблема заключалась в том, что могла существовать чудовищная разница в оплате трудодней в зависимости от плодородности региона, урожайности, величины обязательных поставок и производительности колхоза. В 1932 г. средний советский колхоз выдавал на трудодень 3,2 кг зерна, в 1937 г. – около 4 кг. При этом, например в Башкирии колхоз мог выдавать 8 кг зерна на трудодень, а в Ленинградской области – менее трети килограмма зерна². В послевоенные годы положение было еще хуже: в 1947 г. колхозы Костромской области выдали от 0 (!) до 100 г. зерна на трудодень³. В 1950 г. средний двор в колхозах Коми АССР получил 0,64 кг. зерна на 1 трудодень. Были и денежные выплаты за трудодни: в среднем 108 руб. в 1932 г. и 376 руб. в 1937 г., но нередко

¹ Там же. С. 48, 38.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. С. 167.

³ Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. М., 2007. С. 72.

колхозы не выдавали по трудовням наличных денег вообще (12 % колхозов в 1940 г.)¹. Окончательно систему оплаты по трудовням отменили лишь в 1969 г., когда колхозникам была гарантирована зарплата не реже раза в месяц.

Кроме того, в трудовую повинность колхозников также включались обязательства по гужевым, строительным отработкам, работе на лесоповале, ремонте дорог и т.д. В частности, до 1958 г. каждый колхозник должен был отработать 6 дней в году на строительстве и ремонте местных дорог. В 1933-1937 гг. на строительство и ремонт дорог было мобилизовано 79 миллионов человек, а также 161 тысяча автомобилей и 35 тысяч тракторов.

Со своего индивидуального хозяйства колхозники были обязаны платить государству денежный сельхозналог, в 1933 – 1938 гг. составлявший 15 – 30 руб. в год, а с 1939 г. взимавшийся по вмененной системе. С 1948 г. в «связи с ростом доходов колхозников от индивидуального подсобного хозяйства» и «по просьбам трудящихся» ставки этого налога повысились. Платить приходилось также за каждое животное, находившееся в хозяйстве. Если в 1940 г. норма доходности коровы оценивалась в 600 руб., то в 1948 г. – 3500 руб., свиньи – 300 и 1500 руб. соответственно, сотки картофельного огорода – 12 и 120 руб., козы или овцы – 40 и 350 руб. Поэтому многие колхозники вынуждены были переходить на содержание коз, названных «сталинскими коровами».

Помимо уплаты сельхозналога, советское государство обязывало крестьян уплачивать обязательные страховые взносы, местные налоги, добровольное самообложение, а также приобретать облигации государственных займов. Кроме денежной части налогов, колхозники уплачивали со своего хозяйства государству и натуральные налоги (т.н. «государственные поставки»). Мясо, молоко, яйца, шерсть, картофель и

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне, С. 167. После отмены партмаксимума в 1933 г. зарплаты высшей номенклатуры были установлены на уровне 500 руб. в месяц, а к концу 1930-х гг. выросли до 2000 руб. в месяц; зарплаты промышленных рабочих, учителей, врачей составляли в это время 100 - 300 руб. в месяц, специалистов – 400 – 500 руб. См.: Ильюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917 – 1941 гг. М., 2010. С. 269, 292; Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941. М., 2008. С. 174.

др. поставлялись государству по символическим ценам: за 1 кг мяса государство платило колхознику 14 копеек, а в госторговле оно стоило 32 руб. за 1 кг в 1947 г. и 11,4 руб. в 1950 г. При этом от обязательных поставок не освобождались дворы, которые не имели мясных животных (это произошло лишь в 1954 г.) или кур (их можно было заменить денежными выплатами или иными продуктами). Лишь после смерти Сталина в 1953 г. государство снизило объемы таких поставок, на что колхозники отозвались поговоркой – «пришел Маленков, поели блинков». Окончательно же госпоставки были отменены в 1958 г. Отметим, что уровень соцобеспечения колхозников до 1964 г. был гораздо ниже, чем у городских жителей: они не имели ежегодных оплачиваемых отпусков, им не оплачивались больничные листы, не получали пенсии, колхозницам не предоставлялся оплачиваемый отпуск по беременности и родам.

Основными инструментами, позволявшими государству в течение десятилетий пользоваться бесплатным трудом своих подданных (этот термин здесь уместнее, нежели понятие «граждане»), были насилие и пропаганда.

Насилие было ответом государства и местных органов власти на активное и пассивное сопротивление граждан, не желавших бесплатно работать. Ш. Фицпатрик приводит ряд свидетельствующих об этом отрывков из писем колхозников в «Крестьянскую газету»: «болтаются с угла в угол, а некоторые совсем категорически отказываются от работы под разными предлогами»; «... колхозники бросили колхозную работу, ушли на сторону или работают возле своих домов»; «... при таком руководстве и пьянке правления и бригадиров нет охоты ходить на работу»¹.

Массовые жестокости по отношению к сельским жителям, бывшие обычной практикой при сборе продразверстки, а впоследствии при коллективизации и раскулачивании, продолжались по отношению к колхозникам. М. Шолохов в письме И. Сталину описал избиения и пытки, которым подвергались жители станицы Вешенской, перечислив 17 способов, при помощи которых в буквальном смысле слова выбивался

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 164 – 165.

хлеб¹. Представители местных властей напивались, сквернословили, избивали колхозников, угрожали им расстрелом².

Гораздо разрушительнее, чем эксцессы отдельных исполнителей, на крестьянское хозяйство действовал организованный террор. Хотя первая волна раскулачивания в 1930 г. имела наиболее сильный и драматический эффект, кампания 1931 г. превзошла ее почти вдвое. Всего раскулачено и сослано только в 1930-1931 г., по одним данным, около 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека, по другим же – 517 665 семей (2 437 062 человек). В 1932 - 1940 гг. в спецпоселения прибыло еще 489 822 раскулаченных. Около 90 тысяч кулаков погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от недоедания и болезней в местах ссылки. Трудпоселенцы не получали часто никакой зарплаты, поскольку суммы, которые им начисляли, были ниже тех, которые удерживала администрация за постройку бараков, предоставление средств производства, профсоюзные взносы, государственные займы и т.д. Предприятия имели тенденцию рассматривать этих «полусвободных-полузаклоченных» как бесплатную рабочую силу. В одном из докладов ОГПУ критиковалась позиция руководителей предприятий, которые заявляли своим работникам: «Мы могли бы вас вообще ликвидировать, в любом случае ОГПУ пришлет на ваше место еще сто тысяч таких, как вы!»³

К институционализированному насилию следует отнести и введение уголовного преследования в связи с уклонением гражданина от обязанностей в сфере труда, предписанных ему государством. В 1942 г. устанавливается уголовная ответственность для колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней (ответственность предусматривалась в форме исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев в том же колхозе с удержанием из оплаты до 25 % трудодней). В 1948 г. по инициативе Н. Хрущева (тогда первого секретаря ЦК Компартии Украины) Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих

¹ См.: Из письма Шолохова Сталину 4 апреля 1933 г. // Сарнов Б. Сталин и писатели: кн. 3. М., 2009. С. 9-18.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 207-208, 203.

³ Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А. и др. Чёрная книга коммунизма // http://www.goldentime.ru/nbk_07.htm.

антиобщественный, паразитический образ жизни» (не публиковался, вероятно, по причине его очевидно антикрестьянского характера). Согласно этому Указу, колхозные собрания получили возможность выселять колхозников, не выработавших минимума трудодней. За период действия Указа (1948 – 1953 гг.) было выселено 33 266 колхозников и 13 598 членов их семей¹.

Подобное насилие распространялось не только и не столько на колхозников: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. вводил 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю, а также запрещал самовольный уход с работы рабочих и служащих предприятий и учреждений (ранее рабочий день составлял 7-8 часов при шестидневной рабочей неделе). Уголовная ответственность вводилась за более чем двадцатиминутное опоздание на работу и выпуск некачественной продукции. Только в 1940 г. за нарушение этих законов было осуждено 3,3 миллиона рабочих, из которых 1,8 миллиона были приговорены к 6 месяцам исправительно-трудовых работ, а 322 тыс. – к тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев².

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. предписывалась мобилизация в промышленность от 800 тыс. до 1 млн. юношей и девушек путем обучения их в ремесленных училищах и ФЗО, а их выпускники должны были в обязательном порядке отработать четыре года на производстве. После начала Великой отечественной войны рабочий день был увеличен, введены обязательные сверхурочные работы (от 1 до 3 часов в день), отменены отпуска. В декабре 1941 г. мобилизованными объявили всех работников военной промышленности, в связи с чем самовольный уход с работы приравнялся к дезертирству. В 1942 – 1945 гг. проводились также мобилизации всего трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве. Современные специалисты по трудовому праву отмечают, что «такое «антирабочее законодательство» не ввело ни одно другое государство, а большинство из них не сделали этого даже в условиях войны»³. Мобилизация молодежи в ремесленные училища и ФЗО была отменена лишь в 1955 г., а судебная ответственность рабочих и служащих за

¹ Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. М., 2007. С. 75-77.

² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 138-139.

³ Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права. В 2-х тт. Т.1. 2-е изд., перераб. и доп. // [http:// yourlib.net/content/view/7466/88](http://yourlib.net/content/view/7466/88).

самовольный уход с предприятий и учреждений без уважительной причины – в 1956 г.

Принуждение к труду на государство не ушло в прошлое вместе со сталинской эпохой. В период «оттепели» разрабатывается и принимается широко известный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (в просторечии – указ о борьбе с «тунеядцами»)¹. Под тунеядцами в Указе понимались трудоспособные лица, не занятые трудом, который признавался общественно полезным. Характерно, что «тунеядцами» стали признаваться люди, неугодные властям (самый известный случай – высылка Иосифа Бродского в 1964 г.). Менее известно то, что «тунеядцами» признавались не только люди, нигде в принципе не работающие; в эту категорию включались люди, занятые частнопредпринимательской деятельностью, «извлекавшие нетрудовые доходы», работавшие не на государство, а на себя. Согласно записке министра внутренних дел В.И. Тикунова в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, за год применения Указа от 4 мая 1961 г. было задержано 239 938 граждан, уличенных в тунеядстве, в т.ч. 47930 человек (20 %) характеризовалось как «частные предприниматели», а еще около 23 тыс. человек (9 %) «извлекали нетрудовые доходы» от эксплуатации земельных участков, жилой площади, автомашин². Примечательно, что В.И. Тикунов особо отметил, что среди выявленных «тунеядцев» немало «плотников, столяров, печников, маляров, каменщиков, портных, сапожников, бондарей»³. Вот характерные случаи, приводимые в докладной записке министра юстиции В.А. Болдырева. Инженер-технолог Василенко, проживавший в г. Кизляре Дагестанской АССР, «оборудовал кролиководческую ферму и стал жить за счет приносимых

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» / На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945 – 1960-е г. М., 2010. С. 581-583.

² Докладная записка министра внутренних дел В.И. Тикунова в Бюро ЦК КПСС по РСФСР об итогах выполнения Указа от 4 мая 1961 г. за первый год его действия // На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945 – 1960-е г. М., 2010. С.650.

³ Там же. С. 651.

ею доходов... Хозяйство этой семьи: 340 кроликов, корова, бык, собственный дом». По решению суда Василенко был выселен на 5 лет с конфискацией имущества, «нажитого нетрудовым путем». Некто Игнатов, проживавший до 1961 г. в г. Орехово-Зуево, «построив дом, самовольно увеличил участок и стал извлекать нетрудовые доходы». Не спасло его и то, что он работал пожарником; суд посчитал, что эта работа была лишь «для видимости», и Игнатов был выселен на 5 лет с конфискацией автомашины «Победа», нового дома и сада¹.

Уголовные преследования лиц, которые вели частнопредпринимательскую деятельность, продолжались в СССР вплоть до принятия Закона «О кооперации», а некоторые из частных предпринимателей были освобождены лишь по амнистии, принятой Государственной Думой в начале 1994 г.²

Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением В. Магуна, что «трудовая идеология советского общества очень напоминала протестантскую трудовую этику»³. Конечно, определенное сходство имело место. И в протестантской, и в советской этике труд занимал важное место, обладая сакральным статусом. И в советской, и в протестантской этике осуждалось чрезмерное личное потребление. Желание быть бедным для протестантов, как подчеркивал М. Вебер, равносильно желанию быть больным и достойно осуждения⁴. Но принципиальная разница заключалась в том, что протестант трудился ради *себя и своей семьи*, а труд советского человека шёл преимущественно в «закрома Родины». Если же говорить о трансцендентном аспекте этих двух этик, то протестант усердным трудом зарабатывал свое *личное* спасение, советский же человек, как предполагалось, - «счастье будущих поколений». Те же, кто хотел

¹ Докладная записка министра юстиции РСФСР В.А. Болдырева в Совет Министров РСФСР с обобщением практики применения Указа // На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945 – 1960-е г. М., 2010. С.613.

² См., напр.: Козырев М. Подпольные миллионеры: вся правда о частном бизнесе в СССР. М., 2012.

³ Магун В. Смена диапазона. В поисках протестантской этики // Отечественные записки. 2003. № 3. С.264.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 191.

работать на себя и зарабатывать, как было показано выше, преследовались.

Насилие было важным, но не единственным инструментом принуждения к бесплатному труду. Идеальным вариантом было, когда гражданин не только и не столько боялся «Большого Брата» - но и любил бы его до слёз, интериоризировав заповеди коммунизма. (Примерно в то же время, когда Дж. Оруэлл описывал слезы Уинстона Смита, наконец возлюбившего Большого Брата, Борис Пастернак саркастично описал чувства «перековавшегося» интеллигента: «Это как если бы лошадь рассказывала, как она сама объезжала себя в манеже»). В 1930-е гг. советская пропаганда интенсивно внедряла в качестве эталонов поведения целый пантеон героев: от вымышленного Павки Корчагина до вполне реальных Алексея Стаханова, Паши Ангелины, Марии Демченко. Шахтер с отбойным молотком изображен на купюре достоинством в 1 рубль 1938 г. выпуска. Важно подчеркнуть, что они представлялись именно как герои, чьи деяния находятся на грани (или даже за гранью) возможного. Современные сталинские апологеты (как С. Кара-Мурза), пожалуй, даже усиливают мистический ореол их деяний¹. При этом важно подчеркнуть, что стахановское движение (а ранее было движение ударников) было именно движением, направляемым и инспирируемым сверху, но массовым движением. Каждый край, область, республика, город, даже каждое крупное предприятие во второй половине 1930-х гг. было обязано иметь своего стахановца – реального или фиктивного. Советский философ и историк В. Роговин (критически относившийся к сталинизму и симпатизировавший Л. Троцкому) отмечал, что «рекорды стахановцев... потому и выглядели столь ошеломляющими, что достигались на общем фоне слабого использования возможностей, заложенных в передовой технике. Вместе с тем многие стахановские рекорды явились результатом того, что впоследствии стало называться приписками. ... Сенсационное достижение Стаханова было достигнуто в силу замены прежней индивидуальной работы шахтеров (при которой каждый и рубил уголь, и крепил забой) бригадной организацией труда с разделением трудовых функций... Это было, несомненно, прогрессивным новшеством, и 102 тонны угля, выработанные звеном из трёх человек, представляли высокий экономический показатель. Однако

¹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 1. От начала до Великой Победы. М. 2002. С. 514-515.

администрация шахты, стремясь усилить впечатление от рекорда, приписала этот результат одному Стаханову. По тому же нехитрому принципу «оформлялись» и многие последующие рекорды: подсобные работы передавались подручным, конечный же результат приписывался кому-то одному, намеченному начальством в герои труда. При этом стахановцам создавались особо благоприятные условия работы, им передавали в первую очередь лучшее оборудование, механизмы и т. д.»¹.

Предоставление стахановцам бытовых привилегий, более благоприятных условий для труда и создание культа стахановцев вызывало неприязненную реакцию в рабочей среде (отсюда выражение «горбатый стахановец»)². И понятно почему: каждый стахановский рекорд был чреват для других рабочих повышением норм выработки при снижении расценок. Но критики стахановского движения были сразу же объявлены врагами советской власти, оппортунистами и вредителями³. В декабре 1935 г. прокурор СССР приравнял антистахановские действия к терроризму, и хотя некоторые из «преступлений против стахановцев» – не более чем несчастные случаи⁴, другие, вероятно, являлись ответной реакцией рабочих и служащих на намерение властей заставить их работать больше за ту же плату. Негативно относились к инициативам стахановцев и колхозники. «Вы, стахановки, мешаете всему колхозу», – приводит Ш. Фицпатрик слова одного из бригадиров свекловодческого колхоза в Курской области⁵.

Но при всех привилегиях, предоставляемых ударникам, передовикам и стахановцам, доступ к дефицитным материальным благам в значительной мере определялся не личными трудовыми усилиями, а положением в социальной иерархии. «Трудовые заслуги» на это положение не влияли или влияли в очень незначительной степени. Главным социальным лифтом служила комсомольская и партийная работа. Также в правящий слой СССР – номенклатуру, как отмечает Н.

¹ Роговин В. Сталинский неонэп // <http://trst.narod.ru/rogovin/t3/xxxvi.htm>.

² См., напр.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2008. С. 130.

³ Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14-17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М., 1935. С.297 (ср. С.143-144).

⁴ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С. 138-139.

⁵ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 165.

Восленский, попадали по протекции, знакомству, благодаря родственным связям или личной преданности, наконец, за взятку¹.

Во второй половине 1950-х гг. происходит важная перестановка пропагандистских акцентов. «Эпоха зрелищ кончена, идет эпоха хлеба, и перекур объявлен всем штурмовавшим небо». По мнению российских исследователей В. Михайлина и Г. Беляевой, акцент с «героев» и репрезентативных «трудовых подвигов» был перенесен на массовый энтузиазм. «С утратой права на незыблемый авторитет и соответствующим ослаблением легитимирующих иерархий пришлось переносить акцент на личную связь каждого гражданина СССР с общей священной идеей... Личный профессионализм, помноженный на личный энтузиазм, становится фирменным знаком эпохи»². Вероятно, этот процесс был связан не с чьими-то субъективными желаниями, а с тем, что советское общество к концу 1950-х гг. становится другим, более индивидуалистичным.

С этого же времени увеличивается и доля благ, предоставляемых советским гражданам из фондов общественного потребления, что отчасти компенсировало низкие доходы. Это бесплатное образование (обучение в старших классах школ при Сталине было платным), бесплатная медицина, бесплатное предоставление жилья. Правда, следует заметить, что доходы большинства советских граждан были слишком низки для приобретения жилья (те, кому позволяли средства, приобретали кооперативные квартиры), а отсутствие благоустроенного жилья вело к повышению социальной напряженности, чего власти после массовых волнений рабочих в Новочеркасске 1962 г. старались избегать³.

Хотя в 1960-е–1980-е гг. одни формы неоплачиваемого или недоплачиваемого труда исчезают или видоизменяются, получают распространение другие формы, в 1930-е – 1940-е гг., может быть, не столь заметные на фоне использования труда колхозников и

¹ См. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 280-286.

² Михайлин В., Беляева Г. Энтузиаст, сын героя: эволюция устойчивых конвенций в «оттепельном» плакате // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 185-186.

³ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010. С. 346-419.

заклученных. Это, в первую очередь, субботники – форма бесплатного труда, которая не только скрывалась, но, напротив, широко пропагандировалась и навязывалась как эталон социального поведения. Среди других форм – регулярная отправка учащихся и студентов на помощь колхозам. В каких-то случаях уборка урожая занимала неделю-другую, в каких-то – месяц, а в каких-то – и два месяца, как у школьников в Узбекистане. К помощи колхозам привлекались и рабочие и служащие промышленных предприятий. Конечно, можно было уклониться и от поездки в колхоз, и от субботника, но это было и не всегда удобно по отношению к коллегам по работе или учебе, и чревато обострением отношений с непосредственным начальством. На протяжении всего советского периода определенную роль в народном хозяйстве также сохраняли труд заключенных и труд военнослужащих (по призыву).

Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что в 1991 г. были раз и навсегда были похоронены намерения властей различных уровней попользоваться бесплатным трудом граждан. «Дома новы, но предрассудки стары». До сих пор несвободный, неоплачиваемый или «недоплачиваемый» труд распространен в бюджетной сфере, во взаимоотношениях государства с малым и средним бизнесом, а также бизнеса с наемными работниками. Разве несвоевременные выплаты зарплаты рабочим, столь распространенные в 1990-е гг., не являются фактически использованием бесплатного труда? И совсем недавний пример: президенту РТ Р. Минниханову приходится убеждать (!) глав муниципальных образований, что фирмы, ремонтирующие школы, не надо обманывать: «Коллеги, надо быть порядочными, если вы заказываете – надо заплатить... А то давай пока работай, а там посмотрим!»¹ Работодатель хочет сэкономить на работнике, работник считает, что работодатель всё равно его обманет – и это взаимное недоверие образует тот порочный круг, что препятствует развитию страны.

Вот так историческая память народа постоянно подкрепляется импульсами, исходящими от настоящего; и пока эта связь не будет разорвана, в исторической памяти постоянно будут актуализироваться обиды на государство, бессовестно присваивавшее чужой труд, и

¹ Голобурдова Н. Рустам Минниханов: «Если заказываете – надо заплатить. А то давай пока работай, а там посмотрим!» // www.business-gazeta.ru/article/64100.

паттерны поведения, направленные на противодействие такому присвоению – лень, саботаж, безынициативность по отношению к очередным «проектам» начальства и фантастическая изобретательность в улучшении своего личного благосостояния.

Н.А. Синицина

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Историческая память представляет собой сложный феномен сознания, существующий как на социетальном, так и на индивидуальном уровнях, выступающая как регулятив межкультурной коммуникации, инструмент социокультурного познания, средство идентификации и самоидентификации, интегративный фактор, ценностный ориентир, условие ретрансляции культуры. Сущностной характеристикой исторической памяти является ее одновременная устойчивость и мобильность, стремление к межкультурному диалогу и желание остаться в рамках доминантной социокультурной парадигмы. Рефлексивно осмысленная эмпирия культуры создаёт предпосылки для разработки нормативных социокультурных проектов, призванных оптимизировать функционирование общества в целом.

Историческое сознание и историческая память, в качестве его атрибута, есть результат сложного диалектического взаимодействия самых разнообразных факторов и детерминант, где случайность соседствует с закономерностью, а предустановленность нейтрализуется разнохарактерным внешним воздействием. Глубина исторической памяти в полной мере определяет способность общественного самосознания реагировать на социокультурную трансформацию и возникновение новых реалий культуры, подвергать анализу сущность, масштабы и значимость происходящих изменений, а, соответственно, объективно оценивать глубину и остроту создаваемых данными изменениями проблем, а так же возможности и пути их решения.

Социология по определению не может манипулировать пустыми абстракциями, но должна иметь дело с чем-либо гораздо более конкретным. Так, например, абстрактная модель пытается рассматривать

конкретный культурный тип индивида как «человека вообще». При этом вначале выдвигается абстрактное обоснование, которое объявляется универсальным, а затем следует констатация того, что, к сожалению, универсальный проект неприемлем. Очевидно, что любая реалистическая культурная программа предполагает совершенно определённые условия для её включения в жизнь. Данные условия нельзя считать само собой разумеющимися, важен тот исторический контекст, который вызывает их к жизни. Исследователю, делающему предметом специального внимания историческое самосознание, механизмы его формирования и эволюции, неизбежно приходится использовать два различных, но самым тесным образом взаимосвязанных между собой уровня анализа. Во-первых, это ситуационный анализ, то есть анализ реакции, вызванный той или иной социокультурной ситуацией. Во-вторых, анализ тех традиций, которые характеризуют специфику культуры общества, его совокупный исторический опыт.

Историческое сознание, равно как и историческая память, имманентны определённому человеческому материалу. Это может быть как моно -, так и поликультурное образование. Следует так же учитывать интенсивность трансэтнического взаимодействия, в результате которого происходит изменение традиций, культур и исторических судеб. В этом случае, если выше указанная интенсивность достаточно велика, то любое решение в сфере культуры должно учитывать фактор приспособления к новым культурным реалиям, в процессе спонтанной и одновременно целенаправленно организуемой ассимиляцией. В этом смысле историческое сознание определяется борьбой чувств, привычек, личностных структур, что, в конечном итоге, создает условия для его мобильности. Последнее имеет принципиальное значение с точки зрения необходимости преодоления возникающих проблем, когда в общественном сознании появляется стремление начать «с новой страницы», осуществить кардинальный разрыв с прошлым, объявленным предисторией.

В центре исторически обусловленной культуры расположена так называемая «национальная идея», которую прямо или косвенно следует учитывать в процессе социокультурной практики. Именно содержание национальной идеи в первую очередь определяет характер национальной культуры. Разумеется, под этнокультурной доминантой нельзя понимать некую завершённую и внутренне непротиворечивую теоретическую конструкцию или четкий набор социокультурных характеристик.

Исследователи исторического сознания расходятся, подчас весьма существенно, в определении параметров данного феномена, видя в нём либо совокупное представление о культурном идеале, либо выражение коллективных надежд, либо совокупность иллюзий. Тем не менее, несмотря на всю противоречивость и парадоксальность национальной идеи, она все-таки существует как мечта, факт сознания, факт культуры, оказывающий влияние, как на материальную жизнь общества, так и на культуuroобразующие процессы.

Правильнее всего было бы понимать под национальной идеей некую культурологическую метафору с неясной локализацией и неопределенным объемом. Речь идет о комплексе оптимистических представлений в отношении культуры конкретного социума и ее позитивных перспектив. Ядро этого комплекса составляют идеальные конструкции, зачастую являющиеся набором мифологем. Впрочем, мифологемы национальной идеи вырастают из реального состояния конкретной культуры, порождаются реакцией на ее сложность и противоречивость. И уж конечно мифологема отнюдь не является результатом произвольной игры индивидуального воображения, хотя оно и служит важной предпосылкой социокультурного мифотворчества.

Здесь мы имеем в виду организованные, институциональные усилия по продуцированию и трансляции современных культурологически окрашенных мифов. Средства массовой коммуникации не столько ориентированы на объективное исследование прошлого, сколько на его драматизацию и поэтизацию. Одновременно миф – продукт не просто коллективного, но массового творчества. Если мифологема каким-то образом вытесняется из массового сознания, она перестает существовать без каких-либо надежд на её реанимацию, поскольку её истоки следует искать, прежде всего, в национальном опыте, национальной культуре и национальном общественном сознании.

Наряду с мифологемами, каждая культура включает в себя, в качестве важного структурного элемента, тождественные им, по предметной определенности, социально-утопические конструкции. При этом утопия и миф необязательно отрицают друг друга. Первая может насыщаться мифологическими представлениями, а второй – интегрировать в себя некоторые утопические элементы. Даже в случае утраты утопическим проектом своей функциональности, он трансформируется в миф, фиксирующий представления о различных

сторонах социальной, политической, экономической и культурной жизни, о важных эпизодах истории.

По-видимому, основу идеализированного сознания составляет нерелигиозная сакрализация, той или иной культурой, территории обитания. Диапазон примеров достаточно широк: от «земли обетованной», до так называемого «Нового Света». В отношении последнего очень точно высказались П. Джестер и Н. Кордс: «Америка должна была обеспечить всем европейцам исход в идеальный мир – мир подобный тому, какой был описан сэр Томасом Мором и в котором могли быть решены социальные, политические и религиозные проблемы»¹.

Еще одной характеристикой исторической памяти является интенция национальной специфики в качестве культурного архетипа последней. Если не брать радикальные проявления данной интенции, такие, как, например, претензии на мировое господство, идея исключительности выполняет важнейшую функцию самоидентификации этноса и его культуры. Она указывает на тот факт, что данная страна или данный социум имеет какие-то специфические черты, то есть чем-то отличается от других в лучшую или худшую сторону, что часто соответствует действительности. На самом деле, культуры государств, сыгравших крупную роль в развитии мировой культуры, по ряду параметров, оказываются неповторимыми.

Очень часто представление о национальной исключительности соседствует в социокультурной парадигме с мифологией мессианства, так же амбивалентной по своей сути. С одной стороны, культурное мессианство может иметь интервенционистскую окраску, выражаться в стремлении агрессивного навязывания своих представлений относительно «идеальных» моделях культур всем остальным, а с другой – быть филантропичным и патерналистски чувствительным к чужим проблемам.

Национальная идея, как это отмечалось выше, играет исключительную роль в становлении и последующем развитии исторического самосознания, формировании культуры и самой нации. Особенное значение данный вывод приобретает применительно к поликультурному социуму. При неоднозначности или вообще отсутствии общего исторического прошлого, при разнообразии

¹ Gester P., Cords M. Myth in American History. L., 1997. P.12.

социокультурных и политических традиций, национальная идея, в качестве доминанты культуры, выполняет важнейшую интегративную функцию. Она объединяет все этносы, оказавшиеся на одной территории в единое целое, и одновременно отделяет их с помощью особой символики от всех остальных, поощряя, тем самым, позитивную антиципацию.

Помимо реализации интегративной функции, национальная идея объективируется и в рамках социокультурных потоков. Будучи элементом культуры, усваиваемой в процессе социализации, она влияла на формирование перцепций и культурообразующих установок. Образ «другого» в историческом сознании, взаимоотношения с ним формируются, в значительной степени, под воздействием укрепившихся в психике представлений культурного мессианства. Поэтому позиция государственных деятелей, озвученная в их выступлениях, должна рассматриваться не как простая риторика, за которой не стоит никаких убеждений, но как дань императивам исторического сознания и доминантной культуры.

Вообще надо заметить, что мифологизация исторического сознания и проникновение теоретических, логических элементов в мифотворчество, бытующее на уровне обыденного сознания, имеют в настоящее время широкое распространение, что свидетельствует об усложнении общества, о принципиальной невозможности его культуры быть редуцированной к простым схемам. Тем не менее очевидна необходимость постоянной модернизации исторического сознания, формирования новой социальной психологии, которая бы поощряла поиски в направлении налаживания межкультурного диалога. Последнее невозможно без вытеснения стереотипов, ориентирующих на деструктивные действия, способствующие общей декультурации. Это весьма продолжительный и очень непростой процесс. Он может явиться результатом не столько чистой саморефлексии, сколько естественным итогом переживания болезненного исторического опыта, переосмыслением допущенных ошибок, анализа ущерба нанесенного культуре.

Принципиально важной видится необходимость осознанных институциональных усилий в направлении демифологизации социокультурного пространства. Хотя данный процесс и носит преимущественно естественноисторический характер, он может быть

ускорен активностью средств массовой информации, научного сообщества, деятелей культуры, властных структур.

Одной из важнейших составляющих исторической памяти является фактор морали, который обнаруживает себя как регулятив социокультурной практики. Установлено, что генезис корпуса моральных ценностей берёт своё начало одновременно с началом этнообразующих процессов. Сам ход истории создаёт объективные предпосылки для формирования национальной культуры, являющейся основой тех идеалов и социальных институтов, которые впоследствии символизируют национальную идентичность.

Огромную роль в наполнении исторической памяти играет религия, поскольку предписания религиозных институтов долгое время выполняли по отношению к культуре детерминантную функцию. Религиозно детерминированный моральный кодекс определял социокультурные горизонты как для отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Пришедшее на смену религиозной доктрине, учение об ответственности индивида за соблюдение моральных норм, стало предпосылкой формирования светской культуры, в рамках которой человек стал восприниматься как общественное существо, способное к постоянному самосовершенствованию. Мораль стала восприниматься не только как императив культуры, но и как атрибутивное свойство природы человека. Предполагалось, что поскольку общественные черты воплощаются в особых принципах и нормах, а культура возникает лишь на определённой стадии консолидации общества, исконным и первичным компонентом человеческих связей является моральное отношение людей друг к другу.

Поликультурная объективация морали стала заметна в самых разнообразных модусах социального бытия. Так, в морали попытались обнаружить источник религиозного сознания. Моральность становится синонимом социальности, превращается в инструмент презентации общественной природы человека. Моральная активность индивида начинает выступать как единственно разумная основа социокультурной практики. Со временем, приобретая самостоятельность, мораль закрепляется в историческом сознании в виде системы ценностей, которая становится неотъемлемой частью культуры общества.

Если говорить о специфике современного исторического сознания новоевропейских социумов, следует подчеркнуть его предельную персоналистичность. Приоритетом в системе нравственных

категорий оказывается индивидуализм, интерпретируемый как ценность личности. Индивиду придаётся большее значение, чем той референтной группе, к которой он принадлежит. Это автономный субъект, обладающий способностью реализовывать себя в собственной социокультурной деятельности.

Другими фундаментальными ценностями современного исторического сознания могут быть названы личная свобода и личный успех. Самоутверждение в рамках описываемой нами парадигмы культуры предполагает свободу выбора и самооценку по результатам своей деятельности, а не по предписанным статусным характеристикам. В свою очередь личный успех составляет успех всего общества, что, в конечном итоге, формирует отношение к социокультурной активности как к единственному средству достижения успеха.

Принципиальное значение для современной культуры имеет идея эгалитаризма, предусматривающая универсальность равенства возможностей трудиться и добиваться успеха.

Социологический анализ выявляет причинно-следственную связь возникновения собственности в качестве результата деятельности, представления о социокультурном значении которой, также присутствуют в историческом сознании. В контексте современной культуры собственность воспринимается как изначально присущая индивиду. Она наделяет смыслом социокультурное пространство, поскольку именно в таковом индивид может поступать свободно, в соответствии со своими устремлениями. Отказ от собственности означал бы символическое отрицание личности, поскольку первая является важнейшим социокультурным атрибутом последней. Таким образом, общество перцептивно ориентируется историческим сознанием на то, что морально-должное и индивидуально-выгодное в равной степени нравственны, достойны, общепользны и понятийно тождественны.

Обретая самостоятельность в рамках исторического сознания, мораль всё больше взаимодействует с различными сферами культуры, в том числе и политической, декларирующей императивность институциональных усилий, направленных на заботу об общественном благе.

Развитие исторического сознания обусловлено политизацией моральных ценностей, наделением их политическими коннотациями. Кроме того, моральные категории отражают трансформацию культуры. Так, например, рост энтропийных процессов напрямую может быть

связан с эрозией традиционных ценностей. Переоценка ценностей неизбежно трансформирует социальное бытие, а изменение содержания исторического сознания связано с расхождением между моральными идеалами и их осуществлением в контексте социокультурной практики. Утрата ценностных коррелятов означает ни что иное, как потерю ценностным корпусом своей функциональности.

Этическая составляющая исторического сознания со всей очевидностью присутствует в социокультурной практике. Одновременно следует отметить различия в степени морализации таковой. Моральность может находиться на «среднем» уровне, а может приобретать самодовлеющий характер. При этом искусственная морализация культурной модели может преследовать различные цели и выступать в различных формах. Прежде всего, искусственная интенсификация морализации предполагает установление моральной доминанты, призванной дезавуировать антиномичные моралистические программы. Кроме того, артикулированная морализация стимулирует определенные сверхусилия, направленные на достижение некоего культурного идеала. Наконец, морализация служит оправданием прагматизации культуры, может быть связана с достижением конкретного целеполагания. Однако вместе с тем морализация способна приобретать самодовлеющее значение и оказывать обратное влияние на формирование культурной модели.

Под морализацией исторического сознания, с точки зрения социологии культуры, мы понимаем тенденцию рассматривать и оценивать социокультурную практику, преимущественно призму моральных ценностей и категорий. Интенсивная апелляция к морали «проясняет» и легитимизирует конкретику управленческих решений в области культуры, отражая при этом и процессы, происходящие в глубинных пластах исторического сознания.

В целом, исторический опыт складывается на основе осмысления и обобщения представлений о социальной реальности, путях и методах достижения культурного целеполагания и запечатляется во всех формах общественного сознания. Отголоски исторического опыта легко встретить во всех сферах культуры, включая правосознание, мораль, философию и, разумеется, социокультурную практику. Со временем этот опыт, становится предметом рефлексии в рамках культурного пространства.

Прежде всего, перед каждым носителем исторического сознания встают такие вопросы, как контакты, формы участия и содержание конечных результатов культурообразования. Всё это вопросы векторных ориентаций, фиксирующих экстравертность или интравертность содержания исторической памяти, замкнутость или открытость культуры по отношению к «внешней» культурной среде. Важно так же учитывать не только наличную культурную ситуацию, но и то, как эта ситуация воспринимается самим историческим сознанием, как она развивается, в каком направлении должна осуществляться ее трансформация. Особенность детерминации данной ситуации историческим сознанием заключается в том, что при всём возможном ее разнообразии и постоянном изменении, она, тем не менее, сохраняет ряд устойчивых параметров, фиксирующих соответствующие традиции. При этом вовсе не исключён консенсус между традицией и новацией в отношении целого ряда основополагающих принципов функционирования культурной модели. Следует подчеркнуть, что консенсус между различными воззрениями на наличную культурную ситуацию, равно как и претензии на аутентичное толкование последней, а так же требования устранить разрыв между социальной действительностью и культурным идеалом, в конечном итоге определяется содержанием исторической памяти.

И.Н. Стрекалов

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЕ КИНО ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ

Для того, чтобы понять жанровое своеобразие кинематограф определенной страны, мы должны обратиться к истории кино- к временам, когда стали появляться первые киноленты и режиссёры, традиционные темы и популярные герои. Именно поэтому, мы обратимся к истокам национального развлекательного кино Британии, которая многое могла себе позволить (Индия снабжала ресурсами...)

Начало развлекательного кино в Британии было положено в конце XIX в. У. Полем. Он провел первый сеанс английского фильма (1896 г.) в зале «Олимпия», Лондон. Поль сконструировал кинокамеру

почти одновременно с французами-братьями Люмьер и снял первые документальные и игровые сюжеты. В 1895-1896 гг. Поль снимал вместе с Бирт Акрес «Волны моря» в «Дерби» в Эпсоме. Этот продавец научных и оптических аппаратов выпустил в продажу свой театрограф (первоначально называвшийся аниматограф) и занялся обеспечением своих аппаратов репертуаром. В начале 1897 г. Поль вписал в каталог свою комедию «Ухаживание солдата». Был и второй вариант этой первой английской постановки.

Впоследствии каталоги Уильямсона отразилась в серии видов, посвященных Хэнли. Его последовательные планы начинаются панорамой, снятой с лодки, показывая толпы на берегах. Потом начинаются гонки и последовательно показываются лодки различных команд. Еще более оригинальны попытки Дж.-А. Смита, фотографа-портретиста, родившегося в 1864 г. в Брайтоне. В 1896 г. он построил аппарат, а в начале 1897 г. снял первые фильмы. Сцены, снятые под открытым небом – в саду или на пляже, – служили иллюстрацией лекций по фотографии. В апреле 1897 г. он продал фильм. Стал заниматься производством фильмов и выпустил в 1898 г. серию трюковых картин: «Золушка», «Фауст», «Призрак», «Ученик Месмера» и т.д.

Новые режиссёры начала XX в. – Сесиль Хепуортним. В 22 года молодой электрик тесно сотрудничал с У. Полем, издав в 1897 г. одно из первых руководств по кинематографии. В 1899 г. Сесиль Хепуорт вышел из фирмы «Варвик» и организовал свою собственную фирму. Первые комедии Хепуорта сняты под открытым небом в духе Люмера. Только после 1900 г. его фирма занялась настоящими постановками. В 1903 г. был выпущен фильм «Алиса в Стране Чудес» по книге Льюиса Кэрролла – в упрощенной версии, но с первыми спецэффектами.

Как мы видим, после Уильяма Поля появилось множество британских кинорежиссёров, снимавших свои небольшие киноленты в различных жанрах. Однако с 1908 г. начался кризис кинематографа. Большая часть капиталов помещалась в эксплуатацию кинозалов, а не в кинопроизводство. За годы Первой мировой войны кинопроизводство в стране сократилось, и уже в 1926 г. пресса писала о практическом его прекращении. Но кампания общественного мнения в поддержку национального кино привела к принятию в 1927 г. «Закона о квоте», который обязывал прокат к демонстрации определённого процента национальных фильмов. В результате в 1929 г. производство выросло до 129 фильмов. Следует отметить, что такая поддержка национального

кино Великобритании обществом, а затем и государством привела со временем к становлению традиционных тем британского кинематографа. Развитие британского кино привело к формированию таких жанров фильмов, как фэнтези, детектив и шпионский боевик. Им соответствуют три темы: волшебники и магия, поиски истины детективом, разведка и шпионаж.

Одной из традиционных тем, завоевавших признание зрительской аудитории, стала тема волшебства и магов, чародеев, колдунов. Безусловно, здесь мы отметим «Алису в Стране чудес», первую экранизацию которой представил уже знакомый нам Сесиль Хэпуорт ещё в 1903 г. Маленькая девочка попадает в волшебную страну, где ей встречаются самые разнообразные персонажи – и кролик, и Чеширский кот.... Английские режиссёры не раз возвращались к сказке Льюиса Кэрролла: фильм про Алису сняли Джонатан Миллер в 1966 г. и Уильям Стерлинг в 1972 г. Однако главная премьера в мире волшебства была ещё впереди.

В 2001 г. в прокат вышел фильм «Гарри Поттер и философский камень» – именно с него началась киноэпопея о мальчике-волшебнике, вступившем в схватку со страшнейшим магом всех времён – Лордом Волан-де-Мортом. В фильмах мальчик-сирота учится в волшебной школе Хогвартс, вместе с друзьями познаёт заклинания, которые могут исцелить человека, восстановить сломанную вещь, сотворить чудо, а может покалечить и даже убить человека. иннокритик Сергей Кудрявцев пишет о первом фильме, как о достойном просмотра, поскольку он занимает высокие позиции в кассовых сборах и является довольно интересной и сложной кинолентой. Гарри Поттер, роль которого ярко сыграл известный теперь британский актёр Дэниел

Другой значимой темой британского кинематографа является тема поисков истины детективами. Рассмотрим её на примере частного детектива, придуманного английской писательницей Агатой Кристи – Эркюля Пуаро. Бельгиец, которого все считают французом, ловко распутывает любые преступления с помощью своих «серых клеточек», не считая необходимым выходить для этого из дома. Пуаро становится знаменитым на всю Англию и выполняет даже расследования государственной важности. Он раскрывает множество дел и почти никогда не ошибается. Метод Пуаро заключается в том, чтобы увязать все факты, какими бы незначительными они ни казались, в единую картину. Он способен запоминать мельчайшие детали показаний

свидетелей, и именно эти детали приводят его к правильному решению задачи.

Гениальный детектив имеет долгую историю существования в британском кино, что подчёркивает процесс развития детективной темы в кино Британии, становление её как традиционной. Первым актером, сыгравшим детектива, был Остин Тревор, снявшийся в трех английских фильмах: «Алиби» (1931 г.), «Черный кофе» (1931 г.) и «Смерть лорда Эджвейра» (1934 г.). Наиболее известной лентой о Пуаро и наиболее значительной в истории детективного кино (премия «Оскар») стал фильм «Убийство в Восточном экспрессе» (1974 г.), великого детектива сыграл Альберт Финни. Питер Устинов – следующий исполнитель роли бельгийского сыщика. Он несколько дольше играл Эркюля Пуаро, чем его предшественники. Фильм «Смерть на Ниле» выходит в 1978 г., «Зло под солнцем» – в 1982-ом, «Свидание со смертью» – в 1988-ом.

Тем не менее, наиболее популярными экранизациями романов Агаты Кристи являются фильмы с Дэвидом Суше, который играет Пуаро с 1989 г. и до сегодняшнего дня. Сериал «Пуаро Агаты Кристи» с Дэвидом Суше завоевал не только любовь британцев, но и всего мирового сообщества поклонников творчества Агаты Кристи. Детективные расследования, как мы видим, действительно стали одной из традиционных тем британского кинематографа.

Наконец, третья тема британского кино, которую мы можем выделить, опираясь на зрительский опыт – это тема разведки и шпионажа, спецслужб. Здесь выделяется цикл фильмов, посвящённых Джеймсу Бонду. Первая постановка, которая называлась «Казино Рояль», была телесериалом и снята в США в 1954 г. Роль Джеймса Бонда сыграл Барри Нельсон. А «настоящая», как все считают, «бондиана», началась в 1962 г. Продюсеры Альберт Брокколи и Гарри Зальцман получили права на экранизацию романов Яна Флеминга, который очень ждал этого момента. Первым исполнителем роли агента 007 стал Шон Коннери, затем его сменило ещё 5 актёров.

Каждый фильм посвящён борьбе с террористическими организациями или психопатами, которые стремятся поработить весь мир и даже Вселенную. Но, какой бы сложной не была ситуация, Бонд обязательно с ней справится – в этом можно не сомневаться. Не стоит говорить и о том, какое огромное количество пародий на Джеймса Бонда можно увидеть в наше время на киноэкранах. Речь идёт о таких фильмах, как французская комедийная трилогия о Фантомасе 1964-66 гг. с Жаном

Марэ и Луи де Фюнесом, появившаяся на фоне популярности кинолент о Джеймсе Бонде. Известный британский комик Роуэн Аткинсон в наши дни также пародирует шпиона в известной серии фильмов об агенте 117. Следовательно, мы можем предполагать, что настоящий успех британскому кинематографу принёс именно этот культовый шпион на службе Её Величества – Джеймс Бонд, и именно поэтому шпионаж стал одной из ведущих и популярных традиционных тем британского кинематографа.

Обратимся к образу – Эркюля Пуаро. Этот персонаж знаком каждому из нас и стоит в одном ряду с такими детективами, как Перри Мейсон, Шерлок Холмс, комиссар Жюв и Жюль Мегрэ. Герой Агаты Кристи – частный детектив, которому даётся любая криминальная загадка. Кто же является его олицетворением в британском кинематографе? Конечно, Дэвид Суше. Дэвид Суше родился в 1946 г. К старшим классам Дэвид стал увлекаться театральным искусством. В возрасте 18 лет (в то время он играл в Национальном Молодежном Театре) он твердо решил стать актером, посвятить свою жизнь магическому миру драмы. В этом же году он поступил в Лондонскую Академию Музыки и Драматического Искусства (London Academy of Music and Dramatic Arts). Там он проучился 3 года.

В 1989 г. его пригласили сниматься в сериале «Пуаро Агаты Кристи». Дэвид Суше серьезно готовился к роли. «Когда мне в первый раз предложили сыграть Эркюля Пуаро более 10 лет назад, - говорит актер, - я проделал огромную тщательную работу. Я прочел для начала все романы и рассказы и также посмотрел, как другие воплощали его на экране. В некоторых постановках, к сожалению, он предстает как шут, клоун - немногим больше, чем персонаж одного измерения. Что-то вроде мюзикхолльной шутки»¹. В 1989 г. был снят и показан первый сезон сериала. Сериал не только понравился зрителям, он был еще и номинирован на премию Британской киноакадемии (BAFTA). Наряду с сериалом стали существовать и полнометражные фильмы. Внимания заслуживают «Смерть лорда Эджвера» и «Убийство Роджера Экройда», которые вышли в 2000 г. В 2008 г. вышел 11-й по счёту сезон киноэпопеи «Пуаро Агаты Кристи». В 11-м сезоне одним из ярких фильмов БЫЛ «Миссис Макгинти мертва». Л. Лаврунина пишет: «Кино

¹ Пичугина Д. Всё о «Пуаро». Процесс съёмок. <http://d-suchet.narod.ru/rus/poirot.htm>.

смотрится на одном дыхании и не вызывает ощущения затянутости. Как и полагается хорошему детективу, он держит нас в напряжении до самого конца – и только тогда раскроет все карты»¹. Главные качества знаменитого сыщика: Осторожность воспитанность, стремление к истине, к раскрытию преступления, тщеславие («Он тщеславен и несколько нескромен»²).

В 1962 г. на экраны вышел фильм «Доктор Но» – уже в названии было заложено имя злодея, с которым будет бороться новый для публики герой. На сегодняшний день снято 22 официальных фильма о Джеймсе Бонде, супершпиона сыграли 6 актёров. Каждый из них внёс какие-то новые черты в образ англичанина Джеймса Бонда. Все черты образа агента 007 мы определили, проанализировав статью С. Силиной «Джеймс Бонд. Кто станет седьмым агентом 007?» в журнале «Отдохни!», а также изучив рецензии С. Кудрявцева на фильмы «бондианы» (из книги «3500 кинорецензий») и статью «Пять ликов Джеймса Бонда» Н. Агарковского в журнале «Итоги». Важнейшее качество Бонда – его идеальность. Н. Агарковский в статье «Пять ликов Джеймса Бонда» отмечает, что «читатели нашли в герое и его приключениях то, чего нормальный человек в обыденной жизни лишен»³.

Первым и самым удачным, по мнению большинства зрителей, Бондом является Шон Коннери. Он родился в 1930 г. в Шотландии. В 1956 г. состоялся его дебют на ТВ. И 1962 г. оказался решающим для начинающего актёра – Коннери получил роль агента 007. Фильм имел успех, и затем последовало ещё несколько картин с Шоном: «Из России с любовью» (1963), «Голдфингер» (1964), «Шаровая молния» (1965), «Живёшь только дважды» (1967), «Бриллианты навсегда» (1971), «Никогда не говори никогда» (1983).

В ходе очередного опроса, приуроченного к выходу на DVD и Blu-ray 22-го фильма о Джеймсе Бонде «Квант милосердия» в 2008 г., Шон Коннери был назван лучшим исполнителем роли агента 007. Он воплощает в образе Бонда такие качества, как: - обаяние (ни одна

¹ Лаврушина Л. Пуаро: Миссис МакГинти мертва. <http://www.myjane.ru/articles/text/?id=5751>.

² Там же.

³ Агарковский Н. «Итоги». Пять ликов Джеймса Бонда. <http://www.itogi.ru/archive/2001/23/105699.html>

девушка, которая общалась с ним, не сумела устоять перед его шармом; по словам С. Силиной, «участие в ...сериях «бондианы» лишь укрепило славу Коннери как главного мирового секс-символа»¹);

- хладнокровность (никогда не задумывается, убивая врага или человека, мешающего ему выполнить задание; С. Кудрявцев отмечает, что агент 007 «благодаря ...самообладанию всегда выходит «сухим из воды»²).

- остроумие (как пишет кинокритик С. Кудрявцев, «Коннеровский Джеймс Бонд действительно умен и обладает хорошим чувством юмора»³).

Второй исполнитель роли, Австралиец Джордж Лэзенби родился 5 сентября 1939 года в Новом Южном Уэльсе, в Австралии. Мечты о модельной карьере привели его в Лондон, где Лэзенби отметился участием в телешоу, съёмках рекламных роликов. Каким образом он попал в «бондиану» в 1969 г., снявшись в фильме «На секретной службе Её Величества»? Как бы то ни было, Джордж Лэзенби не принёс успеха этому сериалу: фильм провалился в прокате. Надо сказать, что Джордж Лэзенби привнёс такие качества в образ Бонда, как:

- самоотверженность (в начале фильма он спасает девушку из рук опасных злодеев, оставаясь при этом живым);

- ранимость Бонд потерял жену. Н. Агарковский отмечал, что именно «эта лента выглядит самой человечной»⁴.

В 1995 г. вышел очередной «бондианы». Он был абсолютно новым: новый продюсер – дочь Альберта Брокколи, Барбара Брокколи, а вместе с ней и её супруг, Майкл Уилсон.

Итак, история кино Британии уходит корнями в 1896 г., когда первый британский режиссёр У. Поль показал свой фильм. Появление кино породило «брайтонскую школу» самостоятельных режиссёров, в частности, С. Хэпуорта. Пережив кризис Первой Мировой, английское кино испытало подъём, став национальным. Сложилось

¹ Силина С. «Отдохни!». Кто станет седьмым агентом 007?/ Гл. ред. Степанова И.; М., 2008. С.166-168.

² Кудрявцев С. 3500. Том 1. «Из России с любовью». Шпионско-приключенческий фильм с элементами иронии. М., 2008. С. 442.

³ Агарковский Н. Пять ликов Джеймса Бонда.
<http://www.itogi.ru/archive/2001/23/105699.html>

⁴ Там же.

традиционные темы: тема волшебства, тема детективных расследований и тема шпионажа. Рассмотрев наиболее популярных киногероев Великобритании – волшебника Гарри Поттера, детектива Эркюля Пуаро и шпиона Джеймса Бонда (согласно результатам нашего опроса), мы приходим к выводу, что в британском кинематографе сложились различные образы: героя-волшебника, который целеустремлён, самостоятелен и при этом слегка романтичен; героя-детектива, который аккуратен, воспитан, всегда докапывается до истины, но в тоже время может показать и нотки тщеславия; героя-шпиона, который обаятелен и хладнокровен, но при этом раним и имеет хорошее чувство юмора. Таким образом, мы получили достаточно полную картину становления, развития развлекательного кино в «стране туманного Альбиона», что, безусловно, может быть полезно для дальнейшего анализа британского кино киноведами.

А.Ю. Суслов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ОППОЗИЦИОННЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Важной теоретической проблемой современной интеллектуальной истории является обращение к феномену исторической памяти. Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают

как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях¹.

Историография, как и историческая память, эволюционирует в связи с нуждами и потребностями общества. Немецкий историк Д.Динер сформулировал эту проблему весьма четко: в настоящее время, пишет он, можно констатировать смену парадигм в исторической науке, а именно, обращение от изучения «общества» к изучению «памяти». Это обращение указывает на глубокие изменения в понимании истории². Причины таких изменений многообразны, но главное – необходимость изучения опыта прошлого и переживания истории в разных исторических пространствах, где существует иной опыт, иная память о прошлом. История памяти чрезвычайно расширяет материал, с которым могут работать историки: не только литература и кино, но и искусство,

¹ Репина Л.И. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.414.

Проблему исторической памяти (на примере Великой Отечественной войны) хорошо выразил писатель Д.Гранин в книге «Мой лейтенант», описывая выступление одного из участников обороны Ленинграда на собрании ветеранов: «Рассказ его получился для меня о совершенно незнакомой войне, где наш батальон действовал в той же самой местности, в те же месяцы. Там должен бы быть и я, но меня там не было». См.: Литературная газета. 2012. 1 – 7 февраля (№4). Это доказывает, что у разных людей и у разных социальных групп существует иной опыт, иная память о прошлом, в основе которой может лежать совсем иное мировоззрение.

² Diner D. Von «Gesellschaft» zu «Gedachtnis» – über historische Paradigmenwechsel // Über jüdische und andere Geschichten. München, 2003. S.7 – 15. Цит. по: Эксле О. «История памяти» – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2012. С.78 – 79.

Литература, посвященная проблеме исторической памяти, довольно обширна и насчитывает только с конца XX в. сотни названий. См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С.17 – 50; Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С.33 – 45; История и память / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006; Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007; Соколова М.В. Что такое историческая память? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С.37 – 44; а также специальные номера журналов «Неприкосновенный запас» (№ 2/3 (40-41), 2005) и «Отечественные записки» (№4 и №5, 2008), посвященные коллективной и исторической памяти.

архитектура, музыка вовлекаются в сферу рефлексии памяти, поскольку именно они облачают память в образы. Изучение исторической памяти отнюдь не должно заменить все другие виды исторического познания, дополняя их.

О значении аудиовизуального материала очень точно высказался Пьер Сорлен: «Задача историка заключается теперь не только в том, чтобы собирать неизвестные источники и делать их доступными для всех: вместо этого он должен научиться использовать материал, который уже широко известен. Если бы ученые прошлого не выполнили своих грандиозных задач, сегодня не было бы «позитивной», или «научной» истории. Но если современные историки будут игнорировать аудиовизуальный материал, он продолжит свое существование и без них, как история посредством изображений. И в конечном итоге публика потеряет всякий интерес к специалистам, а сами специалисты окажутся в курьезной двойственной ситуации, производя свои исследования в замкнутом пространстве библиотек, но обращаясь к телевизору всякий раз, когда им нужна информация о настоящем. Историки обязаны проявлять интерес к миру аудиовизуального, если они не хотят стать шизофрениками, отвергнутыми обществом как носители вышедшей из моды эрудиции»¹.

Близко (но не тождественно) к исторической памяти стоит понятие «исторического сознания». Этим понятием охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспринимает и оценивает) свое прошлое, – точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени. Еще М.А.Барг отмечал, что историю историографии и исторической науки можно изучать двояким образом. Во-первых, с внешней стороны, т.е. как эмпирически зримую цепь сменявших друг друга, с течением времени, историографических школ и направлений. Во-вторых, ту же историю можно изучать с ее «невидимой», внутренней стороны, т.е. как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры, в частности с ее мировоззренческой сутью. Последнюю

¹ Sorlin P. How to Look at an «Historical» Film // The Historical Film: History and Memory in Media. New Jersey, 2001. P. 26.

же выражает в каждое данное время в наиболее доступной историографии форме именно историческое сознание¹.

Следовательно, историческое сознание может использоваться как синоним исторической памяти, однако в целом это более широкое понятие, так как включает память как «стихийный» феномен и одновременно научно-историографические представления о прошлом². Историческое сознание предполагает наличие по меньшей мере элементов рефлексии относительно собственных представлений о прошлом³. Массовое историческое сознание опирается на стереотипы, которые, являясь устойчивыми представлениями о той или иной исторической проблеме, имеют, тем не менее, тенденцию к изменению. Можно выделить целый ряд источников формирования подобных стереотипов. Во-первых, стереотипы массового исторического сознания в значительной степени зависят от системы ценностей, преобладающей в обществе. Во-вторых, они сознательно формируются государственной пропагандой, реализующей свои цели путем разнообразных средств, в том числе и средств художественного воздействия (в XX в. «производство» популярной истории почти полностью перешло в руки посредников, литераторов и кинематографистов, которые используют исторические сюжеты, создавая свои образы прошлого). В-третьих, они возникают под влиянием конкретно-исторической обстановки, исторического и политического контекста и даже идеологической и политической конъюнктуры. В-четвертых, стереотипы массового исторического сознания в немалой степени являются следствием преподавания истории и отражают, тем самым, определенные

¹ Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С.49 – 66.

² См.: Репина Л.П. Категория «историческое сознание» в историко-историографическом исследовании // Чтения памяти М.А.Барга. М., 2006. С.158 – 168.

³ В качестве примера попытки рассмотрения истории политических партий с точки зрения эволюции исторического сознания см.: Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры и меньшевики в историческом сознании российского общества: эволюция образа в кинематографе // Вестник Казан.технол.ун-та. 2010. №3. С.287 – 291. См. также: Гольцов В.И. Гражданская война и массовое историческое сознание: эволюция стереотипов // Россия от Первой мировой войны до образования СССР. Вып.1. Самара; М., 2011. С.105 – 123.

концептуальные установки исторической науки¹. В-пятых, они зарождаются под влиянием тех или иных комплексов и фобий, свойственных массовому сознанию, коллективной исторической памяти. Многозначность понятия «историческая память» является одним из факторов, определяющих его востребованность в современном гуманитарном знании.

Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, то есть задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная советская литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности. Поэтому с первых лет большевистской власти историки советского общества были поставлены в зависимое положение. Историческая наука формировала соответствующее историческое сознание общества, представления о роли врагов большевизма.

Именно тогда, в 1920-е годы, в стране сложился своеобразный тип связи науки, идеологии и политики, который продолжал господствовать и далее². После окончания гражданской войны власть организует Комиссию по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) с филиалами по всей стране. Истпарт был создан при Наркомпросе в сентябре 1920 г. и передан под начало ЦК РКП(б) в декабре 1921 г. Одной из главных задач Истпарта было собирание документов и материалов по истории революционного движения и Октябрьской революции, в том числе за рубежом.

Создаются новые библиотеки, архивы, музеи для хранения «памятников» революции. Появляется первое поколение историков-марксистов, формировавшихся из партийной среды (в основном, социал-

¹ Современные исследования (и в России, и за рубежом) показывают, что формально большинство населения когда-то получило информацию о прошлом из учебников (в рамках всеобщего школьного образования) и считает этот источник самым значимым, но фактически основными текущими источниками являются кино и телевидение, затем следуют популярные и художественные печатные издания, потом – музеи, экскурсии и устные рассказы, и наконец – радио и специальная историческая литература. См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2007. С.457.

² Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. М., 2003. С.13.

демократической) и связанных после 1917 г. с государственной деятельностью. Именно они (И.И.Минц, М.В.Нечкина, А.Л.Сидоров, Э.Б.Генкина, Н.Л.Рубинштейн, А.М.Панкратова и другие) стали активными участниками острой идейной борьбы с противниками большевизма. Эта борьба была частью глобального государственного проекта по конструированию образа революции, гражданской войны и истории большевистской партии. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги, официальные церемонии и празднества¹, агитпоезда, фотографии, кинофильмы формировали, как отмечает Ф.Корни, «основополагающие нарративы» нового режима², включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции».

Важной частью пропаганды становится кино (именно с 1920-х гг. восприятие мира современным человеком становится все более опосредованным экраном), где образы меньшевиков и эсеров изображаются резко отрицательно. Начало расцвета кинематографа совпало с формированием тоталитарного режима³. Знаковым стал документальный фильм С.Эйзенштейна и Г.Александрова «Октябрь» (1927 г.), где после выступающего на трибуне меньшевика показывались руки, перебирающие струны арфы, а речь эсера монтировалась с балалайкой. И то, что в последующие десятилетия советской власти фильм ассоциировался с представлением о «Великом Октябре», в немалой степени было сформировано именно Эйзенштейном, его весьма образную кинематографическую версию выдавали чуть ли не за документальную фиксацию свершившегося. «Октябрь» можно считать в мировом кино одним из первых примеров воплощения на экране «второй реальности», кажущейся подлиннее настоящего. Так, в ряде позднейших картин 1930-х гг. сцена штурма Зимнего дворца из фильма Эйзенштейна вставлялась как черно-белый «документальный» отрывок.

¹ О процессе становления системы советских праздников как части социального конструирования см.: Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы. Казань, 2005.

² Corney F. Telling October: memory and the making of the Bolshevik revolution. Ithaca, 2004. P.10.

³ Подробнее о роли документального кино в советской культуре 1920-х см.: Papazian E. Manufacturing truth: the documentary moment in early Soviet culture. DeKalb, 2009.

Существенную роль в формировании представлений о социалистах сыграл документальный фильм Д.Вертова «Процесс эсеров». Сюжеты про судебный процесс 1922 г. стали первыми частями киножурнала «Кино-Правда», в том же году материал был смонтирован в отдельный фильм; информация о первом дне суда завершалась крупным планом нагана, из которого, как свидетельствует надпись, стреляли в Ленина – Вертюв умел поддерживать напряжение в зрителе, предвосхищая авторов современных телесериалов. Первоначально власти не видели смысла для съемок в зале суда, Д.Вертову с трудом удалось добиться разрешения – первые выпуски «Кино-Правды» ограничивались уличными сценами и показом массовой демонстрации в поддержку обвинения 20 июня 1922 г. Однако затем власти, озабоченные реакцией населения на эсеровский процесс, допустили Вертова для съемок собственно судебных заседаний. Вертюв искусно манипулировал образом обвиняемых и образом возмущенного зала, его камера как бы ловила преступников врасплох, показывая затем широкое обсуждение хода суда и приговора.

К.Ватулеску, анализирувшая советскую культуру 1920-х, отмечала, что Д.Вертов в традициях голливудских фильмов назначал аудитории в суде роль присяжных заседателей¹. Документальный фильм «Процесс эсеров» сыграл огромную роль в антиэсеровской пропаганде – кинохроника распространялась по всей стране и за рубежом, а сам режиссер сравнивал свое творчество с работой агентов ГПУ, которые также не знают, что их ждет, но имеют определенную конечную задачу². Найденные Вертовым приемы – нагнетание обвинений при фактическом отсутствии защиты, компрометация представителей социал-демократии, апелляция к мнению толпы (показ митингов «по адресу правосудия») — в фильмах-процессах 30-х годов превратятся в кинематографический штамп. Вожди революции заняли чужие места в мифологическом сознании, и покушение на них стало восприниматься как святотатство. Вертюв через монтаж превратил орудие покушения на вождя в своеобразный тотем, оставляющий в подсознании зримый след, вопреки времени, вытеснившему его из памяти. Режиссер стремился не просто отражать политические события, как в прежней кинохронике, но

¹ Vatulescu C. Police aesthetics: literature, film, and the secret police in Soviet times. Stanford, 2010. P.92.

² Ibid. P.85.

вскрывать политический смысл происходящего собственно кинематографическими средствами.

Карикатурными были образы социалистов в популярных фильмах 1930-х гг., эсеры и меньшевики откровенно высмеивались (трилогия о Максиме Г.Козинцева и Л.Трауберга, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М.Ромма). Литература и кино фактически становились институтами по «производству Истории»¹. Именно кино предоставляло наибольший простор для мифологизации истории.

Важным фактором фиксации в общественном сознании образов социалистов можно считать фильм «Ленин в 1918 году» (1939 г., режиссер М.Ромм; Сталинская премия 1941 г.), где Фанни Каплан в исполнении актрисы Н.Г.Ефрон запечатлелась в сознании миллионов советских граждан как эсерка, стрелявшая в вожда. «Эсерка Каплан стала настоящей инкарнацией врага», – отмечает в своей монографии о советском кино Е.Добренко². Критика писала об «акте гражданского, артистического мужества, который совершила Н.Эфрон, снимаясь в роли Каплан»³. Фильм «Ленин в 1918 году» был теснейшим образом связан с показательными процессами 1930-х гг., с атмосферой Большого террора. «В разоблачении подлинной обстановки покушения на Ленина фильм идет значительно дальше многих до сих пор опубликованных работ», – отмечалось рецензентом картины. И далее: «опираясь на многочисленные исторические материалы, в частности на материалы последних судебных процессов над врагами народа, авторы фильма нарисовали исторически правдивую картину того, как все силы контрреволюции объединились в одну силу, направившую злодейскую руку преступницы Каплан»⁴. Таким образом, художественный кинематограф развивался с учетом историографической ситуации и сам стимулировал историческую среду.

¹ Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008. С.7.

² Там же. С.354.

³ Зак М. Михаил Ромм и традиции советской кинорежиссуры. М., 1975. С.103. В массовых советских инсценировках 1920-х гг., как отмечает С.Ю.Малышева, «большой проблемой организаторов было найти желающих «играть» меньшевиков и эсеров. См.: Малышева С.Ю. Указ.соч. С.266.

⁴ Григорьев Э. О фильме «Ленин в 1918 году». М., 1939. С.17.

Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания – в конечном счете, в процесс своеобразного «конструирования прошлого». Для того чтобы то или иное историческое явление закрепилось в коллективной памяти, оно должно наполниться смыслом для ее носителей. Такие конструктивные элементы получили в исторической науке названия «фигуры воспоминания» или «места памяти». Они являются главными ориентирами для членов сообщества и дают представления о прошлом и настоящем. С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой пропаганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м годам такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Интерес к изучению истории российских политических партий возродился во второй половине 1950-х гг., демонстрируя благоприятные для исторической науки последствия либерализации советского общества. Смягчение режима выразилось в открытии ряда тем для исследований, критике «ошибок» и «недостатков» прошлых лет. Тем не менее, советская наука продолжала оставаться государственным проектом, с четко очерченными рамками и идеологическими установками. Сохранялись многие черты историографии 1920-х годов – прежде всего, убеждение в превосходстве марксистско-ленинской идеологии, представления о роли исторической науки в политической борьбе за социализм. Жесткий контроль исключал независимость исследователей, обязывал их следовать решениям партийных органов¹. Оставались и организационные формы прошлых лет, приоритет партийных учебных и научных центров. В общественном сознании сохранялся образ меньшевиков и эсеров как «врагов революции», заговорщиков и пособников белогвардейцев.

В то же время эти представления постепенно начинают разрушаться, хотя и в ограниченных масштабах. Этому способствовала критика сталинизма в годы оттепели, появление в 1960-е годы

¹ См.: Историки России. Послевоенное поколение. – М., 2000; Трофимов А.В. Власть и историческая наука: проблемы отечественной историографии послесталинского десятилетия. Екатеринбург, 2000; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005, и др.

неподцензурной диссидентской литературы (самиздата) – прежде всего произведений В.Шаламова и А.Солженицына, публикация художественных произведений (романов, пьес) и фильмов о гражданской войне, чекистах, эмиграции, Б.В.Савинкове и левых эсерах. В них образы «врагов революции» были иногда далеки от карикатурных – можно выделить фильм «Шестое июля» (1968 г., режиссер Ю.Ю.Карасик, сценарист М.Г.Шатров) о выступлении левых эсеров в 1918 г.¹, снятый к юбилею ВЧК сериал «20 декабря» (1981 г., режиссер Г.Никулин, сценарист Ю.Семенов) и другие. Образ М.Спиридоновой в исполнении А.Демидовой («Шестое июля») запомнился зрителями своими человеческими чертами – искренностью, цельностью, убежденностью, о чем актриса говорила сама². Далеко не всеми фильм был встречен благожелательно: историки Н.В.Савинченко и А.И.Широков в своей рецензии обозначили «ложный замысел фильма» и «фальшивое новаторство». «Историческое событие – разгром мятежа «левых» эсеров – показано в кривом зеркале», – подытожили они³. Исполнитель роли В.И.Ленина в фильме «Шестое июля» артист Ю.И.Каюров вспоминал в эфире радиостанции «Свобода» 21 января 2004 г., что отрицательная

¹ Бывшая левая эсерка Б.А.Бабина (1894 – 1983) в своих мемуарах конца 1960-х гг. писала: «Случилось так, что в эти дни, спустя полные полвека после рокового V съезда Советов, я смотрела идущий на экранах Москвы фильм под названием «Шестое июля». С тревогой ожидала увидеть и услышать шаблонный поток лжи и клеветы. Этого не произошло. Скажу больше: события тех дней были изложены исторически верно, не было и привычного для наших официальных историков стремления показать героев этих событий в качестве разновидностей контрреволюции». См.: Бабина Б.А. Февраль 1922 // Минувшее: исторический альманах. Вып.2. М., 1990. С.35.

Примечательно, что фильм «Шестое июля» посмотрело в 1968 г. 33,2 млн. зрителей (14-е место в прокате), он получил специальный приз на кинофестивале в Карловых Варах.

² «Чем искреннее, убежденнее Спиридонова, чем меньше она похожа на трафаретного врага, чем больше в ней каких-то даже симпатичных, человеческих черточек, тем трагичнее будет обреченность ее дела. Может быть, следовало поискать в этом характере еще большей глубины». См.: Демидова А. «Почему я хочу сыграть Гамлета» // Юность. 1968. №8.

³ Савинченко Н.В., Широков А.И. О фильме «Шестое июля» // Огонек. 1970. № 13. С.25.

рецензия в «Огоньке» помешала получить создателям фильма Ленинскую премию¹.

Деятельности Б.В.Савинкова были посвящены фильм «Крах» (1969 г.) и мини-сериал «Синдикат-2» (1981 г.). Также Савинков показан в фильме «Незабываемый 1919 год» (1951), в фильме «Чрезвычайное поручение» (1966), в мини-сериале «20 декабря» (1981). В телевизионном мини-сериале «Операция «Трест» (1967) неоднократно озвучивается различная информация о Савинкове (его деятельность после Октябрьской революции, арест, признание на суде Советской власти и др.). В роли Савинкова снимались такие известные советские актеры как В.Самойлов, А.Пороховщиков, Е.Лебедев.

Событием стала публикация 21 апреля 1962 г. в газете «Известия» рассказа писателя Э.Г.Казакевича «Враги» с версией о том, что Ленин способствовал нелегальному выезду Мартова за границу, чтобы спасти его от чекистских репрессий. Этот рассказ по-иному характеризовал меньшевистского лидера, что было немедленно отмечено русскими эмигрантами – Н.В.Вольский писал сестре Мартова Л.О.Дан 12 мая 1962 г.: «Исторически это неверно, насколько знаю. Ленин открыто, а не секретно дал Мартову позволение выехать за границу. Но вся статья в «Известиях» меня поразила. Весь тон ее не тот, с каким компресса обычно говорит о меньшевиках»².

Кинематограф «оттепели» был напрямую причастен к кризису советской идеологии, стал точкой отсчета для ее «заката». Попытка вдохнуть в нее новую жизнь с помощью фильмов историко-революционной тематики, отождествление эпохи «оттепели» с периодом первых лет революции (не случайно «Шестое июля» было черно-белым фильмом, ассоциирующимся с документальной хроникой 1920-х), когда еще не было сталинских репрессий, оказалась неудачной. Одной из главных причин стало то, что «оттепель» создавала свои мифы (прежде всего о В.И.Ленине и идеальном обществе – справедливом и гуманном) в противовес официальным мифам сталинской эпохи, не имея возможности выйти за рамки «социализма с человеческим лицом» и

¹ «В шкуре вождя» // <http://archive.svoboda.org/programs/sp/2004/sp.012104.asp>. Одним из консультантов фильма «Шестое июля» был историк В.Т.Логинов, в тот момент научный сотрудник ЦПА ИМЛ и член художественного совета «Мосфильма».

² Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987. С.177.

незыблемости революционных идеалов¹. В итоге советская культура немало способствовала разрушению советской системы, так как произведения советской культуры и особенно советское кино сохраняли свою художественную ценность прежде всего своими избыточными смыслами, теми, которые не предполагала система. Для нее любой вид искусства оставался, прежде всего, средством пропаганды и агитации.

В середине 1970-х гг. в Советском Союзе появился новый тип ученого-гуманитария. Это социальный аутсайдер, принципиально не связанный с официальными академическими учреждениями и ведущий подпольную по сути научную работу: результаты ее лишь изредка попадают в печать². Особый интерес «подпольщиков» вызывали последние годы императорской России и советская история 1920 – 1930-х гг. Научные исследования чаще всего смыкались с политическим диссидентством (так, в 1973 г. историк Г.Г.Суперфин был арестован за помощь А.И.Солженицыну в сборе материалов для «Архипелага ГУЛАГ»). Выпуск сборников исторических документов, получивших название «Память», был налажен в Париже издательством «УМСА-Press» (материалы для него поставляла группа ленинградских историков, возглавляемая А.Б.Рогинским) – было выпущено в 1976 – 1981 гг. пять томов. Издание альманахов было теснейшим образом связано с именем В.Аллая, вскоре создавшего собственное издательство «Atheneum». В 1986 г. под маркой этого издательства появился первый выпуск «Минувшего», продолжившего традиции альманаха «Память» (до 1991 г. было выпущено 12 томов «Минувшего»). В этих сборниках значительное внимание уделялось истории социалистического сопротивления тоталитаризму – публиковались мемуары, интервью и письма эсеров и меньшевиков (В.О.Левицкого, Б.А.Бабиной, В.Аркавиной, М.Л.Свирской, Е.М.Тимофеева, Г.Максимова и др.), а также исторические исследования (Ю.Г.Фельштинский, Р.Пайпс, Т.И.Тиль – псевдоним Д.М.Бацера, и др.) Диссиденты пытались выполнить в весьма

¹ Подробнее см.: Soviet Cinematography 1918 – 1991: Ideological Conflict and Social Reality. New York, 1993. P.129 – 145; Кинематограф оттепели / Отв.ред. В.Трояновский. Кн.1. М., 1996; Кн.2. М., 2002; История страны / История кино / под ред. С.С.Секиринского. М., 2004.

² См. подробнее: Новейшая история отечественного кино. 1986 – 2000. Кино и контекст. Т. V. СПб., 2004; Большев А. Диссидентский дискурс и русская история. СПб., 2005.

сложных условиях важную миссию сбора исторических сведений у последних членов социалистических партий, находившихся в СССР. Таким образом, возник новый канал «трансляции» исторической памяти, не опосредованный официальной идеологией.

В 1990-е годы процесс воздействия киноискусства на общества стал еще более сложным. Весьма характерен для современного состояния обыденного исторического сознания российского общества сюжет с Ф.Каплан – в нем причудливо переплетаются новые научные исследования, давние стереотипы и фантастические гипотезы¹. Покушению на Ленина в 1918 г. посвящено несколько документальных фильмов («Фиалка террора», 2003, Украина, реж. И.Кобрин; «Кто заплатил Ленину: тайны века», 2004, Россия, реж.Г.Огурная – выдвигается версия о причастности Парвуса к покушению 1918 г.; «Тайны века. Ульяновы. Неизвестная семья. Покушение», 2004, Россия, реж. О.Рясков и др.), множество газетных, журнальных и сетевых публикаций. Показательно, что, несмотря на привлечение весьма авторитетных ученых в качестве экспертов, в большинстве случаев продолжают тиражироваться старые мифы параллельно с новым мифотворчеством. Вполне можно согласиться с А.П.Ненароковым, что «роль телевидения в воспитании интереса к истории за передачами, в котором поиски форм сопровождаются знанием того, о чем идет речь, и уважением к историческому факту»². Трансформация научного знания в

¹ Историк В.Логинов отмечал 24 января 2001 г. на заседании клуба «Свободное слово», в Институте философии РАН: «Наша телевизионная историческая журналистика давно уже полностью отделилась от исторической науки. Вы, вероятно, видели недавно «независимое расследование» Николаева по поводу того, кто стрелял в Ленина в 1918 году. К «поиску истины» привлекли массу народа. Девушка с игрушечным пистолетом инсценировала покушение, выступали эксперты-криминалисты. Присутствовал там и историк Сергей Журавлев. Его показали в фас и в профиль, оставили какую-то реплику, а остальное вырезали. Почему? Да потому что развалилась бы вся передача, ибо Журавлев на основе анализа неизвестных ранее документов давно «поставил точку» – да, стреляла Фанни Каплан. И проблемы для нового «расследования» и столь страстных дебатов просто не существует...» // Независимая газета: Сценарии. 2001. 10 июня. С последним утверждением согласиться трудно.

² Ненароков А.П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн.1. Вдаль к началу. М., 2009. С.234.

обыденное в России проходит весьма медленно и противоречиво. Очевидно, в случае обращения кинематографии к историческим событиям необходима обоюдная ответственность и зрителя, и режиссера: первый должен понимать, что имеет дело с художественным произведением, второй – чувствовать ответственность за трактовку реальных событий¹.

Таким образом, кино, наряду с другими культурными практиками, оказало существенное влияние на формирование исторического сознания советского общества. Образ представителей социалистических партий, меньшевиков и эсеров, прошел определенную эволюцию – от схематичных, однозначно негативных стереотипов сталинской эпохи, через более достоверные произведения 1960-70-х годов – до крайне противоречивых современных сюжетов.

Р.А. Суслова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Историческая память есть одно из оснований культурной и национальной самоидентификации. Историческая память может быть рассмотрена в более широком контексте, включая, помимо исторической событийной канвы, сохранение традиций, языка, религиозной и мировоззренческой системы, фольклора, моделей поведения, ритуализированности повседневности, а также и трансформация во времени всех этих компонентов. Вот почему понятие «историческая память» неразрывно связано с понятием «культурная память».

Сохранение, восстановление и забывание обретенного культурного и исторического опыта можно назвать одной из основополагающих характеристик человека и человеческого общества. Первые примеры осмысления феномена памяти мы встречаем у древних греков (Аристотель – трактат «О памяти и воспоминании», или Плотин – трактат «Об ощущении и памяти»).

В XIX в. проблема исторической памяти связывается с осмыслением феномена нации. Французский философ Э.Ренан называет

¹ Токарев В.А. Между страстью и пристрастностью: Клио и художественный кинематограф // <http://www.csu.ru/files/history/39.rtf>.

национальным прошлым «общее обладание богатым наследием воспоминаний», которое включает в себя четыре компонента; культ предков, героическое прошлое, великие люди и общие жертвы и страдания¹. В философии Н.А.Бердяева нация есть «категория историческая по преимуществу», осознание единства исторической судьбы: «В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное еще будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могиленные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы»².

Предметом всестороннего исследования феномен памяти общественной, исторической или культурной, становится в XX веке – труды А.Бергсона, М.Хальбвакса, П.Нора, Б.Андерсона и др. В XXI в. проблема исторической памяти и культурной самоидентификации становится одной из самых больных тем в нашей стране. Исторические коллизии XX в. в Отечественной истории обусловили резкие насильственные переломы в культурной традиции.

Современная культура глобализирующегося мира являет собой продолжение тех процессов, которые возникли в Европе в XX в. и, в первую очередь, связаны с феноменом десакрализованной массовой культуры. С начала прошлого века европейское общество вступает в совершенно новый период развития, когда классическая модель культуры, с ее традиционными ценностями, господствовавшими более двух тысяч лет (Бог, мораль, творчество, духовный аристократизм, героизм, индивидуализм) уходит в прошлое. Культура XX века утверждает новые тенденции и ценности: равенство и демократия, либеральные ценности, урбанизация, свобода, всеобщее образование, политизация, массовое общество и массовая культура, и все это происходит на фоне стремительного развития научно-технического прогресса.

¹ См.: Герман Р.А. История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (21). Ч.1. С.43.

² Бердяев Н.А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии. М., 2006.

Отечественная культура в XX в. находилась в иной ситуации: советская тоталитарная модель культуры заменила религиозные ценности на идеологические, но главной задачей видела по-прежнему (как и мифологическая, и религиозная, и классическая европейская модели культур) воспитание человека-героя, способного на самопожертвование ради высших идеалов.

Освободившись в конце XX века от тоталитарной идеологии, сегодня наша страна идет по пути Западной цивилизации. В этой связи современных студентов в нашей стране в полной мере можно рассматривать как новое поколение людей, принадлежащих к глобальной массовой десакрализованной культуре, у которых нет преемственности ни с классической дореволюционной культурой России, ни с советской культурой, ни (в большинстве случаев) с национально-религиозными традициями. Речь идет о катастрофической утрате исторической памяти. Стратегия современного образования направлена на все большую специализацию, конкурентоспособность и встроенность в мировую образовательную систему. Особенно это характерно для технических ВУЗов, где переход на систему «бакалавр-магистр» стал возможен за счет сокращения гуманитарных дисциплин, изучаемых на первых курсах.

Но технократическое образование, и как следствие – технократическое мышление уже давно критикуются как односторонние. Невозможность подчинить жизнь в обществе логике научных моделей доказана историей, а буквальное следование научным целям без оглядки на моральный аспект может обернуться страшными трагедиями. Понимание этой проблемы особенно важно в наше время, когда перед человеком открываются удивительные возможности для научного эксперимента в областях нанотехнологий или генной инженерии.

Понятия патриотизма, нравственности, мировоззренческих ориентиров выходят за рамки научного восприятия, но без этих составляющих мы рискуем получить узких специалистов, ориентированных на точное следование инструкции, жестко вписанных в технологическую матрицу, не испытывающих патриотических чувств и легко становящихся объектом манипуляции. «Гуманитарность – это

полнота человеческого в человеке, единство интеллектуального, эстетического, нравственного, духовного, религиозного аспектов»¹.

Сокращение гуманитарных дисциплин в пользу технических Ю.М.Лотман называл «разрушением экологии культуры»: «Гуманитарные науки существуют для того, чтобы обеспечить человечеству непрерывную этическую память, без которой оно немислимо, без которой оно не выживает»². Ю.М.Лотман предостерегал от отношения к искусству как к развлечению, «как к десерту», к сожалению, реальность демонстрирует нам обоснованность этих опасений.

Размывание представлений о национальных, исторических и культурных корнях – одна из катастрофических проблем современного образования в нашей стране. Отсутствие таких представлений делает современных студентов людьми «без роду, без племени». Например, на вопрос – «Хранится ли в вашем доме русский или татарский национальный костюм» – лишь 2% студентов отвечают положительно, и во всех случаях это элементы татарского костюма. На вопрос «Можете ли вы спеть народную песню на родном языке, насчитывающую пять или более куплетов?» ни один студент за многие годы не ответил положительно.

Большой проблемой современного поколения студентов является снижение или отсутствия интереса к «серьезной» литературе. Вот некоторые данные из собственного опыта: на вопрос о любимой книге произведение русской классики назвали 6% студентов 1-го курса: произведение татарской литературы назвали 7%; произведение западной классики – 7%.

Зато произведения современной развлекательной литературы (Роллинг, Шелдон, Коэльо, Акунин, Донцова, Лукьяненко) – 60%, остальные назвали другое или затруднились с ответом.

Понятно, что такие цифры – свидетельство утраты интереса к национальной культуре и истории. Ни навыка, ни желания, ни интереса к «серьезному» чтению школа не вырабатывает. Как это ни печально, но Пушкин – давно уже не «наше все»: я встречала студентов, которые не

¹ Культурология как наука: за и против: круглый стол. Москва, 13 февраля 2008 г. М., 2008.

² Лотман Ю.М. Воспитание Души. СПб., 2003.

знали содержания «Евгения Онегина» или не могли назвать ни одной (!) сказки Пушкина.

Современная культура пребывает в состоянии антропологического кризиса – проблемы глобализации, размывания национальных культур, экологии, изменения традиционной гендерной структуры общества, проблемы зависимости от информационных и цифровых технологий («киборгизация» человека), проблема вмешательства в геном человека, дегуманизация искусства и многие другие характеризуют бытие человека в современном мире. Состояние современной культуры настолько драматично и непредсказуемо, что непонимание этого нынешним поколением грозит воплощением известной мысли М.Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»¹.

Именно историческая память делает человека человеком и позволяет сохранить нормы, традиции, осознание «связанности» сменяющихся поколений. «Культурный багаж» прошлого формирует и самое главное в человеческом обществе – систему запретов, систему моральных ограничений. В своей знаменитой Нобелевской лекции (1987) И.А. Бродский сказал: «...я полагаю, что для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительнее, чем для человека, Диккенса не читавшего. И я говорю именно о чтении Диккенса, Стендаля, Достоевского, Флобера, Бальзака, Мелвилла и т.д., т.е. литературы, а не о грамотности, не об образовании»².

В противном случае, современная технократическая цивилизация, массовая культура и транснациональные корпорации могут превратить человека в объект манипуляции, зависимый и не умеющий самостоятельно мыслить. А это и будет подлинная трагедия, о которой говорит И.Бродский: «В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор»³.

О.А. Тарабрина

«НОВАЯ ЖЕНЩИНА» – БОРЬБА С ИСТОРИЧЕСКИМ ПРОШЛЫМ

Процесс исторической памяти невозможно представить как

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С.404.

² Бродский И.А. Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе. М., 1992. С.189.

³ Там же. С.190.

механическое повторение и воспроизведение прошлого. Как любое социальное явление, он отражает сложность, неоднозначность человеческих отношений, изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений. В целом историческая память включает в себя набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексией о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Нередко в подобных условиях историческая память является ареной идеологических конфликтов, т.к. она проявляется в привычках, быту, культуре, отношении к другим народам, политических предпочтениях, стремлении к независимости.

Двойственность исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни, она не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает различные виды эмоций – восхищение, поклонение, скорби, страдания, пренебрежения и скептицизма.

Историческая память, как и история отличаются друг от друга интерпретацией возможности познания отдаляющегося от нас времени. В целом историческая наука стремится к более объективному описанию, которое включает изложение причин, закономерностей и результатов. В тоже время историческая память с естественным уходом людей-современников исторических событий меняется, она окрашивается в новые оттенки, становится менее достоверной и более «насыщенной» реальностями дня сегодняшнего. Можно говорить, что историческая память со временем еще больше политически и идеологически актуализируется.

Многие политические деятели активно используют опыт исторической памяти и пытаются сформировать свою идеологическую позицию для привлечения сторонников. В отличие от науки, идеология содержит не только знания о политической жизни, но и оценку политических процессов с позиций носителя данной идеологии, то есть содержит также и различные предубеждения. Политическая идеология создается деятельностью определенных слоев или даже отдельных личностей. Идеология является питательной почвой для формирования общественно-политических движений. Ярким примером служит революция октября 1917 г. и Гражданская война, которая последовала сразу же после революции. В этот период решался вопрос привлечения в ряды революционно настроенных людей женского населения.

Опыт всемирной и отечественной истории показывает: место женщины в обществе определялись мужчиной, от которого она зависела; основные обязанности женщин в семье и по дому не исключали их из других форм труда; труд женщин в домохозяйстве и вне его всегда считался менее важным, чем мужская работа. Лишь немногие женщины преодолевали ограничения, накладываемые на их жизнь обществом, но даже они сталкивались с задаваемыми культурой преимущественно негативными представлениями о женщинах и с убеждением в том, что они должны подчиняться мужчинам. Подобный стереотип складывался в течение многих веков. Исторической наукой также установлено с большой долей достоверности, что закабаление женщины уходит вглубь веков. По словам А. Бебеля, «женщина сделалась рабой раньше, чем появился раб»¹. «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии»² проповедует христианский «Новый Завет». Рождение идей феминизма способствовало зарождению, формированию, а впоследствии и решению «женского вопроса». В России практически никогда не существовало общих для всех женщин интересов или мотивов поведения, ибо россиянки психологически резко отличались друг от друга в зависимости от сословной принадлежности, профессии, степени приобщения к культуре и политике.

В тоже время в 1917 г. наблюдалась уникальная ситуация: подавляющее большинство женщин, независимо от образованности и сословно-классовых интересов, оказались на время объединены общими эмоциональными и ценностными установками. В их числе было неприятие бессмысленной, как казалось, войны, желание жить в стабильном обществе, борьба за сохранение семьи, беспокойство за жизнь детей, тревога за фронтовиков, недовольство общим падением нравов в стране. В той или иной степени все эти моменты присутствовали в сознании женщин и до революции. Но после получения избирательных прав женщинам, особенно образованным, стало свойственно ощущение политической и социальной значимости³.

¹ Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 49.

² Новый Завет. Первое послание к Тимофею святого апостола Павла. Глава 2. Стих 11, 12.

³ Более подробно см.: Женщина в обществе: мифы и реалии / ред.-сост. Круминг Л.С. М., 2001; Жеребкина И.А. Постфеминизм: субъективность, сексуальность,

Все эти обстоятельства существенно повлияли на настроение и поведение россиянок в Гражданской войне.

Исторический опыт учит: революция как процесс изменения общества не решает проблем, которые звучали первоначально, ради чего она зачиналась. Революция в первую очередь определяет проблемы, дает им конкретные обозначения, ищет пути решения, но это не финал, это лишь начало последующих изменений во всех сферах жизни государства¹.

Все начиналось с восприятия женщин либо по их роли и традиционно-социальной роли (прачечная, церковь, салон), либо по «телесным» функциям: мать, хозяйка, монахиня, проститутка. А приходили к истории женщин в публичном пространстве в двойном смысле – материальном (улицы города) и политическом (государственная жизнь). Это предполагало оплачиваемый труд, рабочую борьбу, синдикализм, общественную деятельность, феминизм, суфражизм, гражданство.

К гендерным константам были отнесены следующие общие черты: место женщины в обществе устанавливалось по мужчине, от которого она зависела; основные обязанности женщин в семье и по дому не исключали их из других форм труда; труд женщин в домохозяйстве и вне его всегда считался менее важным, чем мужская работа; лишь немногие женщины (главным образом те, что обладали богатством, высоким положением или талантом) преодолевали ограничения, накладываемые на их жизнь обществом, но даже они сталкивались с

идентичность // «Прочти мое желание...»: постфеминизм, психоанализ, феминизм. М., 2000. С. 232-247; Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996; Клингер К. Либерализм – Марксизм – Постмодернизм. Феминизм и его счастливый или несчастный «брак» с различными теоретическими течениями XX столетия // Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001; Миллет К. Теория сексуальной политики // Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия. Тверь, 1999. С. 120-132; Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: Международный и научный аспект. М., 2000; Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Ред. Э. Шорэ, К. Хайдер. М., 1999; Хасбулатова О.А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России. М., 1995.

¹ Более подробно см.: Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М., 1922. С. 163.

задаваемыми культурой, преимущественно негативными представлениями о женщинах и с убеждением в том, что должны подчиняться мужчинам. Несмотря на это у женщин была своя история, траекторию которой авторы прослеживают, фокусируя внимание на изменениях ролевых функций в обществе и выделяя группы «в полях», в церковных учреждениях, в поместьях. «Одно и то же историческое событие можно увидеть по-разному с разных точек зрения различных групп женщин». Например, индустриализация воздействовала на женщин, принадлежащих к рабочему классу, и женщин среднего класса совершенно различным образом.

С ноября 1917 г. преобразования, начатые советской властью, глубоко затронули все сферы жизни и деятельности российского общества, в том числе женщин города и села. Эту социальную силу правительство считало одной из главных в деле социалистического строительства, так как на момент революции и Гражданской войны женщины составляли большую часть мирного населения страны в связи с тем, что мужчины находились на фронте. По подсчетам исследователя, всего в среднем в 1918-1920 гг. населения страны было 139565,5 тыс., из них женщин примерно 85560,0 тысяч¹.

На VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г. А.М. Коллонтай говорила: «Не нужно забывать, что до сих пор... работница, женщина трудового класса, уравнена в правах с товарищами мужчинами, она закреплена домашним бытом, она закабалена непроизводительным домашним хозяйством, которое до сих пор лежит на ее плечах. Домашнее хозяйство отнимает у нее время, отнимает силы, мешает ей отдаться непосредственному активному участию в борьбе за коммунизм и строительной работе»². Благодаря А.М. Коллонтай, в числе первых декретов были приняты законы о женском равноправии, гражданском браке, оплате отпусков по родам и прочее. Но одновременно она призывала и к уничтожению семьи. В брошюре «Семья и коммунистическое государство» А.М. Коллонтай провозгласила: «Отныне женщина должна научиться искать опору не в мужчине, а в коллективе, в государстве... Семья перестает быть необходимостью как

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы. Новосибирск, 2000. С. 58; Бернштам М. Стороны в гражданской войне. 1917-1922 гг. М., 1992. С. 72.

² Коллонтай А.М. Женщина на переломе. М., 1923. С. 8.

для самих членов семьи, так и для государства»¹. Декрет 1917 г. о семье в одночасье упразднил старое «буржуазное» положение о семье. Брачную процедуру сильно упростили, сняв какие-либо ограничения для вступления в брак и выхода из него². Однако новое законодательство породило весьма острые трудноразрешимые нравственные проблемы. Случалось так, что правовые нормы сильно определили как реальный экономический уклад, на котором, собственно, и возможно было создание новых брачных отношений, так и общественную психологию и нравы людей, которые просто по природе несли весьма ощутимый заряд консерватизма³. Мужское «начало» подвергнули опасной дискриминации, и общество, в котором, казалось бы, победило женское равноправие, оказалось дисгармоничным и перевернутым.

А.М. Коллонтай много критиковала традиционное для так называемого «старого режима» воспитание женщины, направляемое на то, чтобы замкнуть ее жизнь в любовных эмоциях. Ей хотелось раскрыть перед женщиной широкие просторы жизни, а не только любви. Она писала о том, что женщина должна была научиться принимать любовь не как основу жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое собственное «я». «Пусть она, подобно мужчине, научится выходить из любого конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душой»⁴, – писала А.М. Коллонтай.

В исследованиях А.М. Коллонтай и ее сторонников был создан тип «новой женщины». «Новая женщина» отказывалась играть второстепенную роль в обществе, она хотела быть полноправной и полноценной личностью. Но для этого ей следовало воспитывать в себе новые качества, до недавнего времени традиционно ассоциируемые с характером мужчины. «Новой женщине» важно научиться побеждать свои эмоции и выработать внутреннюю самодисциплину: «Эмоциональность была одним из типичных свойств женщины прошлого, она служила одновременно и украшением, и недостатком женщины. Современная действительность, вовлекая женщину в активную борьбу за существование, требует от нее умения побеждать свои эмоции... Чтобы отстоять у жизни свои еще не завоеванные права,

¹ Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. М., 1918. С. 11.

² Брак и семья. Сборник статей и материалов. М. – Л., 1926. С. 20.

³ Гойбарх А.Г. Новое и семейное право. М., 1918. С. 4.

⁴ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 18.

женщине приходится совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчине»¹. Следовательно, «новая женщина» должна быть более эмоционально устойчивой, чем мужчины.

«Новая женщина» как тип, – писала А.М. Коллонтай, – могла появиться только при капитализме в связи с вовлечением женского труда в производство»². Участвуя в производстве, женщина приобретала экономическую независимость от мужчины, что являлось одним из важнейших условий ее эмансипации. Более того, именно в трудовом процессе происходит изменение внутреннего облика женщины. С удивлением узнавала молодая работница о непригодности морального багажа, которым снабдили ее «бабушки доброго старого времени»³. По мнению А.М. Коллонтай, капиталистический мир щадил лишь тех женщин, которые успевают сбросить с себя женские добродетели и усвоить философию борца за существование, присущую мужчинам. «Неприспособленным», то есть женщинам старого типа, не было места в рядах «самодельных... Слабые, внутренне пассивные, жмутся они к семейному очагу...»⁴.

Задача советской власти на начальный период ее существования заключалась в том, чтобы поставить женщину в такие условия, когда бы ее труд уходил не на непроизводительную работу по дому и уходу за детьми, а шел бы на создание новых благ, на государство, на трудовой коллектив. Одновременно, важно было охранить интересы женщины и жизнь младенцев, дав возможность женщине совместить труд и материнство, тем более в период Гражданской войны. Советская власть пытается создать такие условия жизни, при которых женщина не будет цепляться за опостылевшего мужа только потому, что ей некуда деваться с детьми на руках, а одинокая женщина-мать не будет бояться погибнуть сама и загубить ребенка, не зная, куда голову преклонить. Не филантропы, не унизительная благотворительность спешат на помощь трудящейся женщине в Советской Республике, а соратники по созданию нового общества, рабочие и крестьяне стремятся облегчить женщине бремя материнства. И женщина, несущая наравне с мужчиной все тяготы по воссозданию хозяйства, участвующая в Гражданской войне, по праву

¹ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс... С. 15.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 31.

требует от трудовой республики, чтобы в ответственный час в ее жизни, когда она дарит обществу нового члена, коллектив взял на себя заботу о ней и о будущем своем гражданине.

Раскрепощение женщины совершается лишь с коренным преобразованием быта; быт же изменяется лишь с коренной перестройкой всего производства на новых началах коммунистического хозяйства.

Многообразие проявления дискриминации женщин в обществе обусловило сложность, многосоставность самого требования равноправия женщин. В контексте исторического развития проблемы, как показывает анализ источников и литературы, оно включало в себя ряд положений:

- равенство политических прав женщин и мужчин;
- право на образование, на выбор области труда, на равную оплату равноценного труда, равенство имущественных прав, в частности признание права крестьянки на земельный надел;
- равенство прав женщин и мужчин в браке и семье¹.

Одновременно можно сказать, что партия большевиков смогла предложить женскому населению то, чего оно было лишено. Возможность избавиться от того прошлого, которое было не столь приятным, помогло женщинам разделить взгляды большевиков способствовать революционному настроению. Историческая память сыграла свою роль в феминизации женщин в России. Закабаление, сложившееся в течение многих веков, породило желание освободиться. Этим воспользовалась партия большевиков, сделав ставку на раскрепощение женщин.

Современник революционных событий В.М. Хвостов отмечал: «Феминизм – это восстание женщин против себя самой или точнее,

¹ См.: Браун Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. М., 1922. С. 25; Коллонтай А.М. Социальные основы «женского вопроса». СПб., 1909; Смирнова В.Н. Женский вопрос в буржуазно-демократической и социалистической революциях // Национальный аспект решения женского вопроса в СССР. Ташкент, 1978. С. 66; Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин (октябрь 1917 – 1925 гг.). Смоленск, 1971. С. 3; Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50-60-е гг. XIX в. Л., 1984. С. 5; Силласте Г. Женщина в политической жизни // Коммунист. 1991. № 8. С. 7-8 и др.

против тех недостатков, которые были ей привиты прежним ее несвободным положением»¹. Исходя из этого высказывания, можно утверждать, что историческая память – это источник эмоциональных и психологических переживаний человека, она вызывает чувства благоговения и радости, сострадания и величия, подавленности и отстраненности. Историческое прошлое является риторическим конструктором настоящего, что и показал пример, приведенный выше.

Т.А. Титова, Е.Г. Гущина, О.А. Масалова
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Российские классические университеты помимо своей научно-образовательной функции занимают особое место в отечественной культуре. Свою учебно-образовательную; научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность университеты во многом реализуют через музеи. Этнографический музей Казанского университета является первым музеем гуманитарного профиля на территории Волго - Уралья. Этнографическое собрание Казанского университета на протяжении XIX-XX вв. формировалось в разных подразделениях университета, претерпевавших частые структурные изменения. С 1913 г. все этнографические коллекции университета были объединены в Этнографический музей, где и хранятся по настоящее время.

С начала 20-х гг. XX в. Этнографический музей Казанского университета практически не пополнялся новыми коллекциями. И сама этнографическая наука в это время начала переживать кризис. Интерес к национальной культуре стал рассматриваться как проявление национализма. Прекратило свое существование Общество археологии, истории и этнографии, перестал выходить журнал «Этнография», была закрыта кафедра этнографии, прекратилось проведение этнографических экспедиций². Прекратились собирательская и музейная работы, перестали проводиться выставки и экскурсии. В Этнографическом музее

¹ Цит. по: Голод С.И. Семья и брак: историко-социальный анализ. СПб., 1998. С. 160.

² Бусыгин Е. П. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002. С.87.

Казанского университета поддерживалась лишь сохранность коллекций, накопленных за время его существования. Помимо того, что в Этнографический музей в этот период практически не поступали новые коллекции, часть коллекций Музея, накопленных за длительное время его существования, была передана в Центральный музей. Так, например, была передана великолепная египетская коллекция, которая собиралась в музеях Казанского университета на протяжении целого века. Также для временного хранения и экспонирования в Центральный музей была передана коллекция каменного века ОАИЭ, долгое время хранившаяся в Географическом кабинете.

В годы Великой Отечественной Войны Этнографический музей не функционировал, не проводилась систематическая музейная работа, что пагубно отразилось на коллекциях. Экспозиция была частично демонтирована и рассредоточена по различным аудиториям факультета географии (без составления описей имущества и без должного присмотра за коллекциями). Помещение музея служило нуждам эвакуированного из г. Ленинграда в г. Казань Ленинградского физико-технического института. Часть лабораторий института получила в свое распоряжение смежную с актовым залом аудиторию №7 и помещения Этнографического музея. Для этого первую комнату музея разделили фанерными щитами, и разместили там лаборатории А.П. Александрова и П.И. Лукинского. Во второй комнате роль перегородок выполняли шкафы с экспонатами, там разместилась группа А.А. Харькевича, а два закутка были отданы теоретикам: в одном углу располагались сотрудники и аспиранты Л.И. Фреккеля, а в другом, где едва помещался письменный стол, работал он сам¹.

Осенью 1945 г. была организована кафедра этнографии и археологии, которая вошла в состав географического факультета. Лаборант кафедры совмещал свои обязанности с должностью заведующего Этнографическим музеем и подобная ситуация сохранялась вплоть до начала 90-х гг. XX в.. Параллельно с развитием кафедры шло восстановление музея: профессор Н.И. Воробьев совместно с ассистентом Е.П. Бусыгиным и другими учениками начали воссоздание экспозиции и обустройство музея. Была проведена тщательная инвентаризация всех коллекций и начато создание экспозиции. К

¹ Казанский университет. Время, события, люди / ред.-сост. проф. Э. А. Михайлова. Казань, 1994. С.157.

большому сожалению, многие предметы из коллекций Музея за 30-40-е гг. XX в. были утеряны. Создание новой экспозиции затруднялось еще и тем, что все коллекции, хранившиеся в музее, разместились в одном из четырех исторических помещений музея (в самой большой комнате с хорами). Остальные помещения музея были переданы другим подразделениям университета. Правда одна аудитория, имевшая сообщающуюся дверь с музеем, тоже была оставлена за факультетом географии (хранительская комната).¹

Из-за катастрофической нехватки экспозиционных и фондовых площадей шкафы с экспонатами были расставлены таким образом, что проходить между ними во время экскурсии могли не более 2-х человек, а пространство между шкафами служило своеобразным фондохранилищем, не отвечавшим нуждам хранения. Конечно, при таком минимальном пространстве не могло идти и речи о нормальной фондовой работе. Многие экспонаты оказались «замурованы» на длительное время, некоторые экспонаты утратили свой экспозиционный вид из-за неправильного экспонирования. Но в сложных условиях, поставивших музей и его сотрудников в тяжелое положение, продолжались развиваться его учебно-вспомогательные, культурно-просветительские и научно-исследовательские функции.

С 1 сентября 1946 г. в Этнографическом музее профессором Н.И. Воробьевым стали читаться лекции и проводиться занятия по курсу этнографии. Начинают проводиться обзорные экскурсии по экспозиции Этнографического музея Казанского университета. Первая экскурсия в восстановленном Музее состоялась 23 ноября 1946 г.: Г.В. Юсупов знакомил учеников седьмых классов школы №85 г. Казани с бытом народов Поволжья и России.²

На Совете факультета географии несколько раз обсуждался вопрос о музее, его восстановлении и функционировании. Эти обсуждения давали свои результаты – значительно была обновлена экспозиция, изготовлены новые шкафы и стеллажи для хранительской комнаты, под новую экспозицию музею была отдана прилегающая к нему аудитория факультета географии. Но здесь скорее можно говорить о том, что данная аудитория перешла к кафедре этнографии и археологии (музей и кафедра были неразрывно связаны), т.к. в ней стали

¹ Выступления и отчеты // АФ ЭМУ. д. 1. Л. 1-2.

² Регистрация отзывов посетителей за 1946-1956 гг. // АФ ЭМУ, д.15. Л.1.

читаться лекции по этнографии, проводиться практические занятия и научные конференции¹. Во второй половине 1950-х гг. в Этнографическом музее был проведен капитальный ремонт помещения. Все «экзотические» коллекции были перенесены в аудиторию №6 (237), которая имела прямую связь с главным залом музея. Все экспозиционные шкафы были выставлены вдоль стен. По периметру передней стены, где были выставлены коллекции по народам Америки, были вывешены картины этнографического содержания. В центре помещалась специально изготовленная карта мира (автор Н. В. Зорин) с обозначением тех мест, откуда в музей доставлялись коллекции. В центральной части аудитории стояли студенческие парты, кафедра, стол и стулья для преподавателей.

В течение долгого времени музей практически не пополнялся новыми экспонатами, свидетельствующими об изменениях, произошедших в культуре и быту народов Поволжья. Лишь с возобновлением полевых этнографических экспедиций в послевоенные годы музей стал пополняться новыми предметами, этнографическими фотографиями и рисунками. В 1946 г. во главе с профессором Н.И. Воробьевым была организована первая послевоенная экспедиция в Закамские районы Татарской АССР (Набережные Челны – Бугульма). В составе экспедиции были Г.М. Хисамутдинов, Г.В. Юсупов и Е.П. Бусыгин. Из этой экспедиции проф. Н. И. Воробьев привез коллекцию головных уборов и украшений крещеных татар².

В 1953 г. должность заведующего Этнографическим музеем занял Н. В. Зорин. А в 1955 г. под его руководством была осуществлена этнографическая экспедиция в Туву. Среди привезенных Н. В. Зориным бытовых предметов есть вещи характерные как для досоветской Тувы, так и для общесоветской городской культуры, получившие широкое распространение в середине 1950-х гг. Н.В. Зориным во время экспедиции было сделано много фотографий, рисунков и планов, а также привезено большое количество национальной и переводной литературы (14 книг) и записи тувинских национальных мелодий³.

В 1947 г. организуется экспедиция по изучению русского населения Поволжья. Нужно отметить, что быт и культура русского

¹ Выступления и отчеты // АФ ЭМУ. д. 1. Л. 1-2.

² ЭМУ. ф. Татары, оп. 210. № 1-8.

³ ЭМУ. Ф. Сибирь и Дальний Восток. Оп. 230. № 1-21.

население в местах своего основного расселения к этому моменту были хорошо изучены. Но русское население на территории Поволжья до этого практически никогда не были объектами научного исследования. Большая коллекция, характеризующая традиционную культуру русского населения Среднего Поволжья, была привезена Е. П. Бусыгиным и Н. В. Зориным из Присурских районов Чувашской АССР¹. Фонды Этнографического музея пополнились большим количеством рисунков и фотографий, благодаря которым можно представить традиционную культуру русской деревни в Поволжье и изменения, происходившие в ней. Изучение русского населения Поволжья, в том числе и на базе коллекций Этнографического музея, позволило Е. П. Бусыгину сделать следующий вывод: «Собранные в течение многих лет в разных районах Поволжья коллекции по русскому населению свидетельствуют о сложности формирования русского населения на территории края, пришедшего в Поволжье из разных районах России, и о значительном влиянии на их культуру и быт местных поволжских народов»².

В 1959 г. была организована специальная экспедиция под руководством Н. В. Зорина в северо-западные районы Татарской АССР. Результатом этой экспедиции явилось пополнение музейной коллекции по этнографии казанских татар. Из экспедиции была привезена коллекция национальных бытовых вещей – 82 предмета, и сделан ряд фотографий³. Благодаря этим коллекциям мы можем наглядно судить о культуре и быте татарской деревни, наблюдать изменения, происходившие в ней на рубеже XIX –XX вв.

Указанная экспедиция позволила провести в Этнографическом музее выставку, посвященную 40-летию Татарской АССР (1960 г.). Специально для проведения выставки были приобретены 8 портновских манекенов. Казанский государственный университет для организации этой выставки обратился к ряду промысловых коопераций с просьбой изготовить определенные экспонаты. Артель «Художпром» предоставил для организации выставки татарское платье, скатерти, портьеры, салфетки, полотенца, диванные подушки, колфак и тюбетейку. Были заказаны и фотоматериалы, отражающие культуру и быт татарского народа. Национальную татарскую обувь для создания экспозиции

¹ ЭМУ. Ф. Русские. Оп. 235. № 1-22.

² Отчеты и акты // АФ ЭМУ. Д. 5. Л. 28.

³ ЭМУ. Ф. Татары. Оп. 237. № 1-82.

изготовили артели им. Г. Тукая и «Труд». Содействие в организации выставки оказала редакция газеты «Советская Татария», предоставив фотоматериалы, отражающие культуру и быт татарского народа¹.

Крупным пополнением Этнографического музея явилась коллекция бытовых вещей, рисунков и фотографий, привезенная Е. П. Бусыгиным из Вьетнама в 1961 г. До этого момента в Музее не было ни одного предмета, отражающий традиционную культуру и быт вьетнамцев. Коллекция была собрана в автономном национальном округе Тхай-Мео, провинциях Нге-Ан, Куанг-Бинь, а также в деревнях, расположенных недалеко от Ханоя. Часть вещей была передана в дар Казанскому университету от Исторического музея Вьетнама. В свою очередь, ряд предметов был передан в дар из Этнографического музея Ханойскому музею. Это образцы татарского национального костюма: ичиги, тюбетейки, платки, салфетки и образцы вышивки.

Вьетнамская коллекция включает орудия охоты и сельскохозяйственные орудия. Большую часть этой коллекции занимала бытовая утварь. Также в коллекции имелось собрание музыкальных и ритуальных предметов. Из музыкальных инструментов интересен инструмент, напоминающий фагот, но состоящий не из одной, а из 15 тонких бамбуковых трубок разной длины. Из культовых предметов в коллекции имелись две доски из дерева, покрытые красным лаком с написанным золотом иероглифическим текстом (с пожеланием счастья и благополучия)². На момент поступления на данную коллекцию не была составлена соответствующая документация, и она не вошла в основной фонд Этнографического музея (регистрация коллекции состоялась только в конце 90-х гг. XX в.). Часть экспонатов позднее Е. П. Бусыгин передал в Музей истории Казанского университета, часть в другие музеи. Официальных документов о передачи экспонатов не сохранилось.

Необходимо отметить, что в этот период шло сотрудничество Этнографического музея Казанского университета с многими научными, учебно-вспомогательными и образовательными учреждениями. Так, например, в 1946 г. из Этнографического музея в Археологический музей КГУ была передана коллекция фотографий и рисунков. В этом собрании находились 71 фотография болгарских надмогильных камней,

¹ Материалы о приобретении экспонатов // АФ ЭМУ. Д. 7. Л. 11-28.

² Бусыгин Е. П. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002. С.141.

4 рисунка надмогильных камней с разных мест и маленький альбом с наклеенными фотографиями с арабскими надписями из Булгара.

В 1947 г. на хранение из музея в сектор истории Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Казанского филиала Академии наук были переданы коллекция фотографий и рисунков надгробных камней, архитектурных памятников с Булгарского городища. В свою очередь, на временное хранение от ИЯЛИ в Этнографический музей были получены другие экспонаты: из экспедиции 1947 г., проходившей под руководством Н. И. Воробьева, камзол женский из бархата, с краями отделанными парчой; полотенца; книга с указанием надгробных памятников на арабском языке и родословная одного марийского рода из татарской деревни¹.

Во второй половине 1950-х гг. для развертывания экспозиции «Этнография народов Среднего Поволжья» были приобретены национальные изделия промысловой кооперации в краеведческих музеях г. Саранска и г. Чебоксары. Так, в 1959 г. из краеведческого музея Чувашской АССР в Этнографический музей Казанского университета были переданы образцы вышивки: косоворотка, мешочки, мешки для зерна, детский костюм, салфетки, орнаментированные дорожки. Также вместе с образцами вышивки были получены шесть фотографий, иллюстрирующих работу вышивальщиц (копии с фотографий Чувашского краеведческого музея). В дополнение коллекции в Чебоксарском универмаге был куплен современный чувашский национальный костюм, состоящий из розового платья, зеленого фартука, шелкового платка и нитки искусственного жемчуга². В свою очередь, Этнографический музей Казанского университета передал Чувашскому государственному художественному музею семнадцать предметов, в том числе «жениховой» платок, фрагменты вышивки «сурпана», поясные украшения, женскую налобную повязку³.

Нужно отметить, что сотрудничество Этнографического музея Казанского университета и Чувашского государственного музея продолжалось и в дальнейшем. В 1991 г. в дар Этнографическому музею были переданы произведения, восполняющие пробелы в экспозиции «Чуваши»: несколько «сурпан» (головной убор), «масмак» (женская

¹ Вещи, переданные музеем // АФ ЭМУ. Д. 14. Л. 1-20.

² Отчеты и акты // АФ ЭМУ. Д. 5. Л. 5.

³ ЭМУ. Ф. Поволжье. Оп. 240. № 1-37.

головная повязка) и челнок. В свою очередь на постоянное хранение в Чувашский государственный музей были переданы произведения чувашского народного искусства (одежда и украшения), специально отобранные научным сотрудником Чувашского государственного музея С. Е. Васильевой, а на временное хранение (до 01.01.1992 г.) – картина «Чувашская свадьба». По оценке чувашских специалистов, эта картина представляет собой самое известное раннее изображение чувашей и датируется серединой XVIII в. Первоначально данная картина представляла собой триптих. В Этнографическом музее Казанского университета находится центральная часть триптиха, одна из боковых частей в данный момент находится в Чувашском государственном музее¹.

В этот период продолжилось пополнение музея экспонатами, передаваемыми в дар от частных лиц. Например, в 1950 г. от Н. И. Попова были переданы ЭМУ праздничные национальные украшения каракалпакской женщины, приобретенные им в 1925 г. в г. Чимбае Каракалпакской АССР, включающие нагрудные украшения, серьги, перстень и фото снимок женщины в праздничном одеянии. [В.П., д.14, л.20]. Из Чехословакии через Славянский комитет в музей были доставлены два национальных женских костюма в 1950 г. А в 1955 г. от студентов (венгров) Педагогического института музея были преподнесены в дар женский и мужской национальные костюмы².

Но в 1960-е годы администрация университета приняла решение о восстановлении мемориального ленинского юридического факультета и размещении его на территории географического факультета. В результате была демонтирована экспозиция в аудитории и ликвидирована хранительская комната. В 1964 г. часть факультета географии переехала в помещение «Бегемота» (здание Гостиного двора г.Казани). Для Этнографического музея была выделена специальная аудитория на 3-м этаж. Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин категорически отказались переносить туда коллекции музея. Этот вопрос неоднократно поднимался на ректорате, но без их согласия ректор М. Т. Нужин не дал санкции на перенос коллекций. Это решение спасло коллекции и существование такого музея в университете в целом – помещении, где должен был быть расположен музей полностью выгорело.

¹ Вещи, переданные музеем // АФ ЭМУ. Д. 14. Л. 2.

² ЭМУ. Ф. Разное. Оп. 227. № 1-10.

Хотя основное помещение (комната с хорами) было оставлено за музеем, оно оказалось полностью изолированным – «из 4-х входных дверей, имевшихся в помещении музея, 2 постоянно закрыты, а 2 выходят в учебные аудитории». Фактически музей превратился в хранилище экспонатов и другого музейного имущества. Группы студентов и школьников формируются по 10-12 человек, экскурсии с другими группами населения не проводились. Музей в очередной раз лишился элементарных условий хранения экспонатов и проведения фондовых и реставрационных работ¹.

Но, несмотря на крайне сложные условия, работа в музее продолжалась. Так, Е. П. Бусыгин в выступлении об Этнографическом музее на Совете факультета географии в 1986 г. пишет: «Со студентами исторического и географического факультетов продолжались проводиться занятия по этнографии и географии населения в помещении музея, экспонаты использовались в качестве наглядного материала при чтении лекций. В музее проходили практику студенты Свердловского, Чувашского, Марийского университетов, Казанского института культуры, Казанского художественного училища. Регулярно проводились экскурсии школьников и студентов. В 1985 г. музей посетило 600 человек. В музей приезжают и работают ученые из различных городов Советского Союза и из зарубежа. В музее работали ученые Венгрии, Болгарии, Финляндии, ГДР. На основе коллекций музея написано большое число научных работ и различных статей в журналах... Во многих научных изданиях, посвященных культуре и быту поволжских народов имеются многочисленные ссылки на материалы этнографического музея. Музей оказывал помощь текстильным предприятиям гг. Кинешмы, Иванова, а также музеям и театрам Казани»². Таким образом, музей продолжал выполнять свои функции – научно-исследовательскую, учебно-вспомогательную, культурно-просветительскую.

Проблему удалось решить только в 2004 г., когда для Этнографического музея были выделены дополнительные помещения. В связи с реконструкцией главного здания КГУ было достроено Восточное крыло, куда были перемещены кафедры генетики и микробиологии, что вызвало дальнейшее движение университетских структур.

¹ Выступления и отчеты // АФ ЭМУ. Д. 2. Л. 1-4.

² Выступления и отчеты // АФ ЭМУ. Д. 1. Л. 1-2.

Этнографическому музею были предоставлены его исторические помещения, ранее занимаемые кафедрой теории и истории государства и права и кафедрой гражданского права и процесса. Таким образом, помещения Этнографического музея фактически были восстановлены в рамках музейного проекта Б. Ф. Адлера 1913 г.¹

Коллекции Этнографического музея во второй половине XX в. неоднократно использовались для создания совместных выставок с другими музеями. В 1939 г. на временное экспонирование в Художественную галерею Центрального музея из китайского отдела Этнографического музея Казанского университета были переданы фарфоровые чашки, веера, кальян, поделка из нефрита, чайник, ваза, а также панно с изображением китайского театра. В 1940 г. на выставку в «Антирелигиозный музей» временно были переданы манекен, облаченный в костюм шамана и шаманский же бубен².

В 1959 г. в Центральном музее прошла выставка, посвященная 10-летию Китайской Народной республики. Этнографический музей Казанского университета предоставил на выставку лубок с благодарственной надписью на китайском и латинском языках, пожалованный профессору китайского языка Казанского университета И. А. Войцеховскому. А в 1999 г. прошла совместная выставка с Государственным музеем РТ «Музыкальные инструменты народов мира». Этнографический музей предоставил для организации экспозиции 145 предметов, в том числе чувашскую волынку, марийскую трубу, удмуртскую скрипку, шаманские бубны, китайскую трубу, разнообразные флейты, гусли, барабаны, маракасы и прочее. [Д.Д., д.16, л.1-5].

Этнографический музей Казанского университета во второй половине XX в. развивался неплановмерно, претерпевая как период интенсивного развития (1954-1960 гг.), так и период стагнации (60-90-е гг. XX в). Пополнение фондов Этнографического музея в рассматриваемый нами период (вторая половина XX в.) происходило по двум основным направлениям. Одним из направлений комплектования

¹ Сементовский В. П. Кафедра географии и этнографии Казанского университета за 25 лет / В. П. Сементовский // Приложение к протоколу заседаний Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1915. №295. С.2.

² Документы для организации выставок // АФ ЭМУ. Д.16. Л. 4.

фондов музея было пополнение коллекций характеризующие культуру и быт народов Поволжья – русских, татар, мордвы и других. А с другой стороны, в рассматриваемый нами период значительно расширить экспозицию по этнографии народов России стало возможным благодаря коллекциям, собранными в результате экспедиций, совершаемых учеными Казанского университета на Дальнем Востоке и в Сибири. С конца 50-х гг. XX в. музей практически не пополняется новыми коллекциями, поддерживается лишь минимальная сохранность уже имеющегося, накопленного за длительную историю существования Этнографического музея собрания.

Несмотря на сложные условия, Этнографический музей всегда продолжал развивать учебно-вспомогательную, научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность. Коллекции Этнографического музея позволяли наглядно иллюстрировать курсы общей этнографии, страноведения и этнографии народов Поволжья, в музее всегда читались специальные курсы лекций. Работа с коллекциями позволяла делать выводы о том, как происходило заселение Поволжья, проследить взаимовлияния народов. Сопоставление коллекций, которые были доставлены в Этнографический музей Казанского университета в советский период, с коллекциями, собранными в XIX в., позволяло проследить изменения, произошедшие в сельской и городской культуре и быту. После проведения реконструкции в 40-х гг. XX в. регулярно начали проводиться экскурсии, что позволило продолжать развивать одну из главных задач этнографических музеев – пропагандировать абсолютные ценности, идеи толерантности и способствовать установлению диалога культур. На основе экспозиций в которых представлено особенное, общее и отличительное разных культур и народов, их материальная и духовная культура, формировалось и формируется на сегодняшний день, соблюдая преемственность, бережное и толерантное отношение к окружающему миру. На протяжении длительного времени и вне зависимости от условий существования, для Этнографического музея Казанского университета была и остается приоритетной заявленная еще в 1882 г. цель Общества археологии, истории и этнографии: «Свое и чужое мы должны судить по высшим общечеловеческим принципам».

Современные ассирийцы¹ – потомки народа, который создал могущественную Ассирию-Вавилонскую империю, сыгравшую важную роль в историческом процессе.

Исследование групп, находящихся в этническом меньшинстве, является актуальной проблемой на сегодняшний день, поскольку данные группы активно подвергаются языковой и культурной ассимиляции; у них нарушаются горизонтальные и вертикальные трансмиссии этнокультуры. Все эти процессы отражаются на специфике этнического поля и требуют тщательного изучения специалистов.

Описания сохранили образ ассирийцев как народа преимущественно воинственного. Высокие, крепкие по виду, преданные войне и охоте, мастера в военном искусстве и в постройке крепостей, они часто принимали участие в сражениях и битвах. Древнейшие исторические свидетельства об Ассирии восходят к XIX веку до н.э., но достоверные сведения о событиях ее истории мы имеем лишь начиная с пятнадцатого столетия. С IX в. до н.э. начинается стремление ассирийских царей к всемирному господству, приведшее Вавилонию в непосредственную зависимость от Ассирии, продолжавшуюся до самого падения Ассирийского царства. К этой эпохе относится владычество могущественных Саргонидов, любителей роскоши и богатства. Ассирийцы находились также в постоянном политическом и культурном взаимодействии со своими западными соседями арамеями, так что некоторые черты ассирийской культуры могут быть объяснены арамейским влиянием. И все же главные основания ее были заимствованы из Вавилонии. В искусстве ассирийцы превзошли своих учителей. Великолепные архитектурные памятники и скульптурные произведения времен Саргонидов служат несомненным доказательством высокого уровня развития, достигнутого за короткий промежуток времени.

Ассирийцы, переселившиеся в Россию в 1914-1918 гг., осели преимущественно в городах, занимаясь главным образом мелкой

¹ Ассирийцы (самоназвания – атураи, сураи, встречаются также названия айсоры, суриани, сиро-халдеи, сирийцы) — народ, происходящий от древнего населения Передней Азии.

торговлей (как правило, выходцы из Ирана) либо ремонтом и чисткой обуви (выходцы из Турции¹). Сравнительно небольшая часть ассирийцев, поселившаяся в сельской местности, занималась земледелием. На сегодняшний день среди ассирийцев г. Казани распространены различные профессии, есть интеллигенция, но значительная часть работает в киосках по ремонту обуви. Этим занятием ассирийцы, бывшие, прежде всего, сельскими жителями, занялись вынужденно и, как полагали, временно. Изначально работали исключительно мужчины, но уже в 1930-х гг. к ним присоединились женщины. В отличие от таких городов, как Москва и Санкт - Петербург, где чисткой обуви занимается вот уже третье поколение местных ассирийцев, в г.Казани в последнее время социальная структура стала заметно меняться: велика доля людей, получивших высшее образование. Появилась прослойка, занимающаяся коммерцией. Ассирийцы удачно демонстрируют возможности адаптации своих хозяйственных традиций к меняющейся экономике.

Так распорядилась судьба, что ассирийцы развееыны по всему миру, они разделяют судьбу тех народов, среди которых проживают немногочисленные ассирийские общины. Именно так и протекала жизнь ассирийцев в Татарстане, куда представители этого народа начали прибывать с 1915 г. Ассирийцы были необразованны, не знали русского языка. Для того, чтобы у них были средства к существованию, указом «всесоюзного старосты» Михаила Калинина им были выданы сапожные щетки. Так обувное ремесло стало основным промыслом народа в северных регионах страны. На юге, помимо этого, занимались земледелием и изготовлением сладостей. Стоит заметить, что в Казани чистка и ремонт обуви остаются промыслом ассирийцев и по настоящее время. В 1933 г. в Казани на основе ассирийцев-чистильщиков обуви была создана рабочая трудовая артель сапожников «Обувь».

Практически нет ни одной ассирийской семьи в Татарстане, которая не пострадала бы во времена сталинских репрессий. Почти каждая из сорока семей, проживающих в республике, имела репрессированных родственников. В годы Второй Мировой войны ассирийцы сражались в рядах Красной Армии против фашизма. В последующие годы вместе со всем советским народом покоряли целину и строили БАМ, жили мифом о «светлом будущем».

1 Эрлихман В. «Непокоренные» // Родина. 2006. № 8.

Особенность ассирийской диаспоры, живущей в г. Казани, определяется ее малочисленностью и тем жизненным укладом, который передался казанским ассирийцам от их предков. Этот уклад характеризуется патриархальностью жизни, которая сегодня определяется главным образом в семейных отношениях. Уважение к старшим, четкое распределение ролей: мужчина здесь всегда глава семьи, женщина – хранительница очага и воспитательница младшего поколения. Кроме того, сохраняется до сих пор и передается детям осознание принадлежности к тому или иному роду.

Живущие в Казани ассирийцы, как правило, уроженцы этого города. Встречались и такие люди старшего поколения, которые переехали из Ирана. Важно то, что все они осознают себя частью своего народа, имеют четко выраженную этническую идентичность, хотя многие говорят о процессах ассимиляции и исчезновении численно малых этнических групп.

Наши интервью проходили, как правило, на рабочих местах (это часто были киоски по ремонту и чистке обуви). Налицо стигматизация из-за стереотипного мышления – окружающее население зачастую считает ассирийцев «нацией обувщиков», в то время, как среди них есть и ученые, и врачи, и дипломаты и т.д. Многие наши респонденты полагают, что их дети должны иметь обязательно высшее образование. Особое внимание в нашем разговоре уделялось проблеме профессиональной ориентации и трудовой мотивации. Большинство высказали удовлетворение своей работой! На вопрос «Как вы нашли нынешнюю работу, кто помог Вам советом с устройством на данное место работы?» большинство людей выбрало ответ «Родственники» (традиция). Тесные родственные связи, переплетающие все племена и роды казанской диаспоры, уважительное отношение к памяти предков, единство профессиональной деятельности, корпоративность обуславливают феномен стойкости этого небольшого в численном плане этноса к ассимиляционным процессам, которые в современном обществе происходят с большой интенсивностью.

Влияние современной массовой культуры не обошло стороной и молодое поколение ассирийцев в Казани. Они получают высшее образование в учебных заведениях, черпают знания из источников массовой информации (телевидение, радио, Интернет, пресса). Что интересно, несмотря на наличие высшего образования, молодые люди настроены продолжать работать в том числе и обувщиками.

Таким образом, профессиональная структура ассирийцев характеризуется специфическими чертами: доминируют две группы: занимающиеся чисткой/ремонтom обуви и занятые в сфере обслуживания/торговли. Престижность труда обувщика не очень велика, но многие считают, что наиболее перспективным видом деятельности является сохранение традиционных занятий мелким ремеслом.

Положение ассирийского языка в среде его носителей представляется на сегодняшний день достаточно сложным. Люди, знающие ассирийский язык на бытовом уровне, составляют 10% от всей численности общины. Мало кто владеет грамматикой языка, умеет писать и читать на нём. Владеющие языком это, как правило, люди старшего поколения. Однако практически все наши собеседники считают своим родным языком ассирийский, хотя встречались и те, которые считают родным русский язык. Ассирийцы между собой предпочитают говорить все же по-русски.

Религиозный фактор для ассирийцев играет существенную роль в оформлении этнического самосознания. Люди стараются посещать церковь не только по праздникам, но и каждую неделю. Отмечаемые ассирийцами праздники выполняют важнейшую функцию в поддержании внутриэтнической стабильности, являясь одним из существенных факторов этнической идентичности. Помимо общехристианских (Рождество, Пасха) празднований, ассирийцы устраивают праздники в честь таких особо чтимых в их среде святых, как *Мар-Геваргиз*, *Блаженный Мар-Зая*, *Мар-Давид*, Богородица, а также собственно национальные праздники, имеющие светский историзованный характер (*Мар-Геваргиз*, *Калу-Сулака*). Также в ассирийской среде соблюдаются религиозные обряды – венчание, крещение, причастие. Как правило, они сопровождаются общими застольями, песнями, танцами.

Праздник Мар-Зайя празднуется в январе и июне. Мар-Зайя – это ассирийский святой, имеющий такой же статус, как Николай Чудотворец у православных. Нам рассказали одну историю, которая произошла в одной из разрушенных церквей Курдистана. У американского родственника одной казанской женщины из общины была обнаружена болезнь крови. Врачи от него отказались. К нему пришло видение, что ему надо ехать из Чикаго в Курдистан к маленькой заброшенной церкви в горах. Человек приезжает в Курдистан, проходит через воюющие курдские деревни, находит эту церковь. Он три дня

ночует в этой церкви. Через полгода после поездки врачи фиксируют полнейшее исцеление. Американец-ассириец снял документальный фильм по этому поводу, копию которого прислал в том числе и в Казань.

1 апреля празднуется ассирийский Новый год (*Ха б-Ниссан*). В древности ассирийцы праздновали Новый год 12 дней и 12 ночей, но основной упор делался на период с 31 марта на 1 апреля. Как и мусульмане, празднующие в это время Науруз, на праздник проращивают пшеницу. Это древняя ассирийская традиция, которой уже более двух с половиной тысяч лет. 27 августа празднуют *Мар-Ншалъ*. В Казани в основном живут ассирийцы племени *Джилъваи* из большого района Алсан. В этой местности было высоко влияние святого Мар-Ншалъ. 26 сентября отмечают воздвижение Креста Господня, а 1 октября - Мар-Шалита.

Вспоминая обычаи, описывают такой обряд в сельской местности: «на Рождество собирались мужчины толпой и ходили в дома, благословлять - это в первый день, а на второй день, таким же образом, ходили женщины». Есть интересные обычаи, связанные со свадьбой. Например, на свадьбу дарят елку, украшенную фруктами, конфетами. Под елку кладут шампанское для жениха и платок для невесты.

Мало кто знает народные песни и танцы, старинные обрядовые свадебные действия и соблюдает их. Из народных музыкальных инструментов в основном знают *зурну* (дудка), *долу* (барабан), *тулазурку*. В домах предметы традиционного быта и культуры встречаются редко. У некоторых есть книги на ассирийском языке и книги по истории и культуре народа. Некоторые ответили, что знают от своих бабушек народные песни и стараются исполнять их на праздниках. Почти в каждом киоске можно увидеть маленькие иконки на полках и общие фотографии общины – таким образом визуальное сопровождение единства общности сопровождает человека повсюду.

В ассирийских семьях сохраняются рецепты приготовления блюд, их названия, предпочтения в их употреблении, их стараются готовить не только по праздникам, но в будние дни. Еще в древние времена скотоводство стало источником разнообразных молочных изделий, в основном — сыров, а также кисломолочных продуктов. Один из респондентов поделился рецептом приготовления острого кисломолочного блюда «*сыппуры*». Распространены такие блюда, как *пухан* (ритуальное ассирийское блюдо, готовится в третий день ассирийского поста «*Баута днинвае*»), *кядъг* (мучное блюдо), *хасыда* -

сладкое блюдо, *дохва* – первое мясное блюдо, *катны* – первое блюдо из молока, *джаджиррун* – блюдо из творога и др. Ассирийцы любят фрукты, овощи. Из напитков более всего предпочитают чай. Ассирийская кухня располагает разнообразными по составу блюдами, отличается сложной, богатой, тонкой вкусовой и ароматической гаммой. Таким образом, национальная кухня ассирийцев – один из наиболее устойчивых элементов этнической культуры.

В отдельных местах ассирийцам запрещалось давать детям национальные имена, чиновники по своему усмотрению давали им арабские, персидские или иные мусульманские имена. В Казани среди респондентов мы встретили такие запоминающиеся имена, как Сусанна, Ландан, Слива, Алекс, Сурен, Эльвис, Шура, Феликс.

Казанская ассирийская общественная организация ведет действительно подвижническую деятельность для сохранения своей общности, языка и традиций. В Татарстане издается журнал Ассирийское национально-культурное обозрение «Бара» («Свет»), создан сайт в Интернете «Центральный ассирийский ресурс! («ЦАРЬ»)). Кроме того, Татарстанская ассирийская национально-культурная автономия является активным участником многих проводимых в г. Казани и Республике Татарстан крупных массовых мероприятий.

И.А. Трегубенко

ЗНАЧИМЫЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЛИЧНОСТИ

Понятие «историческая (коллективная) память» было введено в научный дискурс французскими историками Морисом Хальбваксом и Пьером Нора. Изначально рассматривался именно социальный аспект исторической памяти: человек, усваивая коллективный опыт, выходит «за пределы собственного Я, проникает в круг национальных забот, интересов, пристрастий». Таким образом, человек при помощи исторической памяти формирует национальную, этническую и гражданскую идентичность. Но помимо общезначимых исторических событий в память могут включаться личностно значимые события и переживания, с ними связанные. В. В. Нуркова описывает функции, которые могут выполнять индивидуальные исторические воспоминания: «обеспечивать исторический смысл контекста индивидуальной жизни; формировать чувство социальной солидарности; быть основанием для осмысления личностью себя как творца современности».

В социологических исследованиях, как правило, изучаются представления о социально значимых исторических событиях. Так, в крупномасштабном кросс-культурном исследовании Лу было показано, что наиболее значимыми историческими событиями оказались Вторая Мировая война (72%), Первая мировая война (56%), Великая французская революция (17%). Опросы российской выборки показывают сходные результаты. Историческая память включает, в основном, военно-политические события, связанные со своей страной и Европой; упоминаются, как правило, XIX и XX века. Культурные события и научные достижения в ответах редки. Опросы студенческой молодежи демонстрируют слабое знание истории; значимыми событиями считаются Великая Отечественная война, крещение Руси и Октябрьская революция.

Нами также было проведено исследование лично значимых исторических событий. Были опрошены 400 человек (180 мужчин и 220 женщин) в возрасте от 18 до 80 лет с различным уровнем образования и социальным статусом. Давалась инструкция: «Перечислите наиболее важные для Вас события, которые произошли в мировой и российской истории. Оцените радостные от + 1 до + 5, а грустные от – 1 до – 5. Отметьте рядом даты событий». Рассмотрим полученные результаты. Наиболее часто встречающиеся ответы представлены в таблице 1.

Таблица 1. Значимые исторические события

Историческое событие	Процент испытуемых, назвавших событие как важное для них
Великая Отечественная война	46%
Вторая мировая война	19%
Распад СССР	30%
Революция 1917 года	29%
Первая мировая война	17%
Перестройка	16%
Падение башен WTC 11 сентября 2001	15%
Путч	14%
Крещение Руси	13%
Полет Гагарина в космос	11%

Итак, первое место занимает Великая Отечественная война. Данное событие, по всей видимости, составляет основу российской идентичности, особенно за счет осознания победы в Великой отечественной войне. Это поддерживается празднованием 9 мая, парадами. Вместе с названием Второй мировой войны упоминание составляет 65%, что почти соответствует данным по другим странам. Однако российская выборка делает акцент на отечественной истории, что вполне ожидаемо. Война оценивается всеми испытуемыми отрицательно, победа в Великой отечественной войне – положительно. Далее по значимости следует «распад СССР». Это событие происходило при жизни многих испытуемых, следовательно, оно не могло не оставить след в их жизни. 89 % респондентов описывают «распад СССР» как грустное событие, однако здесь уже есть вариативность ответов; то есть его интерпретации уже не так однозначны, как в случае с войной. Другим знаковым событием является революция 1917 г. Большинство опрошенных (83%) рассматривают его как негативное, что демонстрирует новый взгляд на историю своей страны. Путч у части выборки приходился на период становления идентичности, кроме того, это актуальное событие для российской истории, что и обусловило его включенность в историческую память личности.

Примечательно частое упоминание трагедии в США, которую все испытуемые оценивали отрицательно. Террористическая атака на торговый центр многократно транслировалась СМИ, чем можно объяснить яркость воспоминаний и чувство сопричастности происходящему.

Крещение Руси – единственное событие из столь давней истории, которое упоминает существенный процент опрошенных. Очевидно, это знаменует понимание роли религии для страны и народа. Однако не все респонденты рассматривают данное событие как положительное. Полет первого человека в космос, Юрия Гагарина – событие, «складирующееся» в рубрику гордости отечественной истории. Таким образом, историческая память современных россиян относительно неглубока, она включает преимущественно вспоминая о войнах, политических переворотах, а также актуальных событий в стране и мире.

Ш.С. Хамматов, К.А. Яковлев

ГЕНЕАЛОГИЯ: ИСТОРИЯ ДВОРЯНСКОЙ ДИНАСТИИ ГЕРКЕНОВ

Восстановление исторической памяти ныне полузабытых, но в прошлом прославленных родов российского дворянства, в наше время приобретает весьма актуальное значение. Любая нация живет памятью. Нравственность предполагает память – память о прошлом – иначе человечество лишит себя опоры в историческом процессе. Именно поэтому духовное и нравственное воспитание подрастающего поколения должно осуществляться в атмосфере неисчезающей исторической памяти.

В наши дни многие хотят восстановить историю своей семьи, получить информацию о предках. Знакомство с семейными традициями, поддерживает и развивает духовную инициативу памяти, вдохновляет человека на добрые дела, помогает воспитывать в себе такие необходимые личностные качества, как верность, чувство долга, патриотизм, искренность, доброту, сострадание, гуманизм, отзывчивость, чуткость, пытливість мысли, настойчивость и трудолюбие. Генеалогия, или родословие, не занимала достойного места в российском обществе. Лишь незначительная часть населения Российского государства в лице дворянства в той или иной степени (очень часто ни в какой степени) интересовалась как историей своего рода, так и общими вопросами генеалогии. В наше время все это привело к полному незнанию истории своей фамилии и своего рода. Любой член общества действует, находясь в четко очерченном поле традиции своего рода, преданий, а также эмоционального фона своей фамилии. Осмысливать явления в русской истории начала XX в. без знания или, точнее, вне знания о родословной, недопустимо, так как это приводило и будет приводить к искажениям при характеристиках событий того времени.

На протяжении нескольких веков высшим правящим сословием Российского государства являлось дворянство. Оно складывалось на основе государственной службы, преимущественно военной. Добиваясь привилегий для себя, представители сословия одновременно посвящали всю свою жизнь служению Отечеству. Любая сторона жизни российского общества была непосредственно связана с дворянским сословием. Дворяне на протяжении столетий не только занимали руководящие должности в армии, государственном аппарате, на

дипломатической службе, но и поднимали на небывалую высоту русскую литературу, музыкальную и театральную культуру. Они были и среди русских художников и скульпторов. Представители дворянства внесли неоценимый вклад в русскую науку - медицину, историю, филологию, математику, физику, географию. Именно таким и было российское дворянство - не только сословие-труженик, но и хранитель, распространитель образованности, знаний, культуры¹.

В отечественной исторической науке важным становится исследование общностей таких людей, частным проявлением которых являлся дворянский род. Это связано с ролью и значением отдельных дворянских родов в истории России. Дворянские роды наряду со знаменитыми фамилиями высшего сословия, задавали тон в политической, экономической и культурной жизни общества, во многом определяли направленность межсословных отношений в российском государстве и обществе, влияли на проведение различных реформ, особенно на их реализацию на местах. Дворянская культура не может не быть объектом самого пристального внимания социальной истории, поскольку ни у кого не вызывало сомнений ни существование особого дворянского культурного кода, игравшего важнейшую роль в воспроизведении доминирующих социальных позиций дворянства, ни необычайно активное воздействие этой культуры на все общество»².

Тема дворянских династий в Казани вполне заслуживает особого внимания: университетский город имел Дворянское собрание (сословная корпорация, оформившаяся с Екатерины). Энгельгардты, Геркены, Осокины, Боратынские...

Род Геркенов ведет свое начало от голландского шкипера Геркена, завезенного в числе многих Петром I для укрепления молодого русского флота. Ему удалось отличиться в битве при Гангуте 27 июля 1714 года, за что указом Петром I он переведён в офицеры и получил российское потомственное дворянство. Ударение падает на первый слог, кажется не правильно потому что, как оказалось фамилия голландская и ударение должно быть на второй слог. Есть сведения, что Ф.Ф. Геркен

¹ Фролкина Е.В. Дворянская культура российской провинции: на материале мордовского края: дис. ...к. и. н. Саранск, 2007. С.5.

² Уваров, П.Ю. Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма // Французский ежегодник 2001. <http://annuaire-fr.narod.ru>.

был сыном купца из Таллина¹. В Юматово, где находилась родовая усадьба, сохранилось несколько надгробных плит с надписями и там ударение на первый слог. Геркены, внесены в Дворянскую родословную книгу Казанской губернии, часть вторая, том 3².

Геркены были в свое время породнены с помещиками Есиповыми, в 1788 г. Екатерина Петровна Есипова юматовская помещица вышла замуж за Федора Федоровича Геркена. У них было восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Из них наиболее примечательны три сына.

Петр Федорович в 1818 г. он получает звание полковника, военная специальность артиллерист, участник заграничных походов 1813-1815 гг., имел медаль за взятие Парижа. Принимал участие в русско - турецкой войне 1826-1828 гг. в качестве командира батареи. В 1827 г. получил звание генерал-майора, в этом же году женился на двоюродной сестре Е.А. Боратынского Анне Ивановне Панчулидзевой. Она родилась в Казани в 1806 г., в 17 лет выйдет замуж в 1842 году умрет, похоронена в Юматово. В 1830 г. генерал-майор П.Ф. Геркен уходит в отставку, имеет дом в Казани и усадьбу в селе Юматово. В этом браке родятся Иван, Алексей, Сергей³.

Николай Федорович Геркен дослужился до чина генерал-майора, был женат на графине М.Каменской, но знаменит стал другим – своим непреклонным, суровым нравом. Во время русско-турецкой войны, весной 1829 г., Охотский полк попал в окружение турок и почти полностью погиб, в живых осталось чуть больше двух десятков воинов, включая командира. Он немедленно посылает рапорт императору Николаю I с обвинением в адрес командира операции генерала Рота – Охотский полк был брошен на явную гибель. Но царю доложили, что во всем виноват Н.Ф.Геркен. В результате он был разжалован и почти год просидел в крепости⁴.

Третий сын – Алексей Федорович Геркен – стал родоначальником самой знаменитой, военно-морской ветви семьи. Все

¹ Казанское дворянство 1785-1917 г. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 150.

² Там же.

³ Там же. С. 151.

⁴ Верхний Услон: край родной, навек любимый / сост. В.Т.Корчагин. Казань, 2001. С.45.

три его сына – Александр, Павел и Федор – были воспитанниками Морского кадетского корпуса. Старший – Александр родился в 1820 г., рано вышел в отставку, жил в своем доме в Казани. Павел родился в 1825 г., в 1844-м был произведен в гардемарины и около 15 лет служил на флоте. В 1857-м вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. Федор родился в 1835 г. Ему понадобилось 30 лет, чтобы стать контр-адмиралом. Потомки Алексея Федоровича с достоинством носили фамилию Геркенов: внуки продолжали начатое дело деда¹.

Породнились Геркены на протяжении трех поколений еще и с семейством Е.А. Боратынского. Первое, дальнейшее пересечение этих фамилий произошло в 1827 г., когда двоюродная сестра Е.А. Боратынского Анна Ивановна Панчулидзева вышла замуж за Петра Федоровича. Второе, уже прямое, непосредственное слияние семей случилось после 1866 г., когда дочь Е.А. Боратынского вышла замуж за Ивана Петровича Геркена и стала жить в его родовом имении Юматово. Третье слияние внутри родословной семей было предопределено, вскоре внучка Е.А. Боратынского, дочь сына Дмитрия, Юлия Дмитриевна Боратынская вышла замуж за Юрия Сергеевича Геркена. В этом браке у них родился сын Евгений Юрьевич Геркен, в будущем довольно плодовитый драматург - сценарист. Фамилия прадеда стала одной из составных частей его литературного псевдонима «Геркен - Боратынский». Коллеги так отзывались о нем: «Кто в Казани из людей, интересующихся музыкой, литературой и театром, не знает Евгения Геркена, этого поэта, обладающего большим вкусом и подающие лучшие надежды?» Оригинальные его пьесы: «Крылья», «Они любили», «Великий Калиостро». Он умер в Москве в марте 1962 г.²

Остались ли в наше время потомки рода Геркенов? Авторы статьи «Родные образы из прошлых веков» Сергей и Наталья Ивановские, являются потомками фамилии Геркенов, внуки Владимира Павловича Геркена, дети Натальи Владимировны Геркен. В настоящее время они проживают в г. Санкт-Петербурге, Наталья Ивановская – кандидат исторических наук, Сергей – кандидат экономических наук. Они пишут «... если вы где-нибудь встретите эту редкую фамилию

¹ Ивановские Сергей, Наталья. Родные образы из прошлых веков // Казань. 2002. №9. С.57-70.

² Благов Ю.А. Начало театральных зрелищ в Казани // Казань. 2005. №11. С. 45-65.

Геркен, то с точностью можете полагать, что этот человек далекий потомок рода Геркенов»¹.

Это лишь малая часть истории дворянского семейства, сыгравшего немаловажную роль в жизни Казани, но, тем не менее, достаточно интересная и насыщенная, занимающая достойное место в истории города и страны.

М.В. Черепанов

ВЕРОЛОМНОЕ НАПАДЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Вряд ли кто-то всерьез задумывался над тем, почему И.Сталин в своем выступлении 3 июля 1941 г. назвал нападение Германии на СССР ни бесосновательным, ни провокационным, ни возмутительным, а именно вероломным. Какую же веру сломал Гитлер, объявляя войну Советскому Союзу? Насколько неожиданным было нападение для самого Сталина? Насколько велика была его вера в своего германского союзника?

Попыток ответить на эти вопросы немало, но ни одна из них не убеждает безоговорочно. Часто пытаются объяснить поведение Сталина в канун и в первые дни Великой Отечественной войны либо необъяснимой глупостью (в частности, безграничным доверием Гитлеру), либо безграничной самоуверенностью. Споры ведутся вокруг планов руководителя СССР – собирался ли он наносить «превентивный» удар по Германии? И что он имел в виду, говоря 5 мая 1941 г. на совещании в военной академии РККА о «неизбежной войне»?

Противоречиво и описание реакции Сталина на известие о бомбардировке наших городов 22 июня немецкими самолетами. Одни пишут, что генсек был уверен: «Гитлер об этом не знает» и назвал это провокацией английских шпионов в вермахте. Другие утверждают, что Иосиф Виссарионович «впал в глубокий шок» до 3 июля 1941 г. и отдавал лишь бессмысленные распоряжения, которые только усугубляли ситуацию.

Полный анализ споров дал В.А. Невежин¹. Но и в его статье нет ответа на вопрос – ПОЧЕМУ наши войска на западном направлении

¹ Ивановские Сергей, Наталья. Указ.соч.

оказались неспособными к обороне, куда делся боевой опыт и дух офицеров РККА в июне 1941 г., что же имел в виду Сталин, называя нападение вероломным? Не поняв истинных причин действий Сталина, трудно оценить действия руководства нашей страны в тот трагический момент. И главное – дать более или менее объективную оценку этим действиям.

О том, каковы были стратегические замыслы И.Сталина в конце 30-х – начале 40-х годов XX века бесполезно узнать прежде всего от его главного союзника-соперника во Второй Мировой войне А.Гитлера. Декларация фюрера, опубликованная уже 22 июня 1941 г. в американской газете «Нью-Йорк таймс», дает существенную информацию к размышлению. Даже если учесть, что это пропаганда, прикрытие агрессии, факты, перечисленные в ней, дают основание убедиться, что внешняя политика СССР перед началом войны была далеко не однозначной и наивной.

Материалы о начале фашистской агрессии против СССР присланы американскими корреспондентами из Берлина. «Декларация Гитлера» дана со значительными сокращениями. Приведем несколько показательных абзацев: “Мне было очень трудно принять решение о посылке моего министра в Москву для участия в выработке противодействия британской политике поражения Германии. Я надеялся, что наконец-то удастся ослабить напряженность...Проникновение России в Румынию грозило вовлечением в войну новых обширных районов мира... Молотов сказал, что Россия нуждается в проходе через Дарданеллы и требует базу в Босфоре. Через несколько дней Россия заключила хорошо известное соглашение о дружбе, которое должно подстрекать сербов на действия против Германии. Москва потребовала мобилизации сербских армий. Россия предложила доставлять военные материалы против Германии. Сербские офицеры прилетели в Россию и были встречены как союзники.

Настал момент, когда я не могу больше смотреть на подобное развитие событий. Выжидание явилось бы преступлением против Германии. Русские самолеты снова и снова пересекают наши границы. Чтобы доказать, что они здесь хозяева в воздухе. В ночь на 17 июня и

¹ Невежин В.А. Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года: (По итогам «незапланированной дискуссии» российских историков) // Отечественная история. 1999. № 5.

вновь на 18 июня наблюдалась активная деятельность русских патрулей...Задача состоит в том, чтобы обезопасить Европу, а стало быть, спасти всех. Поэтому сегодня я снова решил вручить судьбу немецкого народа и Рейха, судьбу Европы нашим солдатам”.

Корреспондент газеты К.Брукс Питерс дополняет картину: «Немецкое вторжение началось на громадном фронте, простирающемся от Арктики до Черного моря. Адольф Гитлер в обращении к народу, определяет военную акцию величайшей в мировой истории. Это было необходимо, подчеркивает фюрер, так как несмотря на его непрекращающиеся усилия сохранить мир в этом районе, было определенно доказано, что Россия находилась в союзе с Англией и добивалась развала Германии путем затягивания войны. Гитлер утверждает, что концентрация русских войск на восточных границах Германии началась в августе 1940 г.»

Был ли Сталин наивным?

Обратите внимание на претензии, которые Гитлер предъявляет советской стороне: мы успели со всех сторон обложить его своими союзниками; тайное соглашение с Англией, а через неё - с Грецией, активизация взаимодействия с сербами, присоединение части Польши, Прибалтики и Бессарабии. Трудно не поверить Гитлеру, что самым страшным его противником была именно Советская Россия. Но собирался ли действительно Сталин наносить удар по Германии летом 1941 г.? Факты, долгое время засекреченные в России, дают много поводов для размышлений. Среди них - подготовка в нашей стране, которая якобы готовилась обороняться, многих десятков тысяч воздушных десантников, выпуск 20 тысяч танков, сотен стратегических бомбардировщиков и многое другое. Но является ли сам факт выдвижения войск к границе с Германией доказательством неизбежного конфликта в ближайшие месяцы именно на территории Польши?

Конечно, концентрация ударных частей Красной Армии на границе с Румынией, которая не собиралась нападать на СССР, выглядит не миролюбиво. И боеспособность наших войск в Львовском выступе была наглядно продемонстрирована в первые дни войны. Так, ночью с 22 на 23 июня группа воинов Одесского округа при поддержке речной флотилии форсировала реку Дунай и захватила «выгодные пункты, 510 пленных, 2 офицера, 11 орудий и много снаряжения»¹.

¹ ЦАМО. Ф. 229. Оп.157. Д.7. Л. 197-199.

Выдвигая свой мощный кулак в соприкосновение с румынским нефтяным месторождением в районе г.Плоешти, единственным в Европе, Сталин стремился установить контроль над производством и экспортом горючего, без которого ни для Германии, ни для Англии вести боевые действия было невозможно.

Второй броневой кулак РККА был выдвинут в район г.Белостока. Выбор именно этого направления становится понятен после рассекречивания сведений о начале строительства в 1936 г. немецкой ракетной базы Пенемюнде именно на границе с Польшей на полуострове в Балтийском море. Советская разведка сообщила Сталину о потенциальной угрозе создания в Германии ракет, способных преодолевать 400 км и о подготовке к испытаниям бомбы огромной мощности, радиус действия которой равен нескольким десяткам км.¹

Но самым невероятным в начале Великой Отечественной войны оказывается переход 22 июня 1941 г. частями РККА границы с Ираном². Об этом написал очевидец тех событий, житель Чистополя Ф.А.

¹ Из донесения Б.Кобулова, зам. наркома Госбезопасности СССР № 725 от 24.3.1941 г.

² Галимов Ф.А. Дороги солдатские. Казань, 1998.

Галимов. По официальной версии, совместная англо-советская оккупация Ирана проводилась с 25 августа по 17 сентября 1941 г. Её цель – защита иранских нефтяных месторождений от возможного захвата войсками Германии, а также защита транспортного южного коридора, по которому союзниками осуществлялись поставки по ленд-лизу для СССР. Если верить энциклопедии, Сталин выдвинул 5 своих армий в конце августа 1941 г., когда нечем было прикрывать Смоленск, чтобы спасти Баку от 300 немецких шпионов в Иране и для безопасности поставок от Англии. Был ли Сталин настолько расточителен и непрактичен?

Обратить внимание на Иран ещё в 1940 г. заставил Сталина не Гитлер, а ... Чемберлен. Именно он пригрозил после нашего нападения на Финляндию поставить Россию на колени, разгромив Баку с территории Ирана.

13 ноября 1940 г. во время встречи Молотова и Гитлера в Берлине стороны подтвердили договорённости о том, что Германия не имеет интересов в Иране, который отходит в сферу интересов СССР. Эта договорённость открывала Сталину путь к Персидскому заливу. Сталин смог бы осуществить многовековую мечту русских царей и получить выход к незамерзающим портам Индийского океана и при этом разрезать Британскую империю надвое, разорвав торговые пути между Индией и Ближним Востоком. Поскольку воевать пришлось бы с Британией, нужно было серьёзно подготовиться. За год до войны Закавказский военный округ был усилен 10 дивизиями, 3 из которых приходилось на долю ВВС, и число самолетов возросло с нескольких десятков до полутысячи, одна - танковая, одна - кавалерийская, и 5 - стрелковых.

О том, что части РККА получили приказ защищать нефтепромыслы Азербайджана и Кавказа ещё в 1940 г., свидетельствует генерал армии С.М. Штеменко¹: «Осень 1940 и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание Ближневосточного театра. С марта приступили к разработке командно-штабных учений в Закавказском и Среднеазиатском военных округах, намеченных на май. В апреле генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин сказал, что учение в ЗакВО будет проводить он. Руководить учением стал генерал-майор М.Н. Шарохин, а в роли начальника штаба руководства пришлось выступить мне. Фронтом командовал заместитель

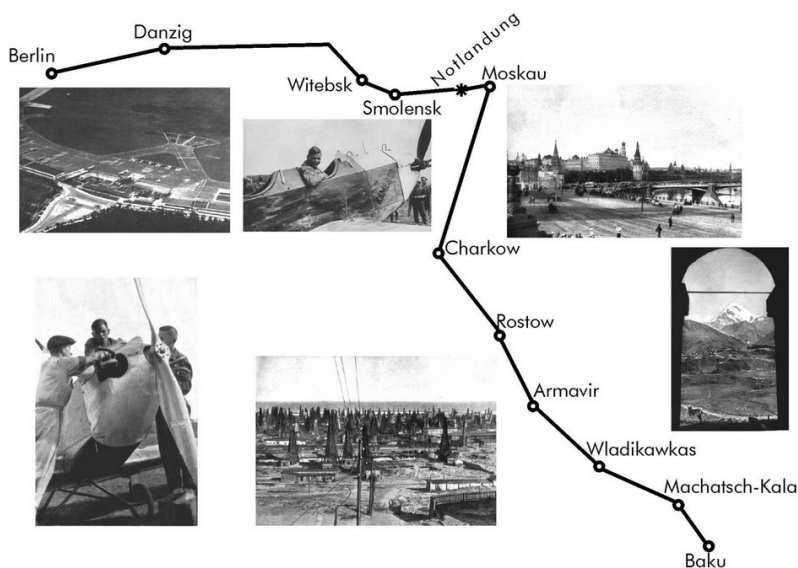
¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981.

командующего войсками округа генерал-лейтенант П.И. Батов. Обязанности начальника штаба фронта выполнял генерал-майор Ф.И. Толбухин».

Сталин был убежден в том, что поход на юг выгоден не только ему (для спасения своих нефтяных месторождений от посягательств Англии), но и Гитлеру, войска которого дошли к тому времени до Ирака. Он с радостью узнал о циркуляре Гитлера от 17.02.1941, в котором речь шла о наступлении на Индию и Афганистан. Это было первое плановое мероприятие Вермахта после плана Барбаросса. Вот почему Сталин делал всё, чтобы блицкриг на западной границе СССР не был реализован, и внимание Гитлера было переключено на советско-германский южный поход. В таком случае понятна логика приказа Сталина направить летом 1940 г. свои лучшие, имевшие опыт боев войска именно на границу с Ираном и Турцией. Поэтому, узнав о провокациях 22 июня 1941 г., Сталин, судя по всему, дал команду активизироваться на юге, чтобы показать своему союзнику Гитлеру верность договоренностям идти на Индию.

О том, что наши войска были в Иране уже в июне 1941 г., свидетельствуют не только воспоминания Ф.Галимова, но и найденные автором этих строк в Интернете карты боевых действий 77 горно-стрелковой дивизии РККА, на которых даты захвата иранских городов переправлены с июня на август (см. фрагмент карты.)

Кстати, это была та самая, азербайджанская дивизия, воины которой отличились в мае 1938 г. на озере Хасан. И только после Ирана, 29 декабря 1941 г. им было приказано высадиться на Керчинском полуострове.

О совместных планах свидетельствует и дальний перелет германских бомбардировщиков из Берлина в Баку, совершенный по просьбу Советского правительства летом 1940 г. (см. схему перелета.)

Несомненно одно: для Сталина нападение Гитлера на СССР было действительно вероломным. Оно не было основано ни на интересах Германии, ни на стратегических резервах вермахта. Это была именно роковая ошибка Гитлера. Даже если он надеялся получить в скором времени современные танки, ракеты Фау-2 и грязную урановую бомбу, объявление войны Советской России навсегда перечеркнуло все его планы мирового господства. Сталин, судя по логике его действий, основную свою задачу видел не в «превентивном» ударе по Германии, а в спасении нефтепромыслов Баку от английской угрозы. И поступил бы на его месте по-другому какой-либо более мудрый политик – вопрос спорный. В сухом остатке – результат политики советского правительства: Гитлер не смог в мирных условиях произвести оружие массового поражения с ракетными средствами доставки в любую точку планеты, а значит реализовать свои планы мирового господства и физического истребления всей цивилизации.

**РУССКО–ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н.В. ЧАРЫКОВА**

В 1877 г. Российская империя вступила в войну с Турцией, выступив на помощь балканским славянам. По весьма интересному замечанию Д. Макдоналда, к моменту начала русско–турецкой войны выросло поколение, которое воспринимало эту войну как крестовый поход против турок за освобождение братьев–славян¹. В этой связи небезынтересным представляется и такой факт как участие успешного молодого дипломата в этой войне в качестве добровольца на самой передовой линии огня².

Определённый свет на вопрос проливает эпистолярный корпус источников, представленный перепиской Н. В. Чарыкова и его окружения в связи с его военной службой³. Первый раз о русско–турецкой войне Чарыков упоминает 20 апреля 1877 г. в письме отцу, где говорит, что «военное время ложится тяжело не на одних военных, и тебе, и мне, а в особенности тебе, значительно труднее, нежели тем которые теперь на Дунае или за Кавказом»⁴. 24 июля Чарыков писал отцу: «Ты знаешь, что гвардия мобилизована и что созван первый разряд ополчения», что «ныне наступает решительный момент в теперешней борьбе, от которой зависит исход этой войны», а главное –

¹ McDonald D. A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914 // *Imperial Russian foreign policy*. Cambridge, 1993. P. 288.

² Это особенно примечательно в связи с отрицательной оценкой деятельности Н. В. Чарыкова в качестве российского посла в Турции как «генерала от паркетной службы». См.: Шеремет В. И. Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. М., 1995. С. 30.

³ Ранее автор данной статьи уже обращался к некоторым аспектам данной проблемы. См.: Чернов О. А. Н. В. Чарыков – участник и историк русско – турецкой войны 1877 – 78 гг. // XXII Кирилло – Мефодиевские чтения. Материалы областной научно–методической конференции преподавателей истории, языка и культуры славянских народов. Самара, 1999. С. 44–47; Он же. Российский дипломат Н.В. Чарыков и войны // Человек и война в XX веке. Материалы межвузовской научно–практической конференции. М., 2007. С. 40–43; Он же. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара, 2010. С. 44–47.

⁴ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 55. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 20 апреля 1877 г.

решается судьба Восточного вопроса «и будущего благоденствия России»¹.

Чарыков полагал, что его «дипломатическая карьера ... начавшаяся довольно удачно не пострадает, так как при начале мирных переговоров я снимаю мундир и берусь за перо»². 29 июля 1877 г. он был принят в лейб-гвардии гусарский Его Величества полк под командованием Б. Е. Мейендорфа на правах охотника I разряда, пользующегося правами вольноопределяющегося³.

20.08 1877 г. с румынской границы Н. В. Чарыков писал отцу: «Вчера получил твоё письмо прибыв сюда после 6-дневного форсированного перехода из Жмеринки. До Жмеринки полк ехал поэскадронно по железной дороге и благодаря любезности офицеров впустивших вольноопределяющихся в свои вагоны 1 и 2 классов мне было очень хорошо ехать... Все страдали от жажды. Я пил... красное вино и воду – прескверную – с лимонной кислотой. ... Сегодня или завтра приедет генерал Гурко, начальник дивизии»⁴.

10.09 1877 г. Чарыков сообщал: «Вчера полк прибыл сюда и сегодня стоит на дневки. Отсюда в Зимницу – на Дунай а там уже на самое место сражения»⁵. 5 октября Н. В. Чарыков извещал: «...я недавно провёл более недели под дождём в грязи – в палатке из шести солдатских полотнищ, втроём с двумя другими (Солово и Бобринский) вольноопределяющимся»⁶. Чарыков надеялся, что в дальнейшем ему будет легче «оттого, что очень скоро меня произведут в офицеры, или по экзамену или за отличие, я уже отслужил мой срок рядовым два

¹ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 55. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 24 июля 1877 г.

² ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 58. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 24 июля 1877 г.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 405. Оп. 528. Д. 230. Л. 2; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 11.

⁴ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 58. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 20 августа 1877 г.

⁵ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 58. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 10 сентября 1878 г.

⁶ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 95. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 5 октября 1877 г.

месяца»¹.

Наконец, 28 октября 1877 г. Чарыков телеграфировал отцу, что «жив, невредим. Был [в] деле [по] взятию Телише»². Из письма, написанного на следующий день, следовало, что его «первое дело было при взятии Телише... 12-го полк в ночи выступил ... и на рассвете выехал к ложементам которые турки устроили на возвышенности по Софийскому шоссе. Неприятель открыл по обыкновению очень частый ружейный огонь... и был ранен один офицер конногвардеец Трепов и 3–4 рядовых. «Открывши» неприятеля мы отошли на левый фланг для прикрытия батареи, которая начала обстреливать укрепления и так как Трепов выбыл из строя, то мне поручили командовать 2-ым взводом, что я и делал до окончания сражения. Пришлось довольно долго простоять под огнём... и ещё потеряли несколько рядовых ранеными – одного ранило в живот как раз сзади меня»³.

Дальнейшая служба Чарыкова была отмечена наградами. За дело при деревне Чурьяк он был награжден орденом св. Георгия IV степени⁴. 15 декабря 1877 г. Н. В. Чарыков сообщал отцу из Зимницы: «Здоров, получил письмо; телеграфирую при каждой возможности; писал... нахожусь [в] Орхание; жду посылки Винтулова»⁵.

2 января 1878 г. в боях при деревне Строеве он был ранен двумя пулями в правое плечо⁶. За этот бой был награжден орденом св. Георгия III степени и произведен в корнеты⁷. Коллеги по министерству иностранных дел и его родные не имели о нём сведений, начиная с декабря предыдущего года. Лишь 21 января пришла долгожданная весть, которую выяснил дипломатический агент в Бухаресте Спичаков:

¹ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 96. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 5 октября 1877 г.

² ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 96. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 28 октября 1877 г.

³ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 99. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 29 октября 1877 г.

⁴ РГИА. Ф. 405. Оп. 528. Д. 230. Л. 3.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 11 об.

⁵ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 54. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 15 декабря 1877 г.

⁶ РГИА. Ф. 405. Оп. 528. Д. 230. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 405. Оп. 528. Д. 230. Л. 2.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 11.

«Чарыков жив, здоров и произведён в офицеры»¹.

Наконец, 29 января дал о себе знать сам Чарыков: «Благополучно прибыл в Тырново. Под Филипполем легко ранен в правое плечо. Еду в Россию; в Минске буду около 10 февраля. Якова не встречал. Представлен за Чурьяк в офицеры и Георгию»². 9 апреля 1878 г. Н. В. Чарыков писал отцу: «как раненный офицер я вступил под начальство С. Петербургского коменданта генерала Адельсона.

Я ему являлся и получил от него вид на проживании в Петербурге для полечения раны... По ходатайству [Миллера] канцлер разрешил мне тотчас начать работать в канцелярии»³. Кроме того, он сообщал, что ««Знак отличия военного ордена 4-ой степени № 70628» я получил вчера вечером от принца Ольденбургского, который его получил для передачи мне из полка»⁴.

11 апреля 1878 г. Н. К. Гирс направил запрос Л. Л. Гейдену, в котором указал, что: «бывший секретарь канцелярии министерства иностранных дел, а ныне служащий корнетом в лейб-гвардии Гусарском... полку Чарыков находящийся в С. Петербурге для излечения раны, просит о прикомандировании его для занятий к министерству иностранных дел, впредь до выздоровления. ...Не встречается ли со стороны военного ведомства препятствий к удовлетворению просьбы корнета Чарыкова»⁵. 24 апреля был получен ответ, который гласил, что «Высочайше разрешено... Чарыкова... прикомандировать к Министерству иностранных дел». При этом речь о полном возвращении Чарыкова в МИД не шла. Так, Гейден просил уведомить Главный штаб о времени выздоровления Чарыкова «для... отправки сего офицера к месту служения»⁶.

Как дипломата его интересовали политические итоги войны,

¹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 53. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 21 января 1878 г.

² РГАДА. Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 61. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 29 января 1878 г.

³ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 81. Л. 6. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 9 апреля 1878 г.

⁴ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 81. Л. 6. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 9 апреля 1878 г.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Л. 1, 1 об. Н. К. Гирс–Гейдену. 11 апреля 1878 г.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 3, 3 об. Гейден–Н. К. Гирсу. 24 апреля 1878 г.

которые для России оказались не самыми удачными. Он пришел к заключению, что те, кто ждет выгод для России от Берлинского конгресса, ошиблись. Правы оказались те, кто ждал минимума невыгод «проистекающих из нашего военного положения настоящего времени»¹. По окончании войны встал вопрос о возвращении Н. В. Чарыкова на дипломатическую работу. При этом сам Н. В. Чарыков писал отцу: «Зимой буду держать экзамен на гвардейского офицера и, выдержав его, подам в отставку»². Причём автоматическое возвращение в канцелярию было невозможно. В результате это стало предметом соответствующей переписки между МИДом и военным министерством.

25 ноября 1878 г. Н. К. Гирс вновь обратился к Л. Л. Гейдену с соответствующими разъяснениями. В частности он указывал, что «Корнет Чарыков находился прежде на службе в министерстве иностранных дел, а в 1877 году поступил в военную службу охотником на военное время»³. Н. К. Гирс уведомлял, что предполагает назначить Н. В. Чарыкова «на вакантное место второго секретаря канцелярии...» и в связи с этим ходатайствовал о том, чтобы Гейден сделал «нынче распоряжение о переводе Чарыкова на службу в министерство иностранных дел с переименованием в гражданский чин»⁴.

Видимо, во избежание возможных препятствий Н. К. Гирс предварительно обращался к Александру II. Во всяком случае, он подчеркнул, что «Государю Императору благоугодно было... разрешить мне войти в сношение с вашим сиятельством по сему предмету»⁵. 5 января 1879 г. был получен долгожданный ответ, который гласил, что «на увольнение корнета ... Чарыкова, с переименованием в прежний чин титулярного советника и с переводом в министерство иностранных дел... препятствий не встречается»⁶. В результате Н. В. Чарыков был «Высочайшим приказом переименован в прежний чин титулярного

¹ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 81. Л. 22. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 16 июня 1878 г.

² ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 81. Л. 44. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 8 сентября 1878 г.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 5, 5 об. Н. К. Гирс – Гейдену.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 5 об. Гирс – Гейдену.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 5 об. Гирс – Гейдену.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 9.

советника»¹.

Продолжая формально состоять на военной службе, Н. В. Чарыков вернулся де-факто в канцелярию Министерства иностранных дел. Он рассчитывал получить должность второго секретаря канцелярии МИД «вакансия есть, – писал он, – так как Извольский уехал в Филипполи секретарём генерального консула князя Церетелева, что многих удивило»². 7 января 1879 г. Н. В. Чарыков возвратился на гражданскую службу в прежнем чине титулярного советника. А 15 января 1879 г. Н. В. Чарыков был назначен вторым секретарем канцелярии министерства иностранных дел и вскоре произведен в коллежские асессоры³.

Таким образом, переписка Н. В. Чарыкова и его окружения демонстрирует весьма неординарный факт трансформации молодого, успешного дипломата в боевого солдата и офицера и наоборот. Помимо того, что данная переписка расширяет фактографию русско-турецкой войны на микроуровне, вносит поправки в историографические оценки, она представляет интерес ещё и тем, что отражает эволюцию образа мышления Н. В. Чарыкова под влиянием фактора войны.

Е.С. Полунин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СУДЬБЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ III РЕЙХА В 1944-45 гг.

Воспоминания немецкого населения довоенных восточных территорий Германии (Восточной Пруссии, Восточной Померании, Верхней и Нижней Силезии) легли в основу исторической памяти западных немцев о судьбе населения восточной части страны при вступлении Красной Армии. Воспоминания не только передавались миллионами беженцев из поколения в поколение, но и усилиями западногерманских историков были запрототолированы и объединены в многотомную документацию. Короткие протоколы, дневниковые записи⁴

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Л. 13.

² ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 81. Л. 44. Н. В. Чарыков – В. И. Чарыкову. 8 сентября 1878 г.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 3.

записи¹ и целые мемуары участников событий стали не только научной, но и важной общественно-политической проблемой. Как и любая разновидность “oral history” комплекс представлений о происшествиях с мирным населением в последний период войны не лишен субъективности. Последнее обстоятельство усиливало то, что воспоминания беженцев стали также особой картой в политической игре, они не только активно использовались землячествами и Союзом изгнанных, но и стали важным элементом западногерманской риторики времен «Холодной войны». Так, представления о происшествиях с немецким населением в конце войны в субъективном и политизированном виде запечатлелись в общественном сознании, образовав некоторую историческую память. Смысл ее заключался в том, что население немецкого востока представляли в качестве жертв Второй мировой, что получило определение «Opferdiskurs», то есть дискурс жертв. Цель статьи - выявить содержание исторической памяти о событиях, пережитых населением восточных земель Рейха на основе анализа воспоминаний самих беженцев и основывающейся на них публицистики и научных исследований.

По свидетельствам участников событий, мирное население востока Рейха в конце войны ожидали разного рода лишения - от потери части имущества вплоть до смерти. Все это было так или иначе связано с бегством немцев на запад и проведением здесь боевых действий советскими войсками. Бегство было очень масштабным событием и охватило по некоторым данным около 6 млн. человек.² Гюнтер Браун (В. Пруссия) вспоминает, что на его пути встречались полностью брошенные деревни.³ Весомую лепту в такое массовое бегство внесла пропаганда Геббельса, сформировавшая не дух сопротивления, как предполагалось, а страх перед советскими войсками.⁴ Бежать население

¹ Terpitz W. Wege aus dem Osten: Flucht und Vertreibung einer ostpreußischen Pfarrersfamilie / W. Tirpitz. Bearb. von M. Schwartz. – München: Oldenbourg, 1997. – 228 S., S. 79.

² Piskorski J. M. Vertreibung und deutsch-polnische Geschichte. Eine Streitschrift / J. M. Piskorski. – Osnabrück: Fibre Verlag, 2007. – 175 S., S. 26.

³ Braun G. Erinnerungen eines Flüchtlingsjungen aus Ostpreußen in Wittgensdorf-Herrenhaide-Burgstädt // Von Memel bis an die Mulde. Ankunft von Evakuierten, Flüchtlingen und Vertriebenen in der Region während und nach dem Zweiten Weltkrieg / hrsg. von. A. Eichler. – Chemnitz, 2008. – S. 92 - 112, S. 100.

⁴ Piskorski J. M. Op. cit. S. 21.

уговаривали и отступающие солдаты,¹ и беженцы, потоки которых неизбежно увлекали на запад все новых людей.² Значительная доля населения оказалась вовлечена в это масштабное историческое событие, которое впоследствии из-за целого ряда опасностей пути стало символом страданий немцев во время второй мировой войны в ФРГ.

Бегство немецкого населения на запад началось зимой 1945 г., в восточных землях Германии тогда стояла особенно суровая морозная погода.³ В Силезии отмечались 15 – 18 градусные морозы,⁴ даже из ее столицы, Бреслау, бежать пришлось при 14 градусах ниже нуля.⁵ В Восточной Померании было еще холоднее, ниже 20 градусов.⁶ Так же холодно по свидетельству Г. Брауна было в Восточной Пруссии, когда он пешком двигался на запад.⁷ Частым явлением стали обморожения конечностей у беженцев, старики и дети часто умирали от холода.⁸ Нормальному движению транспорта мешали также высокие снега,

¹ Sommer R. Meine Flucht aus Ostpreußen // Vertreibung aus dem Osten. Deutsche und Polen erinnern sich. Olsztyn, 2006. – S. 228 - 241, S. 232.

² Bericht des Kreisoberinspektors Gustav Zolker aus Namslau i. Niederschles. Original, 27. November 1952 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 414 – 417, S. 414.

³ Tagebuchaufzeichnungen des Stellmachermeisters Gustav Schlaffke aus Beichau, Kreis Militschi i. Niederschles. Abschrift des Vf. aus seinem Tagebuch vom 19. Januar bis 13 Februar 1945 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 420 - 426, S. 420 – 424.

⁴ Bericht des ehemaligen Landrats im Kreise Namslau i. Niederschlesien, Dr. Heinrich. Original, 1. Oktober 1952 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 417 - 418, S. 417.

⁵ Erlebnisbericht der Regierungsangestellten Elisabeth Erbich aus Breslau, April 1946 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 441 – 445, S. 441.

⁶ Sommer R. Op. cit. S. 234.

⁷ Braun G. Op. cit. S. 97.

⁸ Ropertz I. Zwischen den Rädern. Erinnerungen / I. Ropertz. - Langwaden: Bernardus-Verlag, 1996. – 217 S., S. 85 - 87.

сильные метели и снегопады.¹ Беженцам в пути также не хватало многих вещей, ведь собирались они, как правило, в спешке, забывая остро необходимое.² В панике хватали какие-нибудь блестящие, а потом абсолютно бесполезные вещи – графины, сахарницы.³ Продовольствие в дороге получали далеко не все, хотя иногда и выдавали некоторое количество еды.⁴ С собой же зачастую либо не успевали, либо не предусмотрели взять нужное количество продуктов. Голод ожидал и в пути, и дома, так отец Ринаты Зоммер погиб в Кенигсберге от недоедания.⁵ Холода, полуголодное существование, а также изматывающая дорога приводили и к истощению, и ко многим заболеваниям. Особенно часто упоминается тиф, унесший много жизней.⁶ Несмотря на опасности для жизни и здоровья, Анна-Мария, жена пастора из Восточной Пруссии, в своих размышлениях приходит к выводу, что больше всего беженцы пострадали психологически.⁷ Картины на дорогах очень тяжело влияли на людей – повсюду брошенные вещи, перевернутые повозки, умерший скот, подавленные люди.⁸ Вокзалы заполнили полузамерзшие и полуголодные люди.⁹ По

¹ Erlebnisbericht der Pastorenfrau Annemarie Glück aus Filehne, Kreis Czarnikau i. Posen. Original, Februar 1949 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band. – S. 371 – 379, S. 376.

² Bericht der Geschäftsfrau Helene Mantel aus Gr. Wartenberg i. Niederschles., Original, 2. Mai 1950 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band. – S. 419.

³ Sommer R. Op. cit. S. 238.

⁴ Tagebuchaufzeichnungen des Stellmachermeisters Gustav Schlaffke aus Beichau, Kreis Militschi i. Niederschles. S. 424.

⁵ Sommer R. Op. cit. S. 237 – 238.

⁶ Erlebnisbericht des Bauern Karl Tiffert aus Lossen, Kreis Briegi, Niederschlesien, 26 September, 1952 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 432 – 433, S. 432 – 433.

⁷ Erlebnisbericht der Pastorenfrau Annemarie Glück aus Filehne, Kreis Czarnikau i. Posen. S. 378.

⁸ Erlebnisbericht des Lehrers Max Christoph aus Thiemendorf, Kreis Wohlau i. Niederschles. Original, 1. Mai 1952 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 426 - 429, S. 426.

⁹ Krutein E. Flucht und Überleben: Deutschland 1945. – Frankfurt / M; Berlin: Ullstein, 1993. – 215 S., S. 20 – 21.

воспоминаниям в Бреслау была настоящая паника, по улицам бегали люди, были слышны истерики женщин и плач.¹ Некоторые упоминают о людях, сходявших с ума, забывавших, кто они и откуда. А старики порой умирали от сердечных приступов.²

Часто при этом люди проявляли не лучшие свои качества, особенно в опасных или безвыходных ситуациях. Чувствовалась озлобленность друг на друга. Так уже известная нам Анна-Мария вспоминает, что каждый беженец боролся за себя, за свою жизнь; а в пути шла вечная борьба за место на дороге.³ Также на постой пускали далеко не все.⁴ Не меньшим ударом для беженцев были частые потери родственников, которые в неразберихе бегства были неизбежны.⁵

Тяготы бегства усугубляло то, что беженцами были самые слабые представители населения - женщины, дети, старики.⁶ Это и стало основным аргументом в пользу безвинности жертв событий.⁷ Женщины, Женщины, дети и пожилые люди не только быстрее утомлялись, но и больше были подвержены холоду и голоду. Мужчины же были на фронте, последних оставшихся забирали в фольксштурм.⁸ Среди беженцев могли быть лишь совсем не годные к службе мужчины или представители местной администрации, встававшие во главе треков. Пожилые люди иногда вовсе отказывались от бегства, не желая покидать мест, где провели столько лет или, пытаясь сберечь добро.⁹ Дети же гораздо чаще попадались среди беженцев, крестьянские семьи были еще достаточно многодетны.

¹ Erlebnisbericht der Regierungsangestellten Elisabeth Erbach aus Breslau. S. 441.

² Ibid. S. 443.

³ Ropertz I. Op. cit. S. 72 - 73.

⁴ Weise U., Fleischer R. Mit dem Treck nach Langenchursdorf // Von Memel bis an die Mulde. Ankunft von Evakuierten, Flüchtlingen und Vertriebenen in der Region während und nach dem Zweiten Weltkrieg / hrsg. von. A. Eichler. – Chemnitz, 2008. – S. 171 - 180, S. 171 - 172.

⁵ Tagebuchaufzeichnungen des Stellmachermeisters Gustav Schlaffke aus Beichau, Kreis Militschi i. Niederschles. S. 423.

⁶ Röhl K. R. Verbotene Trauer. Ende der deutschen Tabus / K. R. Röhl. – Berlin: Universitas, 2002. – 238 S., S. 154.

⁷ Piskorski J. M. Op. cit. S. 20 - 21.

⁸ Terpitz W. Op. cit. S. 59.

⁹ Krutein E. Op. cit. S. 19.

Средств передвижения не только не хватало, особенно бедному населению, но они часто не могли обеспечить скорость, достаточную, чтобы обогнать фронт. Многие жители сел и небольших городов ехали на телегах и санях, а значит в любой момент могли оказаться в зоне боев.¹ Стоит ли упоминать, что в особой опасности были передвигавшиеся пешком.² Автотранспорт или поезда давали больше шансов вовремя уехать на запад, хотя и приходилось часто использовать товарные поезда, без отопления, без условий для пассажиров.³ Но самым тяжелым стало то, что как автомобильные, так и железные дороги быстро переполнились, вызвав столпотворение.

Дороги были наводнены не только транспортом беженцев, но и машинами военных.⁴ По воспоминаниям военные оттесняли беженцев на обочину. А ведь выбиться из общего потока повозок или перевернуться означало, что назад уже почти невозможно вклиниться.⁵ На железной дороге поезда с беженцами также ожидали, пока пройдут составы вермахта.⁶ Это стало сильно раздражать, когда потеряло военный смысл. Если беженцы так и не успевали на запад, они, как и оставшееся население, могли оказаться в зоне боевых действий.

Военные действия на населенных территориях, так или иначе, предполагают угрозу для жизни мирных граждан, в особенности в такой разрушительной войне как вторая мировая. Советские войска, в основном, наносили удары на земле, а западные союзники с воздуха, население же страдало и в том, и в другом случаях. Особенно часто погибали жители поселений, оказавшихся на линии огня. Беженцы сами вынуждено подвергали себя опасности, используя для передвижения транспорт вермахта. Так, В. Терпитц вспоминает, как присоединили автомобиль беженца к артиллерийскому орудию.⁷

¹ Bericht des Kreisoberinspektors Gustav Zolker aus Namslau i. Niederschles. S. 414.

² Erlebnisbericht der Regierungsangestellten Elisabeth Erbach aus Breslau. S. 442.

³ Sommer R. Op. cit. S. 239.

⁴ Erlebnisbericht der Pastorenfrau Annemarie Glück aus Filehne, Kreis Czarnikau i. Posen. S. 376.

⁵ Ropertz I. Op. cit. S. 70 - 72.

⁶ Braun G. Op. cit. S. 101.

⁷ Terpitz W. Op. cit. S. 63.

Около 2,5 млн. беженцев не ехали, а плыли на запад из балтийских портов Пиллау, Фришес Хафен, Хела. Беженцев зачастую брали военные корабли, а ведь они подвергались атакам советских подлодок. Печально известен подрыв советскими подводниками судна «Вильгельм Густлофф», тогда погибло 5000 человек.¹ На территориях, где не было военных действий беженцам и мирному населению часто приходилось переживать воздушные тревоги.² Прятались, как правило, в погребах и подвалах. В городах, которые бомбили англичане и американцы, сосредоточились в то время огромные массы беженцев. Так, разрушительным бомбардировкам подверглись 13 февраля 1945 г. - Дрезден, 10 марта - Данциг, а 12 марта - Свинемюнде. В последнем две трети города превратились в руины.³ Тогда в Свинемюнде было 30 тыс. беженцев и еще прибывало около 40 тыс., 8-й американский воздушный флот сбросил на город 700 авиабомб. Погибло 7 кораблей с беженцами, один большой пассажирский пароход «Cordillera». Жертвами здесь стали 22 тыс. человек.⁴

Опасность для немецкого населения востока Рейха могли нести и встречи с советскими солдатами на занятых Красной Армией территориях. Население еще до вступления советских войск с ужасом ожидало их приближение, как уже отмечено выше, не последнюю роль здесь сыграла пропаганда. Так, женщина вспоминает, что она тогда будучи маленькой девочкой по нацистским плакатам представляла советских солдат с ножами в зубах и клыками.⁵ Этот образ усугубился преступлениями некоторых солдат, о которых население узнавало от беженцев.⁶ Безусловно, немцы упоминают о том, что не все советские

¹ Düring O., Engel H-U., Kusch F., Lützkendorf H., Richter W. Flucht und Vertreibung. Schicksale der Pommern, Ostpreußen, Schlesier und Sudetendeutschen // 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung...als der Exodus begann. Augenzeugen berichten / hrsg. von H.-U. Engel. – Düsseldorf: Walter Rau Verlag, 1985. – 153 S., S. 100 – 130, S. 107 - 112.

² Trenkmann K. Op. cit. S. 56 – 59.

³ Terpitz W. Op. cit. S. 85 - 87.

⁴ Röhl K. R. Verbotene Trauer. Ende der deutschen Tabus / K. R. Röhl. – Berlin: Universitas, 2002. – 238 S., S. 165 - 166.

⁵ Kittel H. Für meine Enkel // Vertreibung aus dem Osten. Deutsche und Polen erinnern sich / hrsg. von H.-J. Bömelburg. – Olsztyn: Borussia, 2006. – S. 64 – 75, S. 65 – 66.

⁶ Sommer R. Op. cit. S. 235 – 236.

солдаты были жестоки с мирным населением, но воспоминания о страданиях встречаются часто. Все же некоторые очевидцы связывали грабежи и насилие не столько с советскими солдатами, сколько с идущими за ними бандитами.¹

Итак, жертвенный образ населения востока Рейха сложился под влиянием тяжелых событий при бегстве немцев на запад и пребывании на территориях, где велись боевые действия. Пережитые страдания и лишения лишь роднят немецкое население восточных территорий с мирными гражданами Восточной Европы, испытавших страдания при оккупации их стран силами вермахта. Нельзя преуменьшать человеческие страдания немцев в войну, но и представление их исключительными или самыми тяжелыми также несправедливо.

¹ Erlebnisbericht des Photographen Josef Buhl aus Klodebach, Kreis Grottkau, Oberschles. Photokopie. 1946/47 // Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Erster Band / hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene. – Berlin: Grenzland-Druckerei Rock, 1953. – S. 433 – 437, S. 433.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдони娜 Наталья Сергеевна	аспирант, факультет журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ E-mail: natochka1987@mail.ru
Абилова Рамина Олеговна	студент Института истории К(П)ФУ E-mail: ramina.abilova@gmail.com
Авшалумова Л. Х. Адамов Михаил Алексеевич АденинъА	ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный университет, г. Махачкала К.и.н, преподаватель церковно-исторических дисциплин, Курская православная духовная семинария Студент КНИТУ E-mail: neyuadebayo@gmail.com
Алексеев Виктор Владимирович	Доцент, кандидат ист. наук, кафедра истории института переподготовки и повышении квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова E-mail: morehod800@rambler.ru
Андреев Андрей Аникин Д.А.	Студент КНИТУ Саратовский Государственный Университет им. Н.Г. Чернышевского E-mail: dandee@list.ru
Ануфриева Анастасия Владимировна	Аспирант кафедры искусствоведения, Национальный Исследовательский Иркутский государственный технический университет. E-mail: anastasia2503@rambler.ru
Байкин Станислав Анатольевич	Аспирант кафедры социологии, Саратовский государственный университет им.Н.Г.Чернышевского E-mail: fama@nm.ru
Баканов Павел Павлович	Студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7
Беглиев Энвер	Студент КНИТУ, Туркмения

Беляева Мария Алексеевна	к. пед. н., доцент, кафедры истории и социальной работы, Уральский государственный педагогический университет, Институт социального образования, г. Екатеринбург E-mail: marysia@mail.ru
Блохин Виктор Николаевич	аспирант, магистр исторических наук, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, кафедра педагогики, психологии и социологии E-mail: vik-1987@bk.ru
Болдырев Роман ладимирович	Студент, исторический факультет, кафедра истории и юриспруденции, Липецкий Государственный педагогический университет, г. Липецк E-mail: skull-ucoz@yandex.ru
Бочарова И. А. Буреева Елена Викторовна	ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный университет, г. Махачкала кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и культурологии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет. E-mail: bureeva79@mail.ru
Виленский Антон Габдрахманова Елена Владимировна	Студент КНИТУ Старший преподаватель, кафедра изобразительного искусства и дизайна, КФУ Институт филологии и искусств E-mail: akyla66@inbox.ru
Гайденко Павел Иванович	Д.и.н., доцент КГАСУ E-mail: paul03kaz@rambler.ru
Галедек Михал Галимов Тэймур Рустэмович	Гданьский университет, Польша Аспирант, Казанский государственный архитектурно-строительный университет. E-mail: galimov_t_r@mail.ru
Гарцев Андрей Сергеевич	Студент Нижегородского государственного педагогического университета им. Кузьмы Минина
Гатаулина Гузель Шариповна	студент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Гедзь Кирилл Николаевич	Аспирант, кафедра социальной философии, философский факультет, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет E-mail: gedz_kirill@mail.ru

Гезалова Еяна Хафизовна Гибадуллина Резеда Наилевна Голдобина Лидия Анатольевна	К.и.н., с.н.с., Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана. E-mail: ygezalova@gmail.ru профессор, к.и.н., Казанский государственный энергетический университет. E-mail: rezedagibadulina@mail.ru к. филос. н., доцент кафедры «Философия», Ульяновский государственный технический университет E-mail: savvo4@rambler.ru
Голотин Александр Валерьевич Горелова Ирина Анатольевна Гринченко Яна Сергеевна	Аспирант кафедры Истории Отечества (Ульяновский ГУ) Соискатель кафедры философии Курского государственного медицинского университета. E-mail: igor@r46.ru К.и.н, ст. препод. каф. Истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета
Гущина Елена Геннадьевна Гъркова Веселка Василева	Ст. хранитель фондов Этнографического музея Казанский (Приволжский) Федеральный Университет главный ассистент и д-р филологии Исторического факультета Софийского университета "Св. Климент Охридски", Болгария. E-mail: zzaf@abv.bg
Даутова Динара Фирдинантовна	Студент, КФУ Институт филологии и искусств, кафедра изобразительного искусства и дизайна
Десяткова Ольга Владимировна Дианова Елена Васильевна	Кандидат культурологии, доцент, Вятский Государственный Университет, г. Киров E-mail: olgadesatkova@yandex.ru К.и.н., доцент, Петрозаводский государственный университет E-mail: Elena-dianova@yandex.ru
Дурновцев Валерий Иванович	Д.и.н., профессор Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин РГГУ, Москва
Ершова Гузель Николаевна	Аспирант кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ

Ершова Юлия Николаевна	Е-mail: ershova104@mail.ru Асп., ст. препод. ЗИМИТ, КНИТУ им. Туполева
Закиев Мирфатых Закиевич	Е-mail: ershova1985@mail.ru д. филолог. Наук., Академик Академии Наук Республики Татарстан
Захарченко Ольга Николаевна	Магистрант, Северо - Кавказский федеральный университет Е-mail: okabyaka@mail.ru
Иванов Антон Юрьевич	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Е-mail: kgd2006@list.ru
Иванов Андрей Валерьевич	К.и.н., доцент, Казанский юридический институт МВД РФ
Ильязова Рената Витальевна	Студент, Ульяновский государственный педагогический университет Е-mail: rena.ilyazova@mail.ru
Исаева Камила Махмуджоновна	Студент, Философский факультет, отделение психологии, Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан. Е-mail: fetaliika@mail.ru
Калинин Владимир Сергеевич	Курсант, кафедра гуманитарных дисциплин, Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний. Е-mail: nauka@vui.vladinfo.ru
Каркина Светлана Владимировна	Ст. препод. Кафедры музыкального искусства, институт филологии и искусств Е-mail: s.karkina@mail.ru
Карпов Алексей Валентинович	к. и.н., доцент кафедры архивоведения и документоведения, историко-географический факультет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
Квасны Михал (Kwaśny Michał)	Гданьский университет, Польша
Козлов Вадим Евгеньевич	к.и.н., доцент, кафедры археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет Е-mail: vadim.kozlov@list.ru
Кончакова Елизавета Михайловна	Студент, исторический факультет, кафедра истории и теории культуры, Липецкий Государственный педагогический университет, г. Липецк

Коршунова Ольга Николаевна Кравцова Елена Сергеевна Крайсман Наталья Владимировна Красильникова Екатерина Ивановна Кузьмина Виолетта Михайловна	<p>E-mail: kowkaforever@yandex.ru</p> <p>Зав. Кафедрой, д.и.н., профессор, КНИТУ, кафедра гуманитарных дисциплин E-mail: kgd2006@list.ru</p> <p>Д.и.н., доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета E-mail: elenakravcova@yandex.ru</p> <p>К.и.н., доцент ИЯПК КНИТУ E-mail: n_kraysman@mail.ru</p> <p>К.и.н., доцент кафедры Истории и политологии, Новосибирский государственный университет E-mail: katrina97@yandex.ru</p> <p>Доцент кафедры психологии и педагогики, канд. ист. наук, Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета E-mail: Kuzmina-violetta@yandex.ru</p>
Кукарцева Марина Алексеевна Кураков Дмитрий Владимирович Лазновская Галина Юрьевна	<p>Д. филос. н., проф. кафедры Политологии и политической философии, Дипломатическая Академия МИД РФ</p> <p>студент, Исторический факультет, Нижегородский государственный педагогический университет</p> <p>К.и.н., преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, НОУ ВПО филиал Института профессиональных инноваций, г. Волгоград E-mail: blonka@yandex.ru</p>
Ланской Григорий Николаевич Лашевская Анжелика Дмитриевна	<p>Д.и.н., профессор, РГГУ, Москва</p> <p>аспирант кафедры Теоретической и прикладной социологии, Уральский Государственный Педагогический Университет E-mail: a.lashevskaya@gmail.com</p>
Лейбова Екатерина Константиновна а Леонов Михаил Иванович Люсый	<p>Доцент, кандидат педагогических наук, кафедра отечественной истории, Новосибирский государственный педагогический университет E-mail: memorika@rambler.ru</p> <p>д.и.н., проф. Самарского государственного университета</p> <p>Старший научный сотрудник, Российский НИИ</p>

- Александр Павлович** культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева и Российский институт культурологии
E-mail: allyus1@gmail.ru
- Макаров Виктор Александрович** К.и.н., с.н.с. Российской Национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург
E-mail: vickt.mackarov2014@yandex.ru
- Мамедова Назиля Беюк-Агаевна** научный сотрудник Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: ygezalova@gmail.ru
- Масалимов Рияз** К.и.н., доцент Социально-гуманитарный институт Бирской академии БашГУ
E-mail: riazmass@yahoo.com
- Масалова Ольга Алексеевна** Директор Этнографического музея Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань
- Матюшин Петр Николаевич** К.и.н., доцент кафедры архивоведения и документоведения, историко-географический факультет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
E-mail: pet316@yandex.ru
- Махмутова М. М.** Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: madinakazan@mail.ru
- Мегилл Аллан** Профессор университета штата Вирджиния, США
- Михалак Марцин** Гданьский университет, Польша
- Мингазов Ильдар Эльбрусович** Студент, КФУ Институт филологии и искусств, кафедра изобразительного искусства и дизайна
- Мир-Багаридзе Фарида Алтай кызы** С. н. с. отдела «Теоретические и прикладные проблемы эстетики», доцент, Институт Философии, Социологии и Права Национальной Академии наук Азербайджана
E-mail: samiramb777@mail.ru
- Мир-Багирзаде Самира Алтай кызы** кандидат филологических наук, доцент, с.н.с. отдела «Проблемы религиоведения и философии культуры, Институт Философии, Социологии и Права Национальной Академии наук Азербайджана.
E-mail: samiramb777@mail.ru

Миронов Григорий Юрьевич	Аспирант, Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону), кафедра исторической политологии, E-mail: grigmironov@yandex.ru
Москвитин И. Музафаров Ильдар Ильфикович	Студент КНИТУ Студент, Казанский юридический институт МВД РФ.
Мусина Карина Ирековна	Доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна; заслуженный архитектор РТ, Институт филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Мусина Лиана Александровна	Студент, Институт Истории, ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» E-mail: pusechka1993@mail.ru
Мустафаева Лейлихан Бабаевна	Студентка, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Дербент E-mail: GSEIDOVA@RAMBLER.RU
Мухамадеева Айгуль Альбертовна	Соискатель кафедры Отечественной и зарубежной истории, Казанский государственный университет культуры и искусств
Набиев Ринат Ахметгалиевич	Д.и.н., проф. Зав. каф. политической истории Казанский (Приволжский) федеральный университет
Нагодкина Светлана Андреевна	аспирант кафедры истории нового и новейшего времени, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru
Надеева Диана Борисовна	Студент КНИТУ
Надеева Марина Иосифовна	Д. пед. н., проф. КНИТУ E-mail: marina_nadeeva@bk.ru
Назарова Марина Григорьевна	К. филос. н., кафедра гуманитарных дисциплин, Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru

Насибуллина Эльвира Маратовна	студент, Социально-гуманитарный институт Бирской академии БашГУ E-mail: istfak10@mail.ru
Несмелов Олег Владимирович	Д. и. н., Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru
Никифоров Александр Леонидович	Д. филос. н., проф., Институт философии РАН
Нцуму Рют Шельтон	Студент КНИТУ, Конго-Бразавиль
Овчинников Александр Викторович	к.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Орлов Андрей Сергеевич	соискатель кафедры религиоведения и теологии, Философский факультет, Орловский Государственный Университет. E-mail: orlov-orl@mail.ru
Пазин Роман Викторович	Аспирант кафедры Российской истории, Самарский Государственный Университет E-mail: PazinRV@gmail.com
Пичугин Андрей Борисович	Соискатель кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ. E-mail: kgd2006@list.ru
Погосян Арсен Арменович	Студент кафедры Теории и истории культуры (Хабаровский государственный институт искусств и культуры)
Поддубная Александра Антоновна	Магистрант кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Поливанов Ярослав Мстиславич	К.и.н., доцент гуманитарных дисциплин КНИТУ. E-mail: kgd2006@list.ru
Постников Сергей Васильевич	К. п. н., доцент, ВА материально-технического обеспечения Минобороны России, г. Вольск
Проценко Юлия Александровна	Студент кафедры Теории и истории искусств (Белгородский государственный институт искусств и культуры), г. Белгород
Разуваева Юлия Сергеевна	Студент КНИТУ E-mail: julianner@mail.ru

Рева Екатерина Константиновна	К. филол. н., доцент кафедры журналистики, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского E-mail: ekaterina.re@rambler.ru
Руденко Кристина Петровна	Студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7
Сайфутдинова Гузель Борисовна	К. и. н., кафедра истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Салимгареев Максим Владимирович	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
<u>Салмина Дарья</u> <u>Сергеевна</u>	студент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Сергеева Зульфия Харисовна	к. социол. н., доцент, кафедра ГМУС КНИТУ E-mail: sasergeev1@rambler.ru
Сергеев Сергей Алексеевич	д. полит. н., проф., кафедра СПК, КНИТУ E-mail: sasergeev1@rambler.ru
Страхов Леонид Витальевич	Студент, Воронежский государственный университет, исторический факультет, кафедра истории России
Стрекалов Илья Николаевич	Студент, МГУ им. М.В. Ломоносова E-mail: strek93@mail.ru
Синицина Наталья Алексеевна	Кандидат социологических наук, доцент, НОУ ВПО «Северо- Кавказский социальный институт», юридический факультет, кафедра истории и государственного права E-mail: sinicina3112@mail.ru
Сеидова Гюльчохра Надировна	Доцент, кандидат философских наук, Заслуженный учитель РД, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Дербент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин E-mail: GSEIDOVA@RAMBLER.RU
Суслов Алексей Юрьевич	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru

Суслова Раиса Анваровна	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Тарабрина Ольга Александровна Титова Татьяна Алексеевна	К.и.н., профессор Академии военных наук д.и.н., проф., кафедра археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: tatiana.titova@rambler.ru
Трегубенко Илья Александрович Freeman Harold S.	Аспирант, РГПУ им. А. И. Герцена E-mail: ia1223@yandex.ru
Фриман Гарольд . Фролова Елена Валерьевна	Проф. университета штата Северная Каролина, США К.и.н., доцент кафедры социально-политических дисциплин, Институт экономики, управления и права, г. Казань. E-mail: frolova@ieml.ru
Фролова Анна Николаевна	Старший лаборант, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7 E-mail: fagot_stuff@mail.ru
Хамидуллина Аделя Ильмировна Хамматов Шамиль Сабитуллаевич Хаплекхамитов Рафаил Бикбулатович Хуторова Людмила Михайловна	К.и.н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, институт истории, кафедра археологии и этнологии К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru к. и. н., Институт педагогики и психологии РАО E-mail: kpj07@mail.ru
Черёмушников а Евгения Андреевна	К. и. н., доцент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет E-mail: hutorovalyd@mail.ru аспирант, ФГОУ ВПО Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт Конфуция E-mail: calipso.89@mail.ru

- Черёмушников
а Ирина
Кабдрахимовна** Д.филос. н., доцент кафедры истории и культурологии, ГБОУ ВПО Волгоградский Государственный медицинский университет,
E-mail: inhaabitus@mail.ru
- Черепанов
Михаил
Валерьевич** Заведующий Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны 1941-1945гг. в Казанском Кремле, член-корреспондент Академии Военно-исторических наук, лауреат Государственной премии РТ
E-mail: echovoyni@ya.ru
- Чернов
Олег
Александрович
Чикишева
Анна
Сергеевна** К.и.н., доцент кафедры Отечественной истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия аспирант, научный сотрудник, Российский институт культурологии, сектор исследований медиакультуры
E-mail-anna.chikisheva@gmail.com
- Швайко
Наталья
Алексеевна
Ширханян
Саргис
Сербович** Аспирант кафедры Теории и истории культуры, Хабаровский государственный институт искусств и культуры
Магистрант, бакалавр политических наук, Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван. Институт политики и права.
E-mail: sagshir@gmail.com
- Шпайер М.** Гданьский университет, Польша
E-mail: maikszpajer@wp.pl
- Шульмин
Алексей
Александрович
Яковлева
Елена
Людвиговна** Аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, КНИТУ
E-mail: kgd2006@list.ru
кандидат культурологии, доцент кафедры философии, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
E-mail: mifoigra@mail.ru
- Яковлев
Константин
Алексеевич** Студент КНИТУ

SUMMARY

Collected articles contains the articles of International Youth Scientific School «Historical Memory and Dialogue of Cultures» which took place at Kazan National Research Technological University (Russia) 22 May 2012 – 19 September 2012. Texts of reports and articles were received from the representatives of 12 states. Complex problems of the formation and the content of historical memory, the correlation of historical myths and reality, dialogue of cultures at the time of globalization are in the focus of author's attention. Majority of participants of Scientific School are the young people up to 35 years old.

Plenary report and article of professor V.I. Durnovtsev (Moscow) are focusing on representation of historical memory and historical consciousness in the theoretical, methodological and historiographical practices. Polish scientists M. Michalak and M. Galedek have devoted their researches to the interaction of cultures on materials of Danzig. Allan Megill, professor at University of Virginia, USA has given the fundamental analysis of history, memory and identity correlations in his article.

The memory about the Great Patriotic War stands as an independent subject of collected articles materials and reports on the Conference. It is the problem of mythologize and adulteration of the war image, formation of historical memory about it in Germany and Russia.

In the section “*Content of historical memory*”, the report about electoral statistics as the source of historical memory reflection of modern Russian elector, about the fortune of historical sites and forms of historical memory preservation in the country was presented alongside with the reports on the problems about cultural and historical preservation heritage and historical sites. These topics are combined with genealogical respective of study and preservation of historical memory, with reports about the role of museums in the images of the past translation, about the family photograph as the source of historical memory.

In the section “*Ethnic memory and dialogue of cultures at the era of globalization*” not only the theoretical component of dialogue of cultures and historical memory in modern age has received a very detailed reflection, but also the collision of cultures' interaction in the conditions of intensive migration, problems of ethnic minorities in the polyethnic city, national and cultural self-definition in modern Russia etc. Discourse of constructivism and primordialism was presented in the debate on the topic of ethnic memory.

As the great Russian historian V.O. Klyutchevskiy wrote: «if the history is capable to teach something, first of all, it is our consciousness, clear look at the present». We hope that the proposed collected articles will be the step forward in this direction.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 2. СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	3
Авдони́на Н.С. Политический конфликт и метаморфозы исторической памяти.....	3
Адамов М.А. Протестное движение учащиеся духовных семинарий второй половины XIX – начала XX вв.: переосмысление некоторых положений советской историографии.....	12
.....	
Болдырев Р.В. Жизнь Великого Новгорода эпохи Смуты сквозь призму Новгородского оккупационного архива.....	19
.....	
Бочарова И.А., Авшалумова Л.Х. Историческая память дагестанской семьи.....	29
Габдрахманова Е., Мингазов И.Э. Сохранение национального достояния и архитектурного наследия в РТ (на примере дома Фукса, Казань).....	31
Гайденко П.И. Церковная титулатура в домонгольской Руси: историко-культурные параллели.....	36
Гезалова Е.Х., Мамедова Н.Б. Место и роль научной школы академика Я.М. Махмудова в изучении истории средневековой дипломатии.....	46
Голдобина Л.А. Память как способ удержания глобальной культурной целостности.....	53
Даутова Д.Ф. Деревянное зодчество как феномен национально-культурного наследия.....	62
Дианова Е.В. Частушка как отражение исторической памяти народа.....	65
Ершова Г.Н., Ершова Ю.Н. Генеалогия как память: из	

истории семьи.....	73
Закиев М.З. К истории открытия 1000-летия г. Казани.....	78
.....	
Ильзова Р.В. Исторический роман, как источник исторической памяти.....	83
Калинин В.С., Назарова М.Г. Историческая память и диалог культур на современном этапе развития российского общества.....	88
Карпов А.В. Материалы электоральной статистики как источник отражения исторической памяти современного российского избирателя.....	98
Кончакова Е.М. Судебно-правовая система Великого Новгорода XVII в. как результат синтезирования русских и западноевропейских традиций.....	101
Кравцова Е.С. К вопросу о сохранении исторической памяти о деятельности по крестьянским делам присутствий.....	110
.....	
Красильникова Е.И. Празднование годовщин Первой русской революции в городах -административных центрах Западной Сибири (20–30-е гг. XX в.): коммеморативный аспект.....	115
Кузьмина В.М. Творчество художников Центрально-Черноземного региона как один из источников исторической памяти интеллигенции о модернизационных преобразованиях советской власти.....	125
Лазновская Г.Ю. Россия и Франция: исторические образы (путешествия русской интеллигенции во Францию во второй половине XIX в.).....	131
Ланской Г.Н. Архивно-документальная база истории советской исторической науки: проблемы изучения.....	140

.....	
Лейбова Е. К. Историческая память о прошлом региона как одно из направлений исследовательской работы старшекласников.....	148
.....	
Матюшин П.Н. Террор и общество: массовое восприятие политических репрессий 1937-1938 гг. в контексте исторической памяти (штрихи к постановке проблемы).....	155
.....	
Музафаров И.И. Мифы о Петре I.....	163
Мусина Л.А. Миф об Иване Грозном и историческая реальность.....	166
....	
Мустафаева Л.Б. Россия в мировом геополитическом пространстве.....	173
Насибуллина Э.М., Масалимов Р.Н. Молодежное движение в Поволжье и на Урале на заре советской власти: опыт переосмысления.....	180
Несмелов О.В. Политические ребусы Второй мировой войны.....	190
Никифоров А.Л. Историческая память и Великая Отечественная война	198
Нцуму Р. Ш. Историческая память и способы ее сохранения в Конго.....	207
Овчинников А.В. Образы и понятия «прошлого»: к проблеме социальных механизмов конструирования исторической памяти.....	210
Орлов А.С. М.О. Меньшиков: два мифа об одной личности.....	222
.....	
Пазин Р.В. Эволюция образа П.А. Столыпина и его реформ в исторической памяти.....	230
Поддубная А.А. Режим Виши: динамика исторической памяти и развитие историографии.....	240

Проценко Ю.А. Историческая и культурная память в пространстве исторического сознания.....	249
Сергеева З.Х., Сергеев С.А. Трудовая этика и историческая память.....	257
Синицина Н.А. Основные составляющие исторической памяти: социологический анализ.....	269
Стрекалов И.Н. Развлекательное кино Великобритании: история, традиции, образы героев.....	278
Суслов А.Ю. Историческая память и оппозиционные социалистические партии в советской России.....	284
Суслова Р.А. Историческая память и проблема национально-культурной самоидентификации.....	297
Тарабрина О.А. «Новая женщина» – борьба с историческим прошлым.....	301
Титова Т.А., Гущина Е.Г., Масалова О.А. Этнографический музей Казанского университета во второй половине XX в.: особенности функционирования...	309
Титова Т.А. Ассирийское население Казани.....	320
Трегубенко И.А. Значимые события в исторической памяти личности.....	325
Хамматов Ш.С., Яковлев К.А. Генеалогия: история дворянской династии Геркенов.....	328
Черепанов М.В. Вероломное нападение: исторические мифы и реальность.....	332
Чернов О.А. Русско–турецкая война 1877–1878 в эпистолярном наследии Н. В. Чарыкова.....	339
Полунин Е.С. Историческая память о судьбе населения восточных земель III Рейха в 1944-45 гг... Сведения об авторах.....	344 352
SUMMARY	364

Ответственный за выпуск проф. О.Н. Коршунова

Обложка: Васильев К.А. «Струна» (1963 г.)

Лицензия № 020404 от 6.03.97 г.

Подписано в печать 13.02.13

Формат 60×84/16

Бумага офсетная

Печать Riso

21,39 усл. печ. л.

23,0 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз.

Заказ

«С» 9

Издательство Казанского национального исследовательского
технологического университета

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

420015, Казань, К.Маркса, 68